

Джордж Фрэнсис Доу

История работорговли. Странствия невольничьих кораблей в Атлантике

Читателю

Читай эту книгу и вообрази
Африканский континент и море в тропиках;
Широкое взморье, где шумят большие волны,
Где голоса морские птицы и парят стервятники;
Высокие пальмы, что гнутся и вздыхают,
Отбрасывают тени на лежбища рабов;
Леса в испарениях и тихие лагуны,
Черных людей, изнемогающих от зноя;
Брутальных капитанов и негритянских вождей,
Сумеречное треньканье ножных и ручных браслетов;
Мутные реки, где укрываются черные суда
Среди манговых деревьев – на якорной стоянке;
Бриг и шхуну, парусное судно,
Отходящее от берега с выбранным якорем,
Направляясь на полных парусах на Запад,

Часто бросая за борт грузы
На корм морским хищникам,
Которые курсируют на путях перевозки невольников;
Застывшие в море праздные корабли
Вдоль широтных линий;
Страны Запада, где «король – хлопок»,
А рыночный ажиотаж вызывается доставкой рабов.
Эрнест Г. Пентекост

Вступление

«Вслед за пиратами расскажи мне о работорговцах», – попросил парень. Капеллан, который заведовал морской часовней в отдаленном восточном порту, обнаружил, что молитв, проповедей и псалмов недостаточно, чтобы удерживать внимание морской паствы. Тогда он сделал больший упор на истории с моральным подтекстом. Читал их, когда день склонялся к сумеркам, времени, в которое черти из преисподней, говорят, наиболее активны. Вместо достижения желанного эффекта он с сожалением отметил, что его конгрегация уменьшилась до ничтожного количества слушателей. Остальные, как он не без основания опасался, поспешили в те самые притоны, от которых ему хотелось их отвадить. Бедный падре понял наконец, что теряет почву в борьбе со злом. Он последовал совету стародавнего мореплавателя, который, услышав, как пастор рассказывает подобного рода историю своим братьям-морякам, сказал: «Падре, почитайте им рассказы о пиратах, работорговцах и разбойниках, и вы увидите, как ваша часовня наполнится народом».

Несмотря на то что пиратов, работорговцев и разбойников мы считали в детстве «дерзкими, злобными, нехорошими людьми», время милостиво придало этим бессовестным парням романтический ореол, который они совсем не заслуживают. Тем не менее нам нравится читать об их авантюрах.

Нет свидетельств тому, что пираты и разбойники когда-либо считались достойными людьми. Тогда как работорговля вплоть до начала XIX века рассматривалась как вполне легальный бизнес. Она воспринималась как любой другой вид торговли. Вполне вероятно, что человек был по натуре работорговцем. В те далекие времена, когда ему приходилось впрягаться в транспортное средство, он, когда совершал переход, заставлял тащить его за себя какое-нибудь несчастное животное.

Через десять лет после открытия островов Вест-Индии испанцы стали

посылать рабов-негров выполнять в своих новых владениях тяжелые работы, для которых коренные жители оказывались непригодными. Хотя работорговлей занимались все морские державы Европы, Англия, согласно некоторым источникам, за два с половиной столетия вывезла с африканского побережья вдвое больше негров, чем все другие страны, вместе взятые.

Жизнь стоила дешево в перенаселенной Африке, где процесс воспроизводства людей отличался быстротой и непрерывностью. Природа осуществляла свое «право сильного» без помех. Неизменный закон «ешь или съедят тебя» действовал там повсюду.

В отчете о миссии в Гвинею капитана Джона Лока от 1555 года негры характеризуются как «люди на стадии животного существования, не признающие Бога, закон, религию или общее благо, лучи солнца их так опаляют, что во многих местах проклинаят его восход».

В 1568 году капитан Джон Хокинс помог трем королям-неграм захватить негритянский город. Хроникер Джон Хартоп повествует: «Мы увели оттуда для отправки в Вест-Индию пять сотен негров. Три вождя пригнали морем семь тысяч негров по мелководью к тому месту побережья, где их всех засосала тина, поскольку они не могли воспользоваться для своего спасения каноэ».

Книга капитана Уильяма Снелгрейва, опубликованная в 1734 году под названием «Новые данные о некоторых территориях Гвинеи и работорговле», содержит любопытную информацию о жизни и смерти негров. Капитан пишет: «В свои молодые годы я вел торговлю во многих пунктах этого торгового пути, особенно – в Старом Калабаре, где в 1704 году наблюдал печальный пример варварства. Заболевший местный царек по имени Джабру приказал по совету своих колдунов принести ребенка десяти лет в жертву его богу ради выздоровления. Я видел, как убитого ребенка подвесили на суку дерева, привязав рядом живого петуха в дополнение к ритуалу».

В 1727 году капитан Снелгрейв вместе с другими белыми спутниками посетил лагерь короля Дагомеи через несколько недель после того, как этот вождь завоевал территорию племени Вида. Вскоре после их прибытия к ним подошел гонец, приглашая пройти к вождю. «Мы пошли, – продолжает капитан, – и увидели по пути два больших помоста, заваленные мертвыми мужскими головами ужасного вида. От них исходил невыносимый смрад. Переводчик объяснил нам, что это головы четырех тысяч соплеменников Вида, которых дагомейцы принесли в жертву своему богу». Белые люди видели другие отвратительные сцены, включая жертвоприношения многих мужчин, женщин и детей. Переводчик пояснял, что «голова пленника –

жертва вождю, кровь – для фетиша, а тело – людям».

И такие убийства продолжались все время. Кровавые боины происходили в Бенине даже в 1897 году, когда англичане захватили эту территорию.

Число африканцев, вывезенных в обе Америки и в Вест-Индию за три с половиной столетия перевозки рабов, вероятно, сильно уступало числу людей, насильственно преданных смерти разными способами на влажном побережье, с его кровавыми бойнями, похотью и громом тамтамов. Этот писатель еще в молодости встретил в южноафриканском порту старика, прожившего много лет среди зулу. На вопрос, как те оценивали потери в людях во время битвы при Исандхлвана, он ответил: «Зулу ведут учет не соплеменников, но голов своего скота, который, подобно другим африканским племенам, считают более ценным, чем людей».

Капитан Снелгрейв, работорговец с большим опытом, находит несколько слов в оправдание торговли:

«Что касается причин обращения этих людей в рабов, то их можно подвести под следующие несколько параграфов.

1. С незапамятных времен среди негров существует обычай обращения в рабство всех пленников, захваченных на войне. До того как они получили возможность продавать белым людям пленников, им приходилось убивать последних в больших количествах. Так много людей негры не могли использовать на своих собственных плантациях из опасения, что те восстанут и будут угрожать безопасности своих владельцев.

2. Большинство преступлений у них наказывается штрафами. Когда преступник не располагает средствами заплатить штраф, он продается в рабство. Такова практика как жителей континентальной части Африки, так и побережья.

3. Должники, которые отказываются платить долги или неплатежеспособные, подлежат обращению в рабство. Однако друзья могут выкупить их, а если не смогут или не пожелают этого сделать, то тогда их продают совсем к выгоде кредиторов. Но в руки европейцев попадали немногие из таких – их использовали соплеменники для собственных нужд.

4. Мне говорили, что некоторые континентальные обитатели имеют обыкновение продавать в рабство своих детей, хотя к этому их никто не принуждает. Я склонен верить в это, но никогда не замечал, чтобы это практиковали жители прибрежных районов, если их не вынуждали поступать так крайняя нужда и голод, как это случилось позднее с племенем вида.

Сейчас таким образом становятся рабами многие негры, особенно попавшие в плен во время войны. Число последних столь значительно, что можно смело утверждать без всяких преувеличений, что представители всех

европейских стран, заключившие торговые сделки на побережье Гвинейского залива, в некоторые годы вывозили оттуда по меньшей мере по семьдесят тысяч негров. Вначале это число, несомненно, может показаться невероятным. Тем не менее, если принять во внимание протяженность побережья, которая составляет 4000 миль от островов Зеленого Мыса до Анголы, а также распространенную среди аборигенов полигамию, способствующую обилию населения, то, надеюсь, не покажется удивительным, что отсюда ежегодно вывозится так много рабов.

Против законности такой торговли часто выдвигаются возражения, которые я не стану опровергать. Замечу только, что, хотя торговля людьми может на первый взгляд показаться варварской, аморальной и противоестественной, тем не менее работорговцы могут привести в свое оправдание самый веский аргумент представителей всех видов торговли – выгоду. И это относится не только к купцам, но и к самим рабам, что подтверждают нижеследующие доводы.

Во-первых, очевидно, что множество людей, захваченных в плен во время войны, могли быть бесчеловечно уничтожены, если бы им не представилась возможность попасть в распоряжение европейцев. Таким образом, многие жизни весьма полезных людей, по крайней мере, были спасены.

Во-вторых, когда их привозят на плантации, им живется там гораздо лучше, чем в своих странах, поскольку плантаторы, заплатив за них высокую цену, заботятся о них.

В-третьих, обработка английских плантаций настолько улучшилась, что трудно поверить, как много выгод приобрела страна в связи с этим. Особенно это касается Сахарных островов, расположенных в зоне, близкой по жаркому климату к побережью Гвинеи: негры больше приспособлены к обработке земли на этих островах, чем белые люди.

Далее вопрос о преступниках среди негров. Таким способом их вывозят, чтобы никогда не возвращать. Мы здесь всегда мечтали о таком благе.

Словом, выгоды от такой торговли намного перевешивают как реальные, так и мнимые беды и неудобства. Но иногда преимущества, как показывает практика, представляют собой сочетание плюсов и минусов».

Однако согласно современной этике работорговля является злом и не может быть оправдана исходя только из экономической логики.

Филантропический раж аболиционистов, не многие из которых видели корабль с грузом рабов на борту, создал посредством преувеличений ложное впечатление об условиях содержания негров на такого рода торговых судах, обычно самых чистых и обустроенных. Общее представление об обращении с рабами на борту кораблей до отмены работорговли сильно отличается от того, что было на самом деле. В

действительности о рабах заботились гораздо больше, чем о свободных белых эмигрантах и других несчастных пассажирах до 20-х годов XIX века. Причина заботливого обхождения с рабами проста. Как и в торговле скотом: чем здоровее груз, тем выше прибыль. В случае же с несчастными белыми пассажирами, которым приходилось оплачивать свой проезд до высадки, наоборот, их скорая смерть приносила большую выгоду судовладельцам.

Вышеприведенные доводы подтверждают цитаты из работы доктора медицины Джорджа Пинкарда «Записки о Вест-Индии» (Лондон, 1906), написанной в 1795–1798 годах в форме писем к другу:

«Ты должен помнить, как давно и как сильно я желал попасть на торговые корабли, ходившие в Африку, чтобы лично познакомиться с манерой обращения с теми темнокожими, которых отрывает от родного дома железная рука коммерции для транспортировки в обитель рабства. И тебе будет приятно узнать, что очень скоро мне выпала возможность осуществить свое желание.

Североамериканский невольничий корабль, приписанный к Саванне в штате Джорджия, прибыл с гвинейского побережья как раз перед нашим входом в бухту (на Барбадосе) и стоял на якоре с грузом негров на борту очень близко от нас. Опасаясь, что он отправится в Америку, и не желая упустить первый представившийся случай удовлетворить распиравшее нас любопытство, капитан Клегхорн и я утром после того, как наш корабль бросил якорь, взяли лодку и отправились посетить судно из Гвинеи. Нам повезло – капитан и его помощник на судне встретили нас весьма любезно и доставили нам удовольствие, с готовностью отвечая на заинтересовавшие нас вопросы.

Груз включал 130 рабов, две трети которых составляли мужчины и одну треть – женщины. Представителей двух полов разделили перегородкой, или переборкой, сооруженной поперек корабля от борта к борту. Шкафут выделялся для мужчин, ют – для женщин. Большая часть рабов были молодого возраста – от десяти до восемнадцати лет. Мы с удовольствием отметили царившую здесь атмосферу бодрости и довольства. Лишь немногие были унылыми и подавленными. У рабов не было одежды, их опоясывали широкие ленты из голубой ткани с напуском спереди, служащим фиговым листом, какие носили наши прародители в благословенном саду Эдема.

Когда мы ходили среди них, они пялили на нас глаза с притворным любопытством. Некоторые из мальчишек, подобно светлокожим сверстникам, проявляли игривость и ужимки. Одна-две женщины, свободные от оков образования, бросали на нас ненароком выразительные

взгляды или подавали многозначительные знаки. У многих имелись клеймена на коже, сделанные, очевидно, режущим инструментом. Как выяснилось, это были метки народностей, к которым они принадлежали. Сточенные или заостренные кверху зубы у некоторых придавали им отталкивающее, зверское выражение. Они выглядели сытыми и здоровыми, хотя кое у кого на коже выступала сыпь, названная «кра-кра».

Койкой для рабов служила палуба. Разбитые на две группы, они покоились по ночам на голых досках: женщины – на палубе кормовой каюты, мужчины – на главной. В дневное время им не разрешалось оставаться там, где они спали. Их содержали главным образом на открытой палубе, где их заставляли делать упражнения и побуждали танцевать и веселиться под музыку их любимых банджо. Мы видели, как в танце они едва передвигают ноги, но выбрасывают вперед руки и совершают телодвижения непристойного характера. А их пение представляет собой дикие и свирепые выкрики, начисто лишённые мягкой тональности и гармонии, к тому же они громко голоса с хриплой монотонностью.

Едят рабы в основном рис, сваренный в обычной воде, – садятся вокруг большого плоского блюда на корточки, как обезьяны, запускают туда свои длани, чтобы ухватить пальцами горсть. Мы видели, как некоторые из них очищали рис от красной шелухи: надо было растолочь зерно в деревянных ступах деревянными же пестиками, достаточно длинными, чтобы стоять в полный рост, долбя ступу, которая стоит у ног. Хотя в их работе незаметно усердие, очевидно, что сам процесс доставляет им радость. Они бьют пестиком в такт песне и кажутся счастливыми.

Весьма рад завершить свой рассказ, проинформировав тебя о том, что мы не обнаружили следов тех жестокостей и ужасов, которые, как утверждают, практикуются на кораблях, занимающихся перевозкой живого товара, и так пугающе приумножают разнообразные несчастья рабства. Цепи, удары бичом и жестокости, видимо, не входили в арсенал средств, используемых при доставке несчастных африканцев к их американским владельцам. Мы, конечно, чувствовали себя неуютно, размышляя о позорной практике отношений между цивилизованными существами и менее культурными особями, но мы не были шокированы лицемерием жестоких проявлений тирании и бесчеловечности. Здесь рабам обеспечивались комфорт и здоровые условия существования.

Их привычка купаться в холодной воде всячески поощрялась. Сами они, как и весь корабль, содержались в исключительной чистоте. Рабы получали обильную пищу, а в дневное время рассеивались по кораблю для того, чтобы по возможности предотвратить их тесные нездоровые скопления. Поощрялись смех и веселье, физические упражнения. Заботились о том,

чтобы отвлечь рабов от грустных мыслей об изменении их положения и утрате дома; и могу сказать прямо, что среди них царила атмосфера удовлетворения в большей степени, чем можно было ожидать. В то время как многие из них танцевали, пели и играли друг с другом, остальные помогали в работах на корабле. Мы даже узнали, что некоторые из них оказались весьма полезными во время перехода и стали опытными моряками. Кажется, они относятся к капитану корабля скорее с симпатией и, хотя остаются исполнительными и послушными, не производят впечатления запуганных людей. По необходимости они собираются толпами, особенно в местах ночлега, однако на корабле принимаются меры, чтобы от этого не было вреда и рабы оставались здоровыми.

Мы спустились вниз посмотреть место ночлега, где жесткие доски образуют общее постельное ложе и каждый африканец должен был спать, подложив под голову руку. Мужчины лежали на досках так близко друг к другу, что между их голыми телами едва ли можно было поставить ногу. Рано утром людей всегда выводили на палубу, а спальное место тщательно мыли. И все же смрад, исходящий от столь большого числа спящих тел, сохранявшийся здесь даже при отсутствии постельного белья, личной одежды, багажа или мебели, оскорблял обоняние европейца и ясно указывал, что если бы здесь не уделяли достаточного внимания чистке и вентиляции, то началось бы распространение болезней. Хотя африканцы любят мыться и, кажется, не чужды личной гигиены, они равнодушны к поддержанию чистоты общего места, а также к известным правилам приличия. Ведь, несмотря на строжайшие запреты, они не всегда бросают привычку отпавлять естественные надобности там, где спят.

На другой день после посещения американского невольничьего корабля мы увидели один из кораблей нашей собственной страны, курсировавший на линии Ливерпуль– Гвинея. Судно большего водоизмещения, приспособленное для торговли, имело на борту необходимый состав команды и достаточное количество орудий для защиты от неприятельских каперов, а также предназначалось для перевозки пятисот рабов. Мы ожидали, что негры будут размещены здесь лучше, чем на американском корабле, но значительной разницы не заметили. Хотя число рабов на борту английского судна превышало все допустимые нормы, условия размещения людей были почти одинаковыми. Корабль из Ливерпуля содержался в исключительной чистоте, как и американское судно, но межпалубное пространство последнего было просторнее и выше, поэтому рабы ночевали там в меньшей тесноте.

Возможно, было бы полезно для транспортировки наших войск из Англии извлечь уроки из нынешнего способа вождения невольничьих кораблей из

Африки на гвинейской линии. Рабы гораздо более скученны, чем солдаты, однако намного здоровее. Следует определить причину этого, и я подозреваю, что она коренится в разнице обращения с людьми и размещения их. Осмелюсь высказать такое мнение: гвинейский корабль доставляет – с меньшей опасностью эпидемии – груз рабов, втрое превосходящий по численности транспорт с солдатами».

В своей книге «Старый мир в новом» профессор Эдвард Ашворс Росс пишет: «Если бы Атлантика высохла сегодня, можно было бы проследить путь между Европой и Америкой по шлаку наших пароходов. В прежнее время этот путь обнаружил бы себя человеческими костями».

Условия заморского плавания становились причиной гибели слабых. Корабли были небольшими и переполненными людьми, каюты тесные, а морской переход требовал от шести до десяти недель. «В межпалубном пространстве, – свидетельствует один колонист, – человек едва может дышать, поскольку его охватывает по ночам страх, который вызывает гниение крови и болезнь, очень похожую на чуму».

Уильям Пен настаивал в своем циркуляре, чтобы те, кто выходит в море, находились на палубе как можно больше времени и «разбрызгивали уксус в каюте». Корабль, на борту которого он выходил в море, потерял треть своих пассажиров от оспы.

В 1639 году жена одного губернатора писала, что корабль, на котором она вышла в море, был «настолько набит людьми и товарами, столь насыщен инфекционными болезнями, что через некоторое время пассажиры уже наблюдали сбрасывание трупов за борт». Одно судно потеряло 130 из 150 душ. Шестая часть из 3000 немцев, посланных морем в 1710 году, погибла во время перехода, длившегося с января по июнь. Не лучше прошла транспортировка беженцев-гугенотов в 1689 году – корабль, отправившийся из Роттердама со 150 беженцами, после двадцати четырех недель пути высадил на берег менее 50 человек. В 1738 году «заразная лихорадка и дизентерия» оставили лишь 105 из 400 беженцев. В 1755 году бриг, пришедший в Нью-Йорк, потерял во время перехода 100 солдат шотландского полка. Подсчитано, что в период между 1750 и 1755 годами с кораблей, отбывших из Роттердама, были сброшены в море 2000 трупов. В 1756 году Муленберг так описывал ужасы морского перехода: «Во время плавания переживаешь на этих кораблях ужасные мучения, вонь, дым, рвоту, разные болезни, лихорадку, дизентерию, цингу, дурной запах изо рта и тому подобное. Все это идет от пересоленной пищи и мяса, а также от плохой грязной воды. Поэтому многие мрут жалким образом... Многие сотни людей неизбежно погибают в таких ужасных условиях и должны быть выброшены в море. Ночью и днем на борту корабля не прекращаются

вздохи, плач и причитания».

Практика охраны здоровья на невольничьих кораблях оставалась эффективной до тех пор, пока страны, занимавшиеся работоторговлей, объявили ее незаконной. Затем работоторговлей занялись контрабандисты, скопища негодяев-пиратов, подонки из морских держав. Рабов стали перевозить на остроносых, быстроходных кораблях со сравнительно малыми палубами и трюмами, в которых несчастные негры претерпевали мучения, болезни и смерть. Эти суда эксплуатировались на полную мощность в любую погоду, особенно во время преследования, когда плотно задраивали люки трюмов. В таких условиях состояние живого груза было действительно ужасным. Тогда даже не думали о том, чтобы рабов привлекать к работам на корабле или научить их с оружием в руках защищать своих белых хозяев.

В старой книге о морских путешествиях содержится рассказ о вояже французского невольничьего корабля *Le Rodeur* с 200 тоннами груза, который отправился из порта Гавр к реке Калабар на африканском побережье. 14 марта 1819 года корабль стал на якорь на реке Бонни. Во время трехнедельной стоянки команда добыла 160 негров и 6 апреля отправилась в Гваделупу. Дальнейший рассказ, предназначенный для матери, вел двенадцатилетний парень по имени Ж.Б. Ромэнь, сын плантатора на Гваделупе, отправившийся в путешествие на *Le Rodeur* как пассажир под особым присмотром капитана. Этот документ особенно ценен своей простотой и тем, что проливает свет на состояние человеческой души в обстоятельствах, почти невозможных для наблюдений.

//-- I --//

Прошла всего неделя с тех пор, как мы отправились в плавание, но не моя вина, что я не сел за свои записи раньше. Первые два дня болел морской болезнью, в другие пять так штормило, что не мог сидеть за столом не закрепившись. Даже сейчас нас качает, как бурого дельфина, однако я могу сидеть устойчиво и твердо держать перо. Поскольку собираюсь послать тебе то, что пишу, не переписывая в конце плавания, стараюсь изо всех сил. Надеюсь, однако, любимая мама, что ты учтешь, как огрубели мои пальцы в условиях, когда приходится весь день натягивать канаты. Капитан решил, по его словам, сделать из меня моряка. Капитан доволен мной и весьма благодушен. Он пьет много бренди. Прекрасный, чудный мужик, уверен, что люблю его всей душой.

//-- II --//

Сегодня я поинтересовался у капитана, когда мы доберемся до Гваделупы. Он сказал, что нам пришлось пройти большое расстояние, прежде чем мы

взяли верный курс. Спросил, как мне нравится мой черный раб-подросток. Я сказал, что очень нравится, и добавил, что собираюсь иметь много рабов в Гваделупе. Он спросил, что я с ними буду делать.

– Буду кормить, – ответил я.

– Хорошо, – сказал капитан, – это сделает их крепче. Но ты ведь собираешься заставить их работать, не так ли? – прибавил он.

– Да, будьте уверены, – согласился я.

– Тогда скажу тебе, что тебе нужно как кормить их, так и пороть.

– Так и будет, – заверил я его, – это то, что я собираюсь делать, но нельзя допускать увечий.

– Конечно, калечить их не надо, – поддержал он меня, – иначе они не смогут работать, но если ты не заставишь их до мозга костей почувствовать то, что от них требуется, то можешь сразу выбросить их за борт.

//-- III --//

С тех пор как мы прибыли сюда, в Бонни, поселение на одноименной реке на побережье Африки, я стал привыкать к завываниям этих негров. Сначала это тревожило меня, не мог спать. Капитан говорит, что, когда они успокоятся, их легче будет отправить в Гваделупу. Убежден в этом. Хочу, чтобы эти дикие существа успокоились и преодолели отчаяние. Сегодня один из черных, которого заталкивали в трюм, неожиданно ударил матроса и попытался перепрыгнуть через борт. Однако другой матрос схватил его за ногу, а тот, который получил удар, распалившись, искалечил негра абордажной саблей. Увидев это, капитан уложил мясника на палубу гандшпугом.

– Я научу тебя сдерживаться, – кричал он, ругаясь. – Это был лучший раб из партии.

Я подбежал к грот-руслени посмотреть. Они сбросили черного в море, когда поняли, что тот бесполезен. Он плыл даже после того, как скрылся под водой, ибо я видел кровавый след, тянувшийся к берегу. Постепенно след замер, расширяясь, обесцветился и пропал совсем.

//-- IV --//

Теперь мы снова в море, и я уверен, милая мама, что меня это радует. Капитан в прекрасном расположении духа. Он ходит по палубе, потирая руки и напевая мотив. Говорит, что везет на борту 60 рабов – мужчин, женщин, детей. Все в отличном товарном виде. Я, однако, не видел их с тех пор, как мы отчалили от берега. Их стоны так ужасны, что я не решаюсь пойти и заглянуть в трюм. Вначале я не мог сомкнуть глаз. Их крики заставляли стынуть кровь, а однажды ночью, вскочив в ужасе, я побежал в капитанское отделение каюты. Лицо капитана освещал свет лампы. Оно было неподвижно, как мрамор. Капитан спал глубоким сном, и мне не

хотелось его беспокоить.

//-- V --//

Сегодня, когда мы завтракали, капитану сообщили о том, что умерли два раба, задохнувшись, как полагали, в тесноте трюма. Он немедленно приказал вывести всех негров наверх, группу за группой, на полубак, чтобы дать им подышать. Я поднялся на палубу, чтобы посмотреть на них. Они не показались мне особенно измученными, но эти черные, которых трудно отличить одного от другого по одежде, до невозможности похожи друг на друга.

Однако, едва достигнув борта, один из них, затем другой и третий попрыгали на фальшборт и бросились в море до того, как изумленные матросы успели поинтересоваться, что они намерены делать. Такую попытку предприняли и другие, но без успеха. Их положили плашмя на палубу, и команда стерегла их с гандшпугами и абордажными саблями наготове, пока не узнали мнение капитана о мятеже.

Между тем сбежавшие негры продолжали мелькать среди волн, крича изо всей мочи. Их крик показался мне триумфальной песней, под впечатлением которой запели некоторые из их товарищей на палубе. Наш корабль быстро удалялся от диких беглецов, их голоса становились на ветру все тише. Скрылась черная голова одного, другого, затем виднелось одно море, в воздухе не слышалось ни звука.

Когда капитан, позавтракав, вышел на палубу и ему доложили о мятеже, он побледнел и заскрежетал зубами.

– Нам нужно преподать им урок, – сказал он, – или мы потеряем работу.

Затем капитан приказал связать рабов по группам и поместить их на полубаке. Выбрав шесть негров, которые пели вместе с беглецами и подозревались, таким образом, в руководстве заговором, он приказал троих из них расстрелять, а троих других повесить на глазах остальных рабов.

//-- VI --//

Прошлой ночью я не мог уснуть, мое тело покрылось холодным потом. Шагая взад-вперед по каюте, я думал о шести неграх и поглядывал на дверь отделения каюты капитана. Слышал его храп, и это внушало мне страх. Наконец я начал молиться так громко, что разбудил его. Он спросил, что случилось.

– Молюсь, – ответил я.

– Отлично, парень, – сказал он и через мгновение захрапел, как прежде.

//-- VII --//

Со времени мятежа негры заключены в тесном нижнем трюме. Это вызвало болезнь глаз, которая привела к слепоте. Матросы, которые швыряют еду из верхнего трюма, докладывают, что болезнь

распространяется угрожающе быстро, и сегодня за обедом капитан и судовой врач совещались по этому вопросу. Врач заявил, что, насколько ему известно, случаи заболеваний уже столь многочисленны, что он не в состоянии помочь. Капитан же настаивал, что каждый излеченный раб сохраняет свою стоимость и лучше потерять часть невольников, чем всех. Болезнь, кажется, не является всегда фатальной для негра. Пациенты вначале слепнут, но к некоторым зрение постепенно возвращается с потерей возможности видеть одним глазом или ослаблением таковой для обоих глаз. В результате разговора больных рабов перевели в верхний трюм. Там их осматривал врач так же, как и белых людей.

//-- VIII --//

Все рабы и часть команды слепнут. Слепнут капитан, врач и помощник капитана. Из двадцати двух человек нашей команды остались немногие, способные работать на корабле. Капитан, как может, поддерживает порядок, врач все еще пытается выполнять свой долг. Наше положение угрожающе.

//-- IX --//

Теперь ослепли все члены команды, кроме одного. Остальные работают по его командам, как бессознательные машины. Капитан стоит рядом с толстым канатом, которым он иногда пользуется, когда его подводит к нерадивому члену команды тот, кто еще видит. Мои глаза тоже начинают поддаваться болезни. Я больше ничего не увижу, кроме смерти. Спросил у капитана, позволит ли он черным выбраться на палубу. Он сказал, что это бесполезно, что члены команды на палубе так же слепы, как негры, что, если их вывести наверх, они разбредутся кто куда. Если же они останутся там, где находятся, хотя бы часть из них, по всей вероятности, сохранит свою пригодность, если нам выпадет счастье добраться до Гваделупы.

Мы продолжаем испытывать ужасную боль, не имея другого рулевого, кроме судьбы. Потому что последний член команды, который оставался нашей надеждой, тысячекратно увеличил беду товарищей, разделив ее с ними.

Ты не можешь представить себе наше положение. Недостаточно вообразить себя в темноте в глубокую полночь без единой звездочки в небе, ободряющей тебя, без единого друга, способного помочь. Ибо даже тогда ты могла бы видеть. Могла бы видеть блики воды, белые барашки волн, могла бы отчасти видеть или угадывать контуры предметов вокруг себя. В конце концов, ты, по крайней мере, имеешь абсолютное убеждение, что через несколько часов солнце вновь поднимется над океаном, а над миром вспыхнет новая утренняя заря.

Наша ночь не похожа на морскую ночь, на темноту, смешивающуюся со

светом в подобии неясного воспоминания о дне и чувства облегчения в связи с неизбежностью наступления утра. Мы ослепли, ослепли навсегда, дрейфуя по океану, как обломки кораблекрушения, двигаясь как облако по ветру. Капитан совсем ослеп, тем не менее надеется на возвращение зрения, между тем другие отчаиваются. У кладовой постоянно выставляется охрана с обнаженными саблями для предотвращения расхищения бочек со спиртом и гибели в безумии опьянения. Некоторые проклинают и ругаются с утра до ночи, другие гундосят похабные песни, третьи целуют распятие, дают обет блаженным святым. Несколько матросов лежат весь день в подвесных койках, очевидно предпочитая скорее голодать, чем выбираться за пищей. Что касается меня, то я хватаю все, что можно есть. Кулинария была забыта. Я испытывал счастье, когда удавалось добыть чашку воды, чтобы размягчить печенье, сухое и твердое как камень.

//-- X --//

Мама, твой сын ослеп на десять дней, хотя сейчас зрение улучшилось настолько, что можно писать. Я мало что могу рассказать о событиях за этот период. Каждый из нас жил в своем собственном мире тьмы, населенном тенями и фантомами. Мы не видели ни корабля, ни неба, ни моря, ни лиц друг друга.

Затем начался шторм. За рулем судна никого не было, некому было зарифлять паруса. Мы неслись вперед, как старый корабль-призрак, который равнодушен к ветру и погоде. Наши мачты кренились и скрипели. Паруса срывались с креплений с треском, похожим на залп мушкетов. Яростно бушующее море в один момент целиком поглощало нас от форштевня до кормы. В следующий момент оно снова бросало нас вперед, словно в ненависти и отвращении. Даже в таких условиях кит вытолкнул обреченного Иону. Стонущий ветер наконец затих, мы почувствовали, как качаемся без продвижения на волнах угрюмой бездны. Наконец мы услышали над водой шум, не похожий на шум гладкой зыби после шторма. Наши сердца забились во внезапно нахлынувшей надежде. Она переживалась особенно остро. Мы затаили дыхание. Шум продолжился. Он походил на плескание тяжелого тела в спокойной воде. Общий крик сорвался с губ людей, находившихся на палубе. Он был подхвачен матросами в гамаках внизу и рабами в трюме.

На наш крик ответили! Мы снова закричали сквозь рыдания и слезы. На этот крик снова ответили. Несколько минут ничего не было слышно, кроме эмоциональной переключки.

Капитан первым обрел самообладание. Мы умолкли, когда услышали, как он разговаривает с приближающимся судном своим обычным вызывающим тоном:

– Эй, на корабле! Эгей! Что за корабль!

– «Сент-Леон» из Испании. Ради бога, помогите нам!

– Мы сами хотим спастись, – ответил наш капитан.

– Мы умираем от голода и жажды. Пришлите нам еду и несколько матросов для работ на корабле и сообщите ваши условия.

– Мы дадим вам еду, но сами нуждаемся в матросах. Перебирайтесь к нам на борт, мы дадим вам провизию в обмен на людей, – сказал капитан.

– Доллары! Доллары! Мы заплатим вам деньгами в тысячекратном размере, но не можем прислать людей. У нас негры на борту, они заразили нас офтальмией, и мы совершенно ослепли.

При упоминании этого ужасного совпадения среди нас на несколько мгновений воцарилось гробовое молчание. Его прервал припадок смеха, к которому я сам присоединился. Прежде чем закончилось наше безумное веселье, мы по звукам проклятий со стороны испанцев услышали, как «Сент-Леон» удаляется от нас.

Этот корабль, по всей вероятности, пошел ко дну, поскольку не достиг никакого порта.

//-- XI --//

Тот моряк, который сохранял зрение дольше всех, раньше всех стал видеть. Только благодаря его усилиям, а также Провидению Божьему и милости блаженных святых мы находимся сейчас, 21 июня 1819 года, в нескольких лье от Гваделупы. Сам я почти выздоровел. Врач и еще одиннадцать членов экипажа неизлечимо ослепли. Капитан перестал видеть одним глазом, та же участь постигла четырех других матросов. Пятеро могут видеть двумя глазами, правда не в полную силу. Среди рабов тридцать девять полностью ослепли, остальные или видят одним глазом, или имеют другие дефекты зрения.

Этим утром капитан вызвал на палубу всю команду и негров. Показались берега Гваделупы. Полагаю, он публично хотел поблагодарить Господа за наше чудесное спасение.

– Вы уверены, – спросил помощник, – что груз застрахован?

– Уверен, – ответил капитан. – Каждый потерянный раб застрахован. Кроме того, не хотите ли вы, чтобы я превратил свой корабль в госпиталь для слепых негров? Они и так обошлись нам дорого. Выполняйте свою работу.

Помощник собрал с помощью других членов команды тридцать девять совершенно слепых негров. К ногам каждого привязали балласт. Затем бедолаг сбросили в море.

Вероятно, самой старой и влиятельной в мире является Аболиционистская

партия Великобритании. И именно там в течение нескольких веков процветала насильственная вербовка во флот, не упраздненная до запрета работорговли. Из-за этой несправедливой системы множество британских моряков, рожденных свободными, были обречены на жизнь во многих отношениях худшую, чем жизнь черного раба. На военном корабле условия были жестокими, дисциплина настолько суровая, что она ломала психику тех людей, кто не был закален испытаниями. Однако ни слова не вымолвили о жертвах рекрутчины стеновавшие о бедных африканцах, оторванных от родных берегов, английские ораторы и поэты. Но если бы их черные подопечные, подобно завербованным матросам, стояли между ними и их противниками, они сделали бы все возможное, чтобы держать их там до тех пор, пока существовала бы угроза их самодовольному комфорту.

Эрнест Г. Пентекост

Глава 1

ПОБЕРЕЖЬЕ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА

Этот берег невольников Западной Африки располагается между рекой Сенегал сразу к северу от островов Зеленого Мыса и местностью, где протекает река Конго, шесть градусов широты южнее экватора. Это прибрежная низменность с многочисленными песчаными пляжами, хотя большая ее часть граничит с районами дельт, покрытых ядовитыми болотами, через которые вытекают бесчисленные протоки малых речушек, пронизывающих страну. Здесь имеется несколько гаваней, и торговое судно вынуждено искать якорную стоянку на отмелях у устья какой-нибудь реки или становиться на рейд на безопасной дистанции от берега, в то время как торговля осуществляется при помощи каноэ и лодок, которые носятся на больших волнах, накатывающих на песчаный берег. Местность густо заселена неграми, в течение почти четырех столетий она поставляла рабов, в которых нуждались острова Вест-Индии и обе Америки. Эта торговля была неотделима от жестокости, болезней и смерти. Остров Горе и Гамбия – Золотой Берег и Берег Слоновой Кости – Вида, Старый Калабар и Бонни – вот некоторые названия, которые имеют соответствующее значение в связи с отвратительной торговлей человеческой плотью.

Незадолго до открытия Гвинейского залива португальскими мореплавателями и по крайней мере за два десятилетия до того, как Колумб отправился из Палоса, в Лиссабоне был учрежден невольничий рынок, на

котором продавались негры с побережья Гвинеи. От мавров португальцы узнали о проживании к югу от великой пустыни многочисленных чернокожих людей, принадлежавших к расе, проклятой Богом, и предопределенных быть рабами.

К 1502 году к причалу на Гаити пришвартовался первый корабль с грузом африканцев, предназначенных для работы в рудниках. С тех пор невольничий флот курсировал к побережью Гвинеи и оттуда почти до самой отмены рабства в Бразилии в 1888 году.

Сначала рабов выторговывали у негров прибрежных деревень за золото или воск, доставленные невольничьими судами. Затем один за другим такие корабли шли вдоль побережья на некотором расстоянии, подбирая нескольких негров в одном месте, немного слоновой кости или золота – в другом. На некоторых стоянках невозможно было найти ни рабов, ни слоновой кости, требовалось много времени, чтобы добыть приличный груз. Побережье становилось гибельным для европейцев, и торговля с коварными неграми представляла чрезвычайную опасность. Вскоре был принят план насаждения вдоль невольничьего берега с небольшими интервалами малых поселений европейцев. Их, защищенных фортами, порой значительного размера и мощи, называли невольничьими факториями, а в обязанности главы фактории или командира входили переговоры с неграми и стимулирование их к организации экспедиций с целью охоты за рабами. Приведенных из глубины страны рабов покупали в ходе бартерного обмена, а затем до прибытия невольничьих кораблей помещали под охрану в сараи или пакгаузы, известные как загоны для рабов.

Такого рода фактории были основаны англичанами, французами, голландцами и португальцами вдоль всего западного побережья, от островов Зеленого Мыса до Конго. Местность для них обычно выбирали близ устья какой-нибудь реки для того, чтобы облегчить поставку рабов. Иногда факторию строили в более прохладном и здоровом месте – на небольшом острове у побережья.

Стены крупных фортов огораживали значительное пространство земли, на котором строились казармы, пакгаузы для товаров и загоны для рабов. Хижины негров, обслуживавших факторию, выносились за стены форта, но под защиту его орудий. Главным британским фортом был Кейп-Кост-Касл на Золотом Берегу. Неподалеку располагался Сент-Георг-дель-Мина, сооруженный португальцами, но затем перешедший в распоряжение голландцев. Французы построили в устье Сенегала форт Людовик и еще один – на острове Горе, недалеко от островов Зеленого Мыса. Форт Джеймс располагался в Гамбии, имелись важные форты в Анамабо, Аккре и Виде. Большинство таких фортификационных сооружений, оснащенных 50–60

орудиями, были неприступны для негров и даже выдерживали постоянные осады европейцев.

Под командой губернатора или коменданта находились солдаты, нанятые для службы в компании, и некоторое число клерков, механиков и мелких посредников, ответственных за транспортные связи между городами страны. Эти люди поднимались в верховья рек на борту маленьких парусных судов или на вооруженных лодках и обменивали европейские товары на рабов, золотой песок и слоновую кость, доставленные неграми. Иногда они открывали своего рода магазины или торговые предприятия в городах, оставались там на несколько месяцев, к вящему удовольствию местных царьков или вождей. Многие из этих людей были объявлены дома вне закона или нуждались в средствах к существованию. Поэтому они стремились наняться в экспедицию к побережью Африки, где могли вести относительно праздную жизнь с небольшими неудобствами или вовсе без них. Там они имели возможность совершенно свободно удовлетворить любую человеческую страсть, будь то необузданное пьянство или сношения с негритянскими девушками. Они понимали, что пагубный климат мог постепенно довести их до гибели, поэтому для многих изгнанников, лишенных связей с родиной, это была «короткая, веселая жизнь».

Солдаты в фортах редко вели боевые действия и проводили время в курении табака, потреблении пальмового вина и играх. Фактически большую часть времени они оставались физически не приспособленными для военной службы, а в течение двух лет после прибытия на побережье становились непригодны к службе по причине болезни и морального разложения. Чужеземец, посещавший один из африканских фортов, отмечал во внешнем облике гарнизона нечто ужасное и нелепое, поскольку солдаты выглядели безобразными на вид, ослабленными и больными. Их мундиры превратились в грязные лохмотья. Чужеземцу казалось, что эти люди представляли собой банду пьяных дезертиров или оголодавших и избитых военнопленных [1 - Howison J. European Colonies. Vol. 2. Edinburg, 1821.].

Сэр Джон Хокинс был первым англичанином, который перевозил рабов с гвинейского побережья в Америку. Это происходило в 1562 году, и за его удачным вояжем, «принесшим искателям приключений большую прибыль», последовали другие подобные предприятия. В 1618 году король Англии Яков I предоставил одной акционерной компании грамоту на торговлю с Гвинеей, но частные предприниматели и контрабандисты не посчитались с правами компании и добились свободной торговли.

В 1662 году грамоту получила другая компания – во главе с братом короля, герцогом Йоркским, известная как Компания королевских предпринимателей Англии по ведению торговли с Африкой. Компания

обязалась снабжать английские плантации тремя тысячами рабов ежегодно. Год или два она осуществляла успешную торговлю и привозила золотой песок в Англию в таком количестве, что король Карл II приказал чеканить новую золотую монету стоимостью 21 шиллинг, известную как гиней, на которой был изображен не только король, но и в качестве знака отличия – небольшой слон. Монеты отчеканили, как утверждают, для поощрения импорта золота из Африки. В 1664 году голландский адмирал Де Рейтер захватил гвинейские форты компании, включая Корментин-Касл, а также некоторые корабли, так что потери компании составили более 200 тысяч фунтов, в результате чего она была вынуждена сдать свою грамоту.

В 1672 году получила грамоту Королевская африканская компания и в течение более столетия вела более или менее успешную торговлю с побережьем Гвинеи. Она стимулировала английское производство нескольких видов шерстяных и хлопчатобумажных изделий и открыла для продукции Шеффилда значительный рынок. Предметами импорта были слоновые бивни, красящая древесина, воск и золотой песок. Последний поступал в Англию в таких количествах, что зараз чеканилось 40–50 тысяч гиней. Но доминирующим фактором торговых операций компании оставалась выгодная закупка негров в Гвинее, которых следовало доставлять в американские колонии и продавать там в рабство. На обратном пути основным грузом был неочищенный тростниковый сахар для снабжения растущего английского рынка.

В 1790 году на побережье было создано около сорока фортов и факторий. Четырнадцать принадлежали англичанам, пятнадцать – голландцам, три – французам, четыре – португальцам и четыре – датчанам. Подсчитано, что ежегодное число негров, продаваемых в рабство или похищаемых в то время, не могло быть меньше 100 тысяч. Между тем общее количество негров, вывезенных для обращения в рабство до 1800 года, свидетельствует о том, что жертв невольничьих кораблей было не менее 30 миллионов.

Корабли, торгующие на побережье, обнаруживали, что успех зависел от условий местности. Став на якорь в устье реки Гамбии, напротив форта Яков, корабль высылал к берегу лодку для оповещения о своем прибытии алькальда, или городского главу, который немедленно прибывал на борт корабля, чтобы получить мзду за стоянку. Она включала десять галлонов ликера для вождя, два железных бруска для алькальда и, возможно, нескольких бутылок вина, пива или сидра в подарок. По истечении четырех–семи дней вождь присылал своих людей для сбора пошлин товарами, равными по стоимости 140 железным брускам. Далее на корабль направляли двух переводчиков, двух курьеров и шестерых или более дворецких. Один переводчик работал с брокером, продававшим рабов от

имени владельца, и представителем фактории, торговцем или капитаном корабля. Второй – с офицером корабля, посыльным судна или баркаса либо фактории на берегу. Два курьера следили за торговлей на берегу – рабами, слоновой костью, золотом, провизией и т. п., а также за передачей писем от одного судна к другому, на факторию и т. д. Дворецкие использовались в качестве гребцов лодок, дровосеков, водоносов, но фактически их нанимали для заботы о здоровье команды корабля.

Оснащенный всем необходимым, корабль поднимался вверх по реке на сотню лиг до Янамару в королевстве Янси, куда поставлял ликер за стоянку на якоре. Затем курьеры высылались к главному племени, располагавшемуся на расстоянии 20–30 миль вокруг, чтобы выговорить условия продажи рабов. Тендер или баркас отправлялись дальше вверх по реке с товарами для торговли. Именно в этом порту корабли начинали и завершали свою торговлю.

В основном эти черные люди продавали рабов, которые являлись большей частью военнопленными, но нередко и детей, как своих собственных, так и похищенных у соседей. Некоторых рабов пригоняли издалека, потому обычно предлагавшихся в жалком и ослабленном состоянии.

Переводчик приводил на борт корабля или в факторию брокера, справлявшегося о цене, которую капитан готов заплатить за раба, о комиссии для него самого за сделку. Последняя не заключалась до тех пор, пока брокер не посетит все фактории или корабли в порту. Не встретив лучшего предложения, брокер приводил затем на борт корабля владельца рабов, который осматривал предложенные товары, выбирал устраивавшие его изделия, а затем посылал за рабами, которых должен был осмотреть корабельный врач. В случае одобрения предложения владелец рабов получал выбранные товары, менее одного бруска железа в качестве королевской пошлины. Затем рабов-мужчин заковывали в кандалы на главной палубе. С подростками этого не делали, как и с находившимися в юте женщинами и девочками. Брокер получает свою комиссию, и сделка завершалась [2 - Доклад палате лордов об отмене работорговли: В 2 т. Лондон, 1789.].

Северное побережье Гвинейского залива делилось на несколько определенных зон: Хлебное побережье, простирающееся от мыса Маунт до мыса Пальмас, где производились рис и маис (кукуруза); Берег Слоновой Кости – от мыса Пальмас до реки Лагос, где в прошлом процветала торговля слоновой костью; Золотой Берег, расположенный между Ассинее и рекой Вольтой и названный так за вывозимое отсюда большое количество золотого песка, которое намывалось в горах и реками на севере; Излучина

залива Бенин – между мысами Святого Павла и Формозой, включавшая береговую дугу; Невольничий Берег, а также побережье Виды и Лагоса, где в прошлом часто укрывались работорговцы и пираты.

Кейп-Кост-Касл, главный английский форт в эпоху работорговли, сторожил часть Золотого Берега, а позади него располагалась страна фанти и ашанти, которая поставляла на американский рынок большое количество рабов. Форт построили близ моря, над ним не только возвышались три холма, но также недалеко позади, всего в 10 милях, находился голландский форт Святого Георга у Мины, а всего в миле – датский форт Фридериксбург. Единственной пристанью была небольшая песчаная площадка как раз под фортом, к которой чернокожие могли подгонять свои каноэ без риска разбиться. Агент по общим закупкам Королевской африканской компании [3 - Barbot J. Description of North and South Guinea I I Charchill. Collection of Voyages. London, 1746.], который провел в Кейп-Кост-Касле много времени, отмечал нездоровый характер местности, несмотря на скалистый берег и окружающее нагорье. Он писал:

«Их увлечение своими любимыми крепкими напитками столь велико, даже среди офицеров и представителей фактории, что при любом исходе в любых обстоятельствах должен был присутствовать кубок со спиртным. Что вызывает смерть многих из них... Я часто делал представления кое-кому из начальства, как жить более правильно, то есть воздерживаться от черных женщин, чья естественная необузданность вскоре разрушает их организмы, пить умеренно, особенно бренди, ром и пунш. А также избегать сна на открытом воздухе по ночам, как многие, разгоряченные развратом, делают в одной рубашке, полагая, что охладятся, но, наоборот, убивают себя. Ибо нет ничего более пагубного для организмов европейцев, чем лежать на открытом воздухе, как я достаточно убедился на собственном опыте. Я всегда, насколько это было возможно, пользовался домашней кроватью, днем и ночью надевал на голое тело на животе заячью шкурку в течение более двух лет подряд. Это поддерживало живот в надлежащем положении и весьма способствовало пищеварению. Хотя должен признать, что иногда, особенно в жаркие ночи, это доставляло много беспокойства и вызывало чрезмерную потливость. Воздух, хотя не так прохладен, более разрежен и пронизывающ, чем в Англии. Железо ржавеет гораздо быстрее.

Форт окружают высокие стены. В нем нет свежей воды, кроме той, которая накапливается в очень большой цистерне во время дождей. Ею снабжаются гарнизон и корабли. Чтобы уничтожить гвинейских червей, капитаны имеют обыкновение добавлять в бочку с водой, взятой из цистерны, две-три ложки негашеной извести».

Негры внутренних областей снабжали рынок фруктами, хлебом и пальмовым вином, маисом или пшеницей, производимыми в таком объеме, что большинство из них продавалось кораблям и чернокожим из других областей. Страна была очень богата также золотом и рабами, многие из которых происходили из дальних местностей внутри континента. Фанти и ашанти ценились наиболее высоко, они считались выносливее чернокожих, живших внутри континента.

Анамабо – важный рейд, располагается в нескольких лигах к востоку от Кейп-Кост-Касла. Раньше это было место, куда в значительном количестве сгонялись рабы и где осуществлялось интенсивное судоходство.

Чернокожие были хитрыми и злонамеренными людьми. Они часто пользовались золотом, чтобы усыпить бдительность торговца при совершении сделок. Город располагался на песчаном пляже, усеянном галькой. У моря столь высокий прибой, что лодкам с кораблей было невозможно причалить к берегу. Вся торговля велась на каноэ туземцев.

Далее к востоку, в Аккре, – обрывистое побережье. Оно удобно для высадки, богато провизией и чистейшим золотом. Страна постоянно воевала с соседями и в связи с этим владела большим количеством пленников для продажи в рабство, так что корабль, иногда появлявшийся у побережья в удобное время, мог в течение двух недель принять на борт груз невольников, и по очень низкой цене.

Любопытные сведения о пользе, извлекаемой туземцами от торговли с европейскими производителями, сообщает Джон Барбот в своем описании Гвинеи:

«Широкое полотно служит туземцам для украшения себя и внутреннего интерьера их захоронений. Из ткани они делают также лоскуты на тряпки. Ленты и шнуры используются для выжимки пальмового масла. По ночам они заворачиваются в старые простыни с головы до ног. Медные тазы служат для мытья и бритья. Шотландские кастрюли употребляются вместо ванночек мясника, когда они закалывают свиней или овец. Из железных брусков кузнецы выковывают оружие, хозяйственные инструменты и посуду. Из грубой шерстяной и полугребенной камвольной ткани они делают пояса шириной в четыре пальца, предназначенные для опоясывания талии. На таких поясах подвешиваются меч, кинжал, нож, а также кошелек с деньгами или золотом, которое обычно запихивают между поясом и телом. Они дробят венецианское стекло на четыре-пять частей, которым впоследствии придают при помощи точильного камня разные формы, делают нитки бус и ожерелья, приносящие большую прибыль. Из

четырепяти элей английской или лейденской саржи они изготавливают своеобразную ткань, которой оборачивают плечи и живот. Из ситца, полугребенной камвольной, набивной и вязаной тканей делают лоскуты для набедренных повязок. Они выплавляют оловянную посуду, такую как блюда, тазы, миски для супа и т. п. В войнах они употребляют мушкеты, кремневые ружья и абордажные сабли. Во время праздников чаще всего пьют бренди. Ножи они используют так же, как и мы. Смазывают тело салом от головы до пят и даже используют его вместо мыла для бритья. Венецианский стеклярус, стеклянные бусы и *contacarbe* служат всем полам и возрастам для украшения голов, шей, рук и ног, а сарсапарелью лечат зараженных венерической болезнью».

К востоку от Золотого Берега располагается страна, известная как Невольничий Берег, потому что из-за бедности золотом здесь торгуют только рабами. Страна простирается от реки Вольты до Джекина. Ее ровная и низменная поверхность постепенно повышается с удалением от побережья. Высадка на берег не только затруднена, но даже опасна из-за ужасных бурунов, которые в течение всего года преодолеваются с большим риском. В сезон дождей с апреля по июль волнение на море столь сильное, что каждый, отважившийся на высадку, должен был помнить предостережение: «Ему следует иметь две жизни, чтобы решиться на это». Ведь каноэ, даже с хорошими гребцами, часто опрокидывались с утратой не только товаров, но и человеческих жизней, поскольку вода кишела хищными акулами, длина которых составляла порой тридцать футов. Они нападали на каждого человека, оказавшегося рядом с ними. Эти хищники обычно плавали стаями, и, когда мертвого раба выбрасывали за борт, одна акула откусывала ногу, другая – руку, остальные же расправлялись с телом на глубине. Все это занимало гораздо меньше времени, чем само описание столь ужасного пиршества. Невольничьи корабли всегда сопровождало множество акул, привыкших ежедневно сжирать выброшенные за борт трупы.

Как только к побережью из Дагомеи или внутренних областей пригоняли рабов, их помещали в большие загоны, сооруженные для этой цели, близ пляжа. Перед заключением торговой сделки корабельные врачи тщательно осматривали рабов. Мужчин и женщин раздевали догола. Тех, кого признавали здоровыми, отводили в сторону и на груди (впоследствии на плече) ставили им раскаленным железом клеймо компании или отдельного работорговца. Это делалось для того, чтобы предотвратить подмену туземцами отобранных рабов другими, менее здоровыми и сильными. Женщин старались прижигать не так глубоко, как мужчин. Затем

клейменные рабы возвращались в загоны. Иногда требовалась еще одна или более недель ожидания спада прибоа до такой степени, когда рабов можно было бы переправлять на стоящие на рейде невольничьи корабли. Перед тем как посадить в каноэ рабов, их лишали любого лоскутка ткани, когда же они ступали в лодку, стоящий рядом туземный пастор посыпал их головы песком, чтобы отогнать от них злых духов и уберечь от падения в море во время преодоления бурунов.

Торговля на Невольничьем Берегу, особенно после подчинения верховным вождям Дагомеи прибрежных племен, требовала частых церемоний и подарков, не говоря уже о найме многочисленных посредников и слуг. Вначале следовало заплатить пошлины вождю, затем арендовать помещение фактории, а также каноэ и гребцов. Как правило, нанимался надзиратель за товарами, доставляемыми с пляжа, и рабами, садившимися в каноэ. Требовались два брокера или переводчика, два слуги-подростка, привратник и подросток для обслуживания палатки на пляже, курьер для передачи вождю известия о прибытии корабля и приветствий капитана, звонарь для объявления открытия торгов, надсмотрщик за рабами на берегу, шестеро рулевых, женщина-водонос и прачка.

Следовало сделать подношение и представителю верховного вождя, который выходил вместе со своими людьми, чтобы встретить капитана и провести его в форт. Обычно это были испанская шляпа, отрез шелка, бочка муки и еще одна – с говядиной или свининой. При отходе корабля начальнику береговых служб дарили отрез ткани и бочонок бренди. Оплачивалась также установка на пляже палатки, наем носильщиков и разные развлечения, так что ориентировочная стоимость погрузки на невольничий корабль на данном побережье в 1790 году достигала около 368 фунтов стерлингов. Примерно в то же время рабы стоили 5 унций золота, или 19 фунтов стерлингов, за голову.

Вся береговая линия тянется от реки Шерборо, сразу к югу от Сьерра-Леоне, до реки Бенин в Новом Калабаре (часть Африки, наиболее знакомая европейцам до 1800 года). И при ее протяженности по крайней мере в 1500 миль совсем нет судоходной реки, залива или бухты, в которую мог бы зайти корабль. Отсутствуют река или протока, по которым корабельная шлюпка поднялась бы от моря на более чем десяти миль. Очень мало проток, куда сможет войти лодка, а на Золотом Берегу их вообще нет, кроме тех, что у Чамы и Минеса. Доступ к побережью затруднен почти по всей береговой линии из-за мощного прибоа, обрушивающегося на пляж. Высадиться на берег можно только в легком каноэ, но даже это бывает невозможно несколько дней, а то и недель подряд, во многих местах не хватает глубины, яростно бьются волны и слишком широкая полоса

бурунов. В такое время высадка редко бывает безопасной. На восточной оконечности бухты Бенин побережье негостеприимное. Временами большей частью его заливают море или проливные дожди в августе и сентябре [4 - Новая лоция к побережью Африки. Лондон, 1799.].

В эпоху работорговли весьма важной частью побережья считались города Старый и Новый Калабар, река Бонни. Так как города граничили с обширными областями внутри континента, они вели работорговлю в больших объемах. В Новом Калабаре было много москитов, поэтому корабли обычно становились на якорь у Фоко-Пуана. Живущие здесь чернокожие из-за частого общения с европейцами более цивилизованны, чем в других местах побережья, и порой на реке Бонни одновременно стояли полдюжины судов. В течение долгого времени занимавшиеся работорговлей англичане, французы и голландцы вывозили отсюда ежегодно от 12 до 15 тысяч рабов, доставленных по рекам из далеких африканских городов. Среди рабов были военнопленные, жертвы похищений в результате рейдов вооруженных банд, проданные в рабство за совершенные преступления, отправленные в неволю родственниками из-за нужды или ставшие невольниками за долги, что случалось нечасто.

Чернокожие работорговцы Калабара и Бонни спускались со своими рабами по рекам раз в две недели. Одновременно по реке Бонни двигались по двадцать – тридцать и более каноэ, в каждом из которых помещались двадцать– тридцать рабов. Руки некоторых мужчин стягивали травяной веревкой, а особенно сильных из них связывали также поперх колен. В таком состоянии невольников бросали на дно каноэ, часто залитые водой, где они лежали почти без движений. При высадке их гнали в загоны работорговцев, где кормили, натирали пальмовым маслом и готовили для продажи. Очевидец вспоминал:

«Река Бонни величественный поток, широкий и глубокий. Она шире Темзы при впадении в море. Течет по низменности среди высоких кокосовых деревьев, пальм, сосен, подорожников и банановых деревьев. На севере – королевство Бенин, на юге – Бонни, оба королевства независимы друг от друга. К северо-западу отсюда в отдалении виден Новый Калабар. Здесь производится (или добывается) много пальмового вина, потому что для этого достаточно вечером сделать надрез на верхушке дерева, повесить под ним тыкву-горлянку, и утром она будет наполнена. Жидкость беловатого цвета и по вкусу напоминает сидр.

Рабы питаются дважды в день. Еда утром состоит из вареного ямса, после полудня – из конских бобов, сдобренных соусом. Он готовится из кусков старой ирландской говядины и тухлой соленой рыбы, тушенных клочками и сильно приправленных кайенским перцем. Негры так любят это, что

выбирают мелкие кусочки тушеной смеси и делятся ими. Но конские бобы они не любят.

Бренди, который мы привезли с собой для торговли, был очень хорошего качества, но черномазые считали, что он недостаточно крепок и «не кусается», как они выражаются. Поэтому мы из каждой бочки выкачивали треть бренди, затем сыпали в нее полведра кайенского перца, добавляли воды, и в течение нескольких дней напиток становился достаточно крепким для самого черного дьявола. Когда чернокожие приходили пробовать его, полагая, что это бренди из другой бочки, то говорили: «Вот, это кусается» [5 - Richardson W. A Mariner of England. London, 1908.].

В некоторых из нижеследующих глав будут представлены подробные описания торговли в Калабаре и Бонни, обеспечения рабов провизией и событий, происходивших во время вояжа в Вест-Индии.

Примерно в 35 лигах к востоку от реки Бонни располагается Старый Калабар, где раньше корабли спешили к большим деревьям на берегу реки и выторговывали провизию и рабов. Здесь очень нездоровый климат, и, поскольку торговля шла очень медленно, со временем этого места стали избегать.

Примерно в 10 лигах далее к востоку находится Рио-дель-Рей, который раньше поставлял много рабов и прекрасные, крупные бивни слонов. Но здесь не было пресной воды, за исключением той, что чернокожие собирают на крышах домов, когда идут дожди, а реку окутывает плотный туман. Старый английский лоцман писал об этой реке: «Здесь европеец должен заботиться о себе, потому что местные жители столь изощренно лукавы, что вас обманут раньше, чем вы осознаете это. Они столь варварски жестоки, что родители продают детей, мужа – жен, братья и сестры – друг друга. Среди животных крайне редки приличие и порядок. Это замечание относится к прошлому столетию, и мы не считаем, что аборигены изменились, по крайней мере с того времени» [6 - New Sailing Directions for the Coast of Africa. London, 1799.].

К югу от реки Рио-дель-Рей лежит страна камерунцев – высоких, сильных людей, которые ведут торговлю с европейцами. Река Габон представляет собой удобное место для торговли, а также очистки и переоснащения судов. Лоанго – крупное, богатое королевство, жители которого знакомы с работой по металлу и более цивилизованны, чем соседи к северу от них. Наконец, большой бассейн реки Конго, где прежде торговлю контролировали в основном португальцы.

Великобритания поставила работоторговлю вне закона в 1807 году, Дания – в 1812-м, Голландия – в 1814-м, Франция – в 1818-м, Испания – в 1820 году,

после получения от Великобритании субсидии объемом 400 тысяч фунтов стерлингов (однако запрет оказался фарсом, по крайней мере в том, как ее соблюдали испанцы). Португалия также получила субсидию от англичан в 1830 году, но фактически экспорт рабов из португальской Африки не прекращался до отмены Бразилией рабства в 1888 году. Продажа рабов из Западной Африки на Кубу и в Порто-Рико сдерживалась лишь благодаря бдительному дежурству британских и французских военных кораблей. Юг Соединенных Штатов был кровно заинтересован в работорговле, но запрет на торговлю живым товаром с африканским побережьем был введен в 1807 году.

Для усиления борьбы против работорговли Великобритания отправила свои военные корабли к побережью Западной Африки, а позднее, когда были заключены соглашения с другими государствами, морская блокада значительно уменьшила поток негров, вывозившихся за море.

В 1820 году Соединенные Штаты послали к африканскому побережью три военных корабля в помощь борьбе с работорговлей, однако сумма 100 тысяч фунтов стерлингов, выделенная конгрессом в 1819 году под соответствующий законопроект, была сокращена до 50 тысяч фунтов в 1823 году, а вскоре и до нескольких бесполезных тысяч.

В 1842 году Соединенные Штаты, по Ашбертонскому договору с Великобританией, взяли на себя обязательство содержать «достаточные и адекватные» морские силы для пресечения работорговли у африканского побережья. После этого там стала патрулировать небольшая американская военная эскадра.

Блокирующим флотам требовалось закрыть длинную береговую линию. Хорошо известные фактории работорговли уничтожались одна за другой, невольничий флот сокращался. Характер береговой линии Гвинейского залива позволил быстро освободить ее от работорговцев и препятствовать использованию для работорговли испанских поселений на побережье Камеруна или вне его. Куба и Бразилия, страны-работорговцы XIX столетия, утвердились на Рио-Понго, ничейной земле на северо-западе Сьерра-Леоне. Из Мандинго и стран Верхнего Нигера приходили работорговцы-фульбе. Соседние реки и острова Португальской Гвинеи также подпитывали аналогичную работорговлю, и прошло некоторое время, прежде чем совместной операцией британских и французских канонерских лодок были уничтожены загоны для рабов в Рио-Понго и Бобаме.

Затем кубинские корабли пробились к восточному берегу колонии Сьерра-Леоне, к лагуне Галлинас и реке Сулиме [7 - Johnston. *The Negro in the New World*. New York, 1910.], вдоль невостребованного Хлебного Берега, теперь Либерии. С 1822 по 1839 год из одной этой местности в среднем

вывезли пять тысяч рабов на Кубу, в Порто-Рико, Южную Каролину, Джорджию и Бразилию. Житель Малаги Педро Бланко загорелся идеей создания здесь фактории работорговли, его главным помощником стал Теодор Кано, французский моряк [8 - Mayer. Captain Canot, or Twenty Years on African Slaver. New York, 1854.]. Бланко жил рядом с лагуной Галлинас, имея большой гарем. Его окружала роскошь, которую можно было купить за деньги в Европе или Америке. Его проекты быстро осуществлялись как на Кубе, в Лондоне или Париже, так и на побережье Западной Африки. Он использовал большое количество негров в качестве платных наблюдателей или шпионов, которые из сотен укрытий на пляже и на островах лагуны следили за появлением на горизонте британских военных кораблей, подавая сигналы для предотвращения захватов отходящих или приходящих невольничьих судов. В 1839 году Бланко, владея капиталом почти в миллион фунтов стерлингов, оставил работорговлю и почил наконец в благоденствии на Итальянской Ривьере.

Рабовладельческие фактории на побережье Сьерра-Леоне и Либерии были уничтожены около 1847 года, но контрабанда рабов с континентальных пунктов посредством налаженных связей, хотя и не в столь большом объеме, как прежде, продолжалась еще долго. Погрузка негров с континента скрытно осуществлялась на побережье в условленных местах: в назначенный день или вскоре после него у пляжа появлялось невольничье судно и подавало условленный сигнал, негров немедленно гнали к берегу и погружали на каноэ и корабельные шлюпки, и через четыре часа далекий парус на горизонте оставался единственным видимым напоминанием о новой торговой сделке.

Патрульные суда бдительно следили за побережьем, но торговцы рабами тоже были весьма активны, ибо прибыль была огромной. Так, в 1858 году житель Саванны в Джорджии предложил совершить поездку к побережью Африки за «грузом африканских подмастерьев на срок их естественных жизней». Он оценил стоимость предприятия в 300 тысяч долларов, а чистую прибыль в 480 тысяч без учета уже оплаченной стоимости судна. В течение же 1859 года, согласно ежегодному отчету морского министра Соединенных Штатов, одиннадцать работорговцев были перехвачены американскими военными кораблями.

Глава 2

СЭР ДЖОН ХОКИНС, РАБОТОРГОВЕЦ

Первым англичанином, занявшимся торговлей рабами между гвинейским побережьем и Америкой, был капитан Джон Хокинс, младший сын капитана Уильяма Хокинса из Плимута, который в 1530 году торговал на побережье Бразилии «на собственном высоком и красивом корабле». Хокинс-младший родился в 1532 году и последовал за отцом в море. Он совершил несколько поездок на Канарские острова, где основал торговое предприятие с испанским купцом Педро де Понте из Тенерифе. Тот предложил англичанину заняться торговлей рабами-неграми, которых следовало добыть на побережье Гвинейского залива и продать владельцам сахарных плантаций в Испанской Вест-Индии. Между морскими ходками Хокинс узнал от отца и других людей об условиях такой торговли, но главным источником информации для него стали купцы на Канарах. Он убедился, что негры пользовались большим спросом в Эспаньоле (Гаити) и их легко можно было достать на побережье Африки. И как только Педро де Понте согласился обеспечить лоцмана, знакомого с Испанской Америкой и состоянием ее торговли, Хокинс наконец решился на предприятие.

Летом 1562 года он вернулся в Лондон после своей последней поездки на Канары и сразу изложил свой проект тестю Бенджамину Гонсону, казначею адмиралтейства. Тот счел проект настолько хорошим, что заинтересовал им Томаса Лоджа, хозяина Русской компании и члена руководства Бакалейной компании, олдермена Лионеля Дакета, предприимчивого купца, который впоследствии стал лорд-мэром Лондона, а также сэра Уильяма Винтера и других, ставших «щедрыми вкладчиками и смелыми предпринимателями» [9 - Hakluyt. *The principal Navigations, Voyages and Discoveries made by the English Nation*. London, 1589.]. Эти люди были предпринимателями в прямом смысле этого слова, ибо ни одно английское судно еще не совершало коммерческих рейсов в Новый Свет, где царила Испания. Каждый благоразумный англичанин понимал опасность, исходившую от этой могущественной державы в случае осуществления такого вояжа.

За сорок пять лет до этой даты испанский король Карл V официально выдал лицензию на импорт чернокожих рабов в Вест-Индию. В 1551 году испанские власти предложили 17 тысяч лицензий на такой вывоз из Африки. Двумя годами позже была установлена монополия на торговлю африканскими рабами на семь лет, предусматривавшая импорт 23 тысяч негров. Именно эту монополию предложил разрушить капитан Хокинс, поэтому участниками его предприятия могли стать только отважные люди.

Осенью 1562 года были оснащены три «частных» корабля – «Соломон» водоизмещением 120 тонн, «Сваллоу» («Ласточка») – 100 тонн и «Йонас» – барк, имеющий всего 40 тонн водоизмещения. Экипажи судов состояли из менее ста человек «из-за опасений» болезней и других «неудобств, которым

люди обычно подвергаются во время длительного плавания». С грузом английских товаров на борту маленький флот отбыл в октябре 1562 года и взял курс на остров Teneriffe, где капитан Хокинс «встретил теплый прием» сеньора де Понте и его друзей. Далее известно:

«Оттуда он совершил переход к Сьерра-Леоне на побережье Гвинейского залива. Это место зовется местными жителями Татарин. Здесь он оставался довольно продолжительное время и приобрел, частью мечом, а частью другими средствами, негров числом по крайней мере в 300 человек, кроме других товаров, которые производит эта страна. Помолвившись, он отправился через океан к острову Эспаньола и сначала зашел в порт Изабелла. Там он реализовал по разумной цене свои английские товары, как и некоторую часть негров, доверяя испанцам не больше, чем собственной силе, которой он мог держать их в подчинении. Из порта Изабелла он совершил переход в Порте-де-Плата, где осуществил аналогичные торговые сделки, не теряя бдительности. Оттуда он отбыл в Монте-Кристи [10 - Изабелла, Порт-Плата и Монте-Кристи – порты на северном побережье Эспаньолы, или Санта-Доминго.], другой порт на северном побережье Эспаньолы, и последнее место его посещения, где он торговал в мирной обстановке и продал всех негров. За них он приобрел в этих трех портах посредством обмена такое количество товаров, что не только загрузил три своих корабля шкурами, имбирем, сахаром и некоторым количеством жемчуга, но также зафрахтовал два других блокшива со шкурами и иными подобными товарами, которые он отправил в Испанию. Покинув таким образом остров, он вернулся в открытый океан, пройдя мимо островов Кайкос (к северу от Санта-Доминго), не заходя в Мексиканский залив. В сентябре 1563 года он вернулся домой, закончив свой первый вояж в Вест-Индию с большим успехом и добычей для себя и вышеупомянутых смелых предпринимателей [11 - Hakluyt. The principal Navigations, Voyages and Discoveries made by the English Nation. London, 1589.].

Пытаясь разместить часть своих товаров в Испании, Хокинс проявил почти невероятную самоуверенность. Он полагался на старые коммерческие соглашения между двумя странами, но, когда его помощник прибыл в Кадис, грузы немедленно конфисковали, и половина прибыли была, таким образом, потеряна. Более того, испанские власти направили в Вест-Индию приказ, запрещающий всякую будущую торговлю с британскими судами.

Успех первого вояжа капитана Хокинса за рабами оказался столь значительным, что он не встретил никаких затруднений в приобретении мощной поддержки своему второму контрабандному предприятию. Акционером последнего стала даже королева Англии Елизавета. Она

кредитовала экспедицию «Иисуса Любека», корабля водоизмещением 700 тонн, закупленного для британского флота Генрихом VIII у ганзейских купцов города Любека. О вкладе Елизаветы в предприятие можно судить по тому, что стоимость «Иисуса» оценивалась в 4000 фунтов стерлингов (сегодня это примерно 40 тысяч фунтов стерлингов).

Невольничий флот состоял из четырех кораблей: «Иисуса» водоизмещением 700 тонн, «Соломона» – 140 тонн, барки «Тайгер» – 50 тонн и пинаса «Сваллоу» – 30 тонн. Суда оснастили вооружением и провизией, их общий экипаж составил 170 человек. 18 октября 1564 года корабли отбыли из Плимута курсом на Генерифе за ценными сведениями, которые мог предоставить только сеньор де Понте.

Экспедиция руководствовалась следующими приказами:

«Малым кораблям следует идти впереди и с наветренной стороны от «Иисуса», связываться с «Иисусом» по меньшей мере дважды в день.

Если днем на корме «Иисуса» поднят флаг или ночью горят два огня, тогда все остальные суда сносятся с ним.

Если на борту «Иисуса» горят три огня, это означает, что корабль меняет курс.

В штормовую погоду, когда малые корабли не в состоянии сопровождать «Иисуса», тогда всем следует сопровождать «Соломона» и немедленно отправляться к острову Генерифе, севернее дороги на Сирроэс.

Если случится беда, следует зажечь два огня и сделать пушечный выстрел.

Если какой-нибудь корабль потерялся и снова обнаружил эскадру, необходимо трижды изменить курс и спустить три раза бизань-парус.

Трижды совершать молитвы, любить друг друга, экономить продукты, заботиться о противопожарной безопасности, держаться в составе эскадры».

Через три дня в море поднялся сильный шторм, продолжавшийся день и ночь, так что маленькая эскадра распалась и ей потребовался ремонт. Хокинс взял курс на порт Феррол на испанском побережье. Во время нахождения эскадры в порту туда прибыла бригантина «Миньон», принадлежавшая королеве Елизавете, с известием о несчастье, постигшем несколько дней ранее корабль сопровождения «Мерлин» из Лондона: «Из-за недосмотра одного из артиллеристов в пороховом погребе судна возник пожар. Первый же взрыв снес его корму, погибли три матроса, многие получили сильные ожоги. Их спасла бригантина, шедшая в кильватере. И вскоре судно потонуло на глазах очевидцев, наблюдавших ужасное зрелище, к великому огорчению его владельцев».

В начале ноября эскадра капитана Хокинса достигла Генерифе и стала на якорь в порту Адесия. Капитан спустил корабельную шлюпку и отправился на берег, предложив оповестить о своем прибытии сеньора де Понте,

который жил в 200 лигах дальше, в Санта-Крус. С приближением шлюпки к берегу там неожиданно появился отряд численностью около восьмидесяти человек, вооруженных аркебузами, алебардами, копьями, мечами и щитами, чтобы воспрепятствовать высадке Хокинса. Капитан крикнул, что является другом сеньора де Понте, которому хочет послать письмо, и командир отряда «велел солдатам отойти в сторону». Через два дня прибыл сам сеньор и «так тепло его принял, будто капитан был его собственным братом».

В начале декабря корабли эскадры после ряда приключений достигли острова Алькатрас у африканского побережья к югу от реки Гамбии. Однажды во время следования вдоль побережья при сильном ветре проходившая рядом с «Иисусом» шлюпка с двумя матросами из-за небрежности гребцов перевернулась и очень быстро исчезла из вида. Надежды на спасение уже не было. Но капитан Хокинс, «определив положение шлюпки по отношению к солнцу, посадил двадцать четыре самых сильных гребца в большую лодку, чтобы те гребли по ветру. Они спасли матросов, сидевших на киле перевернутой лодки, вопреки ожиданиям всех».

Пока стояли на якорной стоянке на острове Алькатрас, две барки отошли к другому острову и высадили восемьдесят вооруженных человек для захвата рабов. Но негры были начеку и бежали в джунгли, «прыгая и размахивая хвостами, что было странно и уморительно видеть», писал Джон Спарк, джентльмен-предприниматель, который сопровождал Хокинса в вояже.

Поскольку люди Хокинса не смогли обнаружить поселения, где проживали эти негры, капитан продолжил следовать в южном направлении и через три дня, 12 декабря 1564 года, подошел к якорной стоянке на острове Самбула. Там проживали негры племени сапи. Тремя годами ранее их покорили замбо (современные самбо), племя, жившее за пределами Сьерра-Леоне. Матросы эскадры каждый день сходили на берег для поимки негров, сжигая и грабя их поселения. Было захвачено много чернокожих, хотя среди них не оказалось представителей племени самбо – при первых признаках опасности они бежали в глубь континента.

На пляже обнаружили около пятидесяти каноэ – челноков, выдолбленных из бревен, длиной в двадцать четыре фута и три фута шириной, с бикхедом и вырезанными бортами, выкрашенными в красный и голубой цвета. Челноки могли перевозить двадцать – тридцать человек, гребцы стояли в полный рост. Спарк утверждает, что четыре гребца и рулевой в одном из каноэ были способны совершать ту же работу, что и два весла ялика в лондонской Темзе.

К 21 декабря рейдерские отряды выловили всех негров, которых смогли найти, а также доставили на суда столько фруктов, риса и другого продовольствия, сколько помещалось. В тот же день эскадра взяла курс на реку Калловса, там, примерно в 20 лигах от моря, проживали португальцы. Хокинс оставил два судна у устья реки и, поднявшись на остальных вверх по реке, торговал с португальцами. Через три дня он двинулся в обратный путь с двумя каравеллами, груженными неграми.

Однако во время движения вниз по реке его подстерегла неудача. Португальцы рассказали ему о негритянском поселении Бимба, расположенном близ берега реки, где имелось много золота и проживали всего лишь сорок мужчин и сотня женщин и детей. Капитан Хокинс и его люди, бывшие в эйфории от достигнутых успехов, предвкушали легкую добычу в виде дополнительной сотни рабов, не говоря уже о золоте. В указанном месте в сопровождении португальских проводников высадились сорок вооруженных матросов. Участникам рейда было приказано держаться вместе для взаимной защиты и совместного нападения, но, достигнув негритянской деревни, каждый из них неистово бросился искать золото. Во время разграбления домов на них напали около двух сотен негров. Многие из людей Хокинса были ранены, их в полном смятении отбросили к лодкам в реке, где несколько человек утонули, а других поглотил глубокий вязкий ил.

«Так мы вернулись назад, – пишет Спарк, – несколько обескураженные. Хотя капитан в единственно мудрой манере, с весьма приветливым внешне видом, вел себя так, словно придавал мало значения как гибели своих людей, так и увечьям других, несмотря на то что его сердце в это время разрывалось от горя. Он пришел к выводу, что португальцы, сопровождавшие его, не должны ему противиться или пользоваться случаем доставлять ему новые неприятности и чинить препятствия из-за гибели наших людей. Мы расстались, получив десять негров и потеряв семь лучших членов нашего экипажа, одним из которых был господин Филд, капитан «Соломона». Двадцать семь человек экипажей были ранены».

Барки и каравеллы встретились с кораблями у устья реки 28 декабря, а через два дня эскадра направилась в Татарин, расположенный на другом берегу реки, где сейчас стоит Фритаун, столица Сьерра-Леоне. Там в 1791 году англичанами была основана колония рабов, получивших свободу. Отсюда две барки и лодки вошли в реку под названием Кассероэс и забрали негров. «Сваллоу» также поднялся вверх по реке «для торговли, где экипаж увидел большие поселения негров и каноэ, по три человека в каждом. Там матросы много узнали о португальских неграх, о крупных сражениях между неграми Сьерра-Леоне и Татарина. Те, из Сьерра-Леоне, изготовили 300

каное, чтобы совершить нападение на других. Время нападения было назначено за шесть дней до нашего отбытия оттуда. Мы могли бы по своему усмотрению поддержать одну из сторон, если бы не болезни и гибель наших людей из-за нездорового характера местности. Это заставило нас поспешить ее покинуть».

Пребывая здесь, корабли испытывали большие затруднения со снабжением водой. Вскоре после того, как они стали на якорь, на берег вынесли пустые бочки для воды и наполнили их для отстоя, намереваясь впоследствии заполнить свежей водой. Пока матросы находились на берегу, некоторые в лодках, они подверглись нападению негров, и несколько человек получили ранения. Кроме того, черные сбили обручи с двенадцати бочек, что стало для англичан большой потерей, учитывая большую потребность экипажей в воде во время перехода в Вест-Индию. Опять же, как раз перед отбытием, несколько матросов «Соломона» отправились ночью на берег наполнить водой бочки. Когда они приготовились прыгнуть на землю, то заметили негра, стоящего на скале, а за ним – еще девять-десять, которые быстро исчезли среди скал. Это напугало матросов, и они сразу вернулись на корабль. На следующий день англичане узнали от португальцев, что король Сьерра-Леоне задумал схватить несколько матросов. «Но Господь, устраивающий все к лучшему, не допустил этого, и по Его милости мы избегли опасности, да будет помянуто Его имя в молитве», – писал впоследствии Джон Спарк.

19 января 1565 года невольничья эскадра взяла курс на Вест-Индию. Во время перехода штиль продолжался двадцать восемь дней, не говоря уже о встречных ветрах и одного-двух торнадо. Так как запасы свежей воды были невелики, англичане и негры получали ее в недостаточном количестве, «и это более всего вселило в нас такой страх, что мы не надеялись добраться до Индии без больших потерь среди негров и нас самих. Но Всемогущий Бог, который никогда не уклоняется от помощи обреченным на гибель, послал нам 16 февраля нормальный бриз, северо-западный ветер, не покидавший нас до острова каннибалов, называемого Санта-Доминика, куда мы прибыли 9 марта». Они добрались до незаселенной части острова, где не могли найти свежей воды, кроме скопившейся лужей в долине дождевой воды, «которой мы запаслись для наших негров».

Через неделю достигли острова Маргарита у побережья Венесуэлы, где добились от алькальда поставок мяса и других продуктов. Но испанский губернатор не захотел иметь с англичанами дело и послал к вице-королю каравеллу с известием об их прибытии. В ответном послании предписывался запрет на всякую торговлю, и вскоре все жители города, включая губернатора, покинули свои дома и бежали в горы. Эскадра

пополнила запасы и с грузом черных рабов на борту и взяла курс на Куману в испанских владениях. Здесь мореплаватели обнаружили вновь прибывших солдат и поняли, что негров продать невозможно. «Чудное, благодатное место с обилием воды» было обнаружено в двух лигах от Куманы, где в море впадала пресная вода и где черноволосые безбородые индейцы прибыли на корабли с пирогами, испеченными из «своеобразного зерна, называемого маис, величиной с горошину. Початок его очень похож на ворсянку, но гораздо более длинный, и на нем много зерен». Индейцы принесли также кур, картофель и ананасы, за которые выторговывали бусы, оловянную посуду, свистки, очки, ножи и прочие мелочи.

28 марта 1565 года эскадра снова отправилась в путь и прошла на следующий день мимо острова Тортуга. Через два дня капитан Хокинс, проходя близ побережья на шлюпке с «Иисуса», заметил на берегу много карибов. Приблизившись, чтобы поторговать с ними, он едва избежал плена, «так было угодно Богу». 3 апреля капитан достиг Бурбороаты, близ нынешнего города Ла-Гуайры в Венесуэле. Здесь благодаря демонстрации силы и ловкому обману ему позволили завести корабли в бухту, а также получить от испанских властей лицензию на продажу тридцати «худых и больных негров, которых он скорее убил бы на корабле собственными руками, не имея возможности привести их в здоровое состояние».

Торговля неграми проходила медленно. Испанцы утверждали, что запрашиваемая цена слишком высока. Хокинс «показал свои записи о том, сколько заплатил за негров, сказал, что понес большие расходы на транспортировке и оплате экипажей». Другая неприятность состояла в пошлине за каждого раба, доходившей до тридцати дукатов (около 66 фунтов стерлингов на современные деньги). Губернатор не уменьшал этой суммы, поэтому Хокинс выпустил коготки. С «сотней матросов, хорошо вооруженных луками, стрелами, аркебузами и копьями, он прошествовал по городу. Узнав об этом, губернатор спешно прислал курьеров, чтобы выяснить требования капитана». Когда ему сообщили, что 7 процентов пошлины будет достаточно и, если условия не будут приняты, Хокинс и его люди «будут недовольны», губернатор вскоре дал ответ, что «все будет сделано к удовлетворению капитана».

Во время стоянки английской эскадры сюда прибыл с побережья Гвинейского залива французский невольничий корабль «Зеленый дракон» с портом приписки в Гавре под командованием капитана Бонтама. Французы сообщили о своем изгнании португальскими галерами до того, как завершили погрузку рабов. Они рассказали также, что в плен попали капитан Давид Карле вместе со своим суперкарго и десятком матросов, а также о других несчастьях, гибели людей, острой нехватке пресной воды,

«что было особенно горестно для нас осознавать», – пишет господин Спарк.

6 мая добрались до Кюрасао, где возникли затруднения с поисками якорной стоянки. Здесь англичане выторговывали шкуры «и лакомились говядиной, бараниной и телятиной». Мяса было так много, что, когда продавцы приносили шкуры, плоть им отдавали обратно, так как «на корабле презирали не только баранину, но и сырую телятину, потребление которых без обжарки считалось недостойным».

В Рио-Хач, расположенный сейчас на побережье Колумбии, зашли 19 мая. И на запрет испанских властей торговать Хокинс дал такой ответ:

«Учитывая, что это решение подали ему на ужин, утром он приготовит для них такой же завтрак». Утром он произвел выстрел из всех кулеврин, чтобы взбудоражить город, и направился туда с сотней вооруженных людей. В его большой лодке установили два медных фалькона (легкие пушки), а на носу остальных лодок – маленькие пушки, которые называют двухосновными. Испанцы вывели на берег тридцать всадников и около полторы сотни пеших солдат, «издававших воинственные крики», но залп двух фальконов «навел на них немалый страх», так что «они нарушили боевой порядок и попадали плашмя на землю», а затем «рассеялись». Хокинс высадил отряд и начал марш на город. Это сильно напугало испанского казначея, который удовлетворил все требования, и «мы, таким образом, спокойно торговали», – продолжает рассказчик.

Став на якорь в реке, они заметили много крокодилов, один из которых утащил негра, наполнявшего водой бочки на берегу реки. «Природа крокодила такова, – пояснял Спарк, – что он будет умолять, плакать и рыдать, как христианин, чтобы к нему подошли, а затем схватит обманутого. Поэтому существует пословица, относимая к женщинам, когда они плачут крокодиловыми слезами. Ее смысл заключается в том, что крокодил когда плачет, то главным образом для того, чтобы обмануть. Так обычно поступает женщина, когда плачет».

Реализовав весь свой груз негров, капитан Хокинс отправился 31 мая на остров Ямайка, чтобы предложить там на продажу свой груз шкур, но, спутав остров с Эспаньолой, прошел мимо него с подветренной стороны и не смог вернуться из-за мощного течения. Поэтому маленькая эскадра направилась в Санта-Крус на острове Куба, по достижении которого снова промахнулась и осталась, таким образом, без значительной прибыли, которую сулила продажа большого запаса шкур. Тогда же во время штормов и встречных ветров начало не хватать пресной воды. 16 июня они прибыли на остров Пинес, где «заправились, насколько возможно, водой» из солоноватых дождевых луж, которые нашли близ берега, и поспешили покинуть незащищенную стоянку. Едва выбрали якоря и поставили

фоковые паруса, как налетел шторм, и одна из барок была вынуждена обрезать якорный канат у клюза, чтобы спастись.

Пройдя мыс Сан-Антонио на западной оконечности Кубы, они двинулись дальше на запад, чтобы «поймать ветер», а также воспользоваться течением, которое вынесло их 5 июля на траверз острова Драй-Тортугас, где загрузили шлюпку птицей и поймали много черепах. Было найдено также много черепаших яиц, которые «ели с большим удовольствием». Затем они попытались пройти к Гаванской бухте, но не заметили ее ночью. Запасы воды настолько истощились, что «каждый член экипажа довольствовался минимумом». Взяв курс на побережье Флориды, эскадра, увлекаемая Гольфстримом, быстро дрейфовала на север и после одной-двух поломок вышла к реке Мэй, ныне Сент-Джонс, где тремя годами ранее была основана колония гугенотов. Капитан Хокинс нашел поселение в плачевном состоянии и с продовольствием на исходе. Он продал гугенотам двадцать баррелей еды, четыре бочки бобов и другие необходимые товары, а также барку водоизмещением 50 тонн, за что выручил семьсот крон.

Обратный путь домой начался 28 июля 1565 года. Его так продлили встречные ветры, что продовольствие истощилось до предела. 23 августа эскадра капитана Хокинса подошла к берегам Ньюфаундленда, на сто тридцать сажений. Здесь поймали много трески, что взбодрило команды. Через неделю поговорили с двумя французскими рыбаками и обменяли на испанское золото и серебро большое количество рыбы, «те же, не ожидавшие никакого вознаграждения, были рады встретить в море такой приятный сюрприз, который мы им предоставили. После расставания с рыбаками при сильном попутном ветре мы прибыли 29 сентября в Пэдстоу в Корнуолле. Слава богу, в безопасности, потеряв за все время вояжа 29 человек, с большой выгодой для всех предпринимателей, как и для всего королевства. Мы привезли домой большой запас золота, серебра, алмазов, других драгоценных камней. Его имя будет прославлено навеки. Аминь».

Глава 3

ОТПРАВЛЕНИЕ ИЗ ЛОНДОНА КОРАБЛЯ «ГАННИБАЛ» В 1693 ГОДУ

«К моему и многих других несчастью, эта последняя война с Францией случилась во время моего вояжа домой из Венеции и Занте, на борту «Уильяма» водоизмещением 200 тонн и двадцатью орудиями. Нас настигли три больших французских корабля, имеющие по семьдесят орудий каждый, на мелководье, в шестидесяти лигах к юго-западу от мыса Клеар в

Ирландии. Силы были слишком неравные, а надежды на спасение никакой, поэтому я считал благоразумным сдаться без сопротивления. Гибель или увечья моих людей не имели смысла. Экипаж каждого французского корабля насчитывал пятьсот человек. У меня было всего тридцать. Поэтому я был вынужден позволить силе победить право и подчиниться требованию «Кроны», выраженному в залпе семидесяти медных пушек поперек нашего носового дейдвуда. «Крона» первой поравнялась с нами, чтобы спустить наш флаг и взять свой приз [12 - Это раннее повествование о рейсе невольничьего корабля было извлечено из «Журнала» капитана Томаса Филлипса, напечатанного в «Коллекции вояжей» Черчилля (Лондон, 1746. Т. 6).].

По возвращении в Англию я был безработным некоторое время, пока сэр Джефри Джефрис, имевший рыцарское звание, из чрезвычайного великодушия и доброй воли в отношении меня, из понимания того, что корабль «Ганнибал» водоизмещением 450 тонн при тридцати шести орудиях выставлен на продажу, приказал мне купить его. Приняв это решение, он любезно выложил деньги на покупку из своего кармана. Затем, из деловых соображений, сделал вместе со мной совладельцами корабля своего бесценного брата Джона Джефриса, эсквайра, Самюэля Стэннера, эсквайра, далее заместителя управляющего Африканской компанией и некоторых других именитых торговых людей. После этого он рекомендовал меня и корабль английской Королевской Африканской компании, которая и приняла меня. Поступив на службу, предусматривавшую торговый вояж в Гвинею за бивнями слонов, золотом и чернокожими рабами, я также взял на борт корабля необходимые грузы, посредством которых следовало приобретать колониальные товары и снабжать торговые предприятия, склады в крепостях и факториях компании. Завершив дела в Лондоне, 5 сентября 1693 года пассажирским судном я добрался до Грейвсенда и около одиннадцати вечера вступил на борт «Ганнибала», имея при себе деньги для оплаты моих людей за проход по реке и выдачи месячного аванса, по договоренности.

Воскресным утром 10 сентября нас сорвало с якоря в Грейвсенде и отнесло отливом к переднему краю Хоупа, где мы зацепились якорем, а вечером я отправился в Грейвсенд.

12 сентября, вторник. Этим утром, около трех часов, мы вышли под парусами на запад при штормовом ветре. В девять часов прошли Нор, где дрейфовали до часу ночи, ожидая заправки пресной водой. Затем, спускаясь по ветру к Ред-Сэндз, около четырех мы прошли узкий пролив, а в шесть бросили якорь у Северного Форленда, на глубине девять фатомов.

13 сентября, среда. В четыре утра подняли якоря при северо-западном

ветре и, сменив несколько галсов, около одиннадцати подошли к якорной стоянке у Даунса на глубине восемь фатомов. В Даунсе до 25 сентября нас задержали штормовая погода и встречные ветры, когда ветер сменился на северный. Мы выбрали якоря и около семи вечера подняли паруса, а в полдень следующего дня увидели остров Уайт в северо-западном направлении. Мы подняли якоря, удалили два орудия, вывалившиеся до середины в бортовые отверстия капитанской каюты, и наш корабль был готов к выходу в открытое море.

27 сентября, пятница. Со вчерашнего полудня до двенадцати часов этого дня мы пользовались штормовым топсельным ветром, менявшимся с севера на северо-восток, держа курс на запад. Вчера с четырех вечера прошли 112-й градус западной долготы, исходя из самого точного подсчета, который я мог сделать, ибо ночью лопнул канат лага, мы потеряли его и были вынуждены определять местоположение навскидку. По оба борта видели много кораблей, но ни с кем не общались, кроме одного португальца водоизмещением 200 тонн. Он шел из Оporto в Лондон с грузом вина, часть которого нам очень хотелось выторговать у него. Но слишком сильный ветер и приближение ночи заставили нас умерить свои желания, поэтому мы просто попрощались с ним. Он продолжил путь своим курсом, мы – своим. Расправили канаты, укрепили рубки досками, определили каждому члену экипажа свое место на случай битвы с врагом. Экипаж корабля составлял 70 человек, на его борту было 33 представлявших Королевскую Африканскую компанию пассажира, ехавшие в гвинейские фактории, так что в целом насчитывалось 103 человека.

1 октября, среда. В три утра помощник, ведший наблюдение, пришел доложить об обнаружении четырех неизвестных кораблей с огнями, идущих на нас с наветренной стороны. Выйдя на палубу, я увидел один огонь стоящим без движения, как и мы. В связи с чем были открыты амбразуры для орудий, убраны ящики и койки, всем приказали занять свои места и приготовиться к бою. Около одиннадцати часов в ясный день все было приведено в порядок и готово для сражения. Как раз в это время я увидел четкие изображения стоявших напротив четырех больших кораблей с поднятыми парусами. Уверен, что это были военные шестидесяти-семидесятипушечные корабли, подошедшие так близко, что я рассмотрел их в [бинокль](#), хотя не смог определить национальную принадлежность. Мы имели веские основания считать, что это французы, так как наши фрегаты редко или почти никогда не заходили так далеко на юг и запад. Корабли выстроились в линию подле нас во всем своем парусном вооружении. Я подавал сигнал, подняв и спустив наш флаг четыре раза, уведомляя капитана Шерли о наших новых компаньонах с поднятыми парусами и об их желании

переговорить с ним. Его корабль находился впереди меня, примерно в миле с подветренной стороны, и был единственным оставшимся рядом из всей нашей эскадры, остальные корабли мы потеряли прошлой и позапрошлой ночью. Когда поравнялись, ветер заревел так громко, что мы не слышали друг друга, хотя пользовались рупорами, поэтому пришлось общаться знаками, из которых я понял, что он согласен с моим мнением.

Неприятельских кораблей оказалось слишком много, чтобы выдержать атаку. Один к двум дает шансы только в футболе. У нас были торговые корабли с глубокой осадкой, у них – фрегаты, строившиеся и оснащавшиеся для войны. Но мы могли воспользоваться попутным ветром и попытаться, меняя курс, оторваться от них. С юга дул очень сильный ветер, погода была пасмурной, ненастной, склонной к ухудшению, но я не жалел об этом, поскольку искренне верил, что она поможет нам уйти от преследования французов. Поэтому мы подняли гротовые паруса, поставили [руль](#) на ветер и понеслись на фоковых и грот-марсовых парусах, вдвое зарифленных, по компасу, вест-норд-вест и норд-вест до девяти часов, потеряв из виду французов, начавших преследовать нас, когда мы воспользовались попутным ветром. В одиннадцать разыгрался сильный шторм, море разбушевалось настолько, что мы потеряли друг друга. Капитан Шерли убрал бизань, я со своими поднятыми фоковыми парусами поступил таким же образом, но в этот момент строп марса-шкот-блока порвался, и, прежде чем мы смогли его взять на гитовы, он под порывом ветра разлетелся на клочки. Нам пришлось спустить рей и выправить его, из-за чего корабль, пострадавший от недостатка парусности, требовал постановки грот-паруса и поменял галс. Как бы то ни было, нам удалось натянуть шкотный угол паруса к корме. При этом мы порвали грот-парус и были вынуждены стащить рей и убрать его. Корабль, перед тем как направление ветра сменилось с северного на западное, понесся с обвисшим пузом фок-паруса. Во время свертывания грот-паруса один из матросов, по имени Джон Сазерн, сорвался с нок-рей и утонул. Я был сильно опечален, но спасти его было выше человеческих сил. При яростных порывах ветра и бурном море отсутствовали паруса для управления судном.

2 октября, четверг. С двенадцати часов вчерашнего дня до двух ночи мы двигались на север с голыми мачтами и скоростью четыре мили в час. К этому времени поставили и зарифлили новый бизань, приладив его к поднятому и закрепленному рею. Затем отвязали порвавшийся грот-парус, с большим трудом и хлопотами привязали другой, зарифлив и закрепив его. Около четырех часов приладили выступ фок-паруса и подняли бизань-стаксель, чтобы держаться к ветру и по волне. Идти было ужасно трудно. В двенадцать часов прошлой ночи сила шторма стала спадать. Мы поставили

грот-парус и до появления дневного света шли под ним и бизанью. Когда корабль немного выправился, к моей великой тревоге и удивлению, обнаружилось, что фок-мачта поднялась на три фута выше партнеров на полубаке. Трещины стали очень большими, и пазы разошлись больше дюйма, на что я смотрел с болью в сердце. Поискав, мы обнаружили, что примерно так обстоит дело везде, корабль в этом месте стал непригодным почти до основания. Поэтому я собрал офицеров посоветоваться о том, что можно сделать для исправления этой неожиданно возникшей ситуации. Однако, по их мнению, с такой мачтой продолжать вояж было невозможно и лучшим стало бы возвращение в Плимут, пока мы еще находились недалеко от него. Я счел необходимым подавить эти настроения в корне и заявил, что решил не возвращаться в Англию и продолжить рейс, даже если и придется поставить временную мачту. Затем я велел своим плотникам укрепить мачту, заключив ее в ворот с четырьмя новыми, надежно прибитыми рычагами из хорошего дуба длиной девять дюймов в том месте, где она приподнялась, а потом прикрепил к ней четыре хороших вулинга. Мачта встала прочно, а мы тем временем приближались к области хорошего климата. По поводу мачты больше не было жалоб в течение всего путешествия. Вчера утром, когда, увидев четыре чужих корабля и поспешив на всех парусах поговорить с капитаном Шерли, мы сорвали [топ](#) грот-мачты, матросы для прочности связали его с корпусом грот-марса.

18 октября, суббота. Утром обнаружилось, что один из солдат Королевской Африканской компании, направленных для службы в гвинейских крепостях, оказался женщиной под именем Джон Браун. Она была вне подозрений и три месяца на борту пользовалась полным доверием, располагаясь среди других пассажиров и выполняя, как и они, любую работу. Видимо, обман так и остался бы нераскрытым до нашего прибытия в Африку, если бы женщина не заболела. По этому случаю ее навещил наш врач и прописал полоскание рта. Когда пациент приступил к выполнению предписания, врач был удивлен тем, что ему открылось. Он продолжил расспросы и, выяснив ее пол, пришел доложить мне о своем открытии. Из милосердия и уважения к ее полу я приказал выделить ей приватное место, отдельное от мужчин, и выдал портному материал для кройки и шитья женского [платья](#). Хорошенькая брюнетка, лет двадцати, принесла большую пользу в стирке моего белья и другой работе, которой она занималась до тех пор, пока не была доставлена вместе с остальными солдатами в крепость Кейп-Кост.

22 октября, среда. Около четырех утра стало светло, к востоку от нас располагался Тенерифский пик. В это время, находясь у дороги в Оратаву, мы заметили в пространстве между берегом и нашим судном два паруса. В

них мы распознали корабль и барку-лонгу. Когда корабль начал движение к нам от берега на всех парусах, мы повернули на другой галс к северу, чтобы выиграть время для приведения своего судна в боевую готовность на [тот](#) случай, если перед нами враг. Очень быстро сняли крышки люков, убрали сундуки и гамаки, заняли свои места, привели в готовность орудия и стрелковое [оружие](#). В то же время мы убрали грот-парус и малые паруса, разобрали оружие, приготовили пробки, кранцы, плетенки под бейфуты и, находясь под легким ветром, развернули фок-парус и уменьшили ход до самого малого в отношении неизвестного корабля.

23 октября, четверг. Со вчерашнего полудня до трех часов дул лишь слабый бриз. В это время двигавшийся в нашу сторону корабль, по которому мы произвели неприцельный артиллерийский выстрел, оказался длинным элегантным фрегатом. Теперь мы не сомневались, что это был враг, поэтому, подняв свой флаг, мы дали выстрел поперек его носового дейдвуда. После этого фрегат продемонстрировал английский флаг, но, вопреки всем его уловкам, мы знали, [кто это](#) был, и готовились оказать ему достойный прием. До четырех мы медленно двигались под боевыми парусами. На расстоянии выстрела из карабина фрегат выдвинул нижний ряд орудий (чего я не ожидал и чему не обрадовался) по девять единиц с каждого борта. Он спустил фальшивый флаг и поднял французское белое полотнище. Я понял, что он хочет свести с нами [счеты](#). Поэтому, выпив стопку и подбодрив всех, я приказал матросам заняться орудиями, держаться без страха. Мы ожидали от фрегата бортового залпа, который и последовал с дистанции пистолетного выстрела. Он выстрелил мелкой дробью. На его любезность мы дали горячий ответ. После этого он дал упреждающий выстрел, остановился, лег вдоль нашего левого борта и выпалил другой бортовой залп, на что мы дали свой ответ. Затем мы заряжали орудия и палили друг в друга так быстро, как могли, до десяти вечера, пока его фор-стенга не полетела за борт. Фрегат встал к нам кормой, сделал поворот в подветренную сторону с лодкой на буксире и удалился от нас. Ликуя по случаю избавления от такого неприятного гостя, мы проиграли ему на наших трубах сигнал побудки и произвели прощальный залп теми орудиями, которые оставались заряженными. Я был очень рад тому, что нам, с Божьей помощью, удалось защитить корабль, хотя он был изрядно потрепан в мачтах и такелаже. Грот-мачта получила одиннадцать попаданий, три проббили ее насквозь, и несколько дробинок застряли внутри ее на три-четыре дюйма в глубину. Фок-мачта испытала восемь попаданий, два прошли сквозь нее. Грот-марс был разбит вдребезги. Грот-стенга раскололась посередине. Бегинь-рей был сломан выстрелом надвое, сбиты шпрюйтовый парус, гюйс и гюйс-шток. Наш старый

флагшток оказался за бортом, так что большую часть сражения никаких флагов не развевалось над нами, кроме королевского вымпела, под которым я вел бой благодаря своему каперскому свидетельству. Несколько попаданий получили наши реи, на восстановление которых потребуется слишком много времени. Что касается такелажа, то не знаю, что с ним делать, – он был слишком изодран длинными железными болванками. Пришлось вязать основные ванты в четырнадцати местах, а с левого борта остался всего один неповрежденный вант. Мы подвязали фок-ванты в девяти местах. [Цепь](#) грот-марса и главные узлы оказались разбиты, так что рей целиком висел на бейфуте и кранце: наши опоры, паруса и канаты были прострелены в нескольких местах, а из бегучего такелажа лишь небольшое избежало повреждений от пальбы, которая велась довольно плотно. На [корпус](#) нашего корабля пришлось не более тридцати попаданий, четыре из которых – ниже ватерлинии. Фрегат вел огонь большей частью по высокой траектории, по нашим мачтам, реям и такелажу, чтобы сбить их за борт. К счастью, не было сильного марсового ветра, море было спокойно (что необычно для этих мест), легкий ветерок дул до тех пор, пока у нас сохранялась возможность их как-то закрепить при помощи пробок, брасов, подвязывания и сращивания. В [корпус](#) фрегата мы били настильно, постоянно заряжали наши орудия малой мощности (все были полукулеврины) двойной и круглой дробью, а орудия на юте – круглой дробью и картечью, полной мушкетных пуль. Мы наверняка побили много людей на фрегате. Наши три шлюпки и грузовые стрелы были пробиты во многих местах, а комплект парусов сильно поврежден, некоторые паруса прострелены так, что выглядели ситом. Мы потеряли было пять человек убитыми и тридцать два ранеными. Среди последних числились мой брат, командор, плотник и боцман. Плотнику прострелили руку, а троим другим – ноги. Пять-шесть моих лучших матросов подорвались ужасным образом из-за собственной беспечности, оставив горящие [спички](#) рядом с пороховыми зарядами. Нашему арфисту раздробило мелкой дробью череп, остальные отделались легкими пулевыми ранениями и синяками, сохранялась надежда, что они быстро поправятся. Наш врач, мистер Уильям Гордон, был прилежным тружеником и большим мастером своего дела. Бой длился шесть часов – с четырех до десяти вечера – на расстоянии пистолетного выстрела, при легком ветре, малом волнении моря и скорострельности, какую позволяла быстрота зарядки орудий обеими сторонами. Во время боя мы часто издавали возгласы ликования, они отвечали своими: «Vive le goy!» Когда же фрегат удалился, их тональность изменилась – я никогда не слышал такого ужасного визга и воя, какие исходили с его борта. Должно быть, там было много раненых. По-моему, этот [военный корабль](#) располагал

сорока восьмью орудиями. После его ухода мы последовали курсом вест-тень-зюйд при легком северо-западном ветре. Вся ночь прошла в работах по укреплению такелажа, насколько это было возможно. Мы старались подготовиться к новой встрече с фрегатом, если бы он решился нанести нам утром новый удар. Однако наши люди устали за день, лучшие из них были убиты или ранены, мы мало что могли сделать, хотя я, как мог, ободрял их и давал им пить вволю пунша. Утром, когда рассвело, мы увидели противника на расстоянии три лиги. Он удалялся от нас в северном направлении, решив, я полагаю, что с него хватит ночных приключений. Я, без сомнения, обрадовался, ибо не желал больше иметь никакого дела с этим драчливым фрегатом.

24 октября, пятница. Последние двадцать четыре часа мы провели в вязке вантов и укреплении, насколько возможно, такелажа. Подвязывали грованты в четырнадцать местах, а фор-ванты – в девяти, и после перекручивания их для упрочения нашей шаткой мачты нам пришлось непрерывно использовать цепной [насос](#) и оба ручных насоса для откачки воды, которой корабль набрал изрядное количество через четыре пробоины под ватерлинией. Из-за волнения моря мы так и не смогли остановить приток воды. В этот день мы питались хлебом, сыром и пуншем и очень сожалели о потере бочки бренди, которая хранилась в нашем лазарете. Приготовить мясо не представлялось возможности из-за того, что [печь](#) и топка были прострелены, и к их ремонту приступил наш оружейный мастер. Наш корабль выглядел жалко с обвисшим простреленным такелажем и усеянный щепками, как плотницкая мастерская – стружкой.

26 октября, воскресенье. Вчера вечером мы снова перекручивали ванты. Жара и вязка узлов сильно ослабили их. Простреленный бегинь-рей срастили и закрепили, приладили бизань. Сняли фок-парус (он имел тридцать больших пробоин шириной в пол-ярда, проделанные железными болванками, и бесчисленное множество дырок от мушкетных выстрелов). Поставили новый парус. К фок-мачте прикрутили три больших гандшпуга, чтобы закрыть полученную во время боя примерно в десяти футах от полубака большую пробоину глубиной около восьми дюймов. Плотники занялись устранением пробоин в наших крепежных болтах.

27 октября, понедельник. Вчера вечером наши плотники занимались починкой дна нашего ялика, так что теперь мы имеем лодку на плаву. Ее можно будет спустить на воду при падении человека за [борт](#) и прочих инцидентах. Работа насосов для откачки воды не прекращалась, в дневное время солдаты Королевской Африканской компании оказывали нам большую помощь. Этим утром, как только рассвело, мы увидели в лиге от наветренной скулы корабль, идущий курсом зюйд-тень-вест, параллельно

нашему курсу. Мы тотчас привели корабль в боевую готовность. Сказать по правде, наши матросы оказались весьма проворны, так что мы были готовы встретить противника менее чем через час (скорее, чем перед предыдущим боем). Через полчаса мы наблюдали, как чужое судно идет по ветру на всех парусах к Варварскому Берегу. Оно показалось нам исправным, вести его мог Даниэль, капитан идущего в Анголу «Медитерэйниэна». Когда мы заметили, что корабль держится от нас в стороне, то продолжали двигаться своим курсом, не желая провоцировать конфликт после недавнего боя, хотя все члены экипажа были полны решимости немедленно дать ему жесткий отпор. Но, все еще держась по ветру, около двенадцати часов он пропал из виду. Мы снова закрыли пушечные амбразуры, сняли со стропов реи, побросали закрепленные за нами места, а плотники возобновили починку лодок. Ложная тревога помешала нам уделить внимание своим тропическим бутылкам. В этот день нашему волынщику ампутировали ногу чуть ниже колена.

2 ноября, суббота. Со вчерашнего полудня до шести вечера мы двигались вдоль [острова](#) Сантьяго, понемногу убавляя ход. Убрали нижние паруса и держались курса на восток только на топселях до Санта-Майо, взяв затем курс ост-норд-ост на расстояние пять лиг. В десять мы закрепили на мачте фор-марсель и убавили при свете дня ход до самого малого для входа в бухту Прая для демонтажа нашего корабля. В шесть утра подняли паруса и направились в порт, войдя в него около десяти. Мы отстояли от берега чуть больше чем на длину каната и на милю – от прекрасного песчаного дна залива, у водной части которого был большой кокосовый сад.

3 ноября, воскресенье. Вчера мы сняли грот-парус и спустили рей, развернули его на всю длину, чтобы приладить отрезок в десять футов к нок-рее с правого борта, где она сломалась. Около трех часов утра перетащили орудия и дали кораблю крен на левый [борт](#), чтобы прекратить приток воды с правого борта, где было три пробоины ниже ватерлинии перед глас-клампом. Наши плотники работали до двух ночи, чтобы заделать пробоины, между тем как матросы чистили корабль почти до самого низа. Затем мы накренили судно на другой [борт](#) и с левого борта на фут ниже ватерлинии обнаружили большую пробоину в его носовой части. Плотники потратили на заделывание этой пробоины остальную часть дня. До ночи корабль выправили. Около девяти утра я вместе с офицерами нанес визит вежливости губернатору города Сантьяго, поместив наших трубачей на носу шлюпки.

После того как усилиями гребцов [лодка](#) прошла семь миль, мы достигли точки входа в залив, ведущий в город. Направили шлюпки прямо к воротам, где высадились и увидели только нескольких негров и детей. Наши трубачи

сыграли сигнал, который вызвал к нам чиновника, прошедшего нас к губернаторскому дворцу в верхней части города. Здесь не было никого, кроме негритянок, которые изъяснялись с нами непристойными английскими словами, сопровождая речь похотливыми неприличными телодвижениями. Женщины были голыми – только имели спускавшиеся посреди бедер небольшие повязки ткани вокруг их талий.

Нам сообщили, что губернатор находится в церкви, однако наши горны встревожили главу [острова](#) настолько, что ждать его появления долго не потребовалось. За ним, появившимся во главе процессии верующих, вели коня в довольно приличной сбруе. Сопровождали губернатора два молодых капитана и священник. Сняв свои шляпы, мы приветствовали главу [острова](#), на что он и его окружение куртуазно отвечали. Затем он пригласил нас во дворец и провел через двор в просторный дом с железным балконом, выходящим на море. С него открывался великолепный вид. Когда нас рассадили по местам, я объяснил, что мы пришли с визитом вежливости, и рассказал о нашем плавании, а также о том, что нас побудило зайти в его порт. Мы выразили надежду, что губернатор позволит нам запастись пресной водой и провизией. Он ответил, что убедился в нашей честности и мы можем запастись всем, чем располагает остров. Я горячо поблагодарил главу [острова](#) за гостеприимство. Мне показалось, что все это время он чувствовал себя несколько неловко, поскольку не хотел помимо меня угощать всех моих офицеров и пассажиров корабля. Поэтому, подозвав одного из своих людей, я шепнул, чтобы мои спутники прошли прогуляться на час. Они вскоре так и поступили, испросив разрешения у губернатора повидать город. [Тот](#) не замедлил предоставить им такую возможность. Со мной остался лишь брат.

Вскоре после того, как они ушли, нас снабдили салфетками и большим куском хорошо испеченного белого хлеба. Затем он сходил в соседнюю комнату и принес коробку мармелада и квадратную бутылку мадеры, которую предложил выпить. Если бы не долг вежливости, я предпочел бы попить воды, ибо вино было таким густым, противным и теплым, что могло бы вызвать какую-нибудь неприличную физиологическую реакцию в присутствии его превосходительства. Однако, приняв утром на борту хорошую порцию пунша, я укрепил свой желудок до такой степени, что мог владеть собой. Вслед за этим я пригласил его пообедать на [борту](#) нашего корабля, где ему будет оказан теплый прием и приличествующее уважение. Он любезно принял приглашение, но уверял, что не был еще на борту ни одного корабля с тех пор, как стал губернатором. Он сказал, что если бы он согласился пойти, то жители [острова](#) скорее умерли, чем позволили бы ему сделать это. Они заботились о том, чтобы ему ни в коей мере не нанесли

вред или не сыграли с ним какую-нибудь злую шутку, что случилось с некоторыми губернаторами этих островов из-за пиратов и каперов, которые грозили увезти их с собой, приходивших к ним на корабли, пока те не прикажут принести столько провизии, сколько требовали насильники. Каперы делали вид, что выдают за это векселя, подлежащие оплате в Лондоне, но выписывали их под фальшивыми именами или на адрес насосной станции Алгейт, как это было с губернатором [острова](#) Сент-Томас.

4 ноября, понедельник. В этот день плотники срастили грота-рей, скрепили его двумя железными бугелями и канатами. Мы сняли наши простреленные топсели и прикрепили к реям другие. Приладили грота-штаг, послали за водой баркас, который привез шестнадцать полных бочек. Стояла прекрасная погода, дул приятный легкий северо-восточный ветерок. Утром я отправился на берег залива. Здесь было полно людей в рваной одежде, торговавших апельсинами, лимонами, кокосовыми орехами, ананасами, бананами и т. д. В одном месте продавец с парой кур в руке, в другом – с обезьянкой на коленях, чуть дальше стоял человек с козой у ног, рядом другой держал на привязи свинью. Наши матросы так спорили с ними за старые потрепанные [рубашки](#), нижнее белье или мелкие вещи (ничто не ускользало от их внимания), что торговля выглядела оживленной и азартной. Полюбовавшись некоторое время этой толчеей, мы поднялись на холм, чтобы передать губернатору обещанный сыр через заранее назначенного старого чиновника, представленного мне среди других. Здесь я встретился с господином с [острова](#), который явился с целью предложить поставки провизии, которая мне нужна, – часть за мои деньги, остальное – путем бартерного обмена. Я заказал пятнадцать коз, десять овец, четыре свиньи, шестьдесят кур, пятьсот апельсинов и лимонов. Все это мне пообещали доставить на берег утром. Негры здесь ходят голыми, прикрываясь только куском ткани. Женщины наворачивают материю вокруг голов, носят хлопковую ткань в голубую клетку или полоску, которая высоко ценится как хороший товар для Золотого Берега Гвинеи. Мне говорили, что здесь производили много такой ткани на продажу, но я видел ее только на женщинах, и ни одна из них не предлагала мне купить эту ткань.

5 ноября, вторник. Утром, как и было обещано, на берегу я обнаружил провизию, о которой договаривался. Был совершен разумный торговый обмен: я заплатил за товары три фунта в испанских деньгах, собранных у офицеров, а за остальную продукцию рассчитался мушкетами, кораллами и цветным льняным полотном. Я сходил попрощаться со старым чиновником, не намереваясь больше посещать берег, и около девяти вернулся на [борт](#) корабля, где матросы занимались креплением вант. Плотники распилили

грот-стенгу пополам и с помощью этих половинок утром устанавливали сорвавшуюся с места фок-мачту. Подогнав и проколов фиши, они скрепили их четырьмя канатами. Мы поставили нижние реи и приготовились идти под парусами следующим утром. Прошлой ночью скончался честный и отважный уэльсец Томас Кроноу, один из наших матросов. Он умер от ран, полученных в последнем бою: одним попаданием снаряда ему снесло одну ногу поверх лодыжки и пол ступни другой ноги. Его тело отвезли на шлюпке на небольшое расстояние от корабля и сбросили в море.

6 ноября, среда. В четыре утра выбрали стоп-анкер и [трос](#), затем развязали и подняли топселя, снялись с малого станового якоря и вышли в море при северо-восточном ветре, приятном и свежем.

7 ноября, четверг. Вчера вечером все чистили межпалубное пространство. Плотно укрыв решетки брезентом, сожгли три ведра дегтя, чтобы обезопасить корабль от инфекции и болезней. Втащили шлюпку и ялик, к баркасу приладили веревку и [трос](#), взяв его на буксир. Выбрали тросы, подняли якоря, подогнали друг к другу доски рубки и зарифлили паруса.

23 ноября, суббота. Со вчерашнего полудня мы шли вдоль берега к мысу Моунсерадо под легкий ветерок. Увидели мыс при дневном свете и вскоре заметили три судна, стоящие на якорю у берега, одно из которых показалось крупным кораблем. Мы не знали, что это за корабли, поэтому насторожились и приготовились к бою, когда увидели, что в нашем направлении гребет лодка. Это был баркас с «Ост-Индия Мерчант». Капитан Шерли послал его, чтобы просить нас о помощи. Он держался у мыса с фок-мачтой и фока-реей, разбитыми ударом молнии в щепы, а фор-брамсель загорелся от предшествовавшей вспышки молнии. Я собирался запастись деревом и водой на острове Юнко примерно в двенадцати лигах еще на востоке, где течет славная река и много леса. Однако, узнав о несчастье, выпавшем капитану Шерли, я изменил свое решение и, воспользовавшись морским бризом, направился к Моунсерадо. Около четырех часов вечера наш корабль бросил якорь на глубине восемь фатомов. Здесь мы выяснили, что представляли собой два других судна. Во-первых, это был корабль Габбинса, контрабандиста с Барбадоса, который вез главным образом груз рома для обмена на золото и рабов. Я купил у него 500 галлонов напитка по дешевой цене и продал их с большой выгодой. Другим судном был шлюп «Станиер». На его борту находился мистер Колкер, посредник из Шерборо. Он прибыл сюда, чтобы закупать бивни слонов и т. п.

Народ здесь вежливый и учтивый, но очень склонен к попрошайничеству. Король и его окружение постоянно преследовали нас в надежде получить

подарки. Здесь большие запасы качественного и дешевого риса, которым нас снабжали в изобилии, а для большего удобства торговли с ними и для обустройства наших плотников, которые оставались по ночам на берегу с целью заготовки дерева, мы соорудили из старых парусов два тента на песке у устья реки. Главным товаром был рис. Я закупил его пять тонн. Расплачивался в основном спиртным. За пинту можно было купить 30 фунтов риса. Другие товары, которые их интересуют, – железные болванки и валлийская ткань. Но за последний товар им нечего было предложить. Мы покупали у них дичь (не больше английских цыплят), которую они называют «кокадеку» и едят ее в сушеном виде. Мы купили также немного лаймов, диких апельсинов, ананасов, двух-трех коз. Они предлагали несколько небольших слоновьих бивней, но мы не удостоили их внимания.

28 ноября прибыл капитан Джон Соуне на «Джеффри». Погрузив на борт своего корабля лес, воду и рис, он отправился в четверг 3 января в Байт, оставив мне пачку писем от сэра Джеффри Джефриса для пересылки в Европу с первой okazji. Агент Колкер уехал 5 января в Шерборо, а Габбинс тем же утром на контрабандном судне из Барбадоса отбыл на Золотой Берег. Я отправил с ним письма трем главным торговым представителям Королевской Африканской компании в Кабо-Корсо-Касле, давая согласие на прием рабов на Золотом Берегу и обговаривая то их число, которое было необходимо поставить к моему прибытию. Мне пришлось оставаться здесь еще десять дней после завершения всех своих дел, пока капитан Шерли переоснащал свой корабль. 9 января 1694 года под легкий утренний бриз мы отправились на африканское побережье. Негры в этом месте выражали горячее расположение к англичанам и такую же ненависть – к французам. Двое из них, запомнив мое имя и капитана Шерли, заверили, что назовут ими своих следующих сыновей.

13 января, суббота. Вчера почти в четыре часа вечера, подойдя к реке Сестос, мы стали на якорь на глубине девять фатомов. Этим утром я отправился на берег в своем баркасе, чтобы поторговать. Капитан Шерли был не здоров и послал своего казначея.

В восьми милях вверх по реке расположено поселение, в котором правит король Петр, однако у меня не было времени навестить его и, по правде говоря, не было желания отправляться на баркасе так далеко. Негры здесь очень вероломны и кровожадны, как убедились на собственной шкуре европейские торговцы. Здесь пользуются спросом медные котлы, оловянная посуда разных размеров, спиртные напитки, лед, красная и голубая валлийская ткань, ножи и т. п. Но черные ничего не могли предложить за это, кроме небольших бивней «телят» (молодых слонов), которые нас не интересовали, но стоили очень дорого. Мы купили несколько кур, лаймов и

апельсинов. Предлагался рис, но гораздо дороже, чем в Моунсерадо, где мы запасались провизией.

14 января, воскресенье. Обнаружив, что торговля не оправдывает нашей стоянки у Сестосы, мы снялись этим утром с якоря и отправились под западный ветерок.

15 января, понедельник. Со вчерашнего полудня до двух ночи мы двигались вдоль берега. В это время нас настигли несколько каноэ с реки Сангвин, где начинается Хлебный Берег, или Малагетта. В ивовых корзинах туземцы привезли нам перец, названный ими малагеттой, похожий на любимый мной индийский перец. Я купил 1000 мер перца за одну железную болванку (в Англии это стоит три шиллинга шесть пенсов) и подарок брокеру в виде одного-двух ножей.

16 января, вторник. К полудню этого дня мы были у Ваппо, откуда прибыли новые каноэ для продажи малагетты. Я купил триста мер ее за три двухфунтовые оловянные посудыны. Могли бы было купить больше, но и этого было достаточно. Мы отправили туземцев на берег и продолжили свой путь.

17 января, среда. Вчера болезнь моего несчастного брата усилилась, он бредил. Несмотря на мои старания и усилия врача капитана Шерли поставить его на ноги, в три ночи сегодня он покинул этот беспокойный мир и оставил меня переживать его кончину. Около восьми дней он болел тяжелой формой лихорадки, которой страдали многие наши матросы.

18 января, четверг. Обогнув вчера около пяти вечера мыс Пальмас, мы стали на якорь на глубине девятнадцать фатомов, где простояли до шести сегодняшнего утра. Подняли паруса, когда гроб приготовили, уложили в него покойника и забили гвоздями крышку. Спустили баркас, в него для совершения похоронной церемонии сошли я, мой врач и казначей. Приспустили на полмачты флаги нашего корабля и «Ист-Индия Мерчант». Как обычно, в такой печальной церемонии звучали горны и били барабаны. Мы отгребли четверть мили от корабля, читали церковные молитвы. Я помог спустить тело покойного в море. Это была последняя услуга, которую я мог оказать своему брату. Затем «Ганнибал» сделал шестнадцать выстрелов из орудий с интервалами в полминуты. Именно столько лет он прожил в этом мире. «Ист-Индия Мерчант» выстрелил из десяти орудий.

21 января, воскресенье. В шесть часов мы снялись с якоря и двинулись на восток. Около десяти к нам прибыли два каноэ из Каба-Ла-Хо, за ними еще несколько с грузами хороших слоновьих бивней. Они попросили нас стать на якорь. Но прежде чем негры с каноэ взошли на борт, они попросили, чтобы капитан корабля спустился вниз и закапал свои глаза тремя каплями морской воды в знак дружбы и гарантии безопасности для них на борту. Я с

готовностью согласился с этим и выполнил их просьбу в надежде на выгодную покупку хороших больших бивней. Затем они поднялись на борт корабля, но, увидев на палубе много людей, снова спустились в каноэ. Их опасливость меня очень озаботила, и я стал настойчиво уговаривать их вернуться, что они и сделали. Угостив каждого доброй кружкой бренди, я показал им некоторые из наших товаров, а они принесли часть слоновьих бивней. Меня удивило то, что, когда они на каноэ подошли к кораблю, единственными доносившимися до нас звуками были «Кря, кря, кря, кря», как у уток. Из этого я предположил, что берег слоновьих бивней имеет название берег Крякря. Он тянется с мыса Пальмас до Бассам-Пиколо, где я впервые встретил золото. Нигде на побережье я не встречал таких робких негров, как здесь. Это приводит к мысли, что с ними проделывали трюки такие молодцы, как Долговязый Бен, то есть Эйвери, который захватывал их и увозил с собой. Из товаров туземцев больше всего интересовали оловянная посуда, железные болванки, ножи и большие витые оловянные кувшины, к которым наши покупатели питали особую привязанность.

27 января, суббота. Вчера в два ночи мы снялись с якоря и двигались вдоль берега до шести утра. В это время к нам подошло из Бассама каноэ с четырьмя туземцами, заверившими нас в предстоящем выгодном торге, если мы станем на якорь. Они попросили нас оставить их на борту корабля всю ночь, что и было позволено. Их каноэ мы подняли на таях и бросили якорь на глубине четырнадцати фатомов. Утром туземцы, оставшиеся на корабле, принялись торговать. Я купил у них тридцать шесть мер золота в амулетах за оловянные и железные болванки.

28 января, воскресенье. Вчера негры обещали нам выгодный торг, если мы останемся здесь. Соответственно, утром ко мне подошли два каноэ с туземцами. Я выменял у них шестнадцать унций золота в амулетах: за железную болванку – полторы меры, за десяток ножей – одну меру, за оловянную кастрюлю емкостью четыре фунта – одну меру с премиальными в виде нескольких ножей для тех, кто торговал быстро. Здешние негры не очень искушены в торговле по сравнению с теми, что живут на Золотом Берегу, поэтому мы могли сами устанавливать меры веса для них. Однако с подветренной стороны Золотого Берега негры имели понятие о наших тройских весах не хуже нашего. У них были собственные меры веса, которые они сравнивали с нашими. Точно так же в этом месте товары оцениваются выше, чем в наших факториях с наветренной стороны, по той причине, что здесь они не могут снабжаться все время, а там могут. Поэтому, когда здесь проходят корабли, они покупают все, что могут, хотя и платят более высокую цену. Правда, для торговли у них не так много золота.

31 января, среда. Прошлой ночью я почувствовал мучительную головную боль с правой стороны. Капитан Шерли, болевший лихорадкой, послал за моим врачом, мистером Гордоном, проконсультироваться. В воскресенье моя головная боль усилилась, в глазах так потемнело, что я ничего не мог видеть в десяти ярдах. Из-за головокружения я не мог стоять и двигаться без посторонней помощи.

13 февраля, среда. Утром мы вышли в море и, обогнув мыс Аполлония, вечером стали на якорь в Аксемене на глубине восемь фатомов, примерно в двух милях от голландского форта. Здесь у нас состоялась лишь скромная торговая сессия, поэтому, загрузившись, мы шли вдоль берега до ночи, после чего стали на якорь на глубине восемнадцати фатомов, напротив форта Бранденбург, около мыса Трес-Пунтар.

Утром 20 февраля капитан Шерли и я отправились на берег в нашу крепость Саккэнди, где обнаружили впавшего в безумие управляющего факторией мистера Джонсона. Он ругал и проклинал нас самыми последними словами, совершенно не узнавая давно с ним знакомого капитана Шерли. Я сочувствовал всей душой бедняге, который погрузился в это состояние из-за оскорбления, нанесенного ему неким Ванбукелином, торговцем из Мина-Касла. Как нам сообщил его помощник (молодой парень из сиротского приюта), некая Тагуба, известная негритянка в городе Кейп-Корсо, забеременевшая от одного из солдат нашей крепости, родила девочку-мулатку, которая росла там до одиннадцати лет. Управляющий факторией, мистер Джонсон, живший тогда в Кейп-Корсо, очень увлекся ею и сделал ей предложение (так заключались браки в Гвинее). Примерно в это время его перевели главным управляющим в факторию Саккэнди. Чтобы не потерять девушку, он взял ее к себе в факторию, где она проживала до возраста, пригодного для отправления супружеских обязанностей. Джонсон питал к ней любовь и нежность и счастливо провел с ней два-три года. Когда она стала привлекательной красивой женщиной, Ванбукелин подкупил ее мать Тагубу деньгами и подарками. Он уговорил ее поехать в Саккэнди под предлогом посещения дочери. Там он похитил и увез девушку с собой, приготовив для этого быстроходное каноэ, которое ожидало у голландского форта в Саккэнди. Вот как это было. Мать приехала в гости к ничего не подозревавшему мистеру Джонсону. Она пошла с дочерью якобы погулять. Когда они проходили рядом с притаившимся каноэ, гребцы схватили девушку и насильно посадили в лодку. Мать последовала за ними. Обеих женщин привезли в Мина-Касл. Девушку доставили Ванбукелину, разгрызшему орех, который так долго готовил для себя мистер Джонсон. Обедая с голландским начальником в Мина, я видел ее, когда ее привели танцевать для нас. Она выглядела прекрасно, и к ней обращались как к

мадам Ванбукелин. Это и некоторые другие старые противоречия между голландцем и мистером Джонсоном так губительно повлияли на последнего, что привели его в состояние сильного расстройства и даже умопомешательства. Молодой помощник развлекал нас как мог, а около трех мы вернулись на корабль. Во время пребывания там мне сообщили, что соседние негры, подстрекаемые Ванбукелином и голландским начальником, ночью совершили внезапное нападение и захватили форт. Они изрубили управляющего Джонсона на куски и разграбили товары.

27 февраля в полдень мы бросили якорь у дороги на Кейп-Корсо на глубине восьми фатомов и приветствовали нашу крепость пятнадцатью артиллерийскими залпами, получив такое же ответное приветствие. Товары и запасы, привезенные в крепость, мы отправили на баркасе, подошедшем к берегу так близко, насколько возможно. Потом подошли каноэ и забрали наши грузы. Эти плоскодонки прыгали на волнах, пока не приобретали устойчивость, затем натужно гребли к берегу, выгружали товары и снова уходили в море. В этом месте мы высадили с «Ганнибала» тридцать солдат компании. Они были в таком же добром здравии, как и тогда, когда садились на борт в Англии. Но в течение двух месяцев, что мы находились здесь для завершения своих дел, почти половина из них погибла, и немногие выжившие смогли похоронить своих товарищей.

Товары, которые пользуются наибольшим спросом на Золотом Берегу, – это голубые и красные ткани, а также оловянная посуда разных размеров, весом от одного до четырех фунтов, старые паруса, большие фламандские ножи, железные болванки, контейнеры со спиртом, хорошо выкрашенная лейденская ткань и кораллы, крупные и хорошего цвета. На такие предметы торговли спрос падает редко или никогда. Я также привез за счет Королевской Африканской компании мушкетеры, разнообразные ткани, медные чайники, английские ковры, свинцовые болванки, бочонки с салом, порох и многое другое. Но ни один из этих товаров не оправдал наших ожиданий, пришлось везти обратно в Англию большую их часть. А за те, что удалось продать, выручили совсем немного.

Около больших ворот крепости расположена тюрьма для содержания преступников фактории (убийцы, предатели и т. д.) до тех пор, пока не представится возможность отослать их на суд в Англию, где они получают заслуженное возмездие. В ее темные казематы попал один из моих трубачей по имени Уильям Лорд. Он распивал пунш на берегу с несколькими младшими чинами крепости, когда между ним и одним сержантом возникла ссора. Сержант вызвал его на поединок на саблях у цитадели. Трубоч принял вызов и явился на дуэль. Они фехтовали, пока трубач не получил шанс ранить противника в живот. Тот выронил саблю, стал молить о

пощаде и упал на землю. Об этом узнали в крепости. Трубача схватили и бросили в тюрьму. Получив об этом сведения, я предложил, чтобы мой врач и лекарь с их стороны посетили сержанта, осмотрели его рану и убедились в том, смертельна она или нет. На это было дано согласие. Через час врачи вернулись с докладом. Оба пришли к выводу, что рана ни смертельна, ни даже опасна. Лезвие сабли сделало порез шириной всего пять дюймов, скользнуло по брюшной полости, но не пронзило живот или какие-нибудь важные органы. Поэтому трубача освободили. Он, поблагодарив посредников, немедленно вернулся на корабль, ставший его лучшим убежищем. Здесь власти фактории не могли до него дотянуться.

Но, хотя в этот раз он счастливо избежал беды, подозреваю, что его ждет судьба висельника. Ибо, несмотря на свое здоровье и силу, он оказался чрезвычайно распущенным и подлым субъектом. Из-за его бесчинств на борту мне пришлось заковать его по рукам и ногам в железо на острове Сент-Томас и содержать так в течение восьминедельного изнурительного плавания до Барбадоса, где я намеревался передать его на один из военных кораблей его величества. Там знали, как обращаться с такого рода отвязными типами. Однако, поддавшись его явному раскаянию и искренней мольбе, я воздержался от этого, к своему большому разочарованию в дальнейшем. Вскоре он сошел на берег и сбежал, скрываясь в одном из пустых домов Бриджтауна до тех пор, пока из-за собственной неводержанности не только потратил свое жалованье, но влез в долги, которые не смог отдать. Поэтому он нанялся на борт небольшого двадцатипушечного фрегата из Новой Англии. Это был отличный корабль, который барбадосские купцы купили, укомплектовали экипажем, оснастили боевым вооружением и сделали совладельцем губернатора острова, полковника Рассела. Он направил корабль на Мадагаскар для покупки рабов, но, как я выяснил впоследствии частным порядком, реальной целью вояжа было Красное море, с тем чтобы извлечь выгоду из торговли с кораблями моголов. По завершении своей миссии и покупки для вида нескольких негров корабль мог смело и без опаски возвращаться с ценным грузом на Барбадос, поскольку в этом был заинтересован губернатор, а также одна из сторон, состоящая в родстве с английским адмиралом. Я поучаствовал в этом предприятии – продал им немного больше стрелкового оружия, чем было принято и необходимо для обороны судна, выходившего в море с торговой миссией. Какова дальнейшая судьба корабля, не знаю.

В Кабо-Корсо мы взяли на борт часть кукурузы, заказанной для содержания негров на Барбадосе. Груз состоял из ящиков, содержавших четыре бушеля для каждого негра. Выгрузка товаров для крепости заняла много времени. «Ист-Индия Мерчант» и наш корабль имели на борту 300

тонн товаров и ни одной шлюпки для перевозки, кроме наших собственных баркасов, которые вместе не могли быть задействованы в работе одновременно. Иногда море так штормило, что невозможно было что-либо делать шесть-семь дней подряд. Каноэ не могли подойти к кораблям, чтобы взять груз. Это обрекало нас на длительный простой, в течение которого мы заправлялись водой и разгружались в направлении ветра. В крепости отказывались выгружать на берег остаток грузов на любых условиях, расплачиваясь только с агентами компании, принимающими кукурузу на борт, и т. д. Освободившись наконец от грузов, 24 апреля в пять вечера я распростился со здешними дорогостоящими агентами компании. Они обрушили на меня массу любезностей. Время общения с ними я буду помнить с благодарностью, как и откровенность тех самых честных джентльменов нашей страны на всем побережье, которые в своих факториях умудрялись превзойти друг друга в оказании нам услуг и развлечений. Они очень огорчались и тревожились по поводу нашего отбытия, но нужно было расставаться, и вот, после многих взаимных выражений добрых чувств, я пожелал им счастливого Рождества и сел в лодку, захватив с собой два ящика золота для Африканской компании в Лондоне.

Прибыв на борт корабля, мы втащили туда ящики с золотом и подняли на бимсы наш баркас. Помощник сообщил, что во время торнадо корабль сорвало с левого станового якоря, трос порвался, в результате чего пришлось использовать наш запасной якорь, на котором мы простояли всю ночь.

25 апреля. Этим утром мы оставили крепость, приветствуя ее пятнадцатую залпами из орудий и получив аналогичное ответное приветствие. Сделать это прошлой ночью не позволило позднее время. Около восьми послали наш баркас к бакену, чтобы поднять на борт левый становой якорь, но он так увяз на дне, что под напряжением лопнул трос, державший бакен, и лодка стала дрейфовать по ветру. Затем мы послали лодки с буксирным канатом и двуглавым ядром для вылавливания якоря, но без всякой пользы. Пока мы безрезультатно искали якорь целый день, капитан Шерли прибыл в Анамабо.

В шесть утра 26 апреля мы снялись с нашего правого якоря и взяли курс на восток в Анамабо. Около девяти вышли на траверс Анишена, который представляет собой поселение из соломенных домиков, где Африканская компания устроила небольшую факторию. Поселение находилось в лиге от Анамабо, куда мы прибыли около десяти и стали на якорь на глубине семи фатомов, примерно в полутора милях от берега. Салютовав из семи орудий находившейся на северо-востоке по пеленгу крепости и получив ответный

салют, мы пришвартовали корабль кеч-якорем и тросом. После обеда я отправился на берег к управляющему здешней факторией, мистеру Серлу, чтобы узнать, куда и когда мы сможем прибыть за кукурузой, выделенной нам главными торговыми представителями в Кейп-Корсо. Там и в Аэне следовало добрать необходимый для нас маис, завершив нашу квоту погрузкой 700 ящиков на каждый корабль. Мистер Серл немедленно распорядился, чтобы мы могли забрать маис своими лодками, и любезно потчевал нас до самой ночи, после чего мы с капитаном Шерли вернулись на свои корабли. Анамабо находится в королевстве Фантин, в четырех лигах к востоку от Кабо-Корсо, и является прелестным большим городом. Населяющие его негры выглядят весьма боевитыми, здоровыми парнями, но большинство из них – отчаянные коварные негодяи, самые отъявленные плуты на всем побережье. Золото здесь считается худшего качества и смешивается с медью больше, чем где-нибудь в Гвинее. В нашей довольно модной крепости, где установлено около восемнадцати орудий, в течение нескольких дней оказывал нам гостеприимство мистер Серл, а в Ате, небольшой соломенной деревушке возле моря, примерно в полумиле к востоку от Анамабо, – управляющий факторией мистер Купер. В этой деревне, почти ничем не защищенной, за исключением нескольких мушкетов, есть большой двор и прекрасный пруд с утками. Мистер Купер, весьма предприимчивый молодой джентльмен, пообедал с нами вместе с женой (так он ее называл). Также мы обедали с миссис Серл в Анамабо. Обе женщины были мулатками, как и супруга мистера Ронона в Кабо-Корсо. Это весьма удобная форма брака, поскольку мужья могут менять жен по своей прихоти. Это заставляет этих женщин, заботы по содержанию которых минимальны или вовсе отсутствуют, относиться крайне щепетильно к развлечению своих мужей, к стирке их белья, уборке помещения и т. д. и т. п.

Наше пребывание в Анамабо длилось до 2 мая. Затем мы с капитаном Шерли, получив по 180 ящиков маиса каждый, загрузили лодки пресной водой и, освободившись от того, что осталось от грузов с наветренной стороны, распрощались с господином Серлом и Купером. Отправившись на восток вдоль побережья на дистанцию около двух лиг, ночью мы стали на якорь на глубине пятнадцать фатомов.

3 мая. Утром шли под парусами и двигались вдоль берега к Винибу. Встречались каное, из-за которых мы останавливались в надежде совершить торговый обмен. Но надежды оправдывались слабо, всем было нужно золото. В восемь вечера мы стали на якорь, чтобы не пройти мимо нашего порта.

4 мая. В восемь утра поставили паруса, а в одиннадцать стали на якорь у

Виниба на глубине девять фатомов до хорошего дна. После обеда пришвартовались, вышли на берег встретить каноэ, которыми обеспечил нас для использования в Виле управляющий здешней факторией мистер Николас Бакеридж.

Здесь каждый из нас встретил пятиместное каноэ и посадил своих лодочников и плотников за работу с целью укрепления их кницами и тимберсами. Мы вытащили наш имевший течь и изъеденный червями баркас на берег и подремонтировали его. С разрешения местной королевы – пятидесятилетней женщины, черной, как черный янтарь, очень тучной – мы запаслись пресной водой и дровами для топки. Ей, сидевшей под большим деревом, мистер Бакеридж и я выразили свое почтение. Королева любезно приняла нас и заставила своих фрейлин танцевать для нас в туземной манере. Она часто целовала мистера Бакериджа, которого, видимо, высоко ценила. И он действительно заслуживал такого отношения. Это был чрезвычайно добродушный и остроумный джентльмен, который очень хорошо знал эту страну и ее язык. Мы подарили королеве по ящику бренди и связке листового табака и после того, как она поблагодарила нас, пожелали ей доброй ночи. Королева была настолько любезна, что перед расставанием предложила нам разделить постель с ее молодыми служанками, однако мы вежливо отклонили это предложение и устроились на берегу. На следующий день нам пришлось поститься. Когда повар готовил обед – жаренного на быстром огне поросенка, – пламя костра поднялось до выстилавших потолок кухни сухих веток пальмы, которые немедленно загорелись, и менее чем через четверть часа наш обед и кухня превратились в пепел.

9 мая мы закончили дела в Винибе, вернулись на корабли и отправились в Аккру. Мистер Бакеридж поехал как мой пассажир нанести визит управляющему тамошней фактории мистеру Блуму. Капитан Шерли уже несколько дней страдал от диареи и лихорадки и был очень болен. Меня беспокоили сильные головные боли, и без снотворного я не мог заснуть, а из-за головокружения – ходить без посторонней помощи. Весь день шли вдоль берега, держась восточнее. Ночью стали на якорь на четырнадцати фатомов глубины, пользуясь стоп-анкером и тросом, которые благодаря легкости употребления служат нам во время ходьбы вдоль всего побережья.

На следующий день в Аккру прибыли два датских корабля, по 26 пушек каждый. Проходя мимо нас, они по отдельности салютовали девятью залпами. После нашего ответа на приветствие они стали на якорь в миле к востоку от нас. Датчане должны были договориться с чернокожим военачальником о возвращении и новом обустройстве захваченного ими

форта. В связи с этим они привезли с собой местного губернатора, солдат, провизию, боеприпасы и товары. Во время нашего пребывания в Аккре датчане сделали чернокожему военачальнику несколько предложений, но ответные требования последнего оказались невыполнимыми. Впрочем, насколько мне известно, форт им все-таки передали, они его обустроили и отправились закупать рабов в Виду. Оттуда во время перехода в Вест-Индию они зашли на Принцев остров за пресной водой. Там на них напал пират Эйвери (Долговязый Бен). Завязался бой, после которого датские корабли были разграблены и сожжены. Так печально закончился их вояж.

Мой спутник, командир «Ист-Индия Мерчант» капитан Томас Шерли, скончался здесь от лихорадки и диареи. Его торжественно, с воинскими почестями, похоронили в крепости Аккры. Когда гроб с телом капитана, доставляли на берег, пушки его корабля палили на дистанцию под углом в полминуты. Мистер Блум, я, мистер Бакеридж и управляющий датской факторией держали крышку гроба. После захоронения капитана, согласно ритуалу англиканской церкви, орудия его корабля произвели 30 залпов, «Ганнибал» – 26, форт Аккры – 20, а датский форт и Черный – по 16 залпов каждый. Капитан резко противился написанию завещания и оставил без внимания мои настоятельные советы сделать это. Командование его кораблем перешло к первому помощнику, мистеру Клею, а о состоянии капитана, говорят, позаботился его казначей, мистер Прайс.

20 мая. Около девяти утра мы прибыли в Виду, город, расположенный в шестидесяти лигах к востоку от Аккры. Стали на якорь на восьми фатомах глубины, в двух милях от берега. Затем пришвартовались стоп-анкером прямо против пристани, чуть западнее одной рощи деревьев, похожей на парк и торчащей, как башня, и другой – к востоку от первой. Этот день потратили на подготовку наших каноэ и всего прочего для завтрашней поездки на берег для покупки рабов.

21 мая. Этим утром я отправился на берег в Виду в сопровождении моего врача и казначея, мистера Клея – нынешнего капитана «Ист-Индия Мерчант», его врача и казначея, а также для охраны десятка наших матросов. Им предстояло поселиться на берегу, пока мы не купим 1300 чернокожих рабов. Мы, капитаны, были заинтересованы в таком количестве. Согласно договоренности, зафиксированной в договоре с Королевской Африканской компанией о фрахтовке судов, «Ганнибалу» предназначалось взять на борт 700 рабов, а «Ист-Индия Мерчант» – 650. Мы провели девять недель в их поисках. Наблюдения об этой стране, торговле и нравах, сделанные мной в течение этого времени при продолжающихся головных болях, состоят в следующем.

Вида, или Кведа, расположена в точке координат 6 градусов 10 минут

северной широты. Это самое приятное место, какое я встречал в Гвинее: сплошь равнины и небольшие пологие холмы, всегда покрытые тенистыми рощами лайма, диких апельсинов и прочих деревьев. Они орошаются широкими реками с пресной водой, в которых водится много разнообразной рыбы. Ближе к морскому побережью почва становится болотистой с большими топями.

Наша фактория, построенная капитаном Виберном, братом сэра Джона Виберна, находится близ болот, что делает ее весьма нездоровым местом для проживания. Белые люди, которых Африканская компания туда посылает, редко возвращаются с желанием рассказать интересные истории. Это место огорожено глиняной стеной высотой шесть футов. Ворота – с южной стороны. Внутри стен – большой двор с домом из глины с соломой, где живет управляющий факторией с белыми людьми. Имеются также склад, загон для рабов, а также место, где хоронят белых людей, которое носит непотребное название «свинарник», есть хорошая кузница и некоторые другие постройки. К востоку устроены два небольших земляных фланка, на них несколько духовых ружей и аркебуз, которые служат больше для запугивания несчастных невежественных негров, чем для боя. Когда мы были там, управляющий велел прорыть широкий и глубокий ров вокруг фактории, а мои плотники соорудили подъемный мост через него. Теперь безопасность фактории упрочилась. Ведь раньше войти в нее не представляло труда в дождливый сезон, когда стены размывались, а восстанавливались, когда прекращались дожди. Я заметил, что опасный сезон начинался здесь в середине мая и заканчивался в начале августа. Как раз в этот временной промежуток я и имел несчастье находиться здесь. Он оказывал удручающее влияние и на моих негров на борту корабля. Сами чернокожие свидетельствуют, что, когда идут дожди, больше похожие на горячие, словно нагретые огнем, фонтаны, они предпочитают не покидать свои хижины.

Фактория – около 200 ярдов в окружности и весьма непригодное место для проживания из-за близости болот, откуда исходит вредный запах и роятся маленькие мухи, называемые москитами, которые столь несносны, что если не принять опиум, настойку лауданума или снотворное, то ночью невозможно спать. Я никогда не чувствовал себя столь неудобно, как здесь. Эти злобные маленькие твари так досаждали и мучили меня, когда я лежал в постели, что мог находиться в ней не более часа. Я был вынужден вставать, одеваться и даже надевать перчатки на руки, а вокруг лица повязывать платок до того, как рассветало. И, несмотря на это, дьявольские москиты кусали меня сквозь платок. Ужаленное место воспалялось и опухало, провоцируя желание расчесывать его ногтями. Если бы король

Яков I побывал здесь некоторое время, то убедился бы, что почесывание места, которое зудит, не очень приятное занятие, как он всегда считал.

Лучшими средствами от воспаления был сок лайма, нанесенный на покусанное место, или уксус, который сначала вызывает жгучую боль, но потом приносит облегчение. Поэтому для того, чтобы отогнать этих проклятых мошек, а также получить немного прохлады в этом месте (европеец чувствует себя в замкнутом помещении этой страны так, как если бы его засосало в горнило английской печи), мы заставляли негритянских подростков обмахивать нас всю ночь большими опахалами из кожи.

В этой грозной, но полезной нам фактории находились товары, которые мы выгружали на берег поздно вечером и не могли до наступления темноты доставить в поселение вождя, где я содержал пакгауз. В это время товары вполне могли растащить негры-носильщики, на что они весьма горазды. Например, в дневное время, несмотря на внимание наших белых людей, ответственных за доставку товаров с моря, они воруют каури (раковины), заменяющие деньги. У негров есть инструменты, похожие на клинья, предназначенные для того, чтобы сбивать заклепки бочек, в которых хранятся каури. Из образовавшихся отверстий раковины выпадают. Рядом всегда находились жены и дети носильщика, чтобы унести наворованные деньги. Но когда какой-нибудь из матросов, надзирающий за товарами, проходил рядом с таким носильщиком, тот незаметно восстанавливал заклепки при помощи своего инструмента, отверстия закрывались. Мы не могли предотвратить это вопреки всем своим угрозам и жалобам вождю. Впрочем, мы нередко их нещадно били, а некоторых сажали в тюрьму, но это оставалось в их крови. Что бы мы ни предпринимали, это не оказывало на них действия.

Фактория была полезна для нас и в другом отношении. Ибо после того, как мы добывали и отсылали к побережью группу рабов, чтобы затем увезти, иногда случалось, что из-за плохой погоды каноэ не могли подойти к берегу, чтобы забрать их. Поэтому негров возвращали в факторию, где они были обеспечены и содержались в безопасности до улучшения ситуации. Пользуясь случаем, мы иногда за один раз переправляли таким образом сотню рабов обоих полов.

На берегу у нас был свой повар, так как мы старались питаться как можно лучше. Провизии имелось много и по низкой цене. Но вскоре мы стали мучиться желудком. Большинство моих людей заболели лихорадкой. У меня самого так болела голова, что я еле стоял. А когда ходил без посторонней помощи в загон для негров, то там часто падал в обморок от вони, исходящей от них. Загон представлял собой ветхий дом, где все рабы содержались вместе и отправляли свои естественные надобности там, где

лежали. Ни один сортир не воняет хуже. Вынужденное посещение их три-четыре раза в день совершенно подорвало мое здоровье, но ничего исправить было нельзя.

Когда мы приходили в загон, сначала предлагались на продажу рабы вождя, если они у него были. Слуги вождя настаивали, чтобы мы купили их до того, как они покажут нам другую партию. Они говорили, что от рабов вождя мы не должны отказываться, но я замечал, что они были худшими во всем загоне, а мы платили за них больше, чем за других. Но такова была прерогатива вождя. Затем каждый из слуг приводил своих рабов соответственно их достоинству и качеству, начиная с лучших. Наш врач основательно осматривал их со всех сторон, чтобы убедиться в их полном здравии: заставлял их прыгать, быстро вытягивать руки, заглядывал в рот, чтобы определить их возраст. Хитрые слуги вождя наголо брили рабов перед осмотром, чтобы скрыть их возраст, и мы не заметили бы седых волос на их головах и подбородках. Затем они мыли их и смазывали пальмовым маслом так, что отличить старого раба от негра среднего возраста можно было лишь по состоянию зубов. Однако наша главная забота заключалась в том, чтобы не купить рабов, больных сифилисом, ибо они могли заразить на борту корабля своих соплеменников. Хотя мы отделяли мужчин от женщин разными перегородками и переборками для предотвращения ссор и пререканий, все же они общались, и болезнь, которую называют фрамбезией, встречалась здесь очень часто. Она проявляется почти теми же симптомами, что *Lues Venerea*, или триппер, у нас. Поэтому наш врач должен был осматривать наружные половые органы мужчин и женщин с особой тщательностью, что весьма удручало, но от этого отказаться было нельзя. После отбора среди остальных рабов тех, которые нас устраивали, следовало соглашение о том, какими товарами их можно было оплатить. Достигалась договоренность с вождем о том, сколько товара определенного вида мы выдавали за мужчину, женщину и ребенка. Это облегчало процесс торга и уберегало от множества споров и пререканий. Только на следующий день после получения документа, удостоверяющего договоренность о товарном обмене, он получал своих рабов. Затем мы ставили раскаленным железом на груди или плече раба клеймо, на котором выгравировывали букву из названия корабля. Предварительно место клеймения смазывали пальмовым маслом, которое уменьшало боль. Через четыре-пять дней метка становилась четкой и бесцветной.

Купив 50–60 рабов, мы отправляли их на борт корабля. Их сопровождал надсмотрщик, которого называли начальником рабов, в обязанности которого входило стеречь подопечных до побережья и провожать их на корабль. Если во время доставки какой-либо из рабов пропал, начальник

должен был возместить для нас потерю. То же требовалось от него, если какой-нибудь раб сбежал, пока находился под его опекой. Ведь после покупки мы возлагали на начальника ответственность за доставку. С этой целью вождь назначал двоих уполномоченных, каждому из которых капитан корабля выплачивал жалованье, равное стоимости раба в товарах, которые предпочитал уполномоченный за свои услуги в торге. Уполномоченные четко исполняли свои обязанности, и из 1300 купленных здесь рабов мы не потеряли ни одного.

Подобным же образом назначался начальник на пляже, который заботился о товарах, выгружавшихся нами на берег и за неимением носильщиков оставляемых там на целую ночь, он следил за тем, чтобы груз не растащили негры. Однако, несмотря на все предосторожности, мы часто терпели убытки без компенсации.

Когда рабы прибывали на побережье, их ждали в полной готовности наши каноэ, чтобы, если позволяла погода, отвезти на баркас, который доставлял их на борт корабля, заковывали в железо и соединяли оковами попарно для предотвращения мятежа или попыток выброситься за борт.

Негры так неохотно расставались со своей страной, что нередко выпрыгивали из каноэ, баркаса или корабля прямо в море. Они оставались под водой до тех пор, пока не тонули, только для того, чтобы избежать спасения нашими лодками. У нас меньше страха перед адом, чем у них – перед Барбадосом, хотя в действительности они живут там лучше, чем на родине. Но дом есть дом. Мы также видели, как эти ныряльщики попадали в пасть акул, которые кружат вокруг кораблей в несметном количестве и, говорят, следуют за ними до Барбадоса. У нас было двенадцать негров, утонувших добровольно, и других, которые довели себя до смерти голодовкой. Они верят, что когда умирают, то возвращаются домой в свою страну и к друзьям.

Лучшее средство расчета для покупки здесь рабов – раковина каури. Чем она меньше, тем больше ценится. Ведь они расплачиваются ими поштучно. Самая мелкая раковина имеет ту же цену, что и самая большая, но они получают их от нас по мере или весу. За хорошего, здорового раба берут около ста фунтов. За каури следовали медные нептуны, или тазы, очень большие, тонкостенные и плоские. Ведь после покупки негры делили их на части для изготовления браслетов на руки, ноги и украшений на шею. Другими предпочтительными товарами были голубая льняная ткань, батист, крашенная хлопковая ткань. Сюда следует отнести такой же материал более широкого формата; большие, гладкие, темно-красные кораллы; большие, красные бусы; железные болванки, порох и бренди.

Рабов можно покупать примерно за три фунта пятнадцать шиллингов за

голову, но почти половина стоимости груза должна покупаться за каури или бути, за медные тазы, в противовес другим товарам, которые мы покупаем дешевле, таким как кораллы, бусы, железо. Другое они просто не берут. Так, если слуга вождя продает пять рабов, он потребует оплатить двух из них посредством каури, одного – медью, как дорогих рабов. Потому что раб, оцененный в каури, стоит в Англии более четырех фунтов, в кораллах, бусах или железных болванках он не стоит и пятидесяти шиллингов. Но без каури и меди они не возьмут ни один из товаров, указанных выше, причем в лучшем случае в небольшом количестве, особенно если обнаружат, что у вас на борту – солидный запас каури и меди. Тогда никакие другие товары их не устроят, пока они не получат все, что у вас есть. И после этого они либо заставят вас согласиться на их условия, либо еще долго дожидаться ваших рабов, так что уже находящиеся на борту корабля невольники будут умирать, пока вы покупаете на берегу других. Следовательно, каждый человек, который приходит сюда, должен быть крайне осторожным, когда вначале сообщает вождю, какими и в каком количестве товарами он располагает. Он должен заверить, что его груз состоит главным образом из железа, кораллов, бус, тонкой ткани и т. д. Причем выложить эти товары как можно быстрее, и, наконец, его каури и медь добудут ему рабов так скоро, как скоро он сможет их купить. Но следует понимать, что речь идет об одиночном корабле. Более того, если капитан согласится с этим, что случается редко. Потому что там, где имеется несколько разных кораблей и разнообразные интересы, в то время как покупается один и тот же товар, обычно происходят подножки, предательства и перебивание цен одного другим. А словам и обещаниям гвинейских начальников, готовых обмануть даже отцов, по крайней мере исходя из моего опыта, не следует доверять.

Рейд, которым пользуются наши корабли, очень хорош, дно чистое, с постепенным мелководьем. Лучшая якорная стоянка – на восьми фатоммах глубины, напротив большой рощи, которая образует как бы гумно в полутора милях от берега. На берег накатываются такие бурные волны, что мы рискуем сесть на мель всякий раз, когда приближаемся к берегу или отчаливаем от него. Каноэ часто опрокидываются, но канойщики столь замечательные ныряльщики и пловцы, что спасают жизнь тех, к кому настроены дружелюбно. Тех же, которые им безразличны, они оставляют на произвол судьбы. Вот почему старшие канойщики в лодках должны быть добры и обязательны в отношении людей за бортом. Эти канойщики могут, по своему усмотрению, бросить этих несчастных тонуть и свалить все на случайность, то есть не оказать им помощи. И здесь ничего нельзя поделать.

Каноэ, которые мы покупаем на Золотом Берегу, укрепляются кницами и перекрытиями по всей длине, чтобы не черпали воду. Эти лодки глубоко

зарываются, когда идут против волн. Каноэ делают из выдолбленного ствола хлопкового дерева. Они вмещают от двух до двенадцати канойщиков. Самая большая лодка по ширине не больше четырех футов, но двадцать восемь или тридцать футов в длину. Наиболее удобные для использования в Виде каноэ вмещают пять – семь человек. Каждый корабль, закупивший много рабов, должен иметь два каноэ, поскольку лодку трудно спасти в штормящем море, если она перевернется. Другие трудно здесь найти, а без каноэ невозможно высаживать или увозить грузы и людей.

Мы привозим из Кейп-Корсо семь канойщиков, один из которых боцман, являющийся одним из самых искусных лодочников в Гвинее. Он командует остальным экипажем и всегда бывает рулевым, отдает команды другим – когда грести, а когда табанить. Он следит за погодой, благоприятной или неблагоприятной для морских перевозок. Жалованье канойщиков определено и стабильно. Половину его мы выплачиваем им золотом в Кейп-Корсо, вторую часть – товарами, когда рассчитываемся с ними в Виде. Принято также дарить им каноэ для возвращения домой и рубить другое каноэ на дрова, если не представится случай продать его, что случается весьма редко. Из-за опрокидывания каноэ во время высадки мы утратили шесть-семь бочонков каури, более сотни железных болванок и другие товары. Ничего не удалось спасти или хотя бы получить компенсацию за это. Наоборот, приходилось делать вид, что все хорошо, иначе они в отместку могли сыграть с нами злую шутку. Для обеспечения запасов пресной воды мы постоянно держали на берегу двух матросов, которые спали и ели в фактории. Ночью они наполняли наши небольшие бочки водой и катили их по песку к морю, готовые утром переправить их на плоту на корабль, перед тем как задует ветер с моря. Это единственное время, когда мы можем воспользоваться для перевозки воды плотом. В другое время сильное волнение моря часто разбивало плот при погрузке на баркас бочек, из-за чего многие из них мы теряли.

Баркас использовался главным образом для доставки на борт корабля воды, которую мы переливали в свои бочки в трюме и снова отправляли утром небольшие бочонки на берег. Для этого мы содержали две партии бочонков. У нас был небольшой ялик, который приносил нам большую пользу при переправке коров, свиней, дров и писем, взятых с каноэ. Экипаж ялика состоял всего из двух матросов.

Когда рабов переправляют на борт корабля, мы заковываем их и связываем попарно, пока находимся в порту на виду у их соплеменников. Потому что в это время они пытаются совершить побег или поднять мятеж. Для предупреждения этого мы всегда ставим часовых у люков и держим

наготове постоянно находившийся на юте рядом с взрывными зарядами ящик с заряженными ружьями. Две наши пушки на юте всегда нацелены на палубу, как и две другие пушки из рулевой рубки. Дверь в нее всегда закрыта и заперта. Рабов кормят дважды в день, в десять утра и четыре вечера. Как раз в это время они, собираясь на палубе, наиболее склонны к мятежу. Вот почему все это время матросы, не занятые распределением среди рабов пищи, стоят с оружием в руках, а другие – с зажженными фитилями у заряженных орудий, нацеленных на туземцев до тех пор, пока их не накормят и не уведут в межпалубные загоны. Их главное блюдо называется «даббадабб» и готовится на основе маиса, который измельчается до частичек величиной с зерно овса, для чего мы возим с собой металлические мельницы. Потом молотый маис опускается в воду и варится как следует в большой медной печке, пока не загустеет в виде каши. Для десяти туземцев предназначается около двух галлонов каши в сосудах, называемых групповухами, с добавлением соли, перца (малагетты) и пальмового масла.

Рабы разделяются на группы по десять человек для обеспечения порядка во время кормежки. Три дня в неделю им дают на обед и ужин вареные конские бобы, большое количество которых и поставляет Африканская компания. Негры очень любят эти бобы и, когда едят их, бьют себя в грудь и кричат: «Прам! Прам!» – что означает: «Очень вкусно!» Это действительно для них лучшая еда, которая обладает вяжущими свойствами и очень полезна для предотвращения дизентерии. От этой болезни они страдают больше всего, большая смертность от нее часто делает бесполезными наши вояжи за море. Мужчин кормят на верхней палубе или на полубаке, так что мы можем держать их под прицелом с юта в случае беспорядков. Женщины принимают пищу на юте вместе с нами, а мальчики и девочки – на корме. После того как их поделили на группы кормления и назначили им место трапезы, они с готовностью следуют туда, соблюдая порядок. Когда они полностью очистят миски (что мы поощряем для их благосостояния), их отправляют в межпалубное пространство. Там каждый получает свою пинту воды запить пищу. Вода подается бочаром из большой кадки, предварительно заполненной. Когда туземцам нужно отправить естественные надобности, часовые разрешают им подняться по широким лестницам вверх в уборную. С этой целью по обоим бортам корабля оборудованы отхожие места, каждое из которых вмещает по десять человек зараз.

С выходом в море мы освобождаем туземцев от железных оков. Они не пытаются бунтовать из тех соображений, что если поубивают нас или овладеют нами, то не смогут управлять кораблем, поэтому должны доверять

нам, везущим их туда, куда нам нужно. Следовательно, опасность сохраняется, пока мы стоим в виду их страны, с которой им не хотелось расставаться. Но как только с глаз долой – так и из сердца вон. Я не слышал, чтобы они бунтовали на кораблях, хорошо укомплектованных составом, где проявляли хотя бы малейшую заботу о туземцах. Но на малых судах с небольшим экипажем, проявляющим небрежение или пьянствующим, туземцы, бывало, внезапно нападали на команду, расправлялись с ней, перерезали канаты и позволяли судну дрейфовать вдоль берега. Они обходились тогда своими силами. Как бы то ни было, у нас 30–40 купленных на Золотом Берегу негров. Начальство фактории обеспечило нас чернокожими охранниками и надсмотрщиками за невольниками Виды, которые спят среди них и удерживают их от ссор. Они призваны не только уведомлять нас о заговорах и интригах среди туземцев, но и побуждать негров каждое утро начисто скрести палубы, избегать болезней, проистекающих от грязи и нечистоплотности. Начальство уверено, что его назначенцы осуществляют свои обязанности с большим усердием. Когда мы ставим охранника, то снабжаем его плеткой-девятихвосткой как символом власти, которую он выполняет без зазнайства и с большой основательностью. В открытом море, по вечерам, мы позволяем рабам выходить на солнышко подышать свежим воздухом. Мы заставляем их танцевать и прыгать час или два под музыку наших волюнок, арф и скрипок, что способствует их здоровью. Но, несмотря на все наши усилия, болезни и смертность среди них не убавлялись.

Закупив 700 рабов, 480 мужчин и 220 женщин, а также завершив дела в Виде, я расстался со старым вождем и его слугами. Стороны высказали на прощание друг другу много любезностей, мне пришлось пообещать вождю, что я вернусь сюда на будущий год и привезу из Англии несколько товаров, которые ему хотелось бы приобрести. Подписав мистеру Пирсону коносаменты относительно перевозки негров, я утром 27 июля вышел в море в сопровождении «Ист-Индия Мерчант», который закупил 650 рабов для острова Сент-Томас, откуда мы отбыли 25 августа и взяли курс на Барбадос.

На переход от Сент-Томаса до Барбадоса мы потратили два месяца одиннадцать дней. За это время в результате болезней и смертей среди моих несчастных матросов и негров в первый месяц мы похоронили 14, а во второй месяц 320 человек, что стало огромным ущербом для нашего предприятия. Королевская Африканская компания потеряла на каждом погибшем рабе десять фунтов десять шиллингов, а для владельцев корабля это была сумма фрахта, оплачиваемая агентам Африканской компании в

Барбадосе по чартерному соглашению за каждого доставленного живым на берег негра. Такие потери составили в целом 6500 фунтов стерлингов. Болезнь, из-за которой умерли большей частью мои матросы, а также чернокожие, называлась белой дизентерией. Она свирепствовала так, что ее не могли излечить никакие медикаменты. Когда кто-либо заболел ею, мы считали его погибшим, что в целом оправдывалось на самом деле. Не могу себе представить, что вызывало эту болезнь так неожиданно, – они были здоровыми около недели после того, как мы покинули остров Сент-Томас. Вслед за пагубностью климата могу объяснить ее не чем иным, как воздействием неочищенного коричневого сахара и сырого необработанного рома, который матросы там покупали. Они добавляли его в пунш и пили в большом количестве, что я был не в силах предотвратить даже посредством наказания нескольких из них и сбрасывания в море того рома и сахара, что обнаруживал. Мне пришлось заковать в железо одного нашего горниста за организацию несвоевременных пирушек и за то, что в пьяном угаре он бросился с ножом на спавшего боцмана, а также за другие бесчинства. Однако, несмотря на то что он два месяца день и ночь проводил на корме в оковах, когда над головой не было никакой крыши, кроме купола небес, его не беспокоили никакие болезни. Он оправдывал пословицы: «Дуракам – счастье» или «Кто родился, чтобы быть повешенным, никогда не утонет». Я уже рассказал о нем достаточно и больше не стану упоминать его.

Негры так восприимчивы к заболеванию оспой, что не многие корабли, которые их перевозят, обходятся без этой хвори. Иногда она опустошала их ряды. Но хотя у нас, бывало, болели зараз по сто невольников и заболевание распространялось на весь корабль, тем не менее мы потеряли не больше десяти человек. Вся помощь, которую мы могли оказать несчастным, заключалась в том, что им давали пить столько, сколько хотели, а также немного пальмового масла натереть раны, и постепенно они выздоравливали без какой-либо иной помощи, кроме той, какую оказывала природа.

В этой болезни поражает то, что, хотя ею быстро заражаются чернокожие друг от друга, она не перекидывается на белых людей. У меня на борту имелись несколько белых людей и подростков, которые так и не заболели этой болезнью, хотя постоянно находились среди заразных чернокожих. Тем не менее ни один из них ни в малейшей степени не пострадал, несмотря на то что по своим проявлениям и симптомам это была та самая хворь, которая распространена среди нас в Англии. Она начинается с головной боли, потом наступают тремор, рвота, жар и т. д. Но к тому, что щадит оспа, беспощадна, к сожалению, дизентерия. И, несмотря на все наши усилия кормить туземцев в должном порядке и времени, содержать их помещения,

насколько возможно, в чистоте, выносить долгое время смрад группы существ, которые грязнее свиней, вопреки ожиданиям, уменьшить смертность среди них не удавалось. Ни один старатель не перенес столько горя от рабов, сколько те, которые занимаются перевозкой негров. У первых есть хотя бы временное облегчение или удовлетворение, у нас же горе вдвойне. И тем не менее из-за смертности негров наши морские вояжи обрекаются на неудачу. Нам невыносимо думать, что приходится переносить так много несчастий ради столь незначительных результатов.

Я доставил управляющим факториями живыми на Барбадос 372 раба, и они были проданы по девятнадцать фунтов за голову, один за другим.

Взяв на борт почти 700 бочек сахара, по 9–10 шиллингов за 100 килограммов фрахта за мусковадо и 11 шиллингов – за побеленный сахар, хлопок – по 2 доллара за фунт и имбирь – по 8 шиллингов за сотню, мы приготовились сняться с якоря 2 апреля. Военный корабль «Тигр» собрался доставить полковника Кендала в Англию и конвоировать корабли, отправляющиеся в море в это время. Их было тридцать – больших и малых, семь из которых представляли собой торговые суда с двадцатью восьмью и больше пушками. Капитан Шерман приказал им следовать в боевом строю на случай встречи с противником. Он любезно назначил меня, на «Ганнибале», вести флотилию правым галсом, а капитана Баттрома, на «Фалкенбурге», – левым галсом в боевой обстановке, в то время как сам намеревался занять центр. Другие корабли должны были выполнять вспомогательные функции. Полковник Кендал уклонился от встречи с множеством джентльменов, захотевших его посетить с пожеланием счастливого пути. Вечером 2 апреля он вступил на борт «Тигра» под салют городских орудий, а вечером 3 апреля мы отправились в Англию в сопровождении военного корабля «Честер», который прислал из Антигуа в Барбадос для укрепления конвоя губернатор Подветренных островов полковник Котрингтон. Этот корабль должен был сопровождать нас до Диседы, ибо по информации, полученной губернатором, там нас поджидала эскадра французских военных кораблей с Мартиники.

3 апреля, среда. Вчера около четырех вечера мы отправились в море через залив Карлайла, затем подняли фок-паруса и легли в дрейф с подветренной стороны в ожидании кораблей остальной флотилии. В семь оставили залив позади. Перед нами было спокойное открытое море. Ночью задул легкий ветерок, продолжавшийся до сегодняшнего полудня.

19 апреля, пятница. Утром меня мучили сильные головные боли, сопровождавшиеся таким головокружением, что я не мог стоять на ногах, а все, на что смотрел, плыло перед глазами. Головокружение вскоре прекратилось, но головная боль продолжалась до такой степени, что я был

вынужден проводить большую часть времени в кровати, пока 22 мая мы не прибыли на остров Силли. В это время моему левому уху возвратился в значительной степени слух. Правым ухом я перестал слышать на побережье Гвинеи в результате предыдущего припадка. И вот без ухода (мой врач умер от чумы на Барбадосе) моя глухота усиливалась с каждым днем.

По возвращении в Лондон, благодаря любезности и доброй воле друзей и знакомых, которых опечалило мое возвращение в таком состоянии, я проконсультировался у многих известных врачей, считавших, что вылечат меня от глухоты. Я посещал нескольких из них, считавшихся медицинскими светилами в этом знаменитом городе. По их рецептам меня каждый день в течение четырех-пяти месяцев мучили аптекари дозами отвратительных лекарств. Врачи истязали меня кровопусканиями и дренажами. Я потратил на них 100 гиней без пользы хотя бы на фартинг. Наконец я счел более благоразумным, что лучше мириться, насколько можно, со своей глухотой, чем мучиться и нести расходы на бесполезное лечение. В связи с этим я распрощался с докторами и, поскольку был признан негодным для службы из-за глухоты, завершил дела в Лондоне. Оставил город и уехал в Уэльс, к родственникам в родной город Брекнок. Там я проживал остаток своей жизни с присутствием духа, на которое был способен в тяжелом недуге».

Глава 4

ОТБЫТИЕ ИЗ ЛОНДОНА «АЛЬБИОН-ФРЕГАТА» С НЕВОЛЬНИЧЬЕЙ МИССИЕЙ

Этот рассказ о поездке к реке Новый Калабар, или Рио-Реал, на гвинейском побережье позаимствован из журнала, который вел мистер Джеймс Барбот, суперкарго и совладелец с другим предпринимателем из Лондона «Альбион-фрегата» водоизмещением 300 тонн, с 24 орудиями. Он владел 10 процентами стоимости корабля [13 - Churchill. Op. cit. Vol. V.].

«Мы отправились из Даунса 13 января 1699 года и прибыли к острову Мадейра 3 февраля, откуда продолжили переход сразу же после того, как взяли на борт вино и продовольствие. 10 февраля мы смонтировали на палубе шлюп, и в тот же день, ночью, корабль мощно потряс кит. Он поднялся с глубины прямо под нашим килем, почти посередине, после чего с большим шумом снова погрузился в океан. Рулевой признался, что больше минуты не мог сдвинуться с места.

В точке 12 градусов 5 минут северной широты мы заметили два паруса. Позднее переговорили с одним из них, который оказался лондонцем, командиром одной флотилии, который поднялся к нам на борт и сообщил,

что находится в трех днях пути от реки Гамбии, держа курс на гвинейский Золотой Берег. В этот полдень нас окружили большие стаи морских свиней. Одну мы зацепили крюком.

25 февраля бросили якорь у реки Сестро, где оставались почти месяц, запасаясь дровами, водой, рисом, душистым перцем, птицей и другой провизией. Царь Петр был еще жив и здоров. Мы ограничились покупкой нескольких слоновьих зубов из-за дороговизны. 7 апреля прибыли к Аксиму, первому голландскому форту на Золотом Берегу, а на следующий день стали на якорь перед прусским фортом Великий Фридериксбург. Там нас любезно принял прусский генерал, но предупредил, что не располагает возможностью приобрести какой-нибудь из наших товаров. Повсюду на этом побережье торговля замерла по причине большого количества контрабандистов, наличия других торговых кораблей, а также из-за военных конфликтов между туземцами. Этот форт был прекрасной крепостью, оснащенной около сорока орудий. Генерал рассказал мне, что шесть недель назад, по возвращении из Кейп-Лопеса в Трес-Понтас, он подвергся нападению пирата, который отпустил его, встретив очень теплый прием. Он сказал, что вокруг этого мыса курсируют еще два-три пирата.

10 апреля рядом с нами бросил якорь небольшой португальский корабль. Чернокожий капитан сообщил, что находится в трех неделях пути от Сан-Томе, где три месяца назад он видел четыре французских парусника. Они шли из Гвинейского залива, груженные рабами, большей частью из Фиды. Эти корабли были посланы французским королем со специальной миссией закупки рабов, чтобы возместить рабами вместо денег убытки флибустьеров Санта-Доминго, требующих вернуть трофеи, захваченные прежде в Картахене месье Де Пуанти и Дюкассом, и тем самым побудить их вернуться в Санта-Доминго и подтолкнуть их обосноваться в поселении, которое они бросили.

Чернокожие, обитающие рядом с фортом, по злобе отвели от берега канал со свежей водой, чтобы помешать нам воспользоваться ею. Мы пожаловались прусскому генералу, который приказал позволить нам запастись водой. Он также выделил нам несколько своих каменщиков, чтобы те заранее соорудили у нас на борту для рабов камбузный котел. У нас много больных матросов, некоторые из них уже умерли. Солнце жжет немилосердно. Мы почти не запаслись провизией, кроме нескольких коз, дорого заплатив за них. У португальского капитана мы приобрели за пять эку золотом козу, свинью и семь цыплят. Здесь нам также выпало несчастье обнаружить, что конские бобы, которые мы закупили в Лондоне на сто фунтов на кормление наших рабов, во время рейса испортились без употребления и ухода.

17 апреля мы прибыли к форту Мина и обнаружили на рейде семь кораблей, три или четыре из них парусники, среди которых два фрегата по тридцать орудий каждый и 130 человек экипажа. У берега крейсер, захвативший три контрабандных судна из Зеландии. Одно из них, оснащенное тридцати шестью пушками, оказало дерзкое сопротивление. Его капитану предстоит суд со смертным приговором. Один из фрегатов, пробывший у побережья два года, собирался возвращаться домой с тысячью марок золотом.

21 апреля мы двинулись дальше, салютовав крепости семью залпами, и бросили якорь в Анамабо, где с большим трудом купили по высокой цене некоторое количество маиса и продали много сладостей и пороха. Мы платили по три экю за каждый ящик маиса, но, потеряв большой запас конских бобов, были вынуждены приобретать кукурузу за любую цену. Чернокожие здесь очень ценят сладости в цветных обертках. Лидирует среди них клеенка с позолотой, с изображением английского оружия. Мы купили лодку, груженную топливом, по три экю за каждую сотню чурбаков. Очень дорогие дрова.

15 мая мы прибыли в Аккру и стали на якорь в полутора лигах от берега. Здесь задержались на двенадцать дней, покупая золото, рабов и некоторое количество слоновьих зубов. Общались по очереди с английскими, голландскими и датскими командирами фортов, но особенно тепло – с датским командиром Трауне, при котором всегда была супруга. Поставив паруса, мы задействовали свой левый якорь, порвав канат и буйреп. Пришлось уходить, оставив позади якорь, который зацепился за каменистое дно. Мы закупили на Золотом Берегу шестьдесят пять рабов, помимо золота и слоновьих зубов. Отсалютовав европейским фортам по девять залпов каждому, мы взяли курс на Новый Калабар, за очередными партиями рабов. Наш небольшой шлюп следовал за нами под парусами.

Во время этого перехода погода нам не благоволила, угрюмое черное море постоянно штормило. Днем и ночью было холодно, так же как в проливе Па-де-Кале в сентябре. Наш несчастный шлюп часто задерживал нас, доставлял много неприятностей.

Наконец 17 июня в три часа после полудня бросили якорь у реки Новый Калабар на пяти с половиной фатмах глубины до илистого песчаного дна, то ли к северу, то ли к югу от пункта Фоко. На рассвете следующего утра мы послали баркас с тремя матросами на разведку и для найма нескольких чернокожих в качестве лоцманов на Калабаре. Заодно снабдили баркас некоторыми образцами товаров. Насколько могли, разглядели корабль, стоящий на якоре в реке Бэнди (Бонни), и на следующий день послали шлюпку с одним из лоцманов прозондировать отмели. Он возвратился с

большим трудом в семь вечера. Сильный ветер гнал большие волны. Наш баркас не вернулся в условленное время, 22 мая мы начали беспокоиться. Все время было очень холодно, дул сильный ветер зюйд-зюйд-вест. Мы обнаружили, что июнь, как и предупреждал нас в Трес-Понтас португальский капитан, действительно «дьявольский».

23 июня в одиннадцать часов утра мы заметили лодку у отмели. Когда она приблизилась к нам в час, то оказалось, что это большое каноэ с девятью гребцами помимо других чернокожих и командира нашего баркаса. Он сообщил, что из-за отмелей войти в реку невозможно. Он бросил якорь, и несколько часов спустя канат лопнул, и баркас был унесен в реку Бэнди, оставив якорь на буйрепе. Вождь Великого Бэнди Уильям послал нам в каноэ двух-трех своих лоцманов, имеющих сертификаты от нескольких английских капитанов кораблей, которые эти лоцманы успешно проводили в устье реки. Некоторые из кораблей имели осадку тринадцать футов, наш фрегат – четырнадцать с половиной футов.

Наш матрос сообщил, что корабль, который мы видели в реке, был английским. Его капитан Эдвардс за три недели закупил пять сотен рабов и готов идти в Вест-Индию. Он добавил также, что чернокожие, как только заметили на рейде наш корабль, сразу же отправились вверх по реке закупать рабов, помимо тех полутора, что оставались в поселении, когда матрос покинул его. Как оказалось, вождь Уильям заверил его, что снабдит нас пятью сотнями молодых и крепких рабов. Офицеры посоветовались на борту и единодушно решили, по возможности, войти в реку.

24 июня в ранний час и при хорошей погоде мы мобилизовали команду на извлечение нашего единственного запасного якоря. Однако он так глубоко увяз в иле, что его невозможно было поднять. Нам пришлось сильно повозиться. То ли якорь увяз глубоко, то ли зацепился за камни, не могу сказать, но корабль сильно раскачивался, лопнули два стренга нашего троса, хотя он был новым. Это заставило нас сразу обрубить трос и намотать его на перлинь. К нему мы прикрепили буй, который представлял собой железную бочку.

В час пополудни, когда мы выбирали якорь, лопнул перлинь, что заставило нас быстро обрубить трос и пойти под парусами для спасения корабля и, по возможности, людей. На этот раз стало страшно, ведь были потеряны все наши якоря и мы находились на мели.

Так мы двигались курсом зюйд-зюйд-ост более полутора часов, около двух лиг от того места, где стояли на якоре. Далее некоторое время шли на северо-запад с лотом наготове, чтобы мерить глубину. В три часа мы внезапно вышли на глубину трех с половиной, затем на три и, наконец, два с половиной фатома. Все подумали, что корабль погиб, когда он стал часто

касаться кормой дна. Особенно сильным был третий удар. Но затем, благодаря Провидению, мы поставили паруса, корабль прошел далее и выбрался из мелководья без всякого ущерба. Около пяти часов мы достигли устья Бэнди, и открылся вид на корабль капитана Эдвардса, стоящий у поселения вождя. Лунный свет помог нам воспользоваться тем же приливом, чтобы стать на якорь на том же месте на четырнадцать фатомов глубины. Мы стали на левый трехсотфунтовый якорь, единственный, который у нас остался. Прилив был высок, потребовалось много времени, прежде чем корабль приобрел достаточную устойчивость. Капитан Эдвардс на ночь прислал нам шестисотфунтовый левый якорь, пообещав вскоре прислать большой якорь.

На следующее утро мы приветствовали черного вождя Великого Бэнди семью пушечными залпами, а чуть позже таким же приветствием встретили капитана Эдвардса, когда он поднялся к нам на борт, чтобы проконсультировать нас относительно торговли, которую мы задумали организовать там. В десять он вернулся на берег, снова под аккомпанемент пушечного салюта в семь залпов. Мы тоже сошли на берег почтить вождя и напомнить ему о торговле, но он дал понять, что ожидает по одной болванке железа за каждого раба, цену более высокую, чем платил ему Эдвардс. Он также отказывался от наших чаш, кружек, желтых бус и некоторых других товаров, которые пользовались там в это время малым спросом или вовсе им не пользовались.

26 июня мы совещались по вопросам торговли с верховным вождем и местными туземными вождями страны. Совещание продолжилось с трех часов пополудни до ночи, но безрезультатно. Они настаивали на получении тринадцати железных болванок за раба мужского пола и десять рабынь, мотивируя тем, что рабов стало меньше из-за того, что в последнее время их увозили многие корабли. Вождь угостил нас ужином, после чего мы простились с ним. На следующее утро он послал за бочонком бренди по две железных болванки за галлон, а в десять часов мы спустились на берег и возобновили совещание, но так ни о чем не договорились. Через четыре дня состоялось новое совещание, на котором брат вождя завершил дебаты заявлением, что туземных вождей устроят 13 болванок за рабов-мужчин и 9 болванок и 2 медных кольца за женщин. На следующий день торговля была проведена на этих условиях. Вождь пообещал прийти на борт корабля для оплаты его услуг.

На следующий день все утро шел сильный дождь, а в два часа пополудни с берега прибыл верховный вождь в сопровождении местных вождей и придворных на трех больших каноэ. Всех их встретили салютом из семи залпов. На верховном вожде была старомодная, порыжевшая, алая накидка

с золотыми и серебряными узорами, красивая шляпа на голове, но ходил он босиком. С ним был его брат Пепрел – язвительный и могучий чернокожий туземец. Он всегда вставлял остроумные возражения против всех аргументов, надоедал нам придирками к той или иной упаковке, подарку и бочонкам бренди. Было бы желательно, чтобы подобные типы не попадались на пути, что способствовало бы торговле.

Мы до глубокой ночи поили их бренди и пуншем в таком количестве, что к четырнадцати часам они вместе с вождем так громко болтали и спорили между собой, что невозможно было терпеть. Однако наши проблемы наконец постепенно уладились. Вождь приказал глашатаю провозгласить разрешение торговать с нами в сопровождении музыки труб, сделанных из бивней слона. За свои услуги глашатай получил 16 медных колец. Чернокожие туземцы отказывались главным образом от нашей оловянной посуды и кружек, от зеленых бус и некоторых других товаров.

Всех прибывших к нам мы одарили обычными подарками. Вождю достались шляпа, кремневое ружье и девять связок бус вместо накидки, приближенным – два кремневых ружья, восемь шляп и девять отрезков тонкой гвинейской ткани. Мы также авансировали вождю, в виде кредита, стоимость 150 железных болванок разными товарами за право посещать внутренние рынки для закупок сладкого картофеля.

Когда все правила были согласованы, подали блюда на ужин. Было комично и в то же время жутко наблюдать поведение чернокожих туземцев. Вождь и приближенные производили невообразимый шум. Они говорили наперебой и опустошали тарелки сразу после того, как их ставили. Каждый из них наполнял свои карманы, как и желудки, мясом, особенно ветчиной и говяжьими языками. Они скопом набрасывались на пищу, невзирая на звания и манеры. Еду брали руками, пили и ели до тех пор, пока не были готовы лопнуть. На берег они вернулись под салют из семи залпов.

Через два дня вождь прислал на борт 30 рабов, мужчин и женщин. Мы выбрали из них 19, остальных отправили обратно. И вот, день за днем, то посредством нашего вооруженного шлюпа, совершавшего рейсы в поселения Новый Калабар и Дони, то при помощи нашего контракта с вождем, постепенно мы приняли на борт 648 рабов обоих полов и всех возрастов, включая 65 человек, которых купили на Золотом Берегу. Все они были свежие и здоровые, лишь немногие старше сорока лет. Вождь снабдил нас сладким картофелем, бананами и тропическими плодами, которые напоминают сушеные бананы, но выглядят зелеными и свежими. Туземцы очень любят эту пищу. Сладкий картофель, однако, нельзя выкапывать из земли до июля.

Поселение Великое Бэнди (Бонни) построено на небольшом острове, как и

Калабар. Оно стоит на болотистой топкой земле и немножко больше Калабара, но с теми же постройками. Его жители занимаются торговлей, часть из них рыбной ловлей при помощи длинных больших каноэ. Некоторые из этих лодок 60 футов в длину и 7 – в ширину. В них сидят по 16, 18 или 20 гребцов, которые перевозят европейские товары и рыбу чернокожим, живущим в верховьях, и везут обратно на побережье после обмена большое количество рабов и некоторое число слоновьих бивней. Главной вещью, которая имеет обращение среди туземцев в качестве денег, являются медные кольца для рук и ног, которые они называют «бочи». И они настолько щепетильны в выборе их, что часто перебирают целый ящик, чтобы выбрать два кольца, которые тешат их воображение.

Англичане и голландцы используют в торговле с туземцами большое количество меди в форме небольших брусков – около трех футов длиной и весом фунт с четвертью. Негры Калабара обрабатывают их с большим искусством: делят брусок на три части, которые полируют до золотого блеска, и искусно перекручивают три полоски друг с другом, в виде шнура, чтобы делать кольца. Но наиболее ходовыми товарами в торговле являются железные бруски, полосатые гвинейские ткани разных цветов, колокольчики для лошадей и ястребов, бусы, оловянная посуда весом от одного до четырех фунтов, оловянные кружки, желтые, зеленые, фиолетовые мелкие глазированные бусы, синие и фиолетовые медные ножные и ручные браслеты ангольского производства. Последними торгуют португальцы.

Свои большие каноэ они изготавливают из стволов крупных деревьев и конструируют во многом так же, как на Золотом Берегу. Но они гораздо длиннее, иногда доходят в длину до семидесяти футов. Лодки заострены с обоих концов, поперек установлены скамьи для удобства гребцов, которые садятся так близко к краю каноэ, насколько возможно. Обычно они вешают впереди каноэ два щита, а вдоль бортов – связки копий. В каждом каноэ в передней части устанавливается печка, на которой они готовят еду. У них также имеется приспособление, при помощи которого они делают тент из ковриков. На некоторых каноэ сооружается нечто вроде юта из крепких стеблей камыша, но рабы, когда их перевозят, лежат в лодке, подвергаясь воздействию всех капризов погоды. На таких каноэ гребут 18–20 туземцев, но на случай войны в лодке находятся обычно 60–70 вооруженных воинов с необходимой провизией, включающей, как правило, сладкий картофель, цыплят, свиней, коз или овец, пальмовое вино и масло.

Лихорадка больше других болезней опустошает ряды людей, особенно новичков из Европы, унося их жизнь менее чем за восемь дней. Если пациенту удастся выздороветь, то он может вполне обоснованно

рассчитывать на здоровое существование там несколько лет при условии умеренного пользования вином и женщинами. Желудочные колики часты и столь ужасны, что доставляют мучения больному три-четыре дня. Причину этого обычно связывают с чрезмерным общением с женщинами или с вечерней росой. Колики унесли жизнь невероятного количества людей с тех пор, как здесь образовались колонии. Распространены венерические болезни. Туземцы, видимо, не очень беспокоятся по этому поводу, поскольку лечатся ртутью. Однако очень мало европейцев, которые смогли избежать ужасной смерти. Поэтому могу всерьез рекомендовать всем, кому случится приехать сюда, воздерживаться от сношений с черными женщинами, если им дорога жизнь.

Пока мы принимали на борт дополнительные партии рабов в Великом Бэнди, наши помощники при поддержке капитана Эдвардса и нескольких более опытных туземных лоцманов занимались другим делом. На наших шлюпках и каноэ они определяли проходы и глубины на отмелях и банках. Это делалось для составления карты для мореплавателей, посещающих эти места в целях торговли.

22 августа 1699 года мы подняли вымпелы и произвели оружейный залп, чтобы дать знак туземцам о нашей готовности выйти в море и поторопить их с доставкой на [борт](#) остальных рабов, а также, согласно договоренности, сладкого картофеля. Предложили также контрабандисту из Зеландии наш шлюп с мачтами и парусами в обмен на якорь около 1100 фунтов веса. Сделка крайне убыточная, но на этот неравный торг нас вынудила необходимость. У нас остался всего один левый якорь. В шесть вечера мы воспользовались отливом, чтобы отбыть из Бэнди. Доведя корабль почти до берега, мы стали на якорь в десять часов вечера на 5 фатомов глубины. На рассвете мы подняли паруса и, воспользовавшись проходом, обнаруженным нашими помощниками во время исследования речного устья, обошли отмель и вышли на глубину 4, а затем и 5 фатомов.

Некоторые капитаны совершали ошибки, не приводя своих кораблей в должный порядок перед отбытием с гвинейского побережья. Об этом следует помнить. Ванты и леера должны быть хорошо отлажены наряду с бегучим такелажем и блочными конструкциями. Если позволяет обстановка в порту или на рейде, корабли следует вычистить, если возможно, до дна и смазать салом где надо, чтобы обеспечить себе более безопасный путь. Кроме этого, во время перехода в хорошую погоду следует позаботиться о том, чтобы проконопатить корабль изнутри и извне, включая палубы.

Что касается обращения с рабами на борту, то мы разместили оба пола отдельно посредством прочной переборки у грот-мачты. Впереди нее

разместились мужчины, позади – женщины. В больших кораблях, везущих 500–600 рабов, палуба должна располагаться по крайней мере на 5,5–6 футов выше, что делает ее более просторной, удобной и, в конце концов, более здоровой для них. Мы соорудили нечто вроде платформ по бортам при помощи дильсов и рангоутного дерева, привезенных из Англии, которые простирались не дальше края иллюминаторов. В результате рабы лежали двумя рядами, один над другим и как можно теснее друг к другу.

Корабли Голландской компании превосходят суда всех других европейцев по удобствам. У некоторых из них бортовые отверстия и огни защищены железными решетками, которые открываются время от времени для проветривания. Это способствует выживанию несчастных бедолаг, находящихся в плотно набитом помещении.

Португальцев невозможно сравнивать с англичанами, голландцами и французами в отношении санитарного состояния их кораблей, но их можно похвалить за то, что они возят с собой на побережье определенное количество грубых толстых матов, служащих постелями для рабов, и меняют их каждые две-три недели. Эти маты не только мягче для бедолаг, чем голые доски или палубы, но также благоприятны для их здоровья, поскольку предотвращают их соприкосновение с сырым деревом.

Мы содержали в хорошем состоянии помещения, где рабы лежали в чистоте и опрятности. Для этого постоянно отряжалась часть команды, некоторые из самих рабов помогали в этом деле. Трижды в неделю межпалубные помещения обрабатывались изрядным количеством хорошего уксуса, заполнявшего ведра с раскаленными ядрами в них, для устранения спертого воздуха, после того как помещение хорошо промывалось и вычищалось швабрами. Затем палубу драили холодным уксусом, а в дневное время, в хорошую погоду, открывались люки и ночью закрывались снова.

Замечено, что в представлении некоторых рабов их увозят для того, чтобы съесть. Это приводит их в отчаяние. Другие рабы настроены против неволи так, что следует принять меры в отношении их возможного мятежа и готовности перебить команду корабля в надежде получить свободу. Однажды, около часу пополудни, после обеда, как обычно, мы заводили их по одному вниз, в межпалубное помещение, для выдачи каждому положенной пинты воды. Большинство еще оставалось на палубе, и многие владели ножами, которые мы неосторожно выдали им два-три дня назад, ни в малейшей степени не подозревая в них мятежных настроений. Впоследствии обнаружилось, что у других были обломки железа, которые они отрывали от двери носового кубрика в преддверии задуманного мятежа. Они также сбили оковы с ног нескольких своих сообщников, которые

помогали им. Вооружившись таким образом, они внезапно напали на наших матросов и изрезали ножами одного из самых мощных из них, который получил четырнадцать – пятнадцать ножевых ран, в результате чего вскоре скончался. Затем их нападению подвергся наш боцман, которому нанесли такую рану на ноге, что он не мог двигаться, поскольку были повреждены нервы.

Другие перерезали коку горло до трахеи, трети ранили трех матросов и выбросили одного из них за [борт](#) с полубака. Он, однако, по воле Провидения, схватился за булинь фок-паруса и спасся, выбравшись на нижний баргоут юта. Там стояли мы с оружием в руках, стреляя в восставших рабов. Некоторых убили, многих поранили. Это настолько испугало остальных, что они рассеялись по кораблю. Некоторые укрылись в межпалубном пространстве, другие – под полубаком. Многие из самых активных мятежников попрыгали через борт и добровольно утонули, нисколько не заботясь о самосохранении.

В результате мы потеряли 28 рабов и, подавив мятеж, загнали всех в межпалубное пространство, утешив их добрыми словами. На следующий день мы снова вывели их на палубу, и в их присутствии наши матросы сурово отхлестали бичами зачинщиков заговора.

Чтобы предотвратить повторение такого несчастья, мы взяли за правило ежедневно посещать рабов, тщательно обыскивая каждый [уголок](#) межпалубного пространства и заботясь о том, чтобы не оставить какой-либо [инструмент](#), гвоздь или что-нибудь другое. Это, однако, не всегда соблюдалось там, где в тесном пространстве скучивается так много людей. Мы заставляли достаточное число матросов располагаться на юте, в оружейном кубрике и важных отделениях капитанской каюты, где хранилось в боевой готовности стрелковое [оружие](#) под охраной часовых у дверей и в проходах к ним. Так мы были готовы сорвать все попытки наших рабов внезапно напасть на нас. Эти предосторожности были призваны держать их в страхе, и, если бы все те, которые возят рабов, ежедневно соблюдали их, мы бы не слышали о многих происходивших мятежах.

Да, мы предоставляли им гораздо больше свободы и обращались с ними гораздо мягче, чем большинство других европейцев сочли бы допустимым. Каждый день в хорошую погоду их выпускали на палубу. Они принимали пищу дважды в день, в десять утра и пять вечера. После трапезы их снова вводили вниз в межпалубное помещение. Что касается женщин, то почти всем им разрешалось проводить время на палубе по собственному усмотрению. Многие мужчины пользовались такой свободой по очереди, и лишь немногие оставались закованными в кандалы или носили наручники. Кроме того, каждому полагалась в интервале между приемами пищи горсть

пшеницы, маниоки или немного кокоса. Время от времени туземцам по очереди выдавались короткие трубки с табаком для курения. Женщинам полагалась грубая ткань, чтобы прикрыть себя.

Мы старались, чтобы туземцы время от времени мылись для борьбы с паразитами, которым они подвержены. Ближе к вечеру негры развлекались на палубе, если хотели. Некоторые беседовали друг с другом, другие танцевали, пели или проводили время другим образом, что часто развлекало нас. Здесь особенно отличались женщины, многие из которых, находясь на юте без мужчин, молодые, веселые и добродушные, доставляли нам массу удовольствия.

Рабов кормили дважды в день. В первый раз им выдавали вареную крупную фасоль с некоторым количеством московского сала, которое мы получили из Голландии в бочках. В другой раз их кормили горохом или пшеницей, а иногда маниокой. Ею мы запаслись на Принцевом острове, пшеницей – на Золотом Берегу. Пшеницу варили по очереди с салом, нутряным салом или жиром, а иногда с пальмовым маслом, стручковым или гвинейским перцем.

Я обнаружил, что их желудки лучше приспособлены для бобов, чем для пшеницы или сладкого картофеля. Конские бобы усваиваются рабами лучше, чем крупная фасоль, которая хорошо сохраняется в обезжиренном состоянии или в бочонках.

Мы кормили туземцев группами по 10 человек. Они усаживались вокруг небольшой плоской кадки, сооруженной нашими бондарями, куда им подавали еду. У каждого раба была своя небольшая деревянная ложка, чтобы есть культурно и более опрятно, чем руками. Им это нравилось. Во время каждого приема пищи мы разрешали рабу выпить полную кокосовую скорлупу воды и время от времени глоток бренди для отладки пищеварения. Голландцы обычно кормили своих рабов три раза в день хорошей пищей, гораздо лучшей, чем та, которую они ели у себя на родине. Португальцы кормили их главным образом маниокой.

Что касается больных и раненых, то наши врачи ежедневно посещали межпалубное помещение и, обнаруживая больных, заставляли переносить их в лазарет под полубаком, в кубрик, выделенный под своеобразный госпиталь, где им можно было оказать необходимую помощь. Это нельзя было спокойно сделать в межпалубном помещении из-за постоянной духоты в нем, которая иногда бывала столь велика, что врачи падали в обморок, а свечи не могли гореть. Кроме того, в таком скоплении дикарей находится много жадных людей, которые выхватят у больного свежее мясо или микстуру, которая ему дается. Равно как не рекомендуется помещать больных рабов в баркас над палубой, чтобы они дышали свежим воздухом и

лежали в ночной прохладе после выхода из чрезмерно душного трюма. Вскоре после этого у них возникают сильные желудочные боли, кровавый понос, а затем они через несколько дней умирают.

Покидая реку Новый Калабар, мы взяли курс зюйд-тень-ост, держась по ветру, насколько это было целесообразно, чтобы обойти остров Фердинандо-По с наветренной стороны и оттуда направиться к Сан-Томе и Принсипи, чтобы запастись дровами, водой и провизией. В сентябре мы сможем очень легко совершить переход от вытянутой отмели Бэнди (Бонни) на рейд Сан-Томе за пятнадцать – шестнадцать дней. В это время года здесь обычно холодно, хотя остров и расположен близко к экватору, климат близок к сырой и промозглой погоде на побережье Бретани. По ночам каждый человек на борту, не особенно выносливый, старается надеть больше одежды.

Рабы Нового Калабара дикари странного свойства. Они слабы и ленивы, но жестоки и кровожадны, всегда ссорятся, кусаются и дерутся, иногда душат и убивают друг друга без пощады. Кто бы ни вез таких рабов в Вест-Индию, должен молиться, чтобы переход совершился быстрее и они прибыли здоровыми и невредимыми. Корабль, везущий 500 рабов, должен запастись более 100 тысячами клубней картофеля, что весьма трудно, поскольку для его хранения требуется много пространства. Однако меньшего количества брать нельзя. Наш запас сладкого картофеля был исчерпан, когда мы бросили якорь в Сан-Томе после двухнедельного перехода от отмели Бэнди.

От Сан-Томе мы направились южнее экватора на три с половиной – четыре градуса южной широты, все еще держась наветренной стороны. Чем южнее продвигались, тем сильнее становились порывы ветра. В точке четыре градуса южной широты обычно дует пассат, который довольно быстро несет нас к северу от экватора.

При прохождении экватора соблюдается древний обычай для всех европейских моряков. Он заключается в том, что те, кто не бывал в тропиках, должны подарить экипажу корабля немного денег или дать что-нибудь выпить, от чего никто не может уклониться. Если кто-то, уж очень скарденый, откажется выполнить свой долг, матросы, одетые в форму судебных приставов, тащат его к месту трибунала. Там располагается [морьяк](#) в длинном облачении, представляющий судью. Он осматривает нарушителя обычая, выслушивает, что тот может сказать в свое оправдание, и затем произносит приговор, состоящий в том, что нарушителя окунают три раза в море. Осужденного крепко вяжут веревкой, конец которой протягивается через шкив на нок-рее. На ней подвешивается нарушитель и затем стремглав опускается три раза под воду. Очень редко случается, когда кому-

нибудь удастся отвлечь команду от этой процедуры, которая строго соблюдается при пересечении экватора. Такая церемония именуется французами морским купанием, но они обычно окунают нарушителей в ванну с соленой водой вместо моря. Этот обычай соблюдается моряками всех стран при прохождении экватора, наряду с другими забавами матросов, которые развлекают пассажиров.

Как только невольничий корабль прибывает в один из портов Вест-Индии, на его [борт](#) толпами устремляются плантаторы и другие жители островов закупать по этому случаю рабов. Договорившись о цене, они ощупывают каждого раба, проверяют все члены с целью убедиться, достаточно ли они здоровы и крепки. Забавляет то, что они осматривают даже те части тела, которые неудобно упоминать. После этого покупатель уводит своих рабов и [берет](#) на себя их обеспечение пищей, одеждой и лечением, если необходимо. Мы быстро распродали всех своих рабов в обмен на около 7 тысяч фунтов коричневого сахара за голову индейцев, как их здесь называют, и пустились в обратный путь, тяжело нагруженные сахаром, хлопком и другими товарами. Фрегат дал течь, но мы продолжали идти без особых инцидентов, только наши течи участились до такой степени, что приходилось много потрудиться, чтобы сохранить корабль на плаву до конца плавания. Два насоса работали непрерывно день и ночь, что очень утомило нашу многочисленную команду и заставляло всех нас беспокоиться.

Наконец, благодаря Божьему провидению, мы заметили с подветренной стороны участок английского побережья близ Дартмута и через четыре дня бросили якорь в реке Темзе, закончив свой вояж».

Глава 5

РАБОТОРГОВЦЫ ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ И БРИСТОЛЯ

После колонизации Барбадоса и Антигуа около 1625 года рабский труд стал просто необходим для выращивания сахарного тростника, производства мусковадо, или неочищенного сахара, для засылки в сахарные бойлеры Лондона или Бристоля. Рабы были необходимым элементом торговли, значение которой возрастало в связи с приобретением Англией других островов Вест-Индии, и со временем благодаря рабскому труду производилось достаточно сахара не только для обеспечения потребностей Англии и ее колоний, но и для его экспорта.

Сейчас трудно себе представить, что до этого времени наши английские предки могли добывать его лишь в ограниченном количестве, главным

образом из испанских источников, и очень зависели от производства меда и его заменителей. Позднее английский поэт Уильям Купер выразил свою любовь к продуктам рабского труда в следующих строках:

Я удручен торговлей рабов,
Боюсь, что те, кто покупают и продают их, негодяи;
То, что я слышу о страданиях, мучениях и столах рабов,
Почти способно выжать слезы из камней.
Мне очень жалко их, но я должен молчать,
Ибо как можно обойтись без сахара и рома?

В 1662 году была основана Компания королевских предпринимателей Англии по ведению торговли с Африкой, вскоре передавшая свои торговые права Королевской Африканской компании, которая, в свою очередь, в 1689 году подрядилась выполнять асиенто, или контракт по обеспечению Испанской Вест-Индии рабами. Так продолжалось до 1698 года, когда открылись новые возможности торговли после разрыва асиенто. В 1713 году между Англией и Испанией был подписан договор, по которому первой было гарантировано монопольное право на работорговлю на испанских территориях на тридцать лет при условии, что ежегодно будет поставляться по крайней мере 4800 рабов. Короли Испании и Англии должны были получать по четверти прибыли от торговли. Компания могла вывозить неограниченное количество рабов и продавать их, за исключением трех портов, за такую высокую цену, какую могла реализовать.

Сколько негров было доставлено в Америку на английских кораблях? С 1680 по 1688 год Африканская компания послала 249 судов и привезла 60 783 раба, потеряв 14 387 из них во время «промежуточных переходов». Сводки за 1701 год показывают, что в Африку отправились 104 корабля. За двадцать лет между 1713 и 1733 годами в Америку вывозилось ежегодно на английских судах около 15 тысяч рабов. В 1771 году имели место 192 рейса за рабами. Гражданская война почти остановила морские перевозки, но к 1786 году число рейсов достигло 146 [14 - См.: Bandinel. *Some Account of the Trade in Slaves from Africa*. London, 1842; Du. Bois. *Suppression of the African Slave-Trade*. Cambridge, 1896.]. В 1786 году из общей численности 97 тысяч рабов, доставленных в Америку и Вест-Индию, около 60 тысяч прибыли на английских судах. В 1780 году в Вест-Индии проживали почти 700 тысяч рабов-негров, а, согласно переписи 1790 года [15 - Edwards. *The British Colonies in the West Indies*. London, 1798.], в Соединенных Штатах имелось 697 897 рабов. Никто не знает, сколько африканцев содержались в рабстве у испанцев и голландцев, и отсутствуют сведения о количестве

рабов в португальских владениях в Бразилии и на других территориях.

В XVII веке английская работорговля между Гвинеей и Вест-Индией велась главным образом из Лондона, но около 1701 года ею занялись купцы Бристоля и вскоре уже посылали для этой цели более 50 судов ежегодно. Эффект от этого сказался сразу. Так, в 1701 году [Лондон](#) использовал в торговле с Гвинеей 104 судна, а через шесть лет – только 30.

Бристоль вынудил заняться работорговлей успешный экспорт Ливерпуля провизии, клетчатой ткани и другой продукции предприятий Манчестера в Вест-Индию и Америку. Клетчатые ткани Манчестера, доставляемые судами в Ливерпуль, вытеснили с американского рынка немецкую, французскую и шотландскую грубую ткань, шедшую на экспорт из Бристоля. Купцам из этого города пришлось использовать свои суда в другого рода торговле и с таким успехом, что к 1720 году, когда с катастрофическими последствиями лопнул финансовый пузырь Компании Южных морей, [Лондон](#) почти прекратил заниматься работорговлей. Между тем предприниматели Ливерпуля, располагая меньшим капиталом, активно занимались контрабандной торговлей в Вест-Индии, где Испания взимала 300-процентную пошлину за клетчатую и грубую (osnaburgs) ткань. Однако эта торговля прекратилась в 1747 году с подписанием нового англо-испанского договора. Когда контрабандная торговля была в разгаре, ежегодный доход ливерпульских купцов оценивался в 273 467 долларов. Это богатство заложило основу состояний нескольких торговых домов Ливерпуля и после лишения их прибылей в Вест-Индии побудило их заняться торговлей с Гвинеей.

До этого времени Ливерпуль конкурировал с Бристолем в работорговле, но в небольшом объеме. В 1709–1729 годах лишь одно судно с 30 тоннами водоизмещения отправилось из Мерси в Африку. Но с принятием новых правил в 1730 году пятнадцать кораблей со средним водоизмещением в 75 тонн каждое отбыли из Ливерпуля к африканскому побережью. В 1751 году это число увеличилось до 53 судов с совокупным водоизмещением в 5334 тонны, а в следующем году город приобрел 83 торговых судна, способных доставить по меньшей мере 25 тысяч рабов [16 - Они вели торговлю в следующих местах: 5 – в Бенине, 11 – в Анголе, 3 – в Новом Калабаре, 11 – в Старом Калабаре, 38 – в Наветренных островах и на Золотом Берегу, 13 – в Бонни и 8 – в Гамбии (Вильямсон. Ливерпульский [блокнот](#). 1753).]. Так, ливерпульские купцы обошли всех конкурентов и сделали свой город главным портом Европы по работорговле.

«Причина, по которой порт Ливерпуль мог продавать товары дешевле купцов Лондона и Бристоля, заключалась в ограничении их расходов и способов комиссионного вознаграждения. Купцы Лондона и Бристоля не

только допускали выплаты высокого месячного жалованья своим капитанам, но также привилегии отдельной каюты, вознаграждение с фрахта и ежедневные портовые расходы. Они позволяли также управляющим факториями иметь по 5 процентов от дохода с продаж и прибыли. Их суда были всегда укомплектованы матросами по месячной ставке. Ливерпульские же купцы оказались более экономны и менее либеральны. Большинство их капитанов содержались на годовом жалованье, а если на месячной оплате, то четыре фунта считались высокой зарплатой в то время. Не допускались никакие привилегии отдельной каюты, они не знали вознаграждения с фрахта, а что касается портовых расходов, то на это не выделялось ни одного шиллинга, в то время как Бристоль выделял семь, а [Лондон](#) шесть шиллингов. Капитаны от этих портов могли поэтому временами питаться на берегу и выпить бутылку мадеры. Между тем бедный ливерпульский шкипер был вынужден потреблять на борту свой кусок солонины и галету, а также кружку ромового пунша, подслащенного коричневым сахаром. Управляющие факториями вместо процентной ставки имели годовую зарплату. Им разрешалось арендовать склады, нанимать негров и нести другие попутные расходы. Поэтому, будь партия товара большой или малой, выгоды управляющий факторией не имел. В транспортных расходах ливерпульцы были более экономны, поскольку их метод заключался в том, чтобы нанимать мальчишек из бедняков помощниками на продолжительные сроки, которые в течение года росли, становились хорошими моряками, сначала назначались вторыми и потом первыми помощниками капитана, затем – капитанами и впоследствии управляющими факториями на островах. Таков был обычный метод подготовки в то время, когда требовалось немного мужчин на месячном жалованье командовать ливерпульскими судами» [17 - Williams. History of Liverpool Privateers. London, 1897.].

С этого времени торговля с Гвинеей процветала. Быстроходные суда, особенно для этого приспособленные, строились на берегах Мерси, и бюсты негров и слонов – символы африканской торговли – украшали городскую ратушу. Но не все негры утилизировались в Вест-Индии, как утверждали многочисленные рекламные объявления в тогдашних номерах газет о рабах, выставленных для продажи на аукционе методом «дюйма свечи» (by inch of candle) или другими методами. И [городская](#) молодежь порой забавлялась, распространяя афишки, на которых предлагались на продажу молодые женщины.

В 1756 году рекламировались такие виды товаров, необходимых для вояжа в Гвинею, для продажи на аукционе в Торговом доме кофе: одна

железная плита и медь, 27 ящиков с бутылками, 83 пары кандалов, 11 хомутов, 22 наручника для длинной цепи, 4 длинные цепи для рабов, 54 обруча, 2 длинные цепи, кукурузная дробилка, 7 четырехфунтовых чаш, 6 двухфунтовых чаш, 3 латунные кастрюли, 28 бочонков пороха, 12 сундуков с орнаментом, железный ковш, корзинка с кремнем. В одной из афиш следующего года перечислялись большой негритянский очаг с двумя железными плитами, медный котел для кипячения воды на 450 рабов, заварочный медный чайник, медная кастрюля, набор кандалов, цепи, хомуты и наручники, железная печка на 245 галлонов со свинцовой крышкой, способная кипятить 10 баррелей жидкости.

Способы, которыми осуществлялись вояжи за невольниками из Ливерпуля в то время, приведены в письме владельца корабля (с инструкциями капитану), напечатанном в любопытном отчете Гомера Уильяма о работоторговле Ливерпуля:

«Ливерпуль, 14 апреля 1762 года.

Капитану Амброузу Лейсу.

Сэр, вы, являясь капитаном корабля «Маркиз Грэнби», сейчас прошли таможенно и готовы отправиться в Африку, Америку и вернуться в Ливерпуль. Грузы на борту соответствуют прилагаемому счету, который мы передаем вам для торговли. Исходя из него, вы имеете право на обычную комиссию 4 на 104 с валового объема продаж, а вашему врачу, мистеру Лоусону, положено 12 пенсов за голову со всех продаж рабов. Мы даем вам эти указания, чтобы они соблюдались в ходе вашего предполагаемого вояжа. С первым попутным ветром вам нужно выйти в море и следовать вместе с «Дугласом» капитана Финча, у которого есть некоторые дела на острове Мэн. Вы должны сопровождать его, не ожидая дольше чем шесть дней. Покончив с делами на острове Мэн, вам следует пройти вместе через Южный канал. И поскольку оба ваших корабля вооружены и, надеюсь, хорошо укомплектованы экипажами, а также способны защититься от врага, мы рекомендуем вам поэтому вести постоянное наблюдение в связи с возможным нападением. Если вам удастся овладеть каким-нибудь судном или несколькими суднами врага, рекомендуем отослать их на родину или укрыть их, где будет удобно, без ущерба своему собственному кораблю. По прибытии в Старый Калабар если вы обнаружите там один или более кораблей, то позаботьтесь договориться с капитаном или капитанами этих кораблей о том, чтобы не перебивать цену друг друга. Не сомневаемся, что вы предпримете все усилия для снижения пошлин (someys), которые там, как правило, экстравагантны и которые не позволяют собственникам

получить какую-нибудь прибыль. Поскольку у вас грузов больше, чем мы ожидали, надеемся, что вы купите 550 рабов и, возможно, сэкономите 400 фунтов стерлингов на закупках слоновой кости, покупать которую мы рекомендуем вам с самого начала торговли. И пожалуйста, выбирайте рабов как следует. Покупайте не больных или стариков, но тех, которые отвечают требованиям рынка и способны перенести переезд. Поскольку Калабар известен высокой смертностью рабов, мы хотим, чтобы вы нашли надежный способ избежать этого, то есть не держали невольников днем на борту взаперти, а ночью закрывали крышки и люки, поскольку ночной воздух там весьма вреден. Вам полагаются следующие льготы: лично вам – 10 рабов, первому помощнику – 2, врачу – 2. Вот все, что мы позволяем, за исключением раздачи двух-трех сотен мер скревело (screveloes) среди команды, но не слоновьих бивней. Проследите за этим, так как мы не разрешаем раздавать больше ничего. Завершив торговлю в Калабаре, вам следует взять курс на Барбадос, где вы найдете письма в торговом доме господ Вуда и Николаса. В них будут содержаться инструкции о вашем дальнейшем следовании к Гваделупе или Мартинике либо к какому-нибудь другому из Подветренных островов, где наиболее благоприятный рынок. Вы можете посоветоваться в торговом доме с господами Вудом и Николасом о том, куда надо следовать дальше, или с каким-нибудь другим лицом, которому доверяете. Мы ожидаем, что ваших рабов будут покупать по... [18 - Стерто.] фунтов за голову, и что все то, что они продадут, послужит пользе собственников, и что вы загрузите корабль следующим образом: около сотен бочек сахара мусковадо положите на [дно](#) трюма, остальное пространство заполните первым и вторым рядами белого сахара. Межпалубное помещение набьете качественным хлопком и кофе, остаток чистой выручки переведете в надежные краткосрочные, насколько возможно, векселя. Если невозможно будет в Гваделупе, на Мартинике или на Наветренных островах реализовать по вышеупомянутым ценам рабов, то, как уже говорилось, мы хотим, чтобы вы, по возможности, не теряли времени и отправлялись на Ямайку. По прибытии туда обратитесь к господам Катберту и Бинсу, Гиббертсу, Гвину и Кейсу или в любой другой [торговый дом](#), который, по вашему разумению, лучше справится с делом, по вопросу о том, кому доставить ваш груз рабов. Его большую часть, по вашему настоянию, следует реализовать, по возможности, в стране сбыта, о чем должно быть составлено письменное соглашение, а корабль загружен нижеследующим образом. Загрузить красным деревом настолько, насколько позволяют крепежные приспособления. Трюм заполнить лучшим сахаром мусковадо и имбирем, а межпалубное помещение – хорошим хлопком и душистым перцем, а также примерно десятью бочонками рома. Остальную

чистую выручку от вашего груза перевести в краткосрочные, по возможности, векселя. [Торговый дом](#), с которым вы сотрудничаете, должен обеспечить вас суммой денег, необходимой для выплаты жалования экипажу и оплаты расходов на корабль, в чем рекомендуем вам, по возможности, проявлять бережливость. В дополнение вы получите накладную на обмундирование и постельные принадлежности матросов и юнг. То, что положено матросам, вы должны выплачивать авансом, а также проценты и т. п. Юнгам – только прямые выплаты. Рекомендуем вам соблюдать четкие правила, поддерживать гармоничные отношения среди членов команды и должный контроль. Особенно когда на борту корабля содержатся рабы. Соблюдайте противопожарную безопасность, особенно во время боя. Патроны следует раздавать из порохового погреба без коробок, что предотвратит рассыпание пороха на палубе, а в случае вашей смерти (не приведи косподь) вас заменит первый помощник мистер Чепмен. Старайтесь использовать любую возможность информировать нас о своих действиях, чтобы мы ориентировались насчет страхования и т. д. Желаем вам счастливого плавания и благополучного возвращения. Ваши надежные друзья

Кросби и Трэффорд Чейз Гура
Уильям Роу Уильям Боутс
Роберт Грин Чейз Лоундес
Томас Келли

P. S. Вы и члены команды должны обзаводиться рабами в равном количестве мужчин и женщин».

Это письмо вполне можно дополнить далее представленными письмами капитану Лейсу от «Великого вождя Джорджа», вождя поселения Трибе в Старом Калабаре. Послания адресованы «мистеру Амброузу Лейсу и торговой компании в Ливерпуле» и являются любопытным примером грамотности английского торговца или морского капитана, которому продиктовал письмо африканский вождь:

«Старое поселение, Старый Калабар, 13 января 1773 года.

Купец Лейс, сэр, пользуюсь случаем написать вам и познакомить с поведением некоторых кораблей. Недавно в моих водах находился капитан Бишоп из Бристоля и капитан Джексон из Ливерпуля, бросившие якорь в реке, когда прибыл капитан Шарп и пожелал купить свой груз. Я было согласился помочь ему, но Бишоп и Джексон посоветовали не давать ему рабов, пока он не уплатит такой же, как они, кумей (соотеу) [19 - Кумей –

пошлина, выплачиваемая вождю за привилегию торговли.]. Они вытеснили его с реки, поэтому ему пришлось отправиться в Камерун на два месяца. Затем он снова прибыл в мои воды, а они все еще настаивали на уплате им кумея. В связи с этим он достаточно заплатил, чтобы успокоить их. Я передал ему рабов, сколько ему хотелось, и так же поступили мои люди. Теперь он был готов отправляться в море, осталось лишь закончить несколько дел перед отбытием. Теперь он вполне мог подружиться с теми, кто был его врагом. Ибо в тот самый день, когда его вытеснили из реки, Джексон и Бишоп, а также бриг, сопровождавший Джексона, начали вести огонь ночью по моему поселению без всякого повода. Обстрел продолжался двадцать четыре часа, в результате чего я отдал им две коровы. Но оказывается, как впоследствии подтвердил Джексон, они с Бишопом должны были увезти всех наших заложников. Видимо, это было правдой, ибо Джексон действительно увез своих. Более того, перед отбытием он сказал мне, что если бы я поднялся на борт корабля Бишопы, то был бы задержан им, и мне бы отсекали голову и послали ее герцогу Ньютона. Но я не дал ему возможности отсечь мою голову или увезти заложников, захватив некоторые его лодки и людей. Так же я поступил бы с Джексоном, если бы знал о его намерении, когда он информировал меня о Бишопе. Но он позаботился о сокрытии своих секретов, которых мог сообщить много, если бы хотел. Поэтому, мой друг, торговец Лейс, если вы снова отправите в мои воды корабль, то пришлите с ним хорошего человека, либо самого себя, либо чернокожего торговца. Не присылайте старика или человека с манией величия. Если он страдает этим, пусть торгует дома, пусть не приезжает сюда. Вот капитан Шарп – хороший человек, но я не рассказывал раньше, что в то время, когда капитан ездил в Камерун, он оставил своего помощника до своего приезда. Поэтому они говорили, что я причинил им зло. Но предлагаю вам судить о том, что если какой-нибудь корабль будет обстреливать мое поселение, то я открою ответный огонь. Купец Лейс, сэр, есть мистер Кейнс, второй помощник капитана Шарпа, молодой и очень добрый человек. Я и мой народ Калабара очень любим его, поэтому если вы захотите прислать его, то он приедет так же быстро, как всякий другой человек, и к вашей пользе. Я хочу, чтобы прибывало много кораблей, чем их больше, тем лучше торговля для жителей Нового поселения, но я объявил вердикт, что ни один корабль не уйдет из моих вод к ним и не прибудет от них ко мне, хотя Бишоп сейчас лежит в дрейфе на реке Кросс. Но ты позволь ему оставаться здесь, пока не урегулируется проблема, потому что я предложил ему за заложников 10 рабов и возвращение его белых людей, но он не соглашается. Я не хочу причинять зла ни ему, ни какому-нибудь другому кораблю, который войдет в мои воды, но четверо

моих сыновей уже увез Джексон, и я не хочу, чтобы других увез какой-нибудь негодяй. Пошлина в моих водах составляет в целом 24 тысячи медных болванок, помимо шляп, сундука и корабельного орудия, купец Лейс. Я делал так, как вы рекомендовали мне в письмах. Когда прибыл этот бриг, я никому не мешал, потому что вы советовали поступать так до определенного времени. Потому что у бионби (bionbi), которых я поддерживаю, слишком много меди в счет пошлин. Поэтому я делал так, как вы советовали мне, чтобы сделаться еще более великим. Сейчас больше нет белых людей. Поэтому теперь, купец Лейс, пришлите мне хороший корабль и сделайте меня снова великим, ибо война отняла у меня слишком много меди. Чтобы торговать, как я в то время, нужен мир или перемирие среди таких чернокожих, как я. Поэтому, купец Лейс, если вы пришлете теперь новый корабль с хорошими товарами, я обязуюсь не задерживать его долго с погрузкой в обратный рейс».

Ниже приведен другой блестящий фрагмент письма «Великого вождя Джорджа»:

«И теперь, когда с войной покончено, мы ведем торговлю по всей стране и не хотим ничего другого, кроме того, чтобы корабли бросали якоря у нас и способствовали продолжению торговли. Поэтому надеюсь, что вы и купец Блэк поощрите нас в наших намерениях, а также других купцов, которые собираются послать свои корабли. Они встретят здесь лишь цивилизованную и справедливую торговлю. Другие капитаны могут говорить все, что угодно, о том, что я причинял им зло. Но во всем, что я делал плохого, – их вина. Ибо вы можете представить, сэр, что мне было больно видеть, как капитан Джексон увозит моих сыновей и Роббина, а также сына вождя Ква. Их зовут Отто, Имбасс, Эгшиом, Эник, Оген, Акандом, Эбетхам, Эфиёнг, Асет. Особенно мучило то, что, пока мы воевали друг с другом, наших сыновей привязали к рее корабля Бишопы, а другого сына – к рее корабля Джексона, а затем их всех увезли. Они отрубали бы и мне голову, если бы я не помешал этому. И все же они говорят, что я причинил им зло только из-за того, что задержал некоторых из их людей, пока не получу своих заложников от них. Купец Лейс, когда пошлете корабль, пришлите с ним рога для питья в счет пошлины (кумей) и несколько красивых белых кружек и стеклянных стаканов с крышками. Пришлите больше ружей, таких как у Шарпа. Не возражаю против 2–3 за одного раба. Пришлите отрез ситца в сотню ярдов, отрез сукна в сотню ярдов, отрез фотара в сотню ярдов, отрез римолла на сотню ярдов, отрез кушиты на сотню ярдов хорошего качества. Пришлите несколько кружевных шляп и бутылок ликера, а также ящики для военного снаряжения. Пришлите подзорные трубы по цене 2 и 4 медных стержня для

торговли и в счет пошлины. Пришлите больше мотыг и ковшей для торговли и в счет пошлины, а также колокольчики. Пусть они будут хорошего качества. Пришлите длинные, большие и мелкие, а также витые бусы. Мне пришлите подзорную трубу, 6 на 6 футов. Пусть она будет в прочном деревянном футляре. Пришлите мне две шкатулки с открывающимися крышками, а также много ножей в счет пошлины стоимостью 2 медных стержня. Пусть ваши индийские товары будут хорошего качества, а корабль не застаивается долго. Пришлите мне стол и шесть стульев для моего дома и кресло с подлокотниками для меня лично, а также 12 оловянных тарелок, 4 блюда, 12 ножей и 12 вилок, 2 половника, корыто. Кроме того, пару фужеров для бренди, 2 медных кувшина с крышками, которые открываются так же, как у кружки, 2 такие же медные кружки, 2 медные фляги емкостью два галлона, для торговли много таких же оловянных фляг. Пришлите много оловянных кувшинов на продажу, для меня лично 2 медных таза и оловянные тазы на продажу. Пришлите мне один стул для отправления естественных надобностей и большой красный... [неразборчиво], одно ружье для меня со стволом в пять футов и два оловянных... горшка. Пришлите для меня лично хороший комплект бритв для бритья, несколько витых железных стержней длиной 16 футов, сотню таких стержней. Пришлите большие шапки стоимостью 2 медных стержня в счет пошлины и, пожалуйста, покажите их чернокожему торговцу. Пришлите несколько замков на продажу, несколько цепочек для меня, 2 медных чайника, 2 кастрюли, несколько медных котлов стоимостью 12 или 15 медных стержней каждый. Пришлите больше тростей в счет пошлины и одну длинную трость с золотым набалдашником для меня, мелкие гвозди в счет пошлины. Можете заплатить пошлину недорогими пилами и другими инструментами. Не надо присылать мелких железных мельд для отжима муската и малых трехфунтовых ступок. Пришлите парусину высшего качества для парусов моих каноэ, несколько ножных протезов с шарнирами, которые запираются винтами, и двое железных носилок на двоих слуг. Пришлите мне одну лучковую и одну поперечную пилу, красные, зеленые и белые шляпы на продажу. Пришлите мне красную и голубую накидки с золотым кружевом, приличествующие важному человеку. Пришлите масло и сахар на продажу, несколько зеленых, красных и голубых вельветовых шляп с мелким кружевом, несколько пилочек на продажу. Пока ничего больше не надо вашему лучшему другу. Великий вождь Джордж.

Передавайте мои приветствия джентльменам – собственникам брига «Свифт» мистеру Девенпорту, купцу Блэку и капитану Блэку, а также мистеру Эрлу. Пожалуйста, помечайте моим именем все, что посылаете

мне».

Эти работорговцы из Ливерпуля пережили удивительные приключения и злоключения.

В марте 1752 года шнява «Клэйтон» [20 - В то время распространенным типом невольничьего корабля была шнява, около 140 тонн водоизмещением, с квадратной кормой, килем 57 футов, шириной 21 фут, пятифунтовым межпалубным пространством, с 9 футами высоты трюма – миниатюрного ада, когда он набит рабами, как сардинами в банке.], которой командовал капитан Патрик из Ливерпуля, 200 тонн водоизмещением, вооруженная четырьмя двухфунтовыми пушками и десятью Фальконетами, была захвачена на Фернандо-По пиратами, происходившими тоже из Ливерпуля. Пиратами оказались девять матросов и юнга с «Трех сестер» капитана Дженкинса, который спасся на баркасе корабля. Пираты воспользовались возможностью приведения к ветру под кормовую скулу «Клэйтона», вся команда которого находилась в носовой части, за исключением капитана и канонира, и затем, взобравшись на борт корабля с мечами и пистолетами в руках, ранили капитана в нескольких местах, захватили корабль, на ночь заковали команду в кандалы. На следующее утро они посадили матросов «Клэйтона» в их же баркас и пустили его своим ходом. Пираты привезли на своей шлюпке один тюк алой ткани и другой – с носовыми платками. Они сказали членам команды «Клэйтона», что если они «будут бродяжничать, то должны обернуть себя алой тканью». Четыре матроса, которые не могли отклонить это странное требование, добровольно стали бродягами, старший же помощник и двое юнг перешли на службу к пиратам. Остальные члены команды через двенадцать дней вошли в реку Бонни, где местный вождь захватил их баркас, и матросам пришлось перейти служить на другие промышлявшие там невольничьи корабли.

Капитан Бэйли, командовавший невольничьим кораблем «Картер», который 31 января 1757 года с реки Бонни отправил письмо владельцам корабля в Ливерпуле, раскрыл способ, к которому иногда прибегали капитаны невольничьих кораблей, когда принуждали местных вождей торговать с ними:

«Мы прибыли сюда 6 декабря и обнаружили «Гектора» почти с сотней рабов на борту, а также «Маркиза Лотиана» из Бристоля под командой капитана Джоунса (я от него сейчас пишу), который набрал лишь половину необходимого количества рабов и платил по 50 баррелей, несмотря на то что находился здесь три месяца до нашего прибытия. Я пока купил только 15 рабов за 30–35 баррелей, но, как только прибудет предьявитель, я

предложу ему продать еще. В настоящее время десяток наших матросов больны, помимо двух помощников, некоторые очень плохи. Я сам в течение последних восьми дней страдал лихорадкой и часто терял сознание. Вчера утром похоронил Томаса Ходжа, а 13-го – Джеймса Бартона. 3-го сюда прибыл капитан Ноблер на борту «Феникса», а 19-го наша торговля была остановлена (как часто случалось прежде). В связи с этим мы скопом высадились на берег, чтобы узнать причину. Трижды обращались к вождю, но он постоянно отказывал в приеме. Однако мы слышали его голос за дверями и, поскольку он так скверно обошелся с нами, вернулись на корабль и решили (на совете) обстрелять поселение на следующее утро. Что и сделали для их вразумления. Однако обнаружили, что наш обстрел с реки малоэффективен, поэтому договорились, что «Феникс» и «Гектор» пройдут в протоку поближе к поселению, в то время как мы с капитаном Джоунсом будем бить с реки. «Феникс» пошел в протоку первым, за ним последовал «Гектор» на расстоянии кабельтова. Едва «Феникс» вошел в протоку, как из кустов примерно в двадцати ярдах от корабля был произведен в него залп из стрелкового оружия. Одновременно несколько выстрелов прозвучало со стороны поселения. В результате корабль стал на якорь и некоторое время готовился к обстрелу. Но, обнаружив, что находиться на палубах или уберечь корабль нет возможности, капитан приказал поднять флаг. Однако это не возымело действия, туземцы продолжали стрелять как из артиллерийского, так и стрелкового оружия. Команда пришла в большое замешательство, некоторые матросы убежали вниз, в то время как другие попрыгали в ялик, что стоял за кормой. Эти матросы (увидев, как подходят несколько каноэ) потребовали, чтобы к ним спустился капитан Ноблер, что тот и сделал наконец, когда пришел к выводу, что судно в опасном положении и что его невозможно будет вывести из протоки до следующего отлива, если не принять на борт туземцев с каноэ. С большим трудом матросы вернулись на корабль, не избежав нескольких выстрелов по ялику. Вскоре после этого на борт «Феникса» поднялись туземцы. Они обрубали канаты и заставили судно привести на траверс поселения. Потом начали громить его и растаскивать его грузы, в чем преуспели за очень короткое время. Ночью же, напившись бренди, они подожгли корабль, из-за чего большое число их погибло в пламени пожара. Команду «Феникса» распределили по трем другим кораблям. Все разрешилось в конце концов. Торговля возобновилась, но была вялой. Провизии здесь мало, и она дорого стоит».

Впоследствии был захвачен «Маркиз Лотиан» и отведен на Мартинику. Нижеследующее письмо из Барбадоса, датированное 28 февраля 1758

года, написал владельцам корабля «Рейнбоу» из ливерпульской «Томас Рамболд и К^о» его капитан Джозеф Гаррисон:

«Мы прибыли сюда 25-го текущего месяца вместе с капитаном Перкинсом из Бонни и капитаном Форде из Анголы, с которыми встретились на Сент-Томасе. Через день после этого сюда доставили пакет из Лондона. Мне предлагалось отправиться отсюда в Южную Каролину с 225 рабами на борту, которые все, кроме восьми, находились в добром здравии. 23 июня прошлого года я имел несчастье повстречаться с французским бригам-капером, оснащенный четырнадцатью шестифунтовыми орудиями, с наветренной стороны от Попо. Наш бой с ним длился четыре часа. Мы так сблизились к четырем склянкам, что я ожидал каждый момент столкновения с бригам, когда он расстрелял весь мой бегучий такелаж и лапу левого станового якоря. Мой стоячий такелаж и паруса были разнесены на куски, капер же был в несколько лучшем состоянии. Пятнадцатью залпами он пробил мои борта. Мы были друг от друга на дистанции длины корпуса корабля. Я потерял в бою боцмана Уильяма Джексона, Роберта Уильямса и Генри Уильямса. Первый и второй помощники, три пассажира и денщик были ранены. Капер, удовлетворившись всем этим, отстал. Три дня мы чинили свой такелаж и т. д. 28-го подошли к Бенинской отмели и обнаружили там лишь одно судно, а именно: португальский шлюп у излучины Варре. На наветренном побережье я купил восемь рабов, а в Бенине – 261, помимо 5400 мер слоновой кости. Покинув 9 ноября реку, мы прибыли 17 декабря на Сент-Томас, откуда отправились 4 января три судна. Я похоронил всех своих сослуживцев, кроме первого и третьего помощников и канонира. С тех пор как мы вышли из Ливерпуля, я потерял 25 белых людей и 44 негра. Негры взбунтовались против нас после того, как мы покинули Сент-Томас. Они убили моего переводчика, которого я приобрел в Бенине, но мы усмирили их без дальнейших потерь. С наветренной стороны от Барбадоса мы насчитали пять каперов. Этим днем сюда привели отбитое судно, поэтому, оставляя Барбадос, мы сильно рискуем».

Методы торговли, которые применялись купцами из Ливерпуля, заключались в следующем. Корабли строились и приспособлялись для перевозки рабов. Экспортные грузы состояли из товаров, производимых в Манчестере и Йоркшире. Топоры, кинжалы, ножи, порох и брелки, пистолеты, мушкеты были из Бирмингема и Шеффилда. Эти товары обменивались на рабов с западного побережья Африки. Затем эти корабли перевозили рабов в Вест-Индию, где их продавали за специи, сахар и ром. Эти товары доставлялись в Ливерпуль и продавались там. Таким образом,

купцы за один вояж получали прибыль трижды.

Далее в руководстве капитану невольничьего корабля из Ливерпуля приводятся любопытные подробности относительно пошлин в Виде во время торговли рабами:

«Таможенные сборы, которые выплачивают корабли за торговлю в Виде верховному вождю Дагомеи.

Восемь рабов за разрешение барабанщику объявить начало торговли и за брокера	}	Рабы передаются в качестве платы каборкису (saborkees), после чего тот передает вам двоих детей 7—8 лет, которых вождь посылает как возмещение за пошлины
1 раб за воду и прачку 2 — за счет фактории 7 — на каноэ		(Эти рабы передаются в качестве платы тому, кто снабжает вас) Эти для форта
6 анкеров бренди 20 кабес (мера) каури 40 силлес (мера в тканях) 200 фунтов черного пороха 25 ружей 10 отрезов сукна 10 отрезов голубого бостона 10 отрезов набивного ситца 40 железных стержней	1 раб 1 раб 1 раб 1 раб 1 раб 1 раб 1 раб 1 раб 1 раб	И если какие-либо другие товары должны быть соразмерны этим, то нужно следить, чтобы подлежали реализации товары, пользующиеся наименьшим спросом

После уплаты пошлины, что должно быть сделано как можно быстрее, поскольку торговцы не смеют торговать до тех пор, пока не уплачена пошлина вождю, вице-вождь передает вам девять нижеследующих слуг, а именно: посредника, который берет на себя заботу об уходящих и приходящих товарах на побережье. Он отвечает за них. Посреднику платят 2 галлины (мера) каури каждый раз, когда он осуществляет доставку товара на корабль и с корабля, а также флягу бренди по воскресеньям.

Двум брокерам вменяется в обязанность связываться с торговцами рабами и выступать переводчиками при сделках. Каждому из них выплачивается 2 токи (мера) каури в день и фляга бренди по воскресеньям. По завершении торговли каждому следует выдать анкер бренди и отрез ткани.

Каждому из двух подростков за обслуживание в доме фактории причитается по 2 токи в день и по окончании торговли — отрез ткани.

Одному подростку за обслуживание тента на побережье причитается 2

токи в день.

Одному сторожу у двери причитается 2 токи в день и отрез ткани ему и вышеназванному.

Женщине-водоносу за работу в фактории причитается 2 токи в день, по окончании торговли – отрез ткани.

Прачке причитается 2 токи в день и 6 токи каждый раз, когда вы дадите ей стирать белье, и отрез ткани – по окончании торговли.

Н. В. Две последние служки иногда выступают в одном лице. Если так, вы оплачиваете одно лицо.

Гребцам каноэ, доставлявшим капитана на берег, причитается анкер бренди, а также шляпа и фатом ткани – каждому. Боцману гребцов – шляпа, отрез ткани стоимостью кабес (мера) каури, фляга бренди по воскресеньям и бутылка бренди всякий раз, когда он пересекает отмель с товарами или рабами или перевозит белого человека, а также якорь бренди и четыре кабеса каури за перевозку капитана на борт корабля по окончании торговли.

Н. В. Упомянутые бутылки и фляги бренди обычно выдавали гребцам каноэ, но теперь капитан выдает каждому из них анкер бренди и кабес каури по воскресеньям за недельную работу. Барабанщику за объявление начала торговли – 10 галлин каури и флягу бренди.

Гонцу вождя за доставку вождю новости о прибытии корабля и приветствий капитана 10 галлин.

Смотрителю склада бутылку бренди по воскресеньям и отрез ткани, когда вы уезжаете, если довольны его работой.

Начальнику участка побережья по прибытии выдается анкер бренди и по убытии – отрез ткани и анкер бренди.

Шести грузчикам товаров – по 2 токи каждому и две бутылки бренди. Кроме того, вы платите им 2, 3 или 4 токи каури каждому. Бочку соответствующей емкости – по окончании торговли и по два отреза ткани и анкеру бренди.

Вице-вождю, который приходит вместе с соплеменниками приветствовать по прибытии капитана и проводит его в форт, – анкер и две фляги бренди, но, если кок туземный, то четыре фляги бренди.

Вице-вождю в счет его собственной пошлины отрез шелка в 15 ярдов, анкерок цветов, тушу говядины, но, если у вас нет этого, можно дать что-нибудь взамен.

Тому, кто формирует эту десятку, – анкер бренди, 4 кабеса каури.

Ночному сторожу дома – бутылку в день и отрез ткани, по вашему усмотрению.

Вы платите 3 токи каури за каждую погрузку, что равно одному анкеру, 40 силлес, 10 отрезам ткани. В такой же пропорции оплачивается погрузка

малогабаритных товаров. Когда же погрузка очень тяжела, вы можете заплатить более 10 галлин за контейнер труб и т. д.

Токи равен 40 каури.

Таллина – 200 каури.

Кабес – 4000 каури.

N. В. 5 токи идут за одну Таллину, а 20 галлин равны одному кабесу.

Вот транспортная накладная на рабов, отправляемых на борту ливерпульского корабля, напечатанная в «Ливерпуль в последнюю четверть XVIII века».

Помечено на полях справа:

«Погружено, с Божьей помощью, в полном порядке и хорошем состоянии Джеймсом [фамилия неразборчива] на борт надежного корабля «Мэри Боро», капитан которого на этот рейс хранимый Богом Дэвид Мортон. Сейчас он стоит на рейде у Сенегальской отмели и, с Божьей помощью, отправится в Джорджию в Южной Каролине с 24 отменными рабами, 6 отменными рабынями, которые были клеймены и подсчитаны на берегу и должны быть переданы в таком же полном порядке и хорошем состоянии в упомянутом выше порту Джорджия в Южной Каролине (с учетом опасности морского перехода и смертности) господам Бротону и Смигу или их уполномоченным. Он или они оплатят фрахт упомянутых рабов в размере 5 фунтов стерлингов за голову с обычной прибавкой к фрахту и распределением убытка между владельцами. В подтверждение чего капитан или казначей упомянутого корабля скрепили своей подписью три транспортных накладных, все их копии и даты. Одна из трех накладных оформлена, две другие пока не заполнены. И пусть Господь доведет этот славный корабль до желанного порта в безопасности. Аминь.

Датировано в Сенегале 1 февраля 1766 года

Дэвидом Мартоном».

Вояж, совершавшийся в 1803–1804 годах кораблем «Энтерпрайз», можно привести как типичный пример функционирования системы работорговли в то время. Инструкции владельца состояли в следующем:

«Ливерпуль, 18 июля 1803 года

Капитану Цезарю Лоусону

Сэр, наш корабль «Энтерпрайз», командовать которым вы назначены, готов сейчас к выходу в море. Вам надлежит немедленно взять на себя управление и пройти наилучшим курсом к Бонни на африканском побережье. При этом вы получите накладную на транспортировку груза, посредством которого вы будете производить в Бонни бартерный обмен на

негров высокого качества, слоновую кость и пальмовое масло. По регламенту такому судно разрешается перевозить 400 негров, и мы хотели бы, чтобы они были, по возможности, мужского пола. Во всяком случае, старайтесь покупать женщин как можно меньше, поскольку мы ожидаем, что вы освободитесь от груза на испанском рынке, где женщины пользуются не очень большим спросом. При выборе негров будьте очень избирательны. Выбирайте тех, которые отличаются крепким телосложением. Не покупайте рабов старше 24 лет, так как может случиться, что вам придется идти на Ямайку, где, как вы знаете, любой раб старше этого возраста облагается пошлиной в 10 фунтов за голову. Пока рабы на борту корабля, давайте им всяческие послабления, не подвергая угрозе собственную безопасность, и не позволяйте кому-нибудь из ваших офицеров и членов команды злоупотреблять рабами или оскорблять их каким-либо образом. Возможно, вам удастся добыть на разумных условиях пальмовое масло, которое здесь, видимо, сильно поднимется в цене. Поэтому мы желаем вам купить его как можно больше, за счет запасного груза, если он у вас будет. Мы взяли каперское свидетельство против французов и представителей Батавской республики, и, если вам удастся захватить их судна в бою, посылайте их прямо в этот порт под командой офицера, назначенного капитаном захваченного судна, и с привлечением достаточного числа матросов вашего экипажа, а также с копией документа о комиссионном вознаграждении. Не трогайте нейтральные суда, поскольку это вовлечет нас в дорогостоящие судебные разбирательства и принесет нам большие убытки. Значительная часть нашей собственности под вашим присмотром не застрахована, и мы искренне желаем, чтобы вы избежали встреч с крейсерами противника, которые многочисленны, и вы можете ожидать их нападения каждый час. Просим вас поддерживать строгую и постоянную дисциплину на борту корабля. Не позволяйте офицерам и матросам пьянствовать, ибо это неизбежно повлечет за собой беду, такую как волнения, мятеж или пожар. Регулярно выдавайте членам экипажа положенную им провизию и не забывайте заботиться о больных. Содержите корабль в чистоте и следите за тем, чтобы никакая часть ваших запасов и вещей не растаскивалась, не оставалась безнадзорной или не расходовалась попусту. Завершив торговлю и приняв на борт достаточное количество ямса, дров, воды и других необходимых грузов для промежуточного перехода, двигайтесь на всех парусах на Барбадос. По прибытии туда посетите господ из «Бартон, Хиггинсон и К^о». У них найдете письма от нас, которыми будете руководствоваться на оставшемся этапе вояжа. Не забывайте писать нам при любой возможности и всегда держите при себе письмо с нашими инструкциями.

В Торговом доме в Вест-Индии вам следует найти того, кто реализует ваш груз. Ваши комиссионные на побережье – 2 фунта стерлингов со 102 фунтами стерлингов валового оборота. Когда из этой суммы будут вычтены премиальные первому помощнику и судовому врачу, наградные и подушный налог, вы извлечете свою комиссию в 4 фунта стерлингов со 104 фунтами из оставшейся суммы. Ваш старший помощник мистер Джеймс Коуил должен получать в среднем с груза двух рабов, если какой-нибудь другой налог не будет взиматься в месте продажи груза. Ваш судовой врач мистер Гилберт Синклер должен получать в среднем двух рабов с груза, если не вышеупомянутый налог, и один шиллинг – за голову каждого проданного раба. С учетом вышеупомянутых вознаграждений ни вы, ни ваша команда, не должны прямо или косвенно заниматься частной торговлей под угрозой конфискации в нашу пользу всей вашей комиссии за вояж. В случае вашей смерти командование кораблем берет на себя ваш старший помощник мистер Коуил с неукоснительным выполнением этих и всех других наших приказов. В случае захвата судна в качестве трофея дайте указание капитану этого судна поднять белый флаг в носовой части судна и еще один – на грот-брам-стеннге при заходе в порт, что найдет отклик сигналом маяка.

Надеемся, ваш рейс будет удачным и выгодным, полагаемся на ваши услуги, сэр,

«Томас Лейланд и К^о».

P. S. В случае захвата любого судна к востоку от мыса Доброй Надежды направляйте его в Фалмут и ждите там наших приказов. В случае захвата судна, торговавшего в Гвинее, с грузом рабов на борту посылайте его по адресу: Ямайка, Кингстон, господам из «Богль, Джоу и К^о».

Подтверждаю, что получил от гг. из «Томас Лейланд и К^о» инструкции, точной копией которых сейчас располагаю. Обязуюсь выполнять их, равно как и другие инструкции и приказы, исключая случаи опасности. Порукой тому моя подпись от 18 июля 1803 года.

Цезарь Лоусон».

В конторской книге владельца сделана такая запись об этом вояже:

«КОРАБЛЬ «ЭНТЕРПРАЙЗ», 1-й вояж.

Вышел из Ливерпуля 20 июля 1803 года.

26 августа задержал испанский бриг «Святой Августин» под командованием капитана Йозефа Антонио в точке с координатами 22,47 градуса северной широты, 26,14 градуса западной долготы. Судно

отправлено из Малаги в Вера-Круз и прибыло в Хойлейк 25 октября.<

> 10 сентября отбит «Джон» из Ливерпуля в точке с координатами 4,20 градуса северной широты и 11,10 градуса западной долготы с 261 рабом на борту. 2 ноября судно прибыло в Доминику.

23 сентября «Энтерпрайз» прибыл в Бонни и отбыл оттуда...

6 декабря «Святой Августин» отбыл из Ливерпуля.

9 января 1804 года «Энтерпрайз» прибыл в Гавану и продал там 392 негра. 28 марта корабль отбыл из Гаваны и прибыл в Ливерпуль 26 апреля 1804 года.

Снаряжение «Энтерпрайза» стоит 8148 фунтов стерлингов 18 шиллингов 8 пенсов. Его груз товаров для торговли – 8896 фунтов стерлингов 3 шиллинга 9 пенса. Общая сумма: 17 045 фунтов стерлингов 2 шиллинга 5 пенсов. В январе 1804 года капитан Лоусон отправил г-ну Хоакину Пересу Урриа в Гавану 412 рабов из Эбое (194 мужчины, 32 юноши, 66 подростков, 42 женщины, 36 девушек и 42 девочки) на продажу на счет господ из «Г. Лейланда и К°». Девятнадцать умерших рабов и одна девочка, подверженная припадкам, не могут быть предъявлены. Чистая прибыль от вояжа в оба конца после продажи 392 оставшихся рабов, оплаты ущерба от задержания «Святого Августина» и кредитования спасения «Джона», прибыли от слоновьих бивней, кампешевого дерева, сахара и т. д. достигла 24 430 фунтов стерлингов 8 шиллингов 11 пенсов».

Из подсчетов, опубликованных в работе Уильямса о работорговле Ливерпуля, обнаруживается, что в течение одиннадцати лет, с 1783 по 1793 год, 878 рабов, принадлежавших Ливерпулю, были импортированы в Вест-Индию. 303 737 рабов, общая оценочная стоимость которых равнялась 15 186 850 фунтам стерлингов, – плод крайне выгодной торговли, принесшей огромное богатство главным предпринимателям и худую репутацию оживленному порту Ливерпуля.

Трагик Джордж Фредерик Кук, предшественник Кина, однажды вечером в нетрезвом состоянии шатался на сцене Королевского театра в Ливерпуле. Зрители освистывали его за появление в таком виде. Приняв устойчивую позу, взбешенный актер выкрикнул: «Я вышел сюда не для того, чтобы меня оскорбляла группа негодяев, в проклятом городе которых каждый кирпич замешен на африканской крови».

Время компенсирует ущерб. Сейчас Ливерпуль – один из крупнейших морских портов мира, обширный перевалочный пункт для стран Нового Света, чье развитие в определенное время требовало труда и жизни похищенных африканцев, увезенных за море в трюмах кораблей,

нахлынувших из этого порта.

Глава 6

МЯТЕЖИ НА БОРТУ НЕВОЛЬНИЧЬИХ КОРАБЛЕЙ В РАНнюю ЭПОХУ

Среди капитанов, занимавшихся торговлей с Гвинеей в начале XVIII века, известен капитан Уильям Снелгрейв, который командовал судами, принадлежавшими лондонским купцам. Он пережил удивительные приключения на африканском побережье, имел несчастье быть захваченным в 1719 году пиратом капитаном Томасом Коклином, едва избежав гибели. Несколько раз Снелгрейв рисковал быть схваченным по приказам негритянских вождей, с которыми торговался насчет рабов.

В марте 1727 года он прибыл на рейд Виды из Лондона на корабле «Галера Екатерина» вскоре после того, как верховный вождь Дагомеи напал на эту страну и чуть ли не истребил все население. Поля были усеяны человеческими костями, а знакомая ему густонаселенная страна имела жалкий вид. Пройдя вдоль побережья на небольшом расстоянии, 3 апреля Снелгрейв бросил якорь на рейде Джаквина и поднялся к поселению в трех милях от моря.

На следующий день от верховного вождя Дагомеи пришел гонец с приглашением английскому капитану посетить его лагерь, который располагался примерно в сорока милях от берега моря. Гонец, говоривший на чистейшем английском языке, который выучил в фактории Виды, заверил капитана Снелгрейва, что в Дагомее он будет в полной безопасности и встретит благожелательный прием. Когда капитан выразил некоторое недоверие, чернокожий гонец сообщил ему, что если он не примет приглашения, то сильно обидит вождя, который может не позволить ему торговать на недавно завоеванном побережье, а также доставить много неприятностей. Поэтому капитан Снелгрейв принял решение пойти. Его согласился сопровождать голландский капитан вместе с двумя-тремя моряками.

Гости отправились в девять утра. У капитана было шесть носильщиков, которые по очереди сменяли друг друга, по двое неся жерди носилок. Когда капитан уставал лежать на носилках, к его услугам была маленькая лошадка, не больше осла, на которую он садился верхом. Ехал по хорошим дорогам со скоростью около четырех миль в час. На следующий день около девяти утра они добрались до лагеря, проведя ночь на матрасах, расстеленных на земле в хижинах, которые еще не были уничтожены

воинами вождя. Главный царедворец вместе с пятьюстами воинами, при стрелковом оружии и обнаженных саблях, со щитами и флагами, вышел встречать гостей. Их сопровождали к ряду кресел (взятых в Виде), поставленных под деревьями, куда стекались толпами туземцы в таком количестве, что гости опасались быть раздавленными. Тысячи людей, пришедших из княжеств внутри континента, никогда не видели прежде ни одного белого человека.

На обед после полудня принесли холодный окорок и дичь. Несмотря на усилия нескольких слуг с опахалами, невозможно было отогнать от мяса рои мух, которые, видимо, укрывались в грудях мертвых человеческих голов, сваленных на помостах невдалеке. Мимо этих ужасно смердевших помостов гости прошли через некоторое время, когда направлялись ко двору вождя. Переводчик сообщил, что эти груды состояли из голов четырех тысяч туземцев Виды, которых принесли в жертву три недели назад.

Гости проспали ночь в гамаках, а на следующее утро около девяти часов их сопроводили в большую, обнесенную частоколом зону, где верховный вождь Дагомеи сидел в недавно захваченном им у верховного вождя Виды позолоченном кресле. Он носил тогу, украшенную золотом. Позади него стояла группа обнаженных по пояс женщин, которые держали широкие зонты, укрывавшие вождя от палящего солнца. После выражения почтения его величеству и выпивки за его здоровье пальмового вина переводчик сообщил капитану Снелгрейву, что «верховный вождь пожелал, чтобы гости остались с ним на некоторое время и смогли познакомиться со способом выплат воинам за пленных, захваченных во время войны, а также осмотреть головы убитых».

Прошлым вечером в лагерь привели более 1800 пленников. Это были тофини, проживавшие в шести днях пути отсюда между страной Виды и Дагомеей. После уничтожения жителей Виды верховный вождь Дагомеи отослал на родину двенадцать своих жен, большое число рабов и награбленное имущество под охраной 500 человек. Проходя через страну тофини, отряд охранников подвергся нападению и грабежу. Женщин убили, а имущество захватили. По завершении завоевания Виды верховный вождь отправил часть своих войск в страну тофини. 1800 пленников, которых капитан Снелгрейв увидел в лагере, представляли собой один из результатов этой карательной экспедиции.

Пленников привели к верховному вождю, который отобрал их значительное количество в качестве рабов для собственных нужд или для продажи европейцам. Около двухсот человек вождь подарил своим придворным и служащим, остальных приказал принести в жертву фетишу,

или его ангелу-хранителю. Жертвоприношение людей проходило после полудня примерно в миле от лагеря, где соорудили небольшие помосты около пяти футов высотой. Первой жертвой оказался мужчина приятной наружности, около пятидесяти лет, который не выказывал никакого страха. Он стоял со связанными за спиной руками у одного из помостов. Колдун или жрец положил руки на голову жертвы и произнес в течение двух минут несколько священных слов. Затем мужчина, стоявший позади с широким мечом, одним ударом отсек голову жертвы и бросил ее на помост. Тело лежало некоторое время на земле до истечения крови, после чего рабы оттащили его за пределы лагеря [21 - Через столетие командор британского флота Форбс засвидетельствовал аналогичное жертвоприношение в Дагомее, когда двенадцать жертв, связанных по рукам и ногам, а также помещенных в небольшие корзины, носили вокруг двора и после определенной церемонии сбросили с парапета в глубокую яму. «Падение свыше двенадцати футов, возможно, напугало жертвы, и, прежде чем они пришли в себя, им отсекли головы, а их тела бросили в толпу. Туземцы, вооруженные дубинами и ветками, беспощадно отмолотили тела и оттащили их в яму, расположенную подальше» (Forbes. Dahomey and the Dahomans. London, 1850).].

Подобным же образом были принесены в жертву около четырехсот пленников. Люди шли к помостам смело и беззаботно, но крики женщин и детей звучали довольно впечатляюще и вскоре внушили голландскому капитану опасения, что жрецам могли прийти в голову мысли о более приемлемом характере белых жертв для фетиша перед людьми их собственного цвета кожи. Но в отношении европейцев не было проявлено никакого предубеждения, и после двух часов пребывания возле помостов гости вернулись в свою палатку. Утром они обнаружили, что люди, убравшие ночью тела жертв, сварили их и лакомились ими, как священной пищей.

На приеме у вождя на следующий день достигли договоренности о том, каким образом подходящих для перевозки рабов следует отправлять на побережье в Джаклин, а также о том, что капитан Снелгрейв должен принять троих мужчин-рабов и одну женщину-рабыню, которых выберет сам. Возвращение к морю происходило без происшествий и очень быстро, поскольку многочисленные жертвоприношения носильщиков так потрясли, что они почти бегом проделали обратный путь, в изнеможении прибыв на побережье.

Через два дня в поселение стали прибывать рабы, отправленные по велению вождя. Вскоре подошел один из придворных начальников, чтобы утрясти все спорные вопросы. В день его появления переводчик привел

капитану Снелгрейву двух рабынь, заявив, что вождь хочет продать их ему. Однако одной из рабынь было около пятидесяти лет, и капитан, сказав переводчику, что она слишком стара, не купил ее. Молодую рабыню он приобрел по согласованной цене. Вскоре после этого переводчик сообщил, что женщину постарше по приказу старшего придворного принесли в жертву морю за оскорбление вождя – раз ее не купили, ее следовало уничтожить. Переводчик полагал, что она, видимо, способствовала любовным делам некоторых наложниц вождя и поэтому вызвала его неприязнь. В ответ на расспросы переводчик рассказал: «Женщине связали руки за спиной, а также ноги. Ее положили на дно каноэ и отвезли в море на расстояние полумили от берега». Затем переводчик велел гребцам выбросить ее за борт. Едва они сделали это, он заметил, что акулы рвут ее на куски.

На следующий день на берег пришло письмо от помощника капитана «Еалера Екатерина», который сообщил о чудесном воскрешении упомянутой рабыни. Случилось так, что в то время, когда каноэ переводчика возвращалось к берегу, одна из шлюпок «Еалеры Екатерины» отдала швартовы, чтобы двигаться к борту корабля, и на пол пути обнаружила человеческое тело, которое плыло на спине, периодически выплевывая воду. Это была женщина, связанная по рукам и ногам. Ее втащили в шлюпку, развязали и покатали по дну, чтобы из желудка вышла соленая вода. Матросы перетащили женщину на борт корабля и сообщили о происшествии капитану Снелгрейву.

Хотя женщина счастливо избежала участи стать жертвой акул и была вовремя спасена, капитан тем не менее попал в сложную ситуацию. Если бы вождь узнал о случившемся, то мог бы счесть, что фетиш разочарован этой жертвой и пожелает отомстить либо потребует большего жертвоприношения. О том, чтобы убить женщину, речи не шло, поэтому капитан послал помощнику письменный приказ хранить в тайне ее спасение, что было выполнено не без успеха. Женщина была чрезвычайно благодарна за спасение и во время дальнейшего вояжа верно служила экипажу, помогая умиротворять рабов, особенно шумных и беспокойных негритянок. По прибытии в Вест-Индию ее продали генеральному инспектору Барбадоса Чарльзу Данбару, имевшему репутацию хорошего хозяина.

«Галера Екатерина» отбыла с рейда Джаквина 1 июля 1727 года с более чем шестьюстами неграми на борту и прибыла в Антигуа (Вест-Индия) после утомительного перехода в течение семнадцати недель. Здесь хорошо выдержавший переход груз был выгодно обменен, и после почти трехмесячного пребывания в ожидании погрузки сахара корабль в конце

февраля вышел в море, а 25 апреля 1728 года вошел в устье реки Темзы. Вояж туда и обратно длился семнадцать месяцев.

Капитан Снелгрейв ходил торговать в Гвинею почти тридцать лет и знал ее в мельчайших подробностях. Описание, которое он сделал и которое было опубликовано в Лондоне в 1754 году [22 - Snelgrave W. A New Account of Guinea, and the Slave Trade. London, 1754.], можно считать ценным вкладом в наше знакомство с условиями торговли того времени. Он пишет, что негритянский обычай превращения военнопленных в рабов существовал у туземцев с незапамятных времен: когда пленников оказывалось больше, чем использовалось на плантациях, то часто многих из них убивали. Следовательно, туземцы радовались возможности продавать избыточных пленников торговцам. Большинство преступлений в племенах чернокожих каралось штрафами, и, если злоумышленник не мог откупиться, его продавали в рабство. Это практиковалось как в племенах, живших во внутренних областях континента, так и в тех, что находились вблизи или на берегу моря. Из-за этого рабами становилось так много негров, что в ходе торговли на гвинейском побережье, по оценкам капитана Снелгрейва, до 1730 года были отправлены за море по меньшей мере 70 тысяч туземцев. Во время перехода в Вест-Индию и к побережью Америки условия содержания рабов в тесных помещениях на борту корабля были не только крайне неудобны, но часто ужасны и невыносимы, что приводило иногда к мятежам невольников и их повальной смертности.

«Эти мятежи, – пишет капитан Снелгрейв, – происходили, как правило, из-за дурного обращения матросов с этими несчастными людьми, которых перевозили на борту кораблей на наши плантации. Поэтому, где бы я ни командовал, моя главная забота состояла в том, чтобы с неграми обращались на борту по-доброму. Я всегда строго наказывал белым людям относиться к неграм гуманно и милосердно. На это я обычно делал ставку, чтобы удерживать их от бунта и сохранять здоровыми.

И поскольку людям, незнакомым с методами обращения с неграми, может показаться невероятным, что мы могли переправлять так много сотен рабов скопом на маленьком корабле и поддерживать среди них порядок, я просто расскажу, как это осуществлялось. Когда мы покупали взрослых людей, я знакомил их с переводчиком. Теперь, когда они становились моей собственностью, я считал необходимым дать понять, зачем их купили и что им следовало успокоиться (ибо всех этих несчастных людей, как правило, мучают ужасные предчувствия в связи с тем, что их купили белые хозяева. Многие боятся, что мы замысливаем съесть их. Мне говорили, что это им внушают континентальные негры). Поэтому, сообщив, что они куплены,

чтобы пахать землю в нашей стране, а также выполнять другую работу, я затем разъяснял им, как следует вести себя на борту с белыми людьми, что если кто-нибудь обидит их, то они должны пожаловаться переводчику, который проинформирует меня об этом, и я поступлю по справедливости. Но если они устроят бунт или вознамерятся бить белого человека, то их ожидает суровое наказание.

Покупая негров, мы заковываем попарно в железо наиболее дерзких из них, однако женщинам и детям позволяем ходить свободно. Когда же удаляемся от побережья, освобождаем от оков и мужчин.

Их кормили дважды в день и разрешали в хорошую погоду выходить на палубу в семь утра и оставаться там, если считают нужным, до захода солнца. Утром каждый понедельник им давали курить трубки, что они очень любили. Мужчины-негры содержались отдельно от женщин и детей, а места, где они лежали, чистились каждый день. Некоторых белых людей назначали следить за этим...

Первый мятеж, который я наблюдал среди негров, случился во время моего первого вояжа в 1704 году. Он происходил на борту корабля «Галера Игл» из Лондона, которым командовал мой отец, когда я служил при нем казначеем. Мы закупили наших негров в районе реки Старый Калабар. Она впадает в Гвинейский залив. Во время мятежа мы стояли у реки с четырьмястами рабами на борту и не больше чем десятью белыми матросами, способными служить. Ведь несколько членов нашей команды умерли, а многие другие были больны. Кроме того, две наши шлюпки только что отправились с двенадцатью матросами за дровами в лес, который виднелся с корабля. Все эти обстоятельства побудили негров посоветоваться о том, как организовать мятеж, который они начали в четыре часа пополудни, когда отправились ужинать. Но так как мы всегда осматривали кандалы мужчин утром и вечером, ни один из рабов от них не избавился, что способствовало нашему спасению. Три белых матроса стояли на вахте с кинжалами в руках. Один из них, находившийся на полубаке, увидел, как некоторые из негров хватают старшего помощника, чтобы выбросить его за борт. Он набросился на них с такой яростью, орудуя плоской стороной кинжала, что они вскоре бросили помощника, который освободился от них и побежал на ют за оружием. Я тогда болел лихорадкой и лежал в капитанской каюте как раз во время приступа. Однако, как только я услышал крик: «Рабы бунтуют», схватил два пистолета и побежал на палубу. Там, встретившись с отцом и старшим помощником, передал каждому по пистолету. После этого они побежали вперед на ростры, выкрикивая угрозы неграм, бывшим на полубаке. Однако те не обращали

внимания на угрозы, потому что были заняты часовым (который помог освободиться помощнику). Они, конечно, прикончили бы часового его собственным кинжалом, если бы отняли его, но не могли разорвать шнурок, которым рукоятка крепилась к поясу. Поэтому они хотя и схватили его, но не смогли воспользоваться кинжалом. Разочаровавшись, негры попытались выбросить часового за борт, но он держал одного из них так крепко, что с ним ничего могли поделать. Мой отец, увидев этого здоровяка в такой опасности, бросился в толпу негров спасти его, стреляя из пистолета поверх их голов в надежде испугать их. Но мощный раб ударил его дровяной чуркой так сильно, что почти оглушил. Раб хотел снова его ударить, но семнадцатилетний молодой парень, к которому отец относился по-доброму, подставил свою руку – принял удар, раздробивший ее. В тот же момент помощник выстрелил из пистолета и попал в негра, ударившего моего отца. После этого мятеж прекратился, все негры на полубаке закрыли лица ладонями, выпрашивая пощаду.

Расследуя инцидент, мы обнаружили, что в мятеже участвовали не более двадцати рабов. Пропали два зачинщика. Они, видимо, прыгнули за борт, поняв, что их план провалился, и утонули. Это все, что мы потеряли в связи с мятежом, ибо негра, в которого выстрелил помощник, нашему врачу, вопреки ожиданиям, удалось вылечить. Мне тоже повезло, потому что моя лихорадка прошла из-за страха и возбуждения, которые я пережил. Более того, во время нашего перехода в Виргинию нашему врачу удалось вылечить и парня, принявшего на свою руку удар, предназначенный для моего отца. В Виргинии мы предоставили ему свободу, а достойный джентльмен, некий полковник Картер, принял его на службу, пока тот достаточно не познакомился бы со страной, чтобы обеспечить себя.

Я совершил еще несколько вояжей, в течение которых негры не пытались бунтовать. Мне кажется, я обязан этим главным образом хорошему обращению с ними и бдительности моих офицеров. Но иногда мы сталкивались с жесткими и упрямыми людьми среди них, с которыми было общаться нелегко. Это, как правило, кормантийцы, народность Золотого Берега. В 1721 году я отправился на корабле «Генрих» из Лондона в вояж к той части побережья, где мы закупили большое число туземцев. Нам приходилось держать их в оковах и бдительно следить за ними. Тем не менее они взбунтовались, хотя и имели мало шансов на успех. Я находился в это время близ места, называемого Мамфорт на Золотом Берегу, с почти 500 неграми на борту, 300 из которых были мужчины. Команда корабля состояла из пятидесяти белых людей, совершенно здоровых. У меня служили прекрасные офицеры, поэтому мне было легко во всех отношениях.

Мятеж начался в полночь (но луна светила очень ярко). Два матроса стояли на часах у входа в носовой люк, откуда поднимались рабы, чтобы пройти к гальюну. Им разрешалось идти по четыре человека. Но часовые не позаботились о том, чтобы закрыть решетчатую крышку люка снова, что от них требуется. Поэтому еще четыре негра вышли на палубу и сумели сбить свои железные оковы. То же сделали четыре негра в гальюне. Восемь чернокожих напали на двоих часовых, которые сразу позвали на помощь. Негры пытались отнять у них кинжалы, но веревки, которыми их рукоятки крепились к поясам матросов, были столь перекручены во время драки, что они не могли высвободить кинжалы до нашего прихода на помощь. Чернокожие, заметив, что к ним приближаются несколько белых людей с оружием в руках, бросили часовых и попрыгали через борт в море.

Когда я направлялся в это время на палубу, моей первой мыслью было закрыть крышку люка, чтобы негры не вышли наружу. Затем я приказал матросам сесть в шлюпку и спасти бросившихся за борт, что матросы успешно выполнили. Они обнаружили туземцев вцепившимися в канаты, которыми было пришвартовано судно.

Обезопасив корабль от мятежных туземцев, я позвал переводчиков и велел им успокоить негров в межпалубных помещениях (поскольку они сильно шумели). Когда они успокоились, я спросил: «Что вас побудило бунтовать?» Они ответили, что я был большим мошенником, раз купил их, чтобы вывезти из их страны, и они полны решимости добиться свободы, если представится возможность. Я сказал, что они утратили свободу еще до того, как их купили, либо из-за совершенных преступлений, либо попав в плен согласно их обычаям. Я разъяснил, что теперь они стали моей собственностью и я дам им возможность почувствовать свою обиду, если они будут злоупотреблять моей добротой. Одновременно я спросил, обращались ли с ними плохо белые люди и есть ли у них просьбы, которые можно удовлетворить на корабле. Они ответили, что им не на что жаловаться. Тогда я заметил, что если бы они достигли своей цели и добрались до берега, то это не принесло бы им никакой пользы, потому что соплеменники поймали бы их и продали на другие корабли. Этот мой довод подействовал, и они, кажется, поняли свою ошибку, попросив простить их и пообещав в будущем слушаться и больше не бунтовать, если я не стану наказывать их в этот раз. Я охотно гарантировал им это, и они пошли спать. Утром мы позвали негров на палубу и проверили состояние их оков, обнаружив, что они все на месте. Таким образом, инцидент был исчерпан, чему я очень обрадовался, потому что он произошел с наиболее стойкими и здравомыслящими неграми на побережье. Они оказались не настолько наивны, чтобы воображать, будто мы купили их для еды, и получили

удовлетворение оттого, что мы везем их для работы на плантациях, которую они выполняли в своей собственной стране.

Однако через несколько дней мы обнаружили, что они снова сговариваются и готовят мятеж. Ведь некоторые зачинщики интересовались у одного нашего переводчика, не мог ли он достать для них топор, при помощи которого они перерубили бы ночью канаты, державшие корабль, и довели бы его (как им казалось) до берега. Там они вырвались бы из наших рук и были бы обязаны ему по гроб жизни.

Для лучшего понимания ситуации я должен заметить, что переводчик являлся туземцем и пользовался свободой в своей стране. Мы наняли его на время торговой сессии на побережье из-за хорошего знания им английского языка. Он также служил брокером между нами и черными купцами.

Переводчик оказался достаточно честным, чтобы сообщить мне о том, что ему предлагали. Он посоветовал бдительно следить за рабами. Ибо, хотя он привел те же доводы, какими воспользовался я после мятежа, объясняя, что их схватят на берегу снова и продадут на другие корабли, если они достигнут своей цели и выберутся на берег, это не возымело действия.

Данное обстоятельство меня изрядно беспокоило. Мне было известно несколько вояжей, закончившихся трагедиями из-за мятежей. Они приводили либо к полной утрате корабля и гибели экипажей, либо, по крайней мере, к убийству или ранению, по необходимости, большого числа рабов для предотвращения гибели корабля. Более того, я знал, что многие из таких негров из Корманти не боялись наказаний и даже самой смерти. На Барбадосе и других островах часто случалось так, что в ответ на суровое обращение с целью преодолеть их упорный отказ работать одновременно двадцать или более негров вешались на плантации. Однако примерно через месяц после этого произошел печальный инцидент, приведший наших рабов к большему порядку и изменивший их настроение. Дело было так. При нашем переходе из Мамфорта в Анамабо, главный порт Золотого Берега, я встретил другой корабль нашей компании «Елизавета». Командовавший им капитан Томпсон был убит так же, как и его старший помощник. Более того, корабль затем увел к мысу Лабо с наветренной стороны побережья пират Робертс, на службу которому поступили несколько матросов «Елизаветы». Однако некоторые пираты воспротивились разграблению груза и решили, что командование кораблем должно быть передано второму помощнику, которому объяснили, что делают это из уважения к благородству собственника корабля, участливо относившегося к несчастным матросам.

Во время встречи с этим кораблем мой борт почти не имел груза. «Елизавета» была в моем подчинении, и я сообщил второму помощнику,

управлявшему кораблем, что считаю полезным для интересов собственника переместить сто двадцать рабов с его корабля на мой и затем покинуть побережье. Я сказал, что после моего ухода одновременно перегрузу на его корабль остатки своего груза в его полное распоряжение. Помощник охотно согласился, но ответил, что опасается бунта команды корабля из-за ее несогласия с перемещением рабов. И действительно, мятежники вышли в это время целой группой на ют. Один из них, выражая мнение всей группы, прямо заявил, что они не позволят мне забрать рабов. Из этого я заключил, что они совершенно не считаются со своим нынешним капитаном, который на самом деле не был волевым моряком. Однако я спокойно попросил их объясниться. Почему они возражают против перемещения рабов? На это они ответили, что им нет до меня дела. Я попросил капитана найти в его бюро-секретере папку с инструкциями, которые капитан Томпсон получил от нашего владельца. По моей просьбе он зачитал им те из них, которым бывший капитан или его преемник (в случае смерти) должен следовать. Тогда матросы хором закричали, что им придется оставаться дольше у побережья, чтобы закупить больше рабов, если я заберу этих, против чего они и выступили. Я ответил, что приму к себе на борт ту часть команды, которая пожелает этого, они получают то же жалование, что имели на борту «Елизаветы», а их места на корабле займут некоторые члены моего экипажа. Это разумное предложение было отвергнуто. Один из матросов, корабельный бондарь, сказал мне, что рабы содержатся на борту корабля продолжительное время и команда подружилась с ними, поэтому необходимо оставить их. Я поинтересовался, бывал ли он на гвинейском побережье прежде. Он ответил, что нет. Тогда я сказал, что вижу это по его манере говорить, посоветовав ему не особо полагаться на дружбу с рабами, о которой он может пожалеть, но будет уже поздно. Примечательно, что именно этот человек был убит рабами на следующую ночь, о чем следует рассказать далее.

Сочтя дальнейший разговор с этими людьми бесполезным, я сказал, что когда мои лодки придут забрать рабов, то я буду также полон решимости наказывать некоторых из них, которые сопротивляются, какую я проявил, стараясь убедить их в разговоре. Поэтому я покинул их капитана, сказав, что приеду на следующее утро завершить дело.

Но в ту же ночь, почти через месяц после бунта на моем судне в Мамфорте и при таком же ярком освещении луны, как тогда, мы услышали на борту «Елизаветы» около десяти часов два-три выстрела из мушкета. После этого я приказал матросам сесть в лодки, принять все меры предосторожности против мятежа на борту нашего корабля и сам спустился в шлюпку (за которой следовали другие лодки), чтобы подняться на борт

«Елизаветы». По пути мы заметили двух негров, отплывавших от нее, но, прежде чем смогли добраться до них, акулы, вынырнувшие со дна, разодрали их на куски. Уже у борта корабля мы обнаружили двух негров, державшихся за канат, – их головы торчали из воды, видимо, они боялись плыть, увидев, как их соплеменников только что сожрали акулы. Мы посадили этих двух рабов в лодку и затем двинулись к кораблю, где под палубой обнаружили притихших негров. Команда корабля, находившаяся на юте в большом смятении, сообщила, что бондарь, которого поставили часовым у носового люка сторожить негров, вероятно, был убит ими. Я выслушал это с удивлением, недоумевая, почему эти трусы, резко возражавшие против моего предложения переместить рабов несколькими часами раньше, не смогли проявить хоть какой-нибудь смелости для спасения своего товарища. Они лишь берегли себя, обстреливая двери юта. Поэтому я пошел к носу корабля с несколькими своими матросами. Там мы обнаружили лежавшего бондаря, естественно мертвого. Его череп был разрублен лежавшим рядом топориком. При виде этого я позвал переводчика и попросил его справиться у негров в межпалубном помещении, кто из них убил белого человека. Рабы ответили, что ничего не знают об этом, поскольку не планировали никакого мятежа. После тщательной проверки мы убедились, что это правда, ибо более сотни негров, находившихся на борту и купленных для доставки на Подветренные острова, не понимали ни слова на языке туземцев Золотого Берега и поэтому не могли участвовать в заговоре. Бунт замыслили кормантийские негры, которых купили за два-три дня до этого. Наконец один из двух рабов, которых мы выбрали у борта корабля, прервал своего компаньона и охотно признался, что сам убил бондаря без какого-нибудь иного умысла, кроме как помочь своим соотечественникам незаметно добраться вплавь до берега, потому что все вахтенные белые люди на палубе спали. Обнаружив у печки топорик кока, он поднял его без всякого злого умысла, и, проходя мимо начавшего просыпаться бондаря-часового, негр сгоряча ударил его топориком по голове, а затем прыгнул за борт.

Услышав такое откровенное признание, белые люди были готовы изрубить негра на куски, но я предотвратил это и взял его на свой корабль. На следующий день ранним утром мы на лодках отправились на борт «Елизаветы» и переместили оттуда на свой корабль всех туземцев. Никто из матросов «Елизаветы» не возразил против этого. Двое из них, плотник и эконо́м, пожелали пойти со мной, что я охотно разрешил. А для обеспечения будущих успехов вояжа я перевел своих старшего помощника и четырех младших офицеров (с их согласия) на борт «Елизаветы» (через пять месяцев после этого они прибыли на Ямайку, где освободились от

большей части своего груза).

Отослав рабов с «Елизаветы», я вернулся на борт своего корабля. На рейде Анамабо находились кроме нас еще восемь парусных кораблей. Я послал к их капитанам офицера на лодке с приглашением посетить мое судно, поскольку у меня есть к ним дело чрезвычайной важности. Вскоре большинство из них прибыло ко мне, и я познакомил их с существом дела, сообщив о признании негра, что он убил белого человека. Они единодушно посоветовали мне казнить его, аргументируя это тем, что кровь смывается кровью по всем законам, как божественным, так и человеческим, тем более что в данном случае имелось очевидное доказательство – признание убийцы. Более того, казнь, по всей вероятности, предотвратит будущие злодеяния, поскольку ее публичное осуществление на рее корабельной фок-мачты подействует на содержащихся на их судах негров и, так как они весьма склонны к бунту, это удержит их от таких попыток. Эти доводы, весьма убедительные с учетом моего собственного положения, заставили меня согласиться.

Соответственно, мы предупредили негра, что за убийство белого человека он должен умереть. Он ответил, что признает свой поступок опрометчивым, но хотел бы, чтобы я принял во внимание то, что если предам его смерти, то потеряю деньги, которые заплатил за него. На это я сказал ему через переводчика, что, хотя в его стране принято заменять казнь за убийство определенной суммой денег, у нас так не поступают, он должен понять, что в этом отношении деньги не имеют для меня значения. На мои слова о том, что, как только песок в часах пересыпется, его предадут смерти, он отреагировал спокойно.

После этого капитаны вернулись на свои корабли, чтобы вывести всех негров на палубы во время казни и разъяснить им ее значение. Песок в часах пересыпался, убийцу вывели на полубак, где ему подвязали под мышками канат, чтобы поднять на рею фок-мачты и расстрелять в таком положении. Некоторые из его соотечественников, наблюдавших сцену, сказали ему (как сообщил мне впоследствии переводчик), чтобы он не боялся, поскольку ясно, что капитан не собирался его казнить, иначе веревкой обвязали бы его шею, чтобы повесить. Кажется, они и не помышляли о расстреле, полагая, что его подвешат на рею только для того, чтобы напугать. Но они увидели совсем другое. Как только негра подвесили, десять белых матросов, стоявших за ограждением юта, выстрелили из мушкетов, мгновенно застрелив его. Это вызвало неожиданное оцепенение у наших рабов, которые считали, что я не позволю казнить их соотечественника из соображений сохранения прибыли.

Тело расстрелянного негра опустили на палубу, его голову отсекли и

выбросили за борт. Это сделали для того, чтобы дать понять рабам, что всех, совершивших такие преступления, ждет та же участь. Оказывается, многие чернокожие верят, что если их убить, но не обезглавить, то после сброса за борт они смогут вернуться на родину. Но ни казненный негр, ни его соплеменники из Корманти (как я понял впоследствии) не были настолько наивны, чтобы верить в подобные вещи, хотя многие туземцы из других краев на борту моего корабля придерживались такого мнения.

Когда казнь завершилась, я велел переводчику разъяснить неграм, что не будет пощады тому, кто убьет белого человека. Я решил, что настал подходящий момент внушить им раз и навсегда: для предотвращения дальнейших злодеяний любая попытка нового мятежа будет караться смертью его зачинщиков. Туземцы обещали подчиняться, и я заверил их, что с ними будут обращаться по-доброму, если они сдержат свои обещания. Негры не нарушили своего слова. И когда через два дня мы отправились из Анамабо на Ямайку, негры, хотя и содержались на борту корабля почти четыре месяца после нашего отбытия с побережья до продажи на этом острове, ни разу не дали ни малейшего повода усомниться в них. Этому мы, несомненно, обязаны казни убийцы белого человека.

Я был свидетелем только трех мятежей, о которых я рассказал, хотя и совершил много вояжей к побережью Гвинеи. Но я слышал о нескольких других бунтах, которые завершились очень трагично. Однако, чтобы не утомлять читателей, расскажу только об одном, который весьма примечателен и случился на борту корабля из Лондона «Галера Феррес», которым командовал капитан Мессерви. Излишняя заботливость и чрезмерная доброта капитана в отношении негров стали причиной его смерти, а его вояж в конце концов закончился ничем. Я встречал этого джентльмена в Анамабо на гвинейском побережье в январе 1722 года. Придя на борт моего корабля, он сообщил мне о своей большой удаче – покупке почти трехсот негров за несколько дней в месте, которое называется Сетре-Круэ, на подветренном участке побережья Гвинеи. Это происходило так.

Видимо, жители этого места, расположенного у взморья, часто терпели насилие со стороны продававших им соль и другие продукты туземцев внутренних областей континента, которые долгое время обращались с ними подлым образом: зная, что обитатели Сетре-Круэ полностью зависели от них в своем питании, основу которого составлял рис, они брали их товары в обмен на то количество риса, какое хотели, по своему произволу. Туземцы Сетре-Круэ, долго жаловавшиеся на эти бесчинства без всякой пользы, решили восстановить справедливость силой оружия. Им сопутствовал успех: они разрушили поселения, куда ходили покупать рис, а своих

обидчиков взяли в плен.

Капитану Мессерви случилось бросить якорь близ Сетре-Круэ как раз в это время. Он воспользовался возможностью дешево купить множество пленников. Ведь победители были рады выручить что-то за них в данный момент, поскольку, если бы не появился корабль на рейде, им пришлось бы убить большую часть пленных мужчин для собственной же безопасности.

Рассказав эту историю, капитан попросил меня поделиться рисом, узнав, что я приобрел много тонн его на подветренном побережье, где он купил немного этого товара, не ожидая столь выгодной торговли рабами. Я отказал ему, поскольку запасся таким количеством риса, какое было необходимо мне, а также другим кораблям нашей компании, встречу с которыми я ожидал в ближайшее время. И, узнав, что он не был прежде на гвинейском побережье, я взял на себя смелость заметить, что, поскольку он собрал на борту так много негров из одного поселения, говоривших на одном языке, ему следует позаботиться о мерах предупреждения мятежей. Я выразил сожаление в связи с тем, что у него было мало риса, ибо по опыту знаю, что рабы с наветренного побережья очень любят этот традиционный для них продукт. Естественно, что из-за его недостатка со стороны рабов можно было ожидать недовольства и неприязни.

Он с пониманием отнесся к моему предупреждению и, попросив советов по другим вопросам, откланялся, пригласив меня посетить его на следующий день. Соответственно, около трех часов пополудни я явился на борт его корабля. В четыре часа негры пошли ужинать, и капитан Мессерви попросил извинения за отсутствие в течение четверти часа, пока он справится о том, как его рабы снабжаются едой. Я лично наблюдал с юта, как он сдабривает перцем и пальмовым маслом рис, предназначенный для негров. Когда он вернулся, я не мог не отметить опрометчивость его поступка. Хотя для капитана и целесообразно иногда выйти посмотреть, как идут дела, однако ему следовало выходить в сопровождении большого количества вооруженных белых людей. Иначе лицемерие капитана так близко от себя может способствовать мятежным настроениям рабов. Он может стать заложником этой ситуации. Они всегда набрасываются на главное лицо на корабле, которое очень быстро распознают по предупредительности, с которой к нему относятся другие члены экипажа.

Он поблагодарил меня за совет, но, видимо, не придавал ему особого значения, ибо сказал, что считает правильной пословицу: «От хозяйского глаза и конь добреет». Затем началась беседа на другие темы, в ходе которой он сообщил, что отправляется отсюда через несколько дней. И действительно, через три дня он отбыл на Ямайку. Через несколько месяцев я побывал в том месте, где по прибытии обнаружил его корабль и услышал

печальный рассказ о его смерти, которая случилась примерно через десять дней после того, как он оставил побережье Гвинеи.

Когда капитан находился на полубаке корабля среди негров, принимающих пищу, они набросились на него и забили мисками, из которых едят вареный рис. Мятеж замыслили взрослые негры, которые скопом побежали в носовую часть корабля и попытались сломать ограждение юта, не обращая внимания на мушкеты и короткие пики, направленные на них белыми людьми через амбразуры. Наконец старший помощник капитана отдал приказ произвести выстрел по мятежникам одним из орудий на юте, заряженным шрапнелью, что стало катастрофой: около восьмидесяти негров были убиты или утонули, а многие туземцы выпрыгнули за борт. Это положило конец мятежу, но большинство выживших рабов были настолько удручены, что некоторые из них уморили себя голодом, упорно отказываясь принимать любую пищу. После прибытия корабля на Ямайку туземцы еще дважды пытались поднять мятеж, пока не началась их распродажа. Когда стали известны эти факты, равно как их прежние злодеяния, ни один плантатор не захотел их покупать, несмотря на продажу по низкой цене. В целом данный вояж оказался крайне неудачным. Из-за этого корабль задержался на Ямайке на много месяцев и в конце концов утонул во время урагана».

Глава 7

РАССКАЗ СУДОВОГО ВРАЧА

По прибытии кораблей в Бонни [23 - Это повествование взято из «Отчета о работоторговле на африканском побережье» Александра Фальконбриджа (Лондон, 1788).] и Новый Калабар принято отдавать снасти, спускать паруса на реях и мачтах и начинать сооружать то, что называют домом. Это делается таким образом. Матросы сначала связывают бимсы и рей от мачты к мачте, чтобы образовать распорку. Далее примерно в девяти футах над палубой несколько балок, равных по длине распорке, привязывают к стоячему рангоуту и образуют стенную плиту. Поперек распорки и стенной плиты укладывают несколько других балок или стропил и привязывают их на расстоянии около шести дюймов друг от друга, потом вдоль – другие стропила или балки, чтобы образовать подобие решетки или сетки с промежутками в шесть квадратных дюймов. Затем сооружается крыша из рыхлых камышовых циновок, которые крепят друг к другу каболкой и помещают внахлест, как черепицу. Межпалубное пространство и стенная плита одинаково огораживают подобием решетки или сетки, образованной жердями, связанными друг с другом с пустотами примерно в четыре

квадратных дюйма. Близ грот-мачты из дюймовых дильсов поперек корабля сооружают перегородку, которая называется «баррикадо». Высотой около восьми футов, эта перегородка выступает примерно на два фута за оба борта корабля. В баррикадо имеется дверь, у которой ставят часового на время, когда неграм позволяют подниматься на палубу. Перегородка служит также для раздельного содержания негров разного пола. В ней проделаны небольшие отверстия, куда вставляют мушкетоны, а иногда и жерла пушек, используемые для подавления мятежей, которые случаются время от времени. Другую дверь проделывают в решетке или сетке у лестницы, по которой вы поднимаетесь на корабль. Дверь в течение дня охраняется часовым и запирается на ночь. В носовой части корабля есть третья дверь, которой пользуются матросы. Она крепится так же, как и сходни. Кроме того, в крыше имеется большой люк, через который поднимаются и опускаются товары для бартерных сделок, бочки с водой и т. д.

Конструкция дома призвана защитить тех, кто находится на борту корабля, от солнца, особенно жаркого в этих широтах, а также от ветра и дождя, которые в соответствующие сезоны чрезвычайно интенсивны. Хотя строение отвечает своим целям, но недостаточно: неплотные циновки пропускают очень сильные ветер и дождь и в то же время усиливают духоту на корабле до весьма опасной степени, особенно в межпалубных помещениях. Избыточная жара наряду с дымом от сгоравшего зеленого мангрового дерева (обычно используемого в качестве дров), который из-за недостатка циркуляции воздуха скапливается и отравляет все секции корабля, делают судно во время стоянки здесь весьма нездоровым пристанищем. Едкий дым часто вызывает также воспаление глаз, приводящее иногда к потере зрения.

Другая цель сооружения этих временных домов заключается в том, чтобы предотвратить попытки купленных негров прыгнуть за борт, к чему их часто вынуждают ужасные условия существования. И им время от времени это удавалось: несмотря на принимавшиеся меры предосторожности, они пробивались сквозь решетку.

Невольничьи корабли, как правило, бросают якоря в миле от поселения на реке Бонни на глубине семи-восьми фатомов. Порой здесь собирается по пятнадцать английских и французских парусников, но главным образом первых. Став на якорь, капитаны отправляются на берег сообщить о своем прибытии и справиться об условиях торговли. Они также приглашают прийти на борт своих судов вождей Бонни, которым перед началом разгрузки-погрузки обычно подносят подарки (называемые здесь *dashes*): отрезки ткани, хлопчатобумажные, ситцевые и шелковые платочки, индийские товары, а иногда бренди, вино или пиво.

Несколько лет назад, когда я был в районе реки Бонни, там правили два вождя по имени Норфолк и Пеппл. Их дома не отличались от других хижин поселения, за исключением того, что были несколько большего размера и окружены складами для европейских товаров, предназначенных для обмена на рабов, которых вожди добывают тем же способом, что и черные торговцы, и продают покупателям с кораблей. Но за каждого раба, проданного торговцами, вожди получают пошлину, которая в течение года достигает значительной суммы. Пошлина собирается уполномоченными, размещенными на кораблях – «уполномоченными парнями», как, видимо, их прозвали англичане.

Вожди Бонни обладают абсолютной властью, хотя они и выборные. В управлении им помогают несколько лиц определенного ранга, называющих себя парламентариями. Как правило, они сохраняют за собой такую должность пожизненно. От каждого судна по прибытии ожидается подношение этим лицам подарка в виде небольшого количества хлеба и говядины. Их обхаживают таким образом всякий раз, когда они появляются на корабле. В этот момент звучит сигнал, похожий на звук почтового рожка, который производится, когда дуют в полый бивень слона.

После того как вожди побывали на борту кораблей и получили обычные подарки, они дают разрешение на торговый обмен с черными торговцами. Когда высокие гости отбывают с кораблей, их приветствует артиллерийский салют.

Со времени прибытия каждого судна до его отбытия, которое длится обычно три месяца, не проходит и дня без покупки и доставки на борт нескольких негров, иногда небольшими партиями, иногда в значительном количестве. Общее число рабов, доставляемых на корабль, зависит в значительной степени от обстоятельств. Во время одного вояжа, в котором я участвовал, наш запас товаров был потрачен на покупку 380 негров, в то время как ожидалось, что его хватит для покупки пятисот. Тогда в Бонни количество английских и французских кораблей значительно выросло, что и обусловило увеличение цены на рабов.

Обратная картина (полагаю, в положительном смысле) наблюдалась во время революционной войны в Америке. Когда я был в последний раз в Бонни, то часто наводил справки по этому поводу у одного черного торговца, которому, как мне кажется, можно доверять. Он сообщил, что за три года там появился лишь один корабль. Это был «Мозли Хилл» из Ливерпуля под командованием капитана Эвинга, который совершил экстраординарную закупку, поскольку в условиях торгового застоя обнаружил весьма низкую цену на негров. В ответ на дальнейшие расспросы относительно последствий упадка в торговле мой чернокожий

знакомый пожал плечами и ответил: «Лишь обеднение нас, торговцев, и необходимость работать для собственного пропитания». Один из таких черных торговцев, узнав, что имеется особая группа людей, называемых квакерами, выступающая за отмену работорговли, заметил, что это плохая новость, поскольку им придется тогда вернуться к тому состоянию, которое существовало во время войн и когда из-за нищеты они были вынуждены пахать землю и выращивать ямс.

Однажды я побывал на побережье Анголы, когда и там за пять лет до нашего прибытия ни один невольничий корабль не появился в реке Амбрис, хотя здесь каждый год бывало обычно много судов. И как нам удалось выяснить, упадок работорговли в этот период способствовал восстановлению между местными жителями мира и доверия, которые немедленно улетучивались во время прибытия кораблей из-за соблазна продажи рабов. И во время приостановки работорговли в Бонни, как и в вышеупомянутом случае, не произошло, насколько известно, ни одного из таких ужасных происшествий. Падение цен на негров и обеднение чернокожих торговцев, видимо, были единственными негативными последствиями перерыва в работорговле, а положительными – отсутствие войн между народностями страны и приостановка похищений людей.

После разрешения на перерыв в торговле, как это называют, капитаны время от времени наведываются на берег осматривать негров, выставленных на продажу, и покупать их. Рабов черные торговцы покупали на ярмарках, которые устраивались с этой целью на расстоянии двухсот миль от морского побережья. Говорят, что эти ярмарки снабжались из внутренних областей страны. Многие негры в ответ на вопросы о месте их происхождения утверждали, что они путешествовали в течение нескольких лун (это их обычный метод исчисления времени), прежде чем прийти сюда. На этих ярмарках, происходивших в неопределенное время, но, как правило, каждые шесть недель, на продажу выставлялись несколько тысяч рабов, собранных со всех уголков страны. В один из моих вояжей черные торговцы привезли в разных каноэ от двенадцати до пятнадцати сотен негров, которых купили на одной ярмарке. Это были главным образом мужчины и подростки, женщины, как правило, не превышали трети общего количества рабов. Торговцы обычно приобретали от сорока до двух сотен негров зараз, согласно состоятельности покупателя. Это люди всех возрастов: от месячного младенца до шестидесяти лет и больше. Едва ли исключался какой-нибудь возраст или состояние, но для всех соответственно назначалась цена. Иногда часть из них составляли женщины на таком сроке беременности, что рожали во время перехода с ярмарки на побережье (я часто наблюдал случаи родов на борту корабля). Рабы,

купленные на этих ярмарках, были предназначены для снабжения рынков в Бонни, Старом и Новом Калабаре.

Есть достаточное основание полагать, что негры, доставленные с африканского побережья, похищены. Но черные торговцы тщательно заботятся о том, чтобы европейцы не знали методов добывания ими рабов. Места внутри континента, отстоящие на большие расстояния, и наше незнание местных языков (что часто характерно и для самих черных торговцев) препятствуют получению такой информации, которая нас интересует. Однако методом случайного опроса переводчиков я добыл некоторые сведения об этом, причем такие, которые исключают любые сомнения.

На борту одного из невольничьих кораблей негр сообщил мне, что однажды вечером его пригласили на чаепитие с несколькими черными торговцами, но, когда он стал уходить, они попытались схватить его. Так как он был активен и силен, ему удалось вырваться из их рук, но окончательной свободе помешал большой пес, набросившийся на него. Таких псов, приученных для этих целей, содержат при себе многие торговцы.

Одна негритянка также рассказала мне, что ее похитили, когда она однажды вечером возвращалась домой от соседей, которых посещала по приглашению, и, несмотря на беременность, была продана в рабство. Сделка производилась далеко внутри страны, и женщина прошла через руки нескольких торговцев, прежде чем попала на корабль. Мужчина и его сын, по их собственным признаниям, были захвачены профессиональными похитителями, когда сажали ямс, и проданы в рабство. Это тоже случилось во внутренних областях страны, и, перепроданные несколько раз, они оказались на корабле, где я служил.

Часто случается, что похитителей самих похищают и продают. В Вест-Индии негр рассказал мне, что после того, как его наняли для похищения других, он испытал участь похищенного. Он уверял меня, что среди его соотечественников это было обычным явлением.

Таким образом, среди негров Африки поддерживается постоянная вражда и разрушаются социальные связи. Этого у них могло и не быть, но только при отсутствии возможности продажи друг друга.

Во время своего пребывания на африканском побережье я был свидетелем нижеследующего происшествия. Черный торговец пригласил негра, жившего чуть дальше по побережью, навестить его. После угощения торговец предложил гостю полюбоваться видом корабля, стоящего на якоре в реке. Ничего не подозревавший соплеменник охотно согласился и последовал за торговцем в каноэ к борту корабля, разглядывая его с

удовольствием и восхищением. В это время несколько черных торговцев на борту, явно в засаде, прыгнули в каноэ, схватили несчастного негра, втащили его на корабль и немедленно продали.

До поступления на корабельную службу я верил, как и многие другие, что вожди и их приближенные выращивали негров на продажу, как скот. Бывая в данной стране в разное время, я прилагал немало усилий, чтобы разобраться в этом вопросе, но, несмотря на то что наводил много справок, не мог добыть никаких сведений. Все, что я узнал, укрепило мою веру в то, что работорговля обязана своим существованием похищению людей и преступлениям (многие из них были сфабрикованы в качестве предлога).

Вот пример, который показывает, что здесь часто используется хитрость. Несколько черных торговцев, один из которых являлся влиятельным лицом и выполнял функции, несколько схожие с судебными, нуждались в некоторых специфических товарах, но не имели раба для бартерного обмена на них. Они обвинили рыбака, промышлявшего на реке Амбрис, в установлении грабительских цен на рыбу, которую тот продавал. И поскольку у них была в этом решении собственная выгода, они немедленно признали несчастного парня виновным и осудили его на продажу в рабство. Его, соответственно, продали на корабль, где я служил.

В качестве дополнительного доказательства того, что похищение является не только общим, но едва ли не единственным способом добывания рабов, служит то, что, покупая их, черные торговцы выбирали самых грубых и жестоких. Они утверждают, что покладистые негры были благородными людьми. Из этого можно сделать вывод, что, по их разумению, ничто, кроме мошенничества и силы, не могло бы довести этих гладкокожих джентльменов до состояния рабства.

Чтобы доказать, что войны между африканцами не обеспечивали ожидавшегося количества рабов, могу заверить, что никогда не видел негров с недавними ранениями. По крайней мере, некоторые из них должны были бы иметь ранения, полученные в сражениях. А ведь именно в моей компетенции как врача было освидетельствовать рабов при их покупке. Такая подробность не ускользнула бы от моего внимания. В качестве дальнейшего подтверждения могу заметить, что на Золотом и Наветренном Берегах, где ярмарок не было, количество выставляемых за один раз рабов обычно очень незначительно.

Приготовления черных торговцев в Бонни по организации ярмарок, проводившихся в стране, весьма значительны. С этой целью собирается от двадцати до тридцати каноэ, каждое из которых способно вмещать по тридцать– сорок негров. На корабли же загружались такие товары, которые, как ожидалось, будут востребованы для покупки намечавшегося количества

рабов. Когда их погрузка завершается, корабли начинают обратный вояж с развевающимися флагами и под музыку, а через десять – одиннадцать дней, как правило, возвращаются к Бонни с новым грузом. Как только каноэ прибывают к месту высадки, купленных рабов моют и смазывают пальмовым маслом, а на следующий день выставляют на продажу для капитанов.

Черные торговцы не всегда покупают рабов по одной цене. Быстрота, с которой сведения о прибытии судов на побережье передается на ярмарки, просто поразительна, если учесть, что торговцы заинтересованы в сокрытии этой информации для поставщиков рабов. В короткий период после прибытия кораблей на побережье, особенно если они появляются там группой, те, кто поставяет рабов на ярмарки, часто увеличивают цены, а эти ярмарки не единственные, хотя и главные средства, благодаря которым черные торговцы на побережье снабжаются неграми. В дома торговцев нередко приводят небольшие партии по пять – десять человек те, кто занимается их похищением и кто постоянно обеспечивает поставки этого товара, в то время как покупатели еще не найдены.

Когда негров, которых черные торговцы выставляют на продажу, показывают европейским покупателям, те сначала проверяют их возраст. Затем они тщательно осматривают этих людей, справляются о состоянии их здоровья: нет ли у них какой-нибудь болезни, уродств, страдают ли они слабым зрением или кариесом, хромают ли они или слабы в суставах, имеют ли искривленный позвоночник или слабую конституцию, узкую грудь. Словом, имеют ли они дефекты, которые ограничивают их способность к интенсивному труду. Если обнаружен какой-нибудь из упомянутых недостатков, рабы выбраковываются. Если же они признаны здоровыми, то, как правило, принимаются на борт корабля тем же вечером. Покупатель имеет право вернуть раба продавцу на следующее утро, но не позднее, так как повторный медосмотр не практикуется.

Торговцы часто бьют негров, отвергнутых капитанами, и обращаются с ними весьма жестоко. Причем, отвергнуты ли они из-за возраста, болезни, уродств или по другим причинам, значения не имеет. Известно, что торговцы особенно часто убивают их в Новом Калабаре. Там были случаи, когда торговцы обезглавливали отвергнутых негров в каноэ у кормы корабля в поле зрения капитана.

На Подветренном Берегу практикуется иной способ доставки рабов, который называется хождением на шлюпках и является весьма пагубным для экипажей кораблей. Матросы, занимающиеся такой торговлей, поднимаются на лодках вверх по реке в поисках негров, проживающих в прибрежных деревнях. Но этот метод требует много времени и всегда

неэффективен. После отсутствия на корабле в течение двух-трех недель матросы возвращаются иногда с восьмью – двенадцатью неграми.

У меня есть все основания полагать, что из ста двадцати негров, закупленных кораблем, где я служил, во время стоянки в реке Амбрис, подавляющая часть (если не все) была похищена. Это наряду с другими примерами укрепляет меня в убеждении, что именно тысячи похищенных негров ежегодно поставляются и продаются на Подветренный Берег и другие берега Африки, где преобладает способ хождения на шлюпках.

Как только несчастные негры попадают в руки черных торговцев, они испытывают самые серьезные из всех страданий, на которые обречены. И нет ни малейших сомнений в том, что даже до того, как попасть на ярмарки, большое число их погибает от жестокого обращения. Их увозят с мест, где купили, в Бонни и другие пункты на дне каноэ со связанными чем-то вроде ивовых побегов руками и под строгим наблюдением. Столь же беспощадно во всех отношениях обращаются с ними во время перехода, который длится, как правило, несколько дней. Питание каждого из них настолько скудно, что едва способно поддерживать организм. Здесь часто идут ливни, от которых негров почти не защищают циновки, а так как на дне каноэ постоянно присутствует вода, они почти постоянно страдают от избытка влаги.

Получив рабов в собственность, европейцы обращаются с ними не менее жестоко. Людей, доставляемых на борт корабля, немедленно связывают попарно наручниками и ножными кандалами. Затем их отправляют в межпалубное помещение и располагают в отгороженные для этой цели секции. Женщины помещаются отдельно, но без железных оков. Соседнее пространство на той же палубе приспособлено для детей.

В то же время помещения набивают рабами так плотно, что они могут только лежать на боку. Высота межпалубного помещения также не позволяет им стоять, если они не находятся прямо под решетчатой крышкой люка. Особенно если они находятся на платформах по бортам, что, как правило, и бывает. Такие платформы представляют собой нечто похожее на полку шириной восемь-девять футов, тянущуюся с борта корабля к середине. Рабов помещают почти посередине пространства между палубами, на расстоянии двух-трех футов от каждой. В верхнюю часть негры набиваются так же плотно, как и в нижнюю.

В каждую секцию ставится по три-четыре больших ведра конической формы, почти два фута диаметром в дне и только один фут сверху, двадцать восемь дюймов высотой. В них негры отправляют, по необходимости, естественные надобности. Часто случается так, что те, кто располагается вдалеке от ведер, стараясь до них добраться, спотыкаются о своих соседей и

падают из-за того, что закованы. Эти случаи, хотя и неизбежные, становятся причиной постоянных стычек, в ходе которых участники получают ссадины. В такой ситуации негры, которым не дают добраться до ведер, бросают такие попытки, но не в силах противиться природе, опорожняются там, где лежат. Это становится новым источником споров и беспорядков и чревато тем, что ставит бедолаг в еще более тяжелое положение.

Неприятности, возникающие в таких условиях, нередко усугубляются тем, что слишком малые для своего предназначения ведра обычно опорожняют раз в день. Однако этот график меняется на различных судах в зависимости от внимания, которое капитан уделяет заботе о здоровье и удобствах рабов.

Когда корабли освобождаются от всех товаров, предназначенных для обмена на рабов, и загружаются дровами, водой и ямсом, они готовятся к выходу в море, налаживая реи и стенки, продевая бегущий такелаж, крепя паруса и сворачивая временный дом. Затем они движутся вниз по реке, ожидая благоприятного момента, чтобы преодолеть отмель, которая образуется рядом расположенных поперек русла реки песчаных наносов. Между ними имеются судоходные проходы. Корабли здесь нередко садятся на мель, а иногда и гибнут.

Около восьми часов утра негров обычно выводят на палубу, проверяют их оковы. На мужчинах длинная цепь, замкнутая на рым-болт, протягивается сквозь кольца оков и затем замыкается на другой рым-болт палубы. Таким способом одна цепь держит пятьдесят, шестьдесят, а то и больше людей, препятствуя их бунту или попыткам сбежать. В случае благоприятной погоды им разрешается оставаться в таком положении до четырех-пяти часов вечера, после чего их отсоединяют от цепи и уводят вниз.

Пища негров на борту состоит главным образом из конских бобов, разваренных до состояния кашицы, из вареного ямса, риса, куда добавляется иногда небольшое количество говядины или свинины. Мясо обычно берется из запасов провизии, предназначенной для матросов. Порой используется соус, который матросы называют «слюнявым», приготовленный из пальмового масла, смешанного с мукой, водой и перцем. Ямс – любимое блюдо негров Эбо или негров Бухты, а рис или кукуруза – с Золотого и Подветренного Берегов. Разные народности любят продукцию своей земли.

В своей стране негры питаются, как правило, мясом животных или рыбой, приготовленными вместе с корнями, ямсом или кукурузой. Конские бобы и рис, которыми их кормят на борту корабля, доставляются главным образом из Европы. Их иногда покупают, однако, на побережье, где они преобладают над другими продуктами.

Негры Золотого Берега редко отказываются от какой-либо пищи, которую

им дают. Как правило, они поедают все, что предлагается, в больших количествах, чем все другие негры, которых они превосходят в силе и уме. Большинство рабов не любят конские бобы и во время трапезы на палубе могут выбросить их за борт или швырнуть друг другу в лицо во время ссоры.

Эта картина воодушевила музу члена британского парламента на следующие стихи:

Ее кожа цвета вороньего крыла,
Ее дыхание – благоухание цветущего апельсинового дерева,
Ее глаза – сияние тропиков,
Ее губы словно мягкий шелк,
Ее взгляд – нежный луч вечернего солнца,
Который золотит медный поток.

Обычно рабов кормят дважды в день: около восьми часов утра и четырех часов вечера. На большинстве кораблей они питаются лишь один раз в день своей «собственной пищей». Еда выдается им в сосудах размером с небольшое ведро для воды. Их усаживают по десять человек вокруг этих ведер, из которых они черпают еду деревянными ложками. Последние они быстро теряют, и если не получают другие, то хватают пищу руками. В благоприятную погоду негры питаются на палубе, в плохую же погоду еда выдается в межпалубном помещении. Во время приема пищи между ними возникают бесчисленные ссоры, особенно когда им урезают норму, что происходит часто, если переход от побережья Гвинеи до островов Вест-Индии намного удлиняется. В этом случае на неделю приходится выделять сильно убавленную порцию. Расход воды составляет полпинты в каждый прием пищи. Вода обносится из ведра. Каждый негр получает ее в паннекине (pannekin), небольшом сосуде с прямой ручкой, чем-то напоминающем соусницу. Однако, когда корабли приближаются к островам при благоприятном бризе, рабы больше не ограничиваются в еде.

Что касается негров, отказывающихся от еды, то я видел, как на совок помещали тлеющие угли и подносили их так близко к губам отказников, что те обжигались. И это сопровождалось угрозами заставить их проглотить угли, если будут упорствовать. Это, как правило, производило нужный эффект. Мне передавали заслуживающую доверия информацию, что один капитан невольничьего судна приказывал поливать расплавленным свинцом негров, которые упорно отказывались от еды.

Поскольку физические упражнения считались важными для сохранения здоровья рабов, их иногда заставляли танцевать, когда погода позволяла

выводить их на палубу. Если они двигались неохотно или без должной живости, их пороли. Для этого все время рядом с ними стоял человек с плеткой-девятихвосткой в руке. Музыкальное сопровождение давал им в это время барабан, на который иногда натягивали кожу с одной стороны. Когда она изнашивалась, использовалось в качестве барабана дно миски, описанной выше. Бедолаг часто заставляли также петь, но их песни, как правило, представляли собой грустные причитания об их разлуке с родной страной.

Женщинам для некоторого развлечения выдавали бусы. Но это была неудачная затея, поскольку они крали бусы друг у друга, из-за чего возникали разные дразги.

На борту некоторых кораблей простым матросам разрешались половые отношения с чернокожими женщинами, если они добивались их согласия. И некоторые из женщин воспринимали непостоянство своих любовников так близко к сердцу, что прыгали за борт и тонули. Офицерам разрешалось удовлетворять свою похоть среди чернокожих женщин по своему усмотрению. Иногда они допускали такие скотские излишества, которые позорят человеческую природу.

Страдания негров во время морского перехода не поддаются воображению. Они гораздо больше европейцев подвержены морской болезни, которая часто ведет к их гибели, особенно среди женщин. Но еще менее выносимо отсутствие свежего воздуха. Для его допуска большинство невольничьих кораблей имеет в межпалубных помещениях пять-шесть вентиляционных отверстий около шести дюймов в длину и четыре в ширину по каждому борту. Кроме того, некоторые суда, один из двадцати, оснащены тем, что называют виндзейль. Но когда море штормит и идет ливень, возникает необходимость закрывать иллюминаторы и вентиляционные приборы. В отсутствие свежего воздуха в помещениях для негров становится невыносимо душно. Спертый воздух в результате испарений от тел становится вредным, а из-за неоднократного вдыхания вскоре порождает лихорадку и понос, которые, как правило, поражают многих людей.

Во время своих вояжей я часто был свидетелем фатальных случаев. Один пример даст некоторое представление, хотя и в небольшой степени, об ужасных страданиях рабов. Влажная и ветреная погода требовала закрытия вентиляционных отверстий и люков. Это вызывало понос и лихорадку среди негров. Когда они находились в таком положении, я часто спускался к ним, пока в их помещениях наконец не стало так душно, что находиться там можно было весьма короткое время. Не только излишняя духота делала

их положение невыносимым. Палуба – пол их помещения – была покрыта кровью и слизью, образовавшимися в результате поноса. Все это напоминало помещение бойни. Не хватает воображения, чтобы представить столь ужасную и отталкивающую обстановку. Многих потерявших сознание рабов вынесли на палубу, где несколько из них умерло, другие восстановились с большим трудом. Для меня тоже положение оказалось почти роковым. Было слишком жарко, чтобы носить что-нибудь, кроме рубашки, но и ее я снимал, перед тем как опускаться вниз. Но, несмотря на это, побыв там лишь четверть часа, я настолько задыхался от жары, вони и отравленного воздуха, что чуть не упал в обморок. Лишь с посторонней помощью я смог выбраться на палубу. В результате я вскоре заболел от некоторого расстройства и лечился несколько месяцев.

Ситуации такого рода неоднократно возникают в течение вояжей, и часто в более драматической форме, чем та, что я только что описал, особенно когда рабы чересчур скученны. В данном случае это была не та ситуация – кораблю не доставало ста рабов к тому количеству, которое он мог вместить.

Один ливерпульский корабль однажды принял на борт в Бонни по меньшей мере семьсот негров. Во время транспортировки такого большого количества рабов было так тесно, что они были вынуждены лежать в два слоя. Это вызвало такую смертность среди них, что даже без небывалой штормовой погоды или большей продолжительности вояжа, чем обычно, погибло более половины из них до того, как корабль прибыл в Вест-Индию.

Чтобы получить представление о невероятно ограниченном пространстве, в которое запихивали большое число негров, приведу следующие характеристики этого корабля.

Согласно данным ливерпульской таможни, его водоизмещение составляло 235 тонн, ширина по бимсу – 25 футов, расстояние между палубами – 92 фута – было разделено на четыре секции таким образом:

складское помещение, в котором не было негров,	— 15 футов;
помещения для негров — мужские	— около 45 футов;
помещения женские	— около 10 футов;
помещения для детей	— около 22 футов.
Общее помещение для негров	— 77 футов.

Из помещений исключены описанные выше платформы от 8 до 9 футов ширины и такой же длины.

Невольничьи корабли обычно оборудовались таким образом, чтобы принять лишь одну треть или даже меньше негритянок, вышеназванные размеры помещения для которых ясно указывают на большую диспропорцию.

Естественно предположить, что учет собственной выгоды побудит собственников невольничьих кораблей не разрешать своим капитанам брать на борт больше негров, чем позволяют помещения корабля. Они должны быть достаточны, чтобы рабы свободно лежали в них или по крайней мере не терлись друг о друга. Как бы то ни было, но более разительного, полностью и заслуженно разочаровывающего примера корыстолюбия, чем приведенный выше, никогда не было. Вследствие ожидаемой премии – обычно причитающегося капитанам процента в 6 фунтов стерлингов со всех доставленных негров – судно сильно перегружается, что и влечет за собой столь тяжелые потери.

Место, предназначенное для больных негров, располагается под неполной палубой, где они лежат на голых досках. Поэтому часто кожа и тело тех, кто истощен, обдирается из-за качки корабля почти повсюду, начиная с выдающихся участков плечевого пояса, локтей и бедер, так что остаются кожа да кости. У некоторых, лежащих постоянно в крови и слизи, вытекающей из-под больных диареей так обильно, что обеспечить чистоту невозможно, кожа обдирается скорее, чем у тех, кто испытывает только трение от качки корабля. Мучительная боль, которую несчастные страдальцы ощущают из-за вынужденного пребывания в таком ужасном положении часто в течение нескольких недель, оставаясь живыми, не поддается ни воображению, ни описанию. Увы, не многие способны выдержать фатальное воздействие этого. Самое высокое искусство врача здесь бессильно: если наложить пластыри, они быстро смещаются в результате трения о доски корабля, бинты же негры в скором времени снимают и приспособливают для других целей.

Врач, заходящий по утрам в межпалубное помещение для проверки состояния рабов, часто обнаруживает несколько трупов. В этом скоплении мертвые и живые негры часто скованы одной цепью. Когда это случается, обоих выносят на палубу и кладут на решетку, а затем живых негров отсоединяют от мертвых, которых выбрасывают за борт. Следует заметить, что врачи, принимающие участие в работорговле, часто вынуждены соглашаться на этот неприятный труд из-за нужды в деньгах. Приложение большого умения и забот может дать больным неграм некоторое облегчение, в то время как причины болезней – отравленный воздух и лежание в собственных экскрементах – остаются. Когда во время морского

перехода лихорадка и дизентерия достигают апогея, лечение не приносит пользы.

Почти единственное средство, которым врач может воспользоваться, – это контроль над тем, чтобы пища для рабов готовилась как следует и распределялась должным образом. Известно, что при приближении кораблей к местам продажи принимаются меры к тому, чтобы придать неграм товарный вид при помощи ляписа, применяемого в отношении больных кожным лейшманиозом. Это, однако, приносит им лишь временное облегчение, поскольку болезнь особенно сильно проявляется, когда рабов сажают на растительную диету.

Чтобы обелить капитанов, занимавшихся работоторговлей, утверждалось, что заболевшие рабы обычно кормятся с их стола. Однако большое число больных, появляющихся, как правило, одновременно, опровергает такое утверждение. Да и как бы капитан смог кормить половину рабов на корабле? Хорошо известно, что одновременно заболевают именно столько, а не один-два человека.

Потеря рабов по упомянутым выше причинам часто весьма значительна – известны случаи гибели половины, двух третей и даже более рабов. Во время одного вояжа до отхода от реки Бонни погибли не менее пятнадцати из них от лихорадки и дизентерии, вызванных заточением в помещения ограниченных размеров. На Подветренном Берегу рабы достаются с большим трудом, и их погибает меньше, чем в Бонни, Старом и Новом Калабаре, где их легче добыть. Причем последние лучшего качества по телосложению и привычкам.

Так как очень немногие негры способны выносить утрату свободы и трудности заточения, они всегда готовы воспользоваться малейшей небрежностью со стороны экипажа корабля. Часто вспыхивают мятежи, которые редко подавляются без значительного кровопролития. Но иногда они удаются, и гибнет вся команда судна.

Однажды вечером, когда корабль, на котором я служил, стоял на якоре в реке Бонни, на борт принимали группу негров. Через некоторое время один из них прорвался сквозь оцепление к левому борту, бросился через него в воду и был разорван акулами. Во время нашего пребывания там пятнадцать негров с одного корабля из Ливерпуля нашли способ перепрыгнуть через борт в реку, и очень немногих удалось спасти, остальные стали жертвами акул.

Обстоятельства подобного рода очень часты. На побережье Анголы, на реке Амбрис, произошел следующий инцидент. Во время высадки на берег мы поставили палатку, чтобы укрыться от непогоды. После пребывания там несколько недель и невозможности купить необходимое число рабов из-за

нашего конкурента – другого английского невольничьего корабля – мы решили покинуть это место. В ночь перед отплытием мы свернули палатку, что было воспринято негритянками на борту нашего корабля как прелюдия к снятию его с якоря. Около восемнадцати из них, когда их отправляли в межпалубное помещение, бросились в море через пушечные амбразуры. Их всех, за исключением одной, вскоре подобрали. Уплывшую негритянку нашли в конце концов в миле от берега.

После того как одна молодая негритянка впала в депрессию, на судне сочли необходимым попытаться вылечить ее, послав на берег в хижину одного из черных торговцев. Придя в восторг от перспективы получить свободу, она вновь стала приветливой, но, случайно узнав, что ее намерены вернуть на корабль, молодая женщина повесилась.

Часто случается, что негры, купленные европейцами, сходят с ума. Многие из них умирают в таком состоянии, особенно женщины. Однажды в Бонни я видел полную женщину среднего возраста, которую привели с ярмарки предыдущего дня и приковали к двери черного торговца, она была в состоянии сильного психоза. На нашем судне имелась молодая негритянка, прикованная цепью к палубе и впавшая в безумие вскоре после ее покупки и взятия на борт. Во время прошлого вояжа нам пришлось изолировать негритянку около двадцати трех лет, ставшую душевнобольной. Позднее ее продали в один из периодов ее просветления. Утром, осматривая место, отведенное для больных негров, я заметил, как один из них – настолько истощенный, что едва ходил, – затосковал и решил ночью броситься за борт, чтобы быстро прекратить свои страдания.

Первое место, куда заходят корабли во время своего перехода в Вест-Индию и где обычно высаживают на берег больных подышать воздухом и пополняют запасы воды, – это или остров Сент-Томас, или Принцев остров. Первый из них – в окружности сто двадцать миль – находится под экватором, примерно в сорока пяти лигах от Африканского континента, изобилует лесом и водой. Здесь выращивают кукурузу, рис, фрукты, сахар и немного корицы, но воздух довольно неблагоприятный для европейцев, тем не менее остров довольно плотно заселен португальцами. На небольшом Принцевом острове, расположенном в точке один градус тридцать минут северной широты, также выращивают кукурузу, различные виды фруктов и корней, помимо сахарного тростника. Там много черношерстного скота, свиней и коз, однако на острове полно злобных и опасных обезьян.

В течение одного из вояжей меня высадили на остров Сент-Томас с почти сотней больных негров, которых преднамеренно поместили в старом доме, но от этого оказалось мало пользы, так как некоторые из них там умерли, а другим даже при здоровом воздухе острова не стало лучше, хотя мы

находились там около двенадцати дней.

Когда корабли прибывают в Вест-Индию, они освобождаются от рабов различными способами. Иногда это продажа, которая зовется сутолокой, для которой устанавливается определенный день. Сначала на берег обычно берут и продают с аукциона в таверне больных или строптивых негров, всегда очень много. Их, как правило, покупают евреи и врачи, но больше первые, по спекулятивно низкой цене, пять-шесть долларов за голову. Женщина-мулатка рассказывала мне, что купила больного раба в Гренаде по цене один доллар, так как бедняга явно умирал от диареи. Редко случается, что какой-нибудь негр, которого вывезли на берег в истощенном состоянии, долго живет после высадки. Однажды я видел, как отправили на берег и продали шестнадцать негров в вышеупомянутом состоянии. Все они умерли до того, как я покинул остров. Иногда капитаны гонят свой товар через город с целью показа потенциальным покупателям, затем негров строят в ряды, чтобы перед покупкой их можно было осмотреть.

Продажа рабов посредством сутолоки наиболее распространена. Здесь все негры реализуются по одной цене, согласованной между капитаном и покупателями до начала торговли. В назначенный день негров высаживают и помещают вместе в большом дворе, принадлежащем купцам, которым корабль послан на консигнацию. Когда наступает время торговли, ворота двора внезапно раскрываются, и внутрь устремляется значительное число нахрапистых покупателей. Некоторые из них сразу же хватают негров, находящихся в пределах доступности. Другие, приготовив связку носовых платков, огораживают ею столько рабов, сколько смогут. Третьи достигают той же цели при помощи веревки. Этот способ продажи, вызывающий невероятное смятение, одновременно возбуждает ожесточение покупателей, которые нередко набрасываются друг на друга и дерутся. Изумленные бедолаги негры настолько пугаются, что некоторые из них преодолевают, карабкаясь, стены двора и носятся по городу, пока их не выследят и не схватят вновь.

Во время прошлого вояжа из Африки в Кингстон на Ямайке я наблюдал продажу посредством сутолоки с борта шнявы. Негров собрали вместе на верхней палубе и юте. Корабль загороживали паруса, специально оставленные, чтобы лишить возможности желающих приобрести негров увидеть и заранее выбрать для себя подходящий товар. Когда по сигналу покупатели ринулись на корабль схватить, как обычно, добычу, негры были настолько напуганы, что почти тридцать из них попрыгали в море. Однако вскоре их выловили, используя шлюпки с других кораблей.

С борта судна, стоявшего в порту Мария на Ямайке, я наблюдал другую сутолоку, во время которой негры, как обычно, испытали большой испуг.

Особенно это касалось женщин, которые цеплялись друг за друга, в ужасе кричали, когда свирепые покупатели набрасывались и хватали их.

Когда выставляют больных негров на продажу, используются разные способы обмана, многие из которых вызывают ужас. Один ливерпульский капитан хвастал тем, что обманул нескольких евреев следующим образом. Когда изрядное число негров, больных диареей, были высажены для продажи, он дал указание врачу заткнуть задний проход каждого из них паклей. В таком виде негров доставили к месту продажи, где им, способным терпеть лишь короткое время, обычно разрешалось присаживаться. Евреи, осматривая рабов, заставляли их вставать, чтобы убедиться, нет ли у них поноса. Поскольку признаков диареи не наблюдалось, их считали выздоровевшими, сделка была заключена, и рабы, соответственно, распроданы. Но вскоре обман раскрылся, ибо бедняги не могли выносить мучительную боль, вызванную задержкой испражнения. Удалив временные кляпы, сбитые с толку евреи поняли, что имеют дело с подлогом.

Негров эта болезнь беспокоила порой так сильно, что я наблюдал, как большая группа из них после высадки была вынуждена останавливаться каждую минуту из-за болезненных позывов.

Освободившись от живого груза, корабли были готовы немедленно выйти в море снова. Однако часто они задерживались из-за нехватки достаточного количества матросов, ведь работорговлю можно справедливо назвать могилой для моряков. Хотя экипажи кораблей при отбытии из Англии, как правило, достигают сорока – пятидесяти человек, из-за смертей и дезертирства едва ли три четверти, а иногда не больше одной трети первоначального состава когда-либо возвращаются в порт, откуда вышли в море.

Сколько времени невольничьи корабли отсутствуют в Англии, зависит от места назначения вояжа и количества кораблей, которое им случается встретить на африканском побережье. Вояж к Бонни, Старому или Новому Калабару обычно занимает примерно десять месяцев. Путешествия к Подветренному и Золотому Берегам гораздо менее предсказуемы, но длятся, как правило, от пятнадцати до восемнадцати месяцев.

Глава 8

ГВИНЕЙСКАЯ МИССИЯ И МАТРОСЫ

Утверждалось, что английская работорговля является завидным делом и питомником для воспитания моряков. Нижеследующая информация дает обильную пищу для суждений по этому вопросу. Команды невольничьих

кораблей набирались главным образом через посредничество зависевших от купцов публичных заведений, в которых всегда было много выпивки и распущенных девиц. Главной целью было втянуть моряка в долги этому заведению, а возможностей для легкомысленных людей предоставлялось множество. Иногда, например, хозяйка гостиницы вынуждала моряка составить нотариальное завещание в ее пользу, но обычно это был вербовщик, который уговаривал подвыпившего человека подписать пункты соглашения в ту самую ночь, когда он хвастал тем, что обманет купца, владеющего ночным клубом. Когда моряк подписывал пункты соглашения, ему выдавали банковский билет на авансированную сумму денег, который не оплачивался до тех пор, пока он благополучно не вышел в море, а его капитан не отослал список членов экипажа. Чтобы оплатить долги, купить одежду и немного выпивки, рекрут должен был оформить завещание и подписать доверенность. Вот тогда на сцену и выходила хозяйка гостиницы.

До тех пор пока судно не вышло из пролива Па-де-Кале и существовала малая вероятность того, что встречные ветры или штормовая погода снова загонят корабль в английский порт, с моряками обращались хорошо и обеспечивали их достаточным довольствием. Но как только корабль удалялся в открытое море на значительное расстояние и отпадала возможность дезертирства, норма обеспечения урезалась, а выдача воды сокращалась до предела. Существовала угроза, что шторм мог заставить корабль отклониться от курса и достигнуть Лиссабона, но, когда Бискайский залив благополучно оставался за кормой, моряков начинали пороть, по обыкновению, под любым предлогом. Конечно, капитаны бывали разные – одни оказывались человечнее других. Но методы ведения работорговли не способствовали проявлению гуманизма как в отношении чернокожих туземцев из Африки, так и белых рабов, похищенных из трущоб Ливерпуля и Бристоля, с равным безразличием.

Норма выдачи воды в течение первого этапа перехода обычно составляла три пинты в день. Этот рацион, однако, сокращался по мере приближения к африканскому побережью до одной кварты, винной меры. В жару, когда море оставалось спокойным и светило солнце, эта жалкая подачка вскоре улетучивалась. Многие матросы не могли выносить жажду и выпивали всю суточную норму, какую выдавали, а последующие день и ночь превращались для них в кошмар. Один матрос рассказывал [24 - Stanfield James F. *The Guinea Voyage*. Edinburg, 1807.], что он имел опыт рано утром вылизывать конденсат на клетках для кур, пока его секрет не раскрыли и он «не утратил монополию» в такой форме утолять жажду.

Урезанная норма воды отчасти связана с естественной ограниченностью полезного пространства на корабле. Ведь его трюм набит как можно

плотнее товарами для торговли, потребности для матросов учитываются во вторую очередь. Однако капитаны никогда не мучились от жажды. Помимо обилия пива и вина у них был большой чайник воды на каждое утро и еще один – на каждый вечер. Члены кают-компании не испытывали недостатка в воде и часто делились друг с другом водой.

Что касается грога, то его выдавали по особым случаям. Во время пребывания на африканском побережье это часто побуждало матросов обменивать у туземцев, когда предоставлялась возможность, одежду на бренди. Иногда, пытаясь раздобыть спиртные напитки, они оставались чуть ли не голыми, что вскоре вызывало боль у каждого из них в голове и теле, лихорадку, а через несколько дней наступала смерть – матросы лежат по ночам на палубе, подвергаясь вредному воздействию густого конденсата.

Временный дом, который всегда сооружался над палубой после прибытия к побережью, служил какой-то защитой от непогоды, но также препятствовал необходимой циркуляции воздуха. Сморд, исходивший от скопления чернокожих туземцев, вызывал отвращение у команды. Дым от мангрового дерева, которое жгли на борту, застилал глаза, а порой вызывал слепоту.

Сооружение временного дома над палубой – само по себе суровое испытание для физической выносливости матросов, которые были вынуждены срезать бамбук и камыш по берегу реки, часто стоя по пояс в болотной жиже. Их донимали змеи, черви и тучи moskitov. Их ноги скользили, а офицеры не баловали их отдыхом, пока не завершалась неприятная работа, а затем, когда на борт начинали поступать рабы, возникала необходимость ежедневно очищать места, где лежали чернокожие туземцы, от грязи и крови. Это неопишимо отталкивающая работа, отвратительная во всех смыслах и часто чреватая заразными болезнями и смертью.

Не лучше положение моряков во время «промежуточного перехода» после отбытия с невольничьего берега. Этот переход обычно длится шесть – восемь недель. Матросам приходится спать на палубе, все пространство внизу занимают рабы, а подверженность капризам погоды не может не вредить телесному здоровью и часто вызывает лихорадки, становящиеся фатальными. Единственной защитой от ветра и частых дождей становится старый дырявый брезент, переброшенный через балку.

По прибытии в Вест-Индию матросы, как только выбирают на берег, сразу идут гурьбой в магазины, торгующие грогом, и принимаются за пьянство. Из-за того, что они долгое время воздерживались от спиртных напитков, их оргии становятся более дикими, а в таком климате их ослабленные организмы сдают, и они нередко умирают. Цинга тоже

собирает свою дань. Ее вызывает скудная пища из соленых продуктов и подверженность капризам погоды.

Плавание на британских невольничьих судах – жуткая работа: имеется масса свидетельств зверского обращения с моряками и дьявольской жестокости капитанов. Александр Фальконбридж, врач на невольничьих кораблях, не только дал показания перед парламентской комиссией, но также написал на эту тему небольшую книгу, в которой содержатся любопытные сведения [25 - Falconbridge. An Account of the Slave Trade on the Coast of Africa. London, 1788.]:

«Во время одного из этих вояжей я был свидетелем нижеследующей сцены жестокости. С большинством матросов обращались ужасно, но с одним из них – с особой свирепостью. Этот матрос в годах пожаловался на недостаток воды, что было расценено как оскорбление. Один из офицеров схватил его и, обрушив на него серию ударов, выбил несколько зубов. Не довольствуясь тем, что несчастный старик уже истекает кровью, ему в рот сунули железный болт насоса и держали там, перевязав его голову обрывком смоляного каната. Не имея возможности выплюнуть кровь, которая текла из раны, матрос чуть не захлебнулся и был вынужден проглотить ее. Затем его привязали к ограждению юта и заявили, давась от хохота, что ему следует прыгнуть через борт и утопиться. Примерно через два часа его отвязали от ограждения юта и привязали к решетке схода в рулевую рубку под полупалубой, где он оставался всю ночь с приставленным к нему часовым.

Молодого человека на борту одного из кораблей часто били самым жестоким способом за пустяковые ошибки. Экзекуция совершалась иногда посредством того, что называется «кошка». Это средство наказания, которое состоит из рукоятки или черенка с веревкой в три с половиной дюйма в окружности и около восемнадцати футов в длину, на одном конце которой крепятся девять ответвлений, или хвостов, представляющих собой лаглини с тремя или более узлами на каждом ответвлении. Когда его однажды били бамбуковой палкой, бедный парень, не в состоянии больше выносить истязания, выпрыгнул через орудийную амбразуру левого борта кают-компания в реку. Однако, милостью Провидения, он избег участи стать жертвой акул и был подобран каноэ, принадлежавшим одному из черных торговцев. Лодка двигалась в это время вдоль судна. Как только парня доставили на борт корабля, его потащили на ют и окунули головой в ведро с водой, предназначенное для мытья негритянками рук. Его держали в таком положении, пока он едва не умер. Экзекутор, который его так держал, восклицал с дьявольской злобой: «Если хочешь утонуть, я сам утоплю

тебя». В ответ на мой вопрос, знает ли он об опасности, которой подвергал себя, прыгая за борт, парень ответил, что понимал опасность быть съеденным акулами, но предпочел это ежедневному жестокому истязанию.

Другой моряк, нерадивый в некоторой степени, был закован вокруг шеи длинной цепью, к концу которой прикрепили деревянную чурку. В таком положении он продолжал выполнять в течение нескольких дней свои обязанности (от которых ни в коей мере не был освобожден), пока, наконец, от усталости не валился с ног. После освобождения от полена его часто били за незначительные проступки. Однажды, в частности, за несчастный случай, происшедший по небрежению другого моряка, и, хотя его вины не было в этом никакой, он был связан вместе с другим человеком. Их били до тех пор, пока спины несчастных не превратились в сплошную рану. Затем в дополнение к пыткам ни в чем не повинных моряков в ведре соленой воды размешали кайенский перец и смочили этим раствором их спины.

Этот же моряк в другой раз случайно разбил тарелку, за что с большой силой в него бросили гарпун. Это орудие предназначено для охоты на рыб и состоит из насаженного на шест наконечника с несколькими сильно зазубренными острыми концами длиной около шести футов. Гарпун утяжелен на конце свинцом. Наклонив голову, моряк уклонился от смертельной опасности, летящий гарпун ударился в переборку. В других случаях в него швыряли ножи и вилки. На него часто натравливали большого пса породы ньюфаундленд, который в ответ на подстрекательство не только рвал одежду несчастного моряка, но и тело. Наконец, после нескольких жестоких избиений и других издевательств бедняга стал, очевидно, совершенно нечувствительным и безразличным к битью.

Надо добавить, что упомянутый ньюфаундленд, привыкший к тому, что его натравливали, когда кого-нибудь из матросов били, как правило, бросался на него, рвал одежду и кусал. Пес особенно не любил одного моряка, которого часто толкали и нещадно били, из-за чего он тупел и утрачивал способность выполнять свои обязанности. В таком состоянии его перевели на другой корабль и вернули в Англию.

В один из моих вояжей на борт корабля, где я служил, в качестве пассажира прибыл моряк, которому надо было добраться до Вест-Индии. Он только что выздоровел от лихорадки и, несмотря на это, был нещадно бит во время перехода, что вкупе с его немощностью в то время почти лишило его способности ходить. Оказывать ему врачебную помощь можно было только тайком.

Одного молодого человека подобным же образом били и пинали ежедневно за пустяки или даже воображаемые проступки. Бедного юношу,

у которого болел поврежденный палец на ноге, приставили часовым к больным рабам. Вахта требовала много ходьбы, что в дополнение к боли усиливало его лихорадку. Вскоре ему пришлось присесть на решетку люка из-за болезни и усталости, которые сморили его, и он уснул. Когда это заметили с юта, его разбудили необузданной руганью, спихнули с решетки и так жестоко избили, что он с большим трудом приполз к одному из офицеров, считавшемуся более гуманным. Пожаловавшись на жестокое обращение, которое только что перенес, он попросил немного ячменного отвара (им поили больных рабов), чтобы утолить невыносимую жажду.

Еще одного моряка били несколько раз в день за дефекты покраски. Заметили однажды, что матросы не убрали клетки для кур, когда драили палубу, не были промыты и сами клетки. Следить за этим было поручено упомянутому матросу. Один из офицеров немедленно избил матроса, затем схватил и потащил на корму, где бросил его на палубу. Из-за такого обращения его тело покрылось синяками и ссадинами, лицо распухло, он плохо видел две недели. И впоследствии его жестоко били за малейший пустяк и пинали, пока тот не валился с ног. Выйдя на берег в Вест-Индии в окровавленной рубашке, поскольку его раны кровоточили, он обратился к одному из магистратов острова за компенсацией, однако корабль был передан на консигнацию представителю магистратуры, и единственной компенсацией, которой добился матрос, стало его увольнение.

Можно было бы привести много других подобных примеров жестокого обращения, но и сказанного достаточно, чтобы дать представление об обращении с матросами, в одиночку и сообща переживавшими на этой работе испытания, результатом которых обычно становились дезертирство или смерть.

Приведу пример одного дезертирства. В то время как корабль, на котором я служил, стоял на якоре в реке Бонни, однажды ранним утром около десятка членов команды дезертировали в одном из баркасов. Они были вынуждены прибегнуть к этой крайней мере, как позже пояснил мне один из них, из-за жестокого обращения, которому подвергались на борту. Предыдущим днем двоих из них особенно жестоко избили. Один матрос за небрежную подготовку оружия к действию был привязан к вантам бизани, после чего ему исполосовали оголенную спину. Затем с него спустили брюки, и избиение продолжилось. Еще один матрос, считавшийся внимательным, аккуратным, чистоплотным и трезвым парнем, перенес менее суровое наказание, хотя, как оказалось, за ним не числилось к этому времени никаких проступков.

Для большинства капитанов невольничьих кораблей вошло в привычку высаживаться каждый вечер на берег, чтобы заключать сделки с черными

торговцами. По таким случаям многие из них напиваются и, когда возвращаются на борт, выдают свое опьянение тем, что бьют или грубо обращаются с членами команды. Так было и в этом случае. Матроса, о котором идет речь, долго били без всякой причины шишковатой бамбуковой палкой. А поскольку до этого ему уже было плохо, то, получив много синяков, он очень страдал.

Возмущенные грубым обращением, которое все по очереди испытали, ранним утром матросы попытались сбежать. Часовой обнаружил, что была перерезана сетка на верхней палубе и один из баркасов исчез. После дальнейшего осмотра стало ясно, что пропал десяток матросов. Через несколько часов капитан бросился на катере в погоню за дезертирами, но не догнал их.

По возвращении в Англию от одного из беглецов я услышал следующий рассказ об их приключениях после побега.

Когда они покинули корабль, то решили идти на лодке к Старому Калабару, готовые умереть, но не возвращаться на судно. Вся их провизия уместилась в мешке, содержащем около полуцентнера хлеба, полголовки сыра, бочонок воды (около тридцати восьми галлонов). Из гамака они сделали парус, а из одного весла – мачту. С такой скудной провизией они спустились вниз по реке Бонни и держались побережья. Но, спутав одну реку с другой, они попали в руки туземцев, которые раздели их и погнали через всю страну на значительное расстояние к месту, куда направлялись сами. В течение этого перехода несколько матросов заболели, некоторые умерли. Тех, кто выжил, продали на английский корабль, стоявший на якоре поблизости. Все беглецы, за исключением троих, умерли на этом берегу или во время морского перехода в Вест-Индию. Один из оставшихся в живых вскоре умер по прибытии туда. Таким образом, только двое из всех беглецов добрались до Англии, причем в весьма неудовлетворительном состоянии здоровья.

Говоря о дезертирстве матросов, я должен добавить, что капитаны, занимающиеся работоторговлей, как правило, берут с собой табак и дешевую одежду, которые по непомерной цене продают матросам. А в случае их дезертирства или болезни капитаны имеют право записать на счет моряков любое количество продуктов по своему усмотрению, без всяких возражений. Это дает дополнительный стимул к жестокому обращению с матросами, которых в случае дезертирства лишают жалованья, из-за чего расходы на вояж уменьшаются, и, соответственно, купцы извлекают выгоду от этого».

Другой судовой врач с бристольского невольничьего брига «Литтл Перл» свидетельствовал перед парламентской комиссией относительно

бесцельных варварских истязаний беспомощных матросов. Он рассказал следующее об обращении с чернокожим португальским матросом, который прибыл в Бристоль в качестве корабельного кока:

«Несчастный португалец был постоянной мишенью издевательств, на котором капитан и помощники оттачивали свою жестокость. Капитан, видимо, в самом деле находил особое удовольствие в том, чтобы избивать и мучить его. Среди других примеров бесцельного и ненужного варварства следует отметить, что капитан заставлял этого матроса глотать живых тараканов под страхом крайне жестокого избиения и прикладывания к его ранам солонины. Эту последнюю мучительную и унижительную альтернативу матрос часто предпочитал глотанию отвратительных тварей. Когда это случалось, он нуждался в припарке к ранам для предотвращения некроза. Большую часть времени нашей стоянки у побережья этот человек был прикован за шею к медному котлу (в камбузной рубке) цепью такой длины, которая позволяла ему набирать воду у борта. В таком положении он оставался на палубе день и ночь, подвергаясь капризам погоды, и был вынужден без посторонней помощи подавать еду не только членам команды, но также рабам. Тело бедняги от макушки до пят покрылось шрамами и рваными ранами, перекрещивающимися во всех направлениях так, что он выглядел самым жалким существом.

На второй день после прибытия на остров Сент-Винсент помощник вызвал матросов наверх убирать паруса, чтобы их повесить сушиться. Команда решительно отказалась это делать, пока ее не накормят. Матросы голодали три дня подряд, хотя заметили, что на борту имелось много провизии. Но даже если бы не имелось, ее можно было легко достать у купцов, которым передали корабль на консигнацию. Капитан, узнав о требованиях матросов, привел всю команду к судье, который порекомендовал ей вернуться к выполнению своих обязанностей на судне, добавив, что уверен в готовности капитана обеспечить команду обильным питанием. Матросы сразу же согласились последовать его совету и отправились сопровождать капитана, возвращавшегося на борт корабля. Едва они пришли, как капитан приказал поднять паруса. Матросы отказались это делать с той же решимостью, что и прежде, заявив, что не будут работать без кормежки. Вслед за этим капитан сходил на берег и вернулся с ордерами на арест и констеблем, которому дал указание задержать трех самых активных матросов.

В компании с капитаном констебль отвез активистов на берег и посадил в тюрьму. Во время отсутствия капитана остальные члены команды попросили у судна, стоявшего неподалеку, прислать лодку. Эту просьбу немедленно выполнила команда судна, которая, вероятно, уже знала о том,

что происходило на борту «Литтл Перл». Недовольные члены команды на лодке двинулись к берегу, забыв о своем жалованье и оставив на борту часть одежды. С тех пор их судьба неизвестна.

Бондарь, весьма трудолюбивый человек в летах, получив вскоре вместе с одним из офицеров половину жалованья, отправился на берег сделать необходимые покупки и вернулся вечером на борт в подпитии. Его сразу же схватили капитан с помощником и избili так беспощадно, что он в бесчувствии пролежал на голых досках палубы двенадцать–четырнадцать часов. На следующее утро он обнаружил у себя несколько ушибов на голове, один глаз его полностью закрылся и сильно воспалился, губы потрескались и распухли. Судя по следам на палубе, он потерял много крови.

После этого не происходило ничего существенного до того, как они собрались выйти в море. Однако в это время капитан привез на корабль трех освобожденных из тюрьмы матросов. Обнаружив, что их жалованье было потрачено капитаном на оплату их содержания в тюрьме и прочие расходы, двое из них попытались объяснить с капитаном. В ответ он сбил их с ног и стал пинать. Избив двух матросов с крайней жестокостью, он заключил всех троих в матросский кубрик. Боцман в небольшом подпитии возмутился этим проявлением несправедливости и высказал свое мнение в очень неприятных для капитана выражениях. Тот поступил с боцманом еще хуже, чем с двумя матросами. В состоянии бесчувствия его притащили к решетке носового люка и бросили головой вниз в кубрик, где содержались три матроса. Все они находились там, пока корабль не вышел в море. Затем их выпустили, и они выполняли свои обязанности, пока не прибыли в Бристоль. Затем три матроса, сидевшие прежде в тюрьме, потребовали свое жалованье за все время вояжа. Оно не превысило и пяти шиллингов каждому».

В заключение главы еще одно свидетельство о жестокости. Боцман одного невольничьего корабля [26 - Stanfield James F. Op. cit.] был добросердечным человеком. Незадолго до того, когда судно покинуло побережье Гвинеи, он заболел дизентерией, но ему не позволили никакого послабления в работе:

«Его состояние здоровья наконец так ухудшилось, что слизь, кровь и целые фрагменты кишечника выходили из него непрерывно. В таком скверном состоянии, когда ему с трудом удавалось оставаться на ногах, его заставляли стоять у руля, чтобы вести корабль. В нормальных условиях, когда достаточно матросов на корабле, для выполнения этой работы требуются два человека. Беднягу посадили на один из камбузных бачков, поскольку он не мог стоять, чтобы не запачкать палубу. В таком положении он находился долгое время, пока мог двигать руками. Той же ночью он

умер, а его тело в одной рубашке выбросили за борт. К ночи море стало успокаиваться, и погода продолжала улучшаться большую часть следующего дня, а утром труп боцмана всплыл и держался рядом с судном несколько часов. Ужасное зрелище, которое, казалось, хотело поставить нам в укор жертву, взывающую к Небесам с призывом отомстить за наше варварство!

Когда экипаж сократился, нагрузка на нескольких выживших увеличилась, а к концу промежуточного перехода мы решились привлечь к работе рабов. Ведь у белых людей не осталось сил натянуть даже один канат. Поэтому рабов (по крайней мере, некоторых из них) освободили от оков, и они натягивали канаты под руководством недееспособных матросов. К счастью, погода нам благоприятствовала, иначе приличный штормовой ветер, который с прежней командой доставил бы не больше забот, чем взять риф у паруса, неизбежно привел бы нас к гибели.

В таком состоянии слабости мы могли уделить немного внимания только самым беспомощным. Помню, как ночью один больной матрос, свалившийся со своего гамака, настолько ослаб, что не смог взобраться в него снова и остался лежать на полу. Помочь ему никто не мог, а утром, когда я вышел на палубу, он был еще жив, но испачкан кровью, потому что свиньи обгрызли пальцы его ног до костей и так искромсали тело, что описание этого вызвало бы шок».

Глава 9

НЕВОЛЬНИЧИЙ БРИГ «РУБИ» ИЗ БРИСТОЛЯ

«Так как должность судового врача не обеспечивала меня богатством и не позволяла долго оставаться на берегу [27 - Материал для этой главы взят из свидетельства перед парламентской комиссией Джеймса Арнольда, напечатанного в Докладе палате лордов о запрете работорговли (Лондон, 1789. В 2 т.)], я прослужил пять лет во флоте его величества, но по заключении мира с американскими штатами уволился с королевской службы и, не найдя лучшего предложения, был вынужден устроиться судовым врачом на время вояжа к реке Бонни на борту корабля «Александр» под командованием капитана Мактаггарта. Когда мы добрались до Бристоля на обратном пути из Ямайки, мне предложили должность врача на время африканского вояжа на бриге «Литтл Перл» под командой капитана Джозефа Уильямса. Я сделал на нем две ходки туда и обратно. То, что я рассказываю, – это история второго вояжа брига после изменения его названия на «Руби» («Рубин») по неизвестным мне

причинам. Однако в этот период на судне было пролито много крови, поэтому название вполне подходящее. Конечно, тех из нас, что были на борту, это не коснулось.

Бриг был низкобортным и небольшого водоизмещения. Когда мы шли от Кингс-Роуда, рулевую рубку и почти все пространство между палубами занимали товары для обмена на рабов. В небольшом свободном помещении впереди жить матросам было невозможно без того, чтобы их не заливали волны в условиях штормящего моря или дождя. И в такой обстановке они находились в течение всего перехода к побережью. Когда «Перл» стал на якорь в Бимбе, помещение впереди переоборудовали в склад стеклянной и гончарной посуды для торговли, поэтому не оставалось места, в котором могли приложить головы несчастные матросы. Все они, исключая четверых, спали на голых досках, и, так как палубы драили каждый вечер и не хватало солнечных лучей для их высушивания, поскольку мы находились накануне сезона дождей, это было мокрое ложе для бедных матросов. На короткое время к балкам подвесили четыре гамака, но вскоре приказали их снять.

Мы вышли из Кингс-Роуда рано утром 8 августа 1787 года, имея на борту девятнадцать человек, включая капитана, его помощников, матросов и юнг. Во время погрузки корабля всю команду вызвали подписать статьи соглашения, и, когда подошла моя очередь, я попросил прочитать их сначала, не желая ставить свою подпись под незнакомым текстом, но капитан Уильямс грубо отказал в этом, сказав, что в противном случае я могу убраться на берег. Поскольку в моем кармане было меньше пяти фунтов, то у меня не было выбора – я поставил свою подпись и пошел дальше. Так же было и с другими, никому не позволили прочитать статьи соглашения.

В первые пять недель у нас было много провизии. Матросам давали горох, муку, свинину, баранину и почечное сало. Когда же мы достигли побережья, все изменилось. Матросам не только урезали норму, но лишили самого необходимого. Каждое воскресное утро матросу давали по три фунта хлеба, и этого должно было хватить ему на всю неделю. Каждое утро он получал три четверти фунта никудышной свинины или говядины, которые постепенно убавили до четырех с половиной унций. С таким рационом матрос мог питаться лишь один раз в день, хлеба обычно хватало только на три дня. Большую часть времени не выдавались ямс и бананы и отпускалась очень малая доза спиртного. Раз или два в месяц полагалась пинта бренди на восемь человек, и в течение трех месяцев они не пробовали ни капли спирта, несмотря на то что во время загрузки корабля дровами они порой стояли в воде, достигающей подмышек.

В то время как невольничьи корабли стояли у побережья, капитаны, по

обыкновенно, посещали друг друга. Матросы же, которые гребли на шлюпках от корабля к кораблю, часто оставались по двенадцать часов без еды. Мое положение на борту корабля в качестве врача было немногим лучше в том, что касается еды, по сравнению с матросами. Я имел все, что хотел в Бимбе, когда был пленником на берегу, и туземцы давали мне пищу четырежды в день.

«Руби» прибыл в Бимбе 25 сентября. Этот небольшой остров расположен к югу от Старого Калабара, у нагорья Камеруна. В этих местах принято снабжать главных торговцев товарами с кораблей, а те, с кем мы имели дело, были вожди Георг, Питер и изобретательный торговец Квон – все из Камеруна. Вождь Масон и его сыновья капитан Дик, Питер, Бимбе Том, Бимбе Джек, Большой и Малый Тимы происходили с этого острова. Мы давали торговцам товары, с которыми они отправлялись на ярмарки покупать для нас рабов, обязывая, по обыкновению, оставлять нам что-то в качестве гарантии их возвращения. Этим «что-то» были их дети или родственники, которых называли «заложники». Когда торговцы приводили к нам рабов и таким образом оплачивали свою задолженность, заложников отпускали; если же они оказывались не в состоянии сделать это в назначенный день – день отбытия корабля, – заложников забирали в Вест-Индию и продавали. Несмотря на существовавшие договоренности по этому вопросу и их неукоснительное соблюдение туземцами, иногда последние выражали свое недовольство этими правилами.

В то время как мы стояли на якоре у острова Бимбе, капитан ливерпульского корабля «Молли» Бибби вышел из реки Камерун с несколькими заложниками на борту, которые являлись родственниками вождей Георга и Питера, а также торговца Квона. Капитан Бибби уведомил их, что подойдет к мысу в определенный день и подождет три дня, прежде чем выйдет в открытое море, и, если заложников не возместят рабами, он отвезет их в Вест-Индию и продаст. Случилось так, что вождь Георг и другие торговцы не смогли вовремя выполнить обещание, поэтому они поспешили к капитану «Руби» Уильямсу, попросив его дать взаймы рабов и слоновой кости, чтобы рассчитаться за своих родственников с капитаном Бибби.

Капитан Уильямс одолжил им одиннадцать рабов и пять бивней, которых отвезли на «Молли», и шесть-семь заложников были освобождены и переведены на «Руби» в качестве залога. Однако на следующий день «Молли» отбыл в Вест-Индию с около тридцатью заложниками на борту. Это привело торговцев в такую ярость, что они немедленно покинули нас и вернулись в Камерун. Там они велели остановить любую торговлю с капитанами, пять из которых захватили и увезли внутрь страны, где, как

выяснилось позднее, приковали цепями к деревьям. Возникла сложная ситуация. После совещания вдогонку «Молли» послали шхуну с рабами, чтобы забрать увезенных капитаном Бибби заложников.

На острове Бимбе самого крупного торговца чрезвычайной важности звали Бимбе Джек. Как-то утром он пришел на наш борт, чтобы продать слоновую кость, но для покупки рабов капитан Уильямс приберег свои лучшие ружья, а Бимбу Джеку предложил худшие из них, тот отказался, заявив, что не сможет сбыть их другим торговцам. Это привело в ярость капитана, который набросился на Бимбе Джека и приказал заковать его в цепи. Вокруг шеи чернокожего торговца замкнули железный хомут с длинной цепью, конец которой продернули сквозь рым-болт на палубе и затем заперли на замок. Другой торговец, Черный Тим, бывший в это время на борту, увидев, что происходит, быстро прыгнул в свое каноэ, находившееся рядом с бригом, и его гребцы сразу же стали грести к берегу. Так как остановить их было невозможно, капитан Уильямс приказал вязать два топсея, и бриг обошел отмель, чтобы негры не отрезали его от острова.

«Руби» дрейфовал за этой отмелью три-четыре дня, в течение которых стояла большей частью штормовая погода. Затем из-за нехватки воды для промежуточного перехода корабль снова вошел в реку, и на берег отправилась лодка с бочками для воды и хорошо вооруженной командой. На третий день, когда забор воды был почти закончен, на борт корабля прибыл торговец с Бимбе и потребовал солевую пошлину. С ним находились еще два человека, но гребцы оставались в каноэ, стоявшем у носовой части судна. Старший помощник капитана и некоторые другие члены экипажа стали вскоре отмерять соль и расплачиваться. Тогда на борту находились лишь десять белых членов экипажа, другие отправились на берег запасаться водой.

Совсем скоро к бригу приблизились два каноэ, одно с одним рабом на борту, другое – с двумя. Помощник начал подозревать неладное и доложил об этом капитану. В ответ было сказано, чтобы он занимался своим делом и продолжал отмерять соль. Двум торговцам с рабами позволили подняться на корабль и отправиться в каюту капитана. Пока они там торговались, к борту судна подошло новое каноэ с рыбой, и Уильямс вышел на палубу прицениться. Два торговца в его каюте украли ключ к кандалам Бимбе Джека и, пройдя к тому месту на палубе, где он сидел, попытались снять цепь. Это случайно заметил плотник, который стал звать капитана, но Бимбе Джек и еще один негр схватили его. Одновременно два торговца и негры, наблюдавшие за тем, как отмеряют соль, захватили капитана Уильямса, старшего помощника, бондаря и других и столкнули их в каноэ, что находилось рядом с бригом. Затем на борт поднялись несколько

канойщиков, а вскоре – и еще значительное число туземцев, ловивших неподалеку рыбу. Очень быстро схватили всех оставшихся на судне, и оно полностью оказалось в руках туземцев.

Нас они посадили в каноэ, а сами освободили находившихся на борту Бимбе Джека и трех других торговцев, а также всех камерунцев – заложников и восемь подростков – рабов, бывших на палубе. Пленники, заложники и рабы были доставлены на берег.

По достижении места высадки чернокожие, особенно женщины, начали швырять в нас камни, рыбу, песок и все, что было под руками. Едва мы ступили на землю, как они стали срывать с нас одежду. Капитана раздели догола, и тот самый железный хомут, что надевали на шею Бимбе Джека, замкнули на его собственной шее. А вскоре приковали к дереву его старшего помощника, продержав их так всю ночь. Все это время их сторожили несколько туземцев, вооруженных копьями и мушкетами.

Бимбе Джек, вопреки тому, как с ним дурно обошелся капитан, проявил к нему сочувствие – принес плащ, чтобы укрыть его, а также ром и воду. На следующее утро капитана, в отличие от помощника и плотника, отковали от дерева, но в окружении охранников он продолжал носить хомут и цепь.

В ходе переговоров между туземцами и Уильямсом было решено, что капитан из-за своего плохого обращения с Бимбе Джеком должен передать его людям все товары, что оставались на борту (равные по стоимости тридцати шести рабам), корабль лишался заложников и рабов, а вся задолженность камерунцев аннулировалась. Таковы были условия нашего освобождения. Выбора не оставалось, и капитан согласился. Товары выгрузили на берег, нас же освободили, и мы вернулись на борт «Руби».

Чудом избежав плена, капитан Уильямс стал более осторожным, но впоследствии часто грозился, что когда-нибудь вернется с достаточными силами на борту корабля, организует осаду острова и возьмет там все, что возможно. Ливерпульский невольничий корабль «Комет» не был столь же удачливым, поскольку примерно в то же время был блокирован туземцами в Фердинандо-По, когда выторговывал ямс. Из команды корабля спасся лишь один человек.

Первым рабом, купленным после того, как бриг бросил якорь у острова Бимбе, стала девушка пятнадцати лет – Ева, – на невольничьих кораблях было принято называть Адамом и Евой первых принятых в качестве невольников на борт мужчину и женщину. Девушка, отличавшаяся сообразительностью, впоследствии рассказала мне, что в сад ее отца однажды умышленно подбросили козу. Один из начальников в деревне пришел утром и, увидев ее, обвинил отца в краже. Ничто более не

удовлетворяло начальника в качестве наказания за преступление, чем передача одной из дочерей для продажи в рабство. У бедняги было три дочери, и начальник выбрал пятнадцатилетнюю, продав ее торговцам, которые переправили ее на наш бриг. Через три месяца на борт корабля приняли девочку-подростка около восьми лет, оказавшуюся младшей сестрой Евы.

Рабы, принятые на борт «Руби», доставлялись туда по разным причинам. Большинство из них купили торговцы, которые переправили их на побережье для продажи на ярмарках, но многих похищали, когда предоставлялся случай. Других продали за долги или за прелюбодеяние по реальному или ложному обвинению либо заманили на судно, там схватили и заковали в цепи. Через три недели после прибытия «Руби» к Бимбе один черный торговец привел на борт корабля туземца. Их пригласили в капитанскую каюту и дали что-то выпить, обращались дружелюбно и любезно. Но когда гости вышли на палубу, по знаку капитана компаньона торговца схватили матросы и заковали его. Затем беднягу доставили в Вест-Индию и продали как раба. По меньшей мере пятеро из нашего груза рабов были добыты подобным образом.

Однажды к нам привели на продажу женщину, но с ребенком на руках. Капитан отказался от товара, и ее отправили снова на берег. Однако следующим утром эту женщину привели опять, на этот раз без ребенка, которого ночью торговец убил, чтобы устроить продажу матери.

Нередко рабы, которых доставляли на борт, отказывались есть, и тогда капитан Уильямс приказывал беспощадно бить их, пока они не подчинялись. Он часто стегал плеткой по спинам чернокожих рабов и, видимо, находил удовольствие от вида крови и их стонов. Одного раба капитан и старший помощник неоднократно били два-три дня подряд, пока его тело не было разодрано до такой степени, что превратилось в кровавую массу. В это время на борт корабля прибыл торговец с рабом, и капитан в своем обычном деспотичном тоне стал настаивать на том, чтобы этот раб остался здесь вместо человека, отказывавшегося принимать пищу. Продавец был вынужден согласиться на несправедливый обмен, и на его каноэ потащили вдоль палубы, как труп, совершенно беспомощного раба. Таким способом мы от него избавились.

Среди тех, кого доставили на борт, была женщина в весьма удрученном состоянии. Незадолго до этого она билась в конвульсиях, но, придя в себя, начала громко хохотать, плакать и кричать. Это так сильно встревожило экипаж корабля, что Уильямс избавился от нее на следующий же день.

Для капитана стало обычным время от времени принимать на борт рабыню, особенно молодую, и затем, взяв ее в свою каюту, переспать с ней.

Иногда рабыни отказывались уступать его домогательствам, за что жестоко избивались и отсылались вниз. Одну девушку он держал в своей каюте в качестве фаворитки пять-шесть месяцев, пока однажды, когда она играла с сыном, не порвала его рубашку. Узнав об этом, капитан безжалостно порол ее плеткой, бил кулаками до тех пор, пока она не бросилась от него к насосам и так сильно разбила голову, что через три дня умерла.

У капитана был ужасный характер, и, видимо, он был привержен жестокости. В октябре 1787 года, когда «Руби» стоял у Бимбе, кок нес несколько поленьев из главного люка в камбуз и, согнувшись под большим весом, уронил одно полено на палубу. Это заметил Уильямс. Когда кок возвращался с камбуза, капитан повалил его на палубу и так жестоко избил, что тот был вынужден прийти ко мне залечивать раны. Во время предыдущего вояжа бедняга был также ужасно избит Уильямсом за то, что имел неосторожность сказать: «Печально, что свиней надо кормить горохом в присутствии белых людей».

Когда невольничьи корабли пребывали у африканского побережья, многие матросы болели, и обращение капитана Уильямса с больными вызывало шок. Им не разрешалось ходить в межпалубное помещение или пользоваться каким-нибудь другими укрытиями, которые они имели, когда были здоровы. Не позволялось никакого травяного чая, или вина, или дополнительного питания, а часто обычный рацион заменялся небольшим количеством риса. Капитан же говорил: «Нет работы – нет еды». Это был бессердечный зверь. В декабре 1787 года один из матросов, Уильям Булсон, заболел воспалительной лихорадкой. Однажды капитан поинтересовался у меня, как его здоровье. Когда я ответил, что он при смерти, Уильямс сказал: «Пусть умирает, черт с ним». Через несколько дней, когда заболел старший помощник и пошел укрыться на занимаемую женщинами среднюю палубу, капитан, узнав, где тот находится, произнес: «Он еще недостаточно болен, чтобы отправиться в ад».

Основными причинами смерти моряков во время невольничьих рейсов являлись заболевания лихорадкой – воспалительной или гнилой – и дизентерией. Такие болезни вызываются обычно тяжелыми условиями заготовки дров для корабля, незащищенностью во время промежуточного перехода, недостатком необходимых средств жизнеобеспечения и злоупотреблениями. Когда моряки заболевают, их очень трудно спасти из-за недостатка продуктов питания. На «Руби» вышли в плавание девятнадцать человек, и четверо из них умерли.

Как правило, очень трудно определить реальное имя моряка. Обычно его называют «красно-синим злодеем» по цвету его куртки, а также отличают по блатной кличке, которой пользуются для сокрытия настоящего имени

человека.

Старший помощник капитана Джон Смит имел обыкновение пускать в ход плетку по малейшему поводу и, как правило, бил до крови. Когда мы находились у Бимбе, незадолго до отправления в Вест-Индию рабы подняли бунт, главным образом из-за его жестокости. Услышав внизу какой-то шум, он спустился в межпалубное помещение навести порядок. Была ночь, и он держал в руке фонарь. Решив, что помощник пришел для их экзекуции, некоторые рабы усмотрели в этом возможность расправиться с ним, выхватили у него фонарь и собирались его убить. Смит был сильным мужчиной и смог пробиться к крышке люка, где матросы вытащили его на палубу. Ему посчастливилось спастись с небольшой раной на спине, нанесенной вилочным болтом. Негры, разочарованные тем, что не удалось отомстить, и, поняв, что вызвали тревогу, попытались открыть крышку люка, которую команде удалось опустить и закрыть с большим трудом. Далее рабы попытались выйти на палубу через небольшой люк, служивший входом в лазарет, огороженный в передней части матросского кубрика, но были отогнаны вниз. Бунт становился серьезным, и капитан приказал стрелять в мятежников сквозь решетчатую крышку люка. Другие матросы, вооруженные мушкетами и мушкетонами, сели в лодку и открыли стрельбу сквозь иллюминаторы в носовой части брига. Так продолжалось некоторое время, пока рабы не отступили и установилось спокойствие.

На рассвете следующего утра все рабы были выведены на палубу по двое. Когда они поднимались, им связывали руки. Здесь, на юте, их сторожили с особой бдительностью, а матросы были посланы вниз на поиски отсутствующих туземцев. Среди товаров, которые следовало хранить в кубрике из-за небольших размеров судна, был бочонок с ножами. Негры знали, что его открыли во время торговли. Три туземца, свободные от оков, вооружились ножами из бочонка и, когда матросы вошли в кубрик, выскользнули через люк в трюм. Благодаря уговорам чернокожего торговца, находившегося на борту, один из туземцев потихоньку сдался, второй тоже был готов сдаться, но, поскольку он держал по ножу в каждой руке, одному матросу показалось, что на него собираются напасть. Он выстрелил из мушкета и убил туземца наповал. Третий туземец сказал торговцу, что скорее умрет, чем сдастся, и дал клятву, которую называют сангари – зарок держаться вместе, скрепленный кровью.

Парень оставался в трюме в течение восьми часов, хотя и сильно страдал от горячей смеси воды и жира, которой его несколько раз обваривали, пока чернокожий торговец наконец не убедил его, что белые не принесут ему вреда, если он выйдет добровольно, но определенно убьют его в конце концов, если он будет упорствовать. Затем ему спустили вниз веревку.

Когда он поднялся до уровня нижней палубы, то, увидев поджидавшего его вооруженного матроса, решил, что его хотят убить. Он попытался соскользнуть обратно в трюм, но матрос схватил и вытащил на палубу. В люке матрос ударил его пистолетом, разбив ему голову. Туземца ранили кинжалами в разных местах матросы, следовавшие за ним в трюм. Они пырнули его несколько раз, пока тот метался среди бочек. Значительная часть его кожного покрова была содрана там, куда лили горячий жир и воду. В целом он имел очень жалкий вид. Капитан приказал помощнику осмотреть туземца, надеть тому на шею железный хомут, приковать к фок-мачте и в то же время запретил мне оказывать черному дьяволу какую-либо медицинскую помощь. Он сказал, чтобы матросы в интересах собственной безопасности не давали парню еды. В состоянии оцепенения он прожил три дня, затем в присутствии рабов его тело выбросили за борт.

Между тем застреленному туземцу отсекали голову, и поднявшийся наверх бедняга, поддавшийся на уговоры чернокожего торговца, разделил его участь. Две окровавленных головы передали рабам, которых заставили целовать их в губы. Нескольких туземцев, отказавшихся это сделать, плеткой немилосердно избил капитан, а лица их потеряли головами убитых.

Когда производился обстрел из мушкетов, рабы скопились в углу, так что лишь один парень пятнадцати лет получил ранение. Ему раздробили бедренную кость. Когда капитан обнаружил его состояние и понял, что тот не представляет ценности для рынка в Вест-Индии или где-нибудь еще, то велел привязать к шее туземца кирпичи и выбросить его живьем за борт.

«Руби» оставался в Бимбе почти восемь месяцев, прежде чем закончил погрузку. Во время промежуточного перехода в хорошую погоду рабам разрешалось каждое утро выходить около восьми часов на палубу. Женщины не ограничивались в свободе передвижений, но на мужчинах всегда были оковы. Рабов кормили два раза в день. Их пища состояла из бананов и ямса, когда же совершался промежуточный переход, то выдавали рис, конские бобы, а иногда и кусок хлеба. В день туземцы получали пинту воды в жестяной кружке.

Чтобы держать рабов в здоровом состоянии, обычно их заставляли танцевать. За принуждение к танцам мужчин отвечал старший помощник капитана, женщин – второй помощник. Но делалось это только с помощью плетки. Мужчины только подпрыгивали и звякали цепями, женщин же выгоняли одну за другой с пением песен или произнесением слов, которым их научили: «Мессе, мессе, макаридс», что означает: «Красивая жизнь или хорошо вертеться среди белых мужчин», таким образом воздавая нам хвалу за разрешение жить так весело. Но когда женщины сидели у себя, внизу, тогда я слышал, как они в слезах пели другие песни. В их песнях всегда

были истории их жизни, горе от расставания с подругами и родиной.

После приема пищи во второй раз негров загоняли вниз. Они не могли танцевать, если море штормило, их также держали внизу, когда шел проливной дождь. Тогда решетки люков закрывали брезентом, что усиливало внутри жару и духоту, от которых рабы чуть не задохнулись. В такое время я обнаруживал женщин в обморочном состоянии или в бесчувствии. Следствием плохой погоды обычно являлась дизентерия. От слизи и грязи палуба, где находились туземцы, превращалась в ужасное место.

Мы отправились в море с грузом в сто пять рабов на борту и во время промежуточного перехода потеряли только восемь. В этом нам повезло, и ни разу во время вояжа или во время пребывания у Бимбе не было опасности эпидемии оспы. Мой знакомый, ходивший на «Британии» с четырехстами пятьюдесятью рабами на борту, потерял во время промежуточного перехода двести тридцать человек, умерших главным образом от оспы. Инфекцию внесла на судно маленькая девочка. Когда капитан узнал об этом, он приказал поместить ее в стоявшую в трюме пустую бочку для воды. Болезнь стала распространяться, несмотря на сделанные всем прививки. Вскоре обнаружилась нехватка больничных коек. Те, которые не могли ходить, лежали среди парши и гниения, часто соприкасаясь друг с другом и с палубой, пока их не отделяли, чтобы выбросить за борт.

«Руби» прибыл на Барбадос 27 июня 1788 года по прошествии почти семи недель. Оттуда мы отправились на Сент-Винсент продавать рабов. Там обнаружилось, что в них нет нужды – рынок оказался переполнен. Такой же обстановка была на Гренаде, где мы увидели два ливерпульских невольничьих корабля «Китти» и «Випер», находившиеся там уже некоторое время. Наконец в порту объявился голландец из Демерары, наших рабов забрали господа из «Кэмпбелл, Бэйли и К°». Рабов продали по тридцать пять с половиной фунтов стерлингов за голову. Пробыв три недели в порту, мы вышли в море и достигли Кингс-Роуда в субботу вечером 23 августа 1788 года».

Глава 10

КАПИТАН КРОУ, ПОСЛЕДНИЙ РАБОТОРГОВЕЦ ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ

Английская работорговля была запрещена парламентским Актом от 1 мая 1807 года. В течение многих лет Ливерпуль являлся крупным центром

торговли африканскими рабами, и, когда она уже подходила к концу, Генри Кларк, владелец корабля «Амелия Китти», водоизмещением триста тонн и с восемнадцатью орудиями на борту, отправил его в последний рейс как раз перед принятием вышеназванного закона. Капитан корабля – Хью Кроу, уроженец острова Мэн, – занимался торговлей с Гвинеей шестнадцать лет и в последующие годы много писал об этом. По его мнению, «торговля неграми дозволена, как неизбежное зло, Провидением, которое управляет всем, и что она не должна упраздняться на потеху глупости или фантазиям группы людей, которые знают немного или ничего по этому вопросу». Он полагал, что филантроп-лицемер посредством отмены рабства стал косвенно ответственным за гибель тысяч рабов, поскольку они вытеснили торговлю на корабли других стран, где проявлены жестокость и пренебрежение к человеческой жизни, «к которым англичане никогда бы не прибегли».

До 27 июля «Амелия Китти» еще не отправилась к побережью Африки, но документы на ее выход, оформленные до 1 мая, позволили завершить ее оснащение. Страховую же премию представители компании назначили по цене пятнадцать гиней за сто гиней, что было на пять гиней ниже обычного. Экипаж корабля состоял почти из шестидесяти человек, но, пока шли через пролив Святого Георга, четыре лучших члена команды, несмотря на их охранные грамоты, были насильно завербованы фрегатом его величества «Принцесса Шарлотта». Корабль имел каперское свидетельство и во время вояжа преследовал и брал на абордаж несколько судов, но не присваивал никаких трофеев.

Корабль капитана Кроу прибыл к Бонни после морского перехода в семь недель. Его сразу же посетил вождь Холидей, который живо интересовался, верно ли, что «Амелия Китти» является последним судном, прибывшим в Бонни за неграми. Кроу в своих мемуарах [28 - Мемуары покойного капитана Х. Кроу из Ливерпуля... с описанием западного побережья Африки. Лондон, 1830.] приводит любопытный рассказ о том, как проходили эти продолжительные переговоры. Отношение вождя к отмене работорговли было выражено следующим образом.

«Кроу, – заметил он, – мы давно знаем друг друга, я знаю, что ты говоришь мне правду. Все капитаны приходили на реку и говорили: вождь и важные лица, торговля прекращается, и, если это правда, что делать? Ты знаешь, что у меня много жен, страна в тревоге, у нас также много детей, некоторые могут быть мошенниками, в то же время мы видели и плохих белых людей на некоторых кораблях. Мы слышали, что многие белые люди стали мошенниками. Но Бог дал вам умную книгу и большой корабль – затем вы послали много плохих людей в другую страну, и мы слышали: вы

повесили много людей и много людей погибло из-за вашей войны. Но Бог сделал нас черными, и у нас нет умной книги. Мы не можем построить корабль и послать больше плохих людей в другие страны. У нас есть закон. Положим, некоторые из наших детей становятся плохими, а мы не можем продать их, тогда нам приходится убивать их. Положим, торговля прекратится, нам придется убить очень много детей таким образом. Но мы надеемся, что торговля не прекратится, потому что все колдуны нам так говорят, они говорят, что нельзя противиться Господу Всемогущему».

Кроу решил, что замечания вождя не лишены смысла и проницательности.

У Бонни в ожидании рабов стояли десять – двенадцать судов, и капитан Кроу был вынужден, в свою очередь, оставаться там продолжительное время. В этот период ожидания команду поразили злокачественная лихорадка и дизентерия. Видимо, болезни вызвали некоторые товары на борту, возвращенные на корабль после прошлого рейса, когда команда сильно болела. Испорченные товары выбросили за борт, но хвори задержали закупку рабов. Когда корабль стоял на якоре, начались ужасные штормы, но стоило ему поднять якоря, и его чуть было не выбросило на берег.

Со временем добрали необходимое количество рабов, и судно в последний раз отправилось из Бонни с «таким великолепным грузом чернокожих туземцев, какой никогда не вывозился из Африки». Однако заболевания не спешили покинуть корабль, несмотря на усилия двух судовых врачей. Между тем белые и черные умирали с пугающей быстротой. Капитан Кроу сделал остановку у острова Сент-Томас в Гвинейском заливе, чтобы набрать новых людей. Едва больные выздоровели и корабль возобновил рейс, после короткого пребывания в открытом море болезни начались снова и поразили как белых, так и черных. Умер старший помощник, и капитан стал опасаться катастрофы. Ведь если бы что-нибудь с ним случилось, на борту не осталось бы ни одного человека, кто смог бы управлять кораблем. Обстановку усугубило то, что примерно в это время в трюме возник пожар. Капитан рассказывал:

«Однажды в полдень, когда мы были в десяти – двенадцати сотнях миль от берега и двигались со скоростью семь-восемь узлов, подняли тревогу в связи с пожаром в кормовом трюме. В это время я был в каюте и, выбежав на палубу, увидел двух молодых матросов во фланельках, горящих на спинах. В то же время я заметил густые клубы дыма, поднимавшиеся снизу. Оглядевшись, увидел, как люди бегут к корме и рассаживаются в лодках, чтобы покинуть судно. В этот критический момент я сохранил присутствие духа и громко крикнул: «Похоже, парни, вы собираетесь бросить меня в момент, когда ваш долг состоит в том, чтобы помочь мне». Заметив их

нерешительность, я добавил: «За мной, парни, и мы спасем корабль». Эти слова произвели желанный эффект, поскольку люди собрались вместе и бросились мне на помощь. Чтобы показать им личный пример, я первым ринулся вниз, поскольку думал о бедных туземцах, положившихся на мое попечение. Их нельзя было спасти в лодках, поэтому я решил во что бы то ни стало не дать им разбежаться, потушить огонь или погибнуть в борьбе с пожаром.

Спустившись вниз, мы обнаружили, что огонь бушует у левого борта, и, так как всей команде было известно, что в пороховом погребе хранилось сорок пять баррелей пороха (всего в трех футах от огня), с моей стороны потребовалось максимальное напряжение сил, чтобы мобилизовать их на тушение быстро разрастающегося пламени. Вначале, когда я увидел размеры пожарища и подумал о его близости к пороху, меня охватило отчаяние, но усилием воли я подавил малодушие и сосредоточился лишь на активной работе, не думая о нависшей опасности. Мы колебались только мгновение, решая, что делать дальше. К счастью, наши запасные паруса лежали под рукой. Мы развернули их и с чрезвычайным проворством набросили на пламя. Это дало нам возможность выиграть время для пуска мощного потока воды через люк. В течение десяти – пятнадцати минут, с помощью Всемогущего Господа, мы покончили с пламенем... Я выяснил, что авария была вызвана небрежением и беспечностью двух молодых матросов, которых я видел с горящей одеждой на спинах. Из-за недостатка офицеров им поручили набрать рома из запасной бочки. Не зная об опасности, которой подвергают себя и корабль, они спустились с горящей свечой, искра от которой подожгла спирт.

«Может, небыл интересно узнать, чем кормили негров. Мы часто покупали у местных туземцев значительное количество сушеных креветок, чтобы варить суп. Из них получалось великолепное блюдо, если смешать их с мукой и пальмовым маслом, добавив перец и соль. Такое месиво любили как белые, так и черные. Помимо ямса мы давали туземцам для разнообразия великолепный лущеный горох и рис, приготовленные вместе. Все это давали каждому негру с изрядным количеством супа. В другие дни суп смешивался с очищенным ямсом, тонко порезанным и сваренным с долей толченого крекера. Больных мы кормили острыми супами и густыми похлебками, приготовленными вместе с бараниной, козлятиной, дичью и т. д. К ним мы добавляли саго и горох, замешивая все на портвейне и сахаре. Я, таким образом, особо останавливаюсь на описании ингредиентов, входивших в пищу черных, чтобы показать, какое постоянное внимание им оказывалось в этом отношении. Также заботились и об их личных удобствах: по выходе на палубу около восьми часов утра им

предоставлялась вода для умывания, раствор лимонного сока для полоскания рта, полотенца для вытирания, жевательные палочки для чистки зубов – как правило, обломки молодых веточек обычного лимона или цедра сладкого лимонного дерева, наружный слой которого гладкий, зеленый и приятно пахнет. Они берутся за утолщение трубчатого стержня, а конец прожевывают. Белое прекрасное древесное волокно вскоре образует щетку, которой, когда водишь ею вверх-вниз, можно хорошо чистить зубы. Эти палочки придают дыханию приятный аромат и продаются небольшими связками за пустяковую цену на рынках Вест-Индии. Глоток бренди полагался каждому мужчине, выдавались чистые ложки. Завтракали рабы около девяти часов, около одиннадцати, если день был хорошим, они купались и, после того как насухо вытерлись, могли использовать пальмовое масло и любимые косметические средства. Далее, мужчинам выдавались курительные трубки и табак, среди женщин распределялись бусы и другие атрибуты для их развлечения. После этого позволялось танцевать и гулять по палубе для их бодрости духа. Около полудня им выдавали хлеб с кокосом. Третий прием пищи проходил около трех часов, а после того, как внизу все вычищалось и приводилось в порядок, туземцев, как правило, отсылали вниз в четыре-пять часов вечера. Я всегда прилагал много усилий, чтобы обеспечить людям на борту здоровье и удобство посредством правильной диеты, режима, физических упражнений и чистоты, ибо считал, что успех нашего вояжа зависел главным образом от содержания корабля в чистоте и порядке, что было всегда моим хобби».

Такие идеальные и гуманные отношения на борту невольничьего корабля ни в коем случае не были общепринятыми, как будет показано во многих местах настоящей книги.

По мере приближения «Амелии Китти» к Вест-Индии эпидемия на борту корабля пошла на спад, но ко времени прибытия в Кингстон после восьминедельного перехода от Сент-Томаса умерли два врача, а в течение всего вояжа умерло 80 человек, из которых 30 были белыми. Капитан Кроу обнаружил, что смертность на борту его корабля оказалась вдвое меньше, чем на других кораблях в бухте, где стояли на якоре 16 невольничьих кораблей, некоторые из которых – уже несколько месяцев. Их живой товар оставался нераспроданным из-за перенасыщенности рынка, а рабы и члены экипажей умирали ежедневно. Товар Кроу, однако, был в лучшем состоянии, чем у других, поэтому ему удалось продать его с прибылью и вернуться в Ливерпуль, где он ушел в отставку с приличным состоянием.

Капитан Кроу в молодости потерял правый глаз и был хорошо известен повсюду под кличкой Помни Свой Глаз, Кроу. Первый рейс к побережью Гвинеи он совершил на борту невольничьего корабля «Принц» в 1790 году.

Его брат, Уильям, тоже занимался работоторговлей и был старшим помощником на «Отелло», когда ночью на якорной стоянке в Бонни на корабле возник пожар. Огонь разросся, вызвав гибель нескольких белых человек и около ста двадцати чернокожих туземцев, включая брата вождя Пеппля.

В октябре 1796 года Хью Кроу отправился из Ливерпуля на борту невольничьего корабля «Джеймс» в качестве помощника капитана. Судно приняло в Бонни груз негров, выбрало якорь и проделало почти пять лиг, когда в условиях половины отлива село на мель и с водой в трюме на уровне шесть футов было перенесено через песчаную косу приливом, став на якорь на достаточной глубине. Капитан отправился в лодке за помощью в Бонни, оставив Кроу командовать кораблем, на борту которого содержалось четыре сотни черных. Дав указание задействовать насосы, Хью вместе с плотником спустился в трюм, обнаружил течь и заткнул ее бараньими тушами. Постепенно судно вынесло на берег реки Бонни, а рабов переправили на другие суда.

Через сутки или более на борт поднялась толпа негров и стала грабить корабль. Кроу, оставленный охранять корабль, уложил свои вещи на бимсы и, обеспечив себя множеством шестифунтовых зарядов для самозащиты, стойко отражал все попытки сбить его с позиции, пока не появился вождь Пеппл и не приказал своим людям удалиться. Это спасло Кроу, который потом совершил переход в Кингстон и оттуда добрался до Ливерпуля.

Глава 11

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТОРГОВЦА

«Я никогда не видел отца [29 - Нижеследующий рассказ заимствован из «Откровений работоторговца: из автобиографии капитана Ричарда Дрейка, торговца африканскими рабами в течение пятидесяти лет – с 1807 по 1857 год» (Нью-Йорк, 1860)]. Он был моряком, помощником капитана на каботажном судне. Отец пропал без вести через четыре месяца после женитьбы на моей матери – дочери прядильщика одной из хлопковых фабрик Стокфорда в Англии. Помню только ее и комнату, полную странных людей, красный кожаный ящик и мужчину рядом с ним, который говорил громким голосом. Затем гнетущая прогулка под дождем к полю, где несколько человек только что закончили рыть яму в земле. Затем я жил в работном доме Стокфорда, пока однажды не пришел хозяин со смуглолицым чужаком и не сказал: «Смотри внимательно, парень, и ты

увидишь своего дядю!» Я «вгляделся внимательно» и увидел мужчину около тридцати лет, небрежно одетого в матросскую форму и широкополую шляпу из пальмовых листьев, в ушах – золотые серьги, из кармашка свешивается брелок от массивных золотых часов. Этот персонаж, выглядевший сановито, поговорил со мной по-доброму, дал мне несколько монет в полпенса, сказал, чтобы я не терял бодрости духа и старался держаться как мужчина. Затем он ушел с хозяином, мистером Крампом. Он больше не появлялся в работном доме, но мне сказали, что он оставил мне немного денег у смотрителей прихода и обещал заботиться обо мне, пока я не вырасту.

Однажды, когда мне исполнилось двенадцать лет, пришел вызов явиться к смотрителям, троим тучным, румяным мужчинам в напудренных париках. Они сидели за покрытым зеленой скатертью столом, на котором перед ними лежали табакерки. После того как хозяин привел меня, грубо держа за руку, в их жуткое присутствие, самый старый из них сказал: «Филип Дрейк, тебе хотелось бы поехать к твоему дяде?» – «Конечно», – с радостью произнес я. Через несколько дней я быстро собрался на заре, чтобы ехать десять миль к морскому порту, откуда судно-угольщик отправлялось к побережью Уэльса на перехват покинувшего Холихед ирландского корабля с эмигрантами. На мне были новые кожаные грубые башмаки, вельветовые бриджи, шляпа из натуральной кожи. Я нес связку одежды в старом спиталфилдском платке. Глубоко в кармане лежало письмо, внушительность которому придавала печать из зеленого воска. Оно было адресовано «Морису Хальтеру, Бостон, США», где мне предстояло жить.

В холодное морозящее утро я пробирался вдоль влажного борта угольной баржи. На палубе, заполненной дрожащими мужчинами, женщинами и детьми моего возраста, меня толкали матросы, а поворот грузовой стрелы сбросил бы меня за борт, если бы я не смог отползти под укрытие позади штабеля перевязанных ящиков и бельевых корзин. Мое коричневое пальтишко промокло от дождя, а качка шлюпа вызвала у меня морскую болезнь задолго до того, как мы увидели свет маяка Англси и легли в дрейф у видавшего виды пакетбота с подветренной стороны от побережья Ирландии. Бот направлялся в Бостон Соединенных Штатов. Море штормило, вызывая суматоху и трудности в разгрузке углевоза. Но наконец это было сделано, и я с сорока другими английскими пауперами оказался в толпе около четырехсот ирландских эмигрантов на палубе корабля «Полли» из Уотерфорда под командой капитана**sensored**ринга.

С этого дня я испытал много трудностей и плохих рейсов, но мое первое знакомство с океаном на борту «Полли» стало незабываемым событием. Как ребенок, я не понимал, на каких условиях меня содержат, и в течение

двух дней был совершенно лишен внимания кого-либо. Я заполз в темный угол у переборки и свернулся калачиком, положив голову на свой узелок. Корабельная качка вернула мою морскую болезнь, я испытывал напряжение и глотал воздух, полагая, что могу умереть в любой момент. Утром я не мог двигаться. Меня окружали эмигранты, некоторые из них неподвижно лежали, страдали от морской болезни, другие разговаривали, смеялись или спорили. Женщины готовили еду, старики курили трубки, а воздух был спертым и удушливым. Со всех сторон слышались ругань и стоны. После второго утра пути я потерял сознание и вскоре стал лихорадочно бредить. Если бы не помощь семьи бедняков, чья постель располагалась рядом с моим укромным уголком у переборки, на одного английского сироту стало бы меньше.

Пакетбот «Полли» из Уотерфорда, должно быть, был столь же плох, как любой невольничий корабль, который когда-либо совершал «промежуточный переход» с задраенными люками. Он имел двести две тонны водоизмещения и четыреста пятьдесят с лишним палубных пассажиров. Им было так тесно в межпалубном помещении, что духота становилась невыносимой, и, если бы группе больных приказали подняться вверх по сходням, один-два из них непременно бы умерли от первого же вдоха свежего воздуха. Палуба стала заразной до того, как мы прошли и середину пути, потому что лежа эмигрантов не чистились и целые семьи барахтались в ядовитой грязи. Тела мужчин и женщин, а также их рваная одежда были покрыты коростой и пропитаны нечистотами. Вскоре распространились сыпной тиф и дизентерия, за которыми последовал пугающий рост смертности.

Команда «Полли» по отбытии из Ирландии состояла всего из десяти человек. Четверо умерли от дизентерии до того, как мы прошли полпути через Атлантику. Однажды, когда я, побродив по палубе, сел на свернутую цепь близ кабестана, насчитал тридцать трупов, которые утром вынесли на палубу и выбросили за борт. Большинство тел были женского пола, с длинными, спутавшимися поверх грязных платьев волосами.

С течением времени стала убавляться провизия. Пищу выдавали очень скупо, пока дизентерия не сократила число пассажиров, и тогда еды стало достаточно. Она состояла из овсяной каши и испорченного риса. Однако порция воды становилась скуднее с каждым днем. Из-за скверной погоды «Полли» сбился с пути к жарким широтам, и, когда мы заметили первый свет маяка у мыса Энн, из всех пассажиров оставалось только сто восемьдесят шесть, некоторые из которых умерли перед высадкой.

«Полли» достиг Бостона в апреле 1802 года. Его пассажиров высадили на карантин на один из островов бухты. Я оставался там до тех пор, пока

однажды не появился старичок небольшого роста, в пальтишке табачного цвета и порыжевшей шляпе, который интересовался Томми Дрисколлом. Во время рейса Томми упал за борт, и его нельзя было спасти. После того как старичок узнал об этом, мы подружились, и он взял меня к себе домой в Сан-Курт близ Энн-стрит, теперь Норт-стрит, на северной окраине Бостона.

Тадеуш Муни был аптекарем, а в его аптеке меня научили толочь снадобья в большой ступе и бегать с поручениями моего нового хозяина. Что касается распечатанного письма Морису Хальтеру, то доктор Муни долго наводил о нем справки, но безрезультатно. Видимо, никто ничего не знал о мистере Хальтере.

Через два года, когда одним сентябрьским полуднем я проходил таверну «Луна», известный исходный рубеж для почтовых карет Восточного побережья, то заметил человека, сидевшего в одном из больших эркеров уличного дома. Что-то знакомое мелькнуло в его смуглом лице, светящихся глазах и золотых серьгах. Вдруг меня осенило: это, должно быть, мой дядя. И именно то, что капитан Ричард Виллинг не был Морисом Хальтером, объясняло неудачу поисков, которые проводились. После долгого разговора, в ходе которого капитан задал много вопросов о том, что я знаю о книгах, цифрах и даже коммерции, мне было сказано, что я должен отправиться с ним в следующий рейс. Корабль находился тогда в Нью-Йорке.

Почти в сумерках мы отошли от судна, стоявшего на якоре в Саунде близ Нью-Рошели. Надвигался шторм, но наш бриг настойчиво двигался в южном направлении и вскоре вышел в открытое море.

На следующее утро капитан сказал: «Хочу, чтобы ты понял, что на борту корабля у тебя нет дяди. Я командир для всех на борту. Ты будешь помогать судовому врачу, станешь его помощником, и старайся держать рот на замке. Если будешь выполнять свои обязанности, между нами не будет ссор; если нет, то берегись, парень!»

Команда состояла из тридцати человек, включая капитана, помощников и врача по имени Максвелл. Это был шотландец тридцати лет, коренастый и плотный, с лицом тронутым оспинами, с желтыми, желчными глазами. Благодаря опыту, приобретенному в аптеке доктора Муни, я ориентировался в склянках и коробках не хуже доктора Максвелла. Мы оба спали в койках на палубе, посреди корабля, где стоял сундук с лекарствами и медицинским оборудованием, столовались с помощниками капитана. Сам капитан Виллинг принимал пищу в своей каюте.

Бриг был стройным судном с острыми обводами, водоизмещением триста тонн, быстроходным. Он назывался «Каролина», был хорошо защищен наличием порохового погреба, полного боеприпасов, десятком карронад,

поскольку шла война и моря кишели французскими крейсерами. После урагана у побережья Бразилии, когда был перекручен бушприт и снесена фок-мачта, бриг стал на якорь в чудесной бухте Рио. Здесь производили ремонт, и вся команда занималась погрузкой цветной хлопковой ткани, бочонков пороха и рома, побрякушек, табака и других товаров, необходимых для торгового судна. Врач распорядился о пополнении запасов каломеля, серы, перуанской хины и других лекарственных средств. Однажды утром мы выбрали якорь и взяли курс на африканское побережье.

22 августа 1805 года «Каролина» бросила якорь у торговой фактории в устье реки Вольты, которая впадает в Бенинский залив между Золотым Берегом и территорией Дагомеи. Здесь была зафрахтована шхуна, и капитан Биллинг двинулся вверх по реке. Вдоль берегов виднелись туземцы, работавшие на своих кукурузных полях, в траве паслись стада скота, а ближе к вечеру негры в каноэ привезли молоко и обменяли на безделушки. На следующий день показались рисовые поля с десятками каналов, пересекающих их в разных направлениях. 29 августа шхуна стала на якорь перед Мале, поселением с примерно тремя тысячами жителей, в центре которого располагался рынок. Его хижины образовывали полукруг на холмистой стороне, обращенной к реке. Здесь капитан Биллинг организовал экспедицию в горы Конт, высившиеся к северо-востоку, для торговли на золотых рудниках. В то время шла война между верховным вождем ашанти, который правил в Мале, и Дагомеей. Многих пленников отправляли или вниз по реке для продажи в рабство, или в горы мыть золото.

Мы отправились с длинной процессией черных торговцев и воинов – охранников для белых людей. Покинув поселение, мы вскоре углубились в густые джунгли. Командиром воинов ашанти являлся негр свирепого вида – черный, как гагат, с шерстью, заплетенной в жесткие локоны, его зубы остро заточены, на щеках зияли два глубоких пореза. Он был раскрашен красной глиной, что придавало ему неземной вид. Квобах отличался гигантским ростом, он носил копье, имел при себе рог для пороха и сумку на ремне вокруг шеи. Три раба несли его оружие – один держал тяжелый, кривой меч, другой – палицу, третий – мушкет. Нам не оставалось ничего другого, как идти налегке, потому что много чернокожих туземцев несли наш багаж. Всего нас было сто пятьдесят человек. Дневные передвижения были короткими, по ночам же останавливались в какой-нибудь прекрасной деревушке и угощались, словно лорды, африканскими деликатесами. Женщины мололи кукурузу, готовили рисовые пироги и доили коров, которых гнали рядом с нами, как тягловый скот. После ужина туземцы били в свои тамтамы, то есть деревянные барабаны, пели и танцевали, пока не наступало время расположиться лагерем. Затем воины-ашанти организовали

караульную службу. Белые люди подвесили под деревьями гамаки, и ночь прошла достаточно спокойно, если не считать рева диких зверей.

Однажды вечером мы расположились лагерем на берегу спокойной реки, затененной огромными деревьями. Мы ужинали под великолепный заход солнца. Одни чернокожие туземцы лениво бродили, покуривая свои трубки, другие лежали на траве, в то время как жены кормили их булочками с маслом и вкусными кусочками козленка, который был забит и тушился с тех пор, как мы остановились. Неожиданно на нас напали, и в воздухе замелькали стрелы. Оказалось, что лес заполнен дикарями. Я сидел под деревом и потягивал воду из кальяна, когда началось нападение. Почти сразу я увидел, как ко мне приближается негр с огромной дубиной. Квобах, наш командир ашанти, сделав прыжок, оказался перед ним, но к нему метнулся десяток врагов со всех сторон. Меня сбили с ног, прежде чем я мог взяться за оружие.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу у подножия дерева, связанный по рукам и ногам. Казалось, лес горел от сотни факелов, которые негры воткнули в землю или размахивали ими вверх и вниз, держа в руках. Туземцы бегали взад-вперед и визжали, как безумные. Их тела были раскрашены белыми полосками так, что они выглядели как скелеты, прыгая повсюду. Один из них заметил, как я повернул голову, и прыгнул ко мне, ужасно вереща. Он поднес к моему лицу какой-то предмет, который держал в руках. Это была человеческая голова – голова белого человека, – с нее капала кровь. Неподалеку от того места, где я лежал, на берегу реки виднелось бревно. Время от времени к нему подтаскивали за ноги жертву. Голову жертвы помещали на бревно, и тупой удар боевой палицы немедленно лишал жизни несчастного.

Перед рассветом черный лагерь пришел в движение. Я видел, как гонят наших коров, а за ними – около пятидесяти воинов Мале и их оруженосцев, связанных попарно. Среди ужасных дикарей, которые за ними следовали, было некоторое число воинов-женщин с луками и перекинутыми поперек их обнаженных грудей колчанами со стрелами. Каждая женщина держала на острие копья вверху голову или ногу одного из расчлененных пленников. Я слышал о существовании у дагомейского вождя женщин-воинов – амазонок, – и это навело меня на понимание, к кому я попал.

Мы совершили недельный переход по хорошо протоптанной в джунглях тропе, прежде чем достигли пункта назначения – обнесенного стеной поселения Яллаба, которое выходило на лениво текущую реку и было почти недоступно с трех сторон из-за обширных болот. Квобаха и меня подвели к толстому лоснящемуся старику, одетому в рубашку из красного муслина, из какого делают занавеси. У него на голове, покрытой седыми завитушками,

была брезентовая шляпа. Он сидел на нескольких мягких овечьих шкурах. Меня заставили встать на колени перед стариком, который оказался вождем Яллабы. Я был совершенно голым, так как мою одежду во время перехода утащили болтливые женщины. Вождь ущипнул меня, погладил мою кожу своей черной рукой и что-то пробормотал на своем языке. Затем женщина поднесла мне молоко в бутылки из тыквы и увела.

Так меня приняли в Яллабе. Вскоре я узнал, что моя молодая свежая кожа произвела благоприятное впечатление на толстого вождя, которого звали Мамме. С меня сняли оковы и позволили бродить во дворе квадратного дома, или дворца. Дом не выглядел большим особняком, но занимал акр или больше площади, его охраняли пятьдесят женщин-воинов. За мной смотрели женщины вождя, они обращались со мной либерально, давали молоко, творог, фрукты и рисовые пироги. Потом меня держали среди рабов дома, я помогал женщинам молоть кукурузу между двумя плоскими каменными жерновами и готовить вязанки хвороста для поддержания огня.

К середине сентября 1805 года, когда началась моя неволя в долине Яллаба, я вскоре стал понимать и выговаривать многие слова на языке дагомейцев. Младшая дочь вождя, хорошенькая девушка, несмотря на коричневый цвет кожи, сильно привязалась ко мне и стала моим постоянным учителем. Ее звали Сола. Когда я впервые увидел ее, ей было лет двенадцать.

Квобах, предводитель ашанти, считался важным трофеем, и примерно через три месяца после нашего прибытия Сола сообщила мне, что его принесут в жертву во время великого праздника в честь фетиша вождя. Но дальнейшие события приняли неожиданный оборот. В течение некоторого времени в местности около поселения вождя свирепствовал лев, и однажды утром Сола пришла и рассказала мне, что зверь напал на собиравших кукурузу рабов и предыдущей ночью загрыз десяток из них. Вождь сильно встревожился и назначил совещание с колдунами, а фетишу сообщили об опасном посетителе. В результате решили принести Квобаха в жертву немедленно. В связи с этим пленника-ашанти вывели на площадь, где собрались туземцы, чтобы наблюдать казнь. Вождь Мамме сидел на троне из овечьих шкур, а жрецы вооружились большими дубинами и мечами.

Квобах стоял, сложив на груди руки, пока не услышал все, что хотели сказать его враги, затем он неожиданно обратился к вождю и колдунам с речью. Предводитель ашанти сделал такое предложение: поскольку его должны принести в жертву в любом случае, ему следует позволить сделать собственный выбор – выйти в одиночку ко льву и сразиться с ним. Колдуны решили, что это законное желание, вождь также был удовлетворен, а туземцы Яллабы обрадовались, что нашелся доброволец сразиться со

зверем. Нельзя было терять времени, поскольку солнце садилось и лев, как ожидалось, снова посетит долину с наступлением вечера.

Вскоре Квобах вывели из хижины. Его вооружили длинным копьем, его собственным огромным мечом и моим карабином, единственным действующим стрелковым оружием в поселении. Сам Квобах казался совершенно безмятежным, когда шел к южным воротам. Едва он вышел за тяжелый камень, подпиравший южные бревенчатые ворота, как со стороны поля прозвучал жуткий рев и появился огромный лев, галопирующий в направлении приближавшегося человека. Колдуны и женщины начали выть, а мужчины – бить в боевые барабаны, чтобы напугать льва, но он лишь яростнее вертел хвостом и приготовился к прыжку. Квобах опустился на колени, в следующий момент лев прыгнул и был насажен на острие копья, которое искусный воин внезапно поднял, упершись древком в землю. Воин-ашанти отпрыгнул в сторону, оставив зверя биться в конвульсиях с копьем, пронзившим его тело.

В это время другой громкий рев раздался из леса, и вскоре из чащи выбежала львица, сокрушая кукурузные стебли. С нею были два детеныша. Тогда показалось на самом деле, что с воином-ашанти все кончено, поскольку раненый лев раздробил копье на кусочки и готовился к новому прыжку, хотя и был тяжело ранен. Квобах поднял карабин, а затем, когда зверь прыгнул во второй раз, ашанти вновь проворно отпрыгнул в сторону, и, когда лев тяжело повалился на раненый бок, воин подбежал ближе и выстрелил из карабина ему в пасть. Когда дым рассеялся, мы увидели, как лев корчится в предсмертной агонии, а львица обнюхивает землю в десятке футов от Квобаха. Через мгновение она издала страшный рык и сделала затылочный прыжок прямо на воина, который ожидал ее нападения. Когда львица опустилась, ашанти со всей силы вонзил лезвие своего огромного меча прямо в пасть животного. Мы услышали приглушенный рык, но сцена битвы скрылась в клубах пыли, окутавшей человека и зверей. Затем, когда пыль осела, мы увидели льва и львицу, вытянувшихся друг возле друга. На них лежал Квобах, весь в крови. Немного поодаль сидели детеныши. Воин-ашанти остался жив, но его левая рука была искромсана, грудь разодрана лапой львицы. Он выздоровел через несколько недель и был торжественно отпущен на свободу. Ему разрешили вернуться на родину со шкурами льва и львицы в качестве трофеев.

Когда уходил Квобах, я осмелился спросить вождя Мамме, нельзя ли мне вернуться к своим соотечественникам. Однако старик решительно отказал мне, сказав, что у него насчет моего будущего свои планы. Я продолжал пользоваться его расположением и поскольку лучше понимал дагомейский язык, то, кажется, был на пути к тому, чтобы стать важным лицом. Это

подтвердилось определенным образом после сезона дождей, поскольку мне позволили сопровождать экспедицию, организованную с целью захвата рабов для продажи на большом дагомейском рынке, устраивавшемся ежегодно в главном поселении Абомей.

Подготовка экспедиции заняла несколько месяцев, и, когда мы отбыли из Яллабы, наш отряд состоял из трехсот человек. В течение двух дней шли на восток, пока не присоединились к основной массе охотников численностью около тысячи двухсот человек. Четыре сотни из них были воины-женщины. Помимо воинов нас сопровождали группы рабов для переноски провизии и багажа, а также женщины для приготовления пищи воинам. На седьмое утро похода мы достигли границ вражеской территории и увидели мирную деревушку. Здесь началась наша охота. Вождь Абомея выстрелил из своего ружья и издал пронзительный клич. Сразу после этого весь отряд набросился на деревню. Мы встретили небольшое сопротивление, поскольку нас никто не ожидал. Жители деревни попытались убежать, но мы их окружили. Менее чем через час мы завладели около трехсот пленников. Старики и младенцы не представляли ценности, поэтому забивались дубинами по голове или копьями в тот момент, когда их подводили. Пленников заключали по двое в ярмо из бамбука. Это было полдесяток хомутов, соединенных длинной лентой из воловьей шкуры. Помимо этого пленникам связали руки за спиной, и высокий дагомец шагал мимо каждой пары, подгоняя рабов тяжелым хлыстом, когда ему казалось, что они замедляют ход.

Через два дня мы подошли к более крупному селению, чем то, что захватили врасплох. Оно располагалось в долине, и с высоты холма, поросшего лесом, где мы остановились, я его прекрасно видел. Здесь наших пленников заставили лечь на землю, куда вбили столбы, к которым их накрепко привязали. С наступлением ночи наши главные силы поползли небольшими отрядами к безмятежному поселению, примерно в час ночи вспыхнуло яркое пламя, за которым последовали пронзительные возгласы, крики и стоны. Через несколько минут всю долину, казалось, охватил огонь. С выступа холма я увидел, как бегут дагомейские воины, размахивая своим оружием. Обнаженные женщины и дети металась в разных направлениях, и в свете горящих хижин я видел, как несчастные люди выбегали из пламени, чтобы быть пронзенными копьями своих врагов. Захват пленников и бойня завершились к утру. Захватили более четырехсот отборных рабов, и, после того как на них надели оковы, мы без всякого отдыха двинулись дальше, опасаясь преследования, узнав, что противник накапливает силы у нас в тылу. На обратном пути мы напали на три другие деревушки, так что наша охота привела к захвату почти тысячи рабов. Когда мы вернулись в свою

долину, состоялся большой праздник, и старый вождь Мамме восседал на своей кипе овечьих шкур и раздавал перья важным лицам, а колдуны принесли в жертву фетишу вождя двух подростков. Женщины-воины разрезали несчастных парней на куски и потом сожгли их перед идолом.

Я пробыл в Яллабе почти год и мог говорить на их языке вполне прилично. Сола, самая младшая дочь вождя Мамме, с самого начала ставшая кем-то вроде моего партнера по играм, в течение года выросла в маленькую женщину. Моими компаньонами постоянно были наследники вождя и молодые предводители, я принимал участие во всех пиршествах вождя, который во всем потакал своим многочисленным женам. Моей одеждой был отрез набивного ситца, обернутый вокруг талии, и нечто вроде плаща, который Сола соткала из листьев манго, прекрасно расщепленных и отделанных бахромой из цветных нитей распушенной хлопковой ткани.

Однажды вождь Мамме вызвал меня и после долгих словопрений объявил, что хотел бы сделать меня своим сыном, поженив на Соле. Он сказал, что его и мой фетиш станут тогда более могущественными. Мое тщеславие было польщено милостью вождя, и я был не против женитьбы на его дочери, которая стала самой привлекательной молодой негритянкой, какую я когда-либо видел. Поэтому я сразу же согласился. Послали за Солой, и она пришла в своем белом сарафане в сопровождении сестер и служанок. Свадебной церемонией руководила женщина, приведшая Солу в мою хижину. После особого торжества с песнями и танцами я стал мужем семнадцатилетней девушки.

Я прожил с Солой немного времени, когда в целях охоты за рабами объявили о новой экспедиции, которую я должен был сопровождать как врач. Она оказалась моей последней экспедицией с яллаба, поскольку прежде, чем достичь места встречи с другими участниками дагомейской войны, мы подверглись нападению превосходящих сил враждебных негров, и почти всех нас взяли в плен. Меня раздели и связали, затем вели двадцать дней сквозь густые джунгли, пока мы не достигли негритянского поселения у большой реки. Это было Фанди, поселение племени фула, расположенное на реке Гамбии. Воины яллаба были отправлены партиями работать на рисовые поля, меня же привели к наследнику вождя племени фула, негру шести с половиной футов роста, носившему в ушах золотые кольца. Он напомнил мне моего дядю. Зная дагомейский язык, я понимал и его. Вскоре после того, как наследник вождя узнал о моих злоключениях, я был освобожден от строгого контроля и получил разрешение бродить по поселению. Женщины Фанди были весьма раскованными и

привлекательными, они проявляли большое любопытство к белому чужеземцу, но, наблюдая их прекрасные формы, я не мог не думать с тоской и сожалением о разлуке со своей женой Солой из племени яллаба.

Месяцем позже меня взял под стражу отряд негров фула и повез в каноэ вниз по реке, пока мы не достигли места торговли и рынка рабов, где я впервые за два года был счастлив услышать голос белого человека на своем родном языке. Капитан Фрейли был англичанином, занимавшимся торговлей африканскими рабами. Он имел полдюжину шлюпов в различных пунктах на берегах реки Гамбии, принимающих грузы негров для отправки на побережье. Место, где меня пленили фула, являлось одним из таких пунктов под названием Вади. Это был просто сборный пункт для рабов с несколькими навесами, построенными для их содержания. Капитан Фрейли слышал от одного из своих агентов-негров, что в Фанди находился белый человек, и выкупил меня у наследника вождя фула за полдюжину мушкетов, бочонок рома и отрез манчестерской хлопковой ткани. «Понимаешь, мой мальчик, – говорил торговец из Бристоля, смеясь и пожимая мне руку, – ты постоянно перекупаемый раб, но я готов поторговаться за твой выкуп на выгодных условиях». Вскоре я узнал, что мой дядя избежал дагомейской бойни, поскольку капитан Фрейли был знаком с ним и видел его в течение года.

Капитан взял меня на борт своего шлюпа, собиравшегося следующим утром идти вниз по реке. Это была скорее прогулочная яхта, чем торговое судно, около двадцати пяти тонн водоизмещения, с четырьмя удобными отделениями в его небольшой уютной каюте. Мне предоставили койку в одном из отделений, а ночью меня разбудил стон, я испугался настолько, что вышел на палубу, хотя было холодно и реку покрывала плотная дымка. Капитан Фрейли услышал мои шаги и спросил, в чем дело. Когда я поинтересовался причиной стога, он ответил, что это всего лишь «негритосы». На следующее утро все объяснилось. Трюм шлюпа был заполнен восьмьюдесятью рабами, набитыми на пространстве едва ли тридцати футов, в то время как трюм был всего десять футов длины. Негров посадили один между ногами другого, так чтобы каждый не занимал более трех футов пространства.

Мы шли по течению Гамбии, и на следующий день к нам присоединился меньший шлюп в десять тонн водоизмещения, с сорока рабами на борту в трюме размером примерно девять на четыре фута длины и ширины. Наше судно было оборудовано грузовой палубой, так как на всех пунктах нас ожидали значительные группы рабов.

В каюте капитан Фрейли казался милейшим человеком, но, когда дело касалось торговли неграми, становился совершенно бесчувственным. Он

активно занимался торговыми операциями на реке Гамбии и снабжал живым товаром из факторий на африканском побережье целую флотилию судов из Бристоля и Ливерпуля. Фрейли добывал рабов, как правило, методом бартерного обмена, но также организовывал экспедиции с целью их захвата за свой счет во взаимодействии с различными местными негритянскими вождями. Обычно группы матросов и прибрежных негров залегали в засады близ рек или малых деревень и захватывали африканцев по два-три человека, когда те рыбачили или обрабатывали кукурузные участки. Иногда совершались ночные нападения на негритянские хижины, и тогда угонялось в лодки возможно большее число захваченных негров.

Капитан Фрейли слышал, что мой дядя находился в одном из пунктов сбора рабов близ реки Конго, и согласился отправить меня с одним из своих каботажных судов, отправляющихся на юг. Бристольский бриг, крупный парусник, вез грузы для снабжения фактории на побережье Анголы, откуда должен был вернуться с грузом живого товара для пунктов сбора рабов на реке Гамбии. Когда мы достигли Эмбоммы, в ста милях от Конго, мы узнали, что капитан Виллинг оставил это поселение неделей раньше, так что я вынужден был оставаться на бриге и идти в Анголу, а оттуда возвратиться к реке Гамбии.

Бриг назывался «Френдшип» («Дружба»), а его капитаном был лондонец – некий Торли – грубый, но честный моряк, который очень хорошо ко мне относился. Помощником у него был ирландец, а кроме них на борту имелись восемь португальских и датских моряков, юнга-англичанин и два гвинейских негра. Едва мы покинули реку Конго, как взбунтовались португальцы и датчане, захватив корабль. Мы беседовали с капитаном Торли внизу, когда услышали шум на палубе. Капитан побежал узнать, что случилось. Подождав немного, я последовал за ним и, к своему ужасу, споткнулся о маленького юнга, лежавшего у двойных поручней с разбитой головой. Команда как раз в это время бросала за борт капитана Торли, ударив его по голове топориком кока. Одновременно я услышал слабый крик: «Лодка! Лодка!» – и увидел, как помощник капитана бежит к корме. Один из португальских матросов приблизился ко мне, размахивая гандшпугом, но я попросил на испанском языке пощадить меня, и он повернул назад. Позвали двух гвинейцев снизу, где они спали, и португальский кок поднес им по оловянной кружке рома. Пока те пили, два мятежника из мушкетов застрелили их и побросали за борт.

Я решил, что теперь настала моя очередь, но мятежники, посоветовавшись, поднесли ко мне крест и потребовали, чтобы я поклялся не разглашать то, что они сделали. Я с готовностью согласился на это, хотя и не верил в их доброжелательство по отношению ко мне. Затем они стали обыскивать бриг

и, разграбив сундуки офицеров, загрузили две лодки провизией и вещами, на их взгляд наиболее ценными. Мне позволили сесть в одну из лодок, и, открыв кингстоны для затопления судна, они поспешно стали грести к берегу, которого достигли на третий день после расправы над капитаном и гвинейцами. Обе лодки утонули во время высадки, но часть провизии и бочонки с ромом прибило к берегу.

Около полудня мы двинулись к кустам, но едва прошли небольшое расстояние, как появилась группа негров, вооруженных дубинами и копьями. В несколько минут нас раздели и связали, я снова стал пленником. Мы попали в руки туземцев племени крумен, как называли прибрежных негров. Мне пошло на пользу некоторое знание их языка. Они погнали нас внутрь страны к своей деревне. Наш ром распределили между собой, на закуску забили вола. В деревне мы оставались два дня, затем нас повели снова на пляж, где мы обнаружили лодку с английского корабля, находившегося вдали от берега. Вскоре мы благополучно добрались до борта ливерпульского невольничьего судна «Бразерс» («Братья»). Я рассказал капитану историю гибели корабля «Френдшип», и мятежников немедленно заковали в железо.

«Бразерс» имел пятьсот тонн водоизмещения, команду из сорока моряков – англичан, шотландцев и португальцев. Корабль совершал каботажное плавание в поисках рабов, имея на палубе небольшую шхуну для прохождения по рекам. Капитан Бейкер, командовавший судном, сообщил мне, что мой дядя был в Калабаре, куда обещал доставить и меня. Когда мы прибыли к месту впадения реки Калабар в море, я узнал, что капитан Виллинг находился у Ква, небольшой речки внутри страны, в восьми милях от берега. Поскольку Бейкер снарядил туда шхуну, я перешел на ее борт, чтобы подняться вверх по реке. Когда мы достигли Ква, я обнаружил, что дядя ушел дальше внутрь страны для охоты за неграми. Но на одной из его шхун, стоящей у загона для туземцев, я встретил своего старого друга доктора Максвелла.

Врач не мог поверить в подлинность явления, представшего перед его глазами. Вместо белолицего, низкорослого парнишки пятнадцати лет он видел перед собой крепкого возмужавшего мужчину с кожей темной, как у мавра. Я рассказал о своих приключениях, и к моему дяде был послан курьер-рыбак с известием о моем воскрешении, как доктор Максвелл называл это. Он рассказал, что, избегнув бойни в результате ночного нападения дагомейцев, они дважды побывали в Бразилии и Вест-Индии. Погиб во время инцидента лишь один матрос, голову которого я видел. «Каролина» была тогда в месте, которое называли Камерун, в пару сотен миль вдоль побережья до Калабара, а капитан Виллинг стал партнером

богатого испанца в Рио и ежемесячно перевозил грузы рабов из различных пунктов на побережье Гвинеи. На пятый день после моего прибытия пришла весточка от моего дяди с сообщением, что мы должны немедленно встретиться. В компании двух рыбаков я отправился в глубь страны.

Дядя находился в большом негритянском поселении, называемом Гамбо. Он встретил меня с большой теплотой и сказал, что мое знание местного языка позволит ему использовать меня как переводчика. На следующий день я был представлен негритянскому вождю Гамбо, которого звали Эфраим. Между языками дагомейцев, фула и туземцев гамбо имеются некоторые различия, но я вскоре смог набрать необходимый запас новых слов.

Капитан Виллинг формировал караваны рабов из нескольких партий негров, захваченных группами охотников (караван – общепринятое название колонны рабов, отправляемых с верховьев рек на побережье). У него было постоянное соглашение с вождем о поставках, поэтому никакого торга не было. Он покупал партии по двадцать рабов, предлагая бочонок бренди в тридцать галлонов, полдюжина отрезков цветной ткани из хлопка или двадцать пять фунтов пороха за какую-либо первую партию. Железо, наконечники копий, коралловые бусы, табак и позолоченные побрякушки обменивались в должной пропорции на другие партии рабов.

Процедура осмотра и отбора рабов осуществлялась в тенистой роще близ центра поселения, где находилась резиденция моего дяди. Он ходил вдоль строя рабов взад-вперед, одетый в рубашку, шорты и шляпу из пальмовых листьев. Шако, надзиратель-мулат, был также кем-то вроде негритянского врача и мог с первого взгляда определить, здоров раб или нет. Он ощупывал обнаженных негров с головы до ног, сжимая их суставы и мышцы, сгибая руки в локтях и ноги в коленях, проверяя зубы, глаза и грудную клетку, щупая грудь и пах без всякой пощады. Рабы стояли парами совершенно голые. Их заставляли прыгать, кричать, ложиться на землю, перекатываться, задерживать дыхание на продолжительное время. С женщинами и девушками инспектор-мулат обращался не менее сурово, чем с мужчинами.

Днем раньше нам следовало выступить из Гамбо. Клеймение было закончено, потребовалась большая работа плеткой, чтобы утихомирить напуганных негров. Удары хлыста Шако и тяжелых бичей его помощников ни на минуту не прерывались. Рабов доставляли поодиночке, заставляя их лечь лицом вниз. Большой негр удерживал раба, в то время как другой чернокожий туземец нагревал железное клеймо на огне. Третий негр прикладывал раскаленное клеймо между лопатками пронзительно кричащей жертвы. Сначала крик был ужасным, ибо бедные негры полагали, что их будут пытаться до смерти. Меня подзывали поговорить с ними на их языке, но

мои уговоры не производили большого эффекта. Шако орудовал своим кожаным хлыстом до тех пор, пока их тела не окрашивались кровью.

После того как негры подверглись в этот день бичеванию и клеймению, им дали двойные порции риса, ямса и бобов. Затем связали попарно для следования к побережью. Той ночью вождь Эфраим устроил пир в честь моего дяди. Для счастливого пути в жертву фетишу был принесен раб. Больные, искалеченные и слабые негры, исключенные из походных колонн, представляли по этому случаю подходящий жертвенный материал. Нескольких из них изрезали на куски перед тем, как мы двинулись из Гамбо.

Наш переход к реке был мучительным. Шако и его помощник, которых рабы, несомненно, считали «дьяволами», помечали их путь кровью. Когда мы достигли Ква и последовали вдоль берега реки к загону для рабов на Калабаре, я пропустил мимо себя всю колонну. По мере ее движения рабы, запуганные и кровоточащие, представляли собой печальное зрелище.

Врач Максвелл и два шкипера встретили нас на пункте сбора рабов. Здесь колонну тщательно осмотрели, поработал и парикма*censored*. Головы рабов, вне зависимости от возраста или пола, обрили, их тщательно помыли с песком, пока они стояли в воде. Шхуны были оборудованы перегородками в стиле обычных невольничьих кораблей – разделяли рабов по половому признаку. Сначала в трюм загнали самых больших негров, которые сели рядами с ногами крест-накрест, спина спиной друг к другу. Они смотрели в глаза друг другу на близком расстоянии, сотнями их набили каждую шхуну под палубами. Женщины и девочки заполняли один трюм. После размещения рабов внизу около пятидесяти из них были привязаны к мачтам и перилам на обоих судах, так что чернокожие тела покрывали каждый фут пространства. Поскольку негров было невозможно перемещать, пока мы находились в реке, порции еды для них выдавали с деревянных корзин, спускавшихся на бамбуковых шестах для каждого ряда. Мы прошли вниз по Калабару довольно быстро и прибыли в Камерун через пять дней. Потеряли только трех мальчиков и двух девочек, которые задохнулись в трюме и были выброшены за борт. В Камеруне мы увидели «Каролину», ожидавшую свой груз, и вскоре я ходил по ее знакомым палубам.

Загон, куда помещали рабов, представлял собой большое сооружение близ места высадки. Ранним утром после нашего прибытия началась загрузка корабля. Негров, раздетых догола, сажали по двое и по трое в каноэ и переправляли через буруны. Они были закованы рядами на палубе «Каролины», сидя между ногами друг друга, от носа к корме. Одна палуба с рабами опиралась на стойки над емкостями для воды, и негры связывались группами по шесть или восемь, а крепежные устройства на их лодыжках

держали два железных стержня, проходившие посередине корабля, запиравшиеся на замок в центре. Когда железные стержни выдергивались, оковы падали, и группы рабов могли по очереди идти на палубу дышать свежим воздухом.

Мы отправились морем в Голландскую Гвиану 11 мая 1808 года. Дул прекрасный попутный ветер, и все складывалось как нельзя лучше. Рабы два раза в день принимали пищу, состоявшую из вареных бобов или риса; у каждого была деревянная тарелка и ложка, привязанная к шее. Девятый день стал тревожным: рабы попытались поднять мятеж. Все из-за Шако, которого ненавидели. В то утро один из них ударил мулата наручником и выпрыгнул за борт. Шако пришел в ярость, бросился вниз и стал раздавать удары хлыстом направо и налево. Каким-то образом группа рабов освободилась от оков, сломала железный стержень, державший закованных негров вместе. Они сразу набросились на Шако и вышибли из него мозги. Им удалось освободить полдюжину других групп и вместе с ними выбраться на палубу. Наш вахтенный и часовые-негры немедленно открыли огонь из мушкетов по толпе голых негров, которые стали вооружаться гандшпугами, ведрами и другими предметами для метания. Мы с судовым врачом Максвеллом были в это время на палубе, куда спешно поднялся и капитан Виллинг, держа по пистолету в каждой руке. Команда белых матросов бросилась на корму, а помощник раздал оружие, при помощи которого черных загнали обратно в трюм, но не раньше, чем они убили двух матросов и ранили одного. Инцидент, пока он длился, выглядел ужасно. Негры сражались как дикие звери, и, если бы им удалось освободить всех внизу, соотношение сил сложилось бы не в нашу пользу и всех нас уничтожили бы. Тринадцать негров застрелили на палубе, семерых серьезно ранили. Всех их выбросили за борт. Бриг с трудом избежал смертельной опасности. Работорговля – опасное предприятие как в море, так и на суше. Шако заслужил свою судьбу, поскольку бессовестно издевался над черными. Его череп был разнесен вдребезги, а его хлыст негры разорвали на обрывки величиной не больше моего пальца.

14 июля «Каролина» бросила якорь в Бербисе, Голландская Гвиана. Черных сразу высадили и через два дня выставили на продажу на рынке. Местные сахарные плантации нуждались в рабочих руках, и за рабов заплатили хорошую цену. Голландские девушки в коротких зеленых жакетах и алых юбочках прохаживались, осматривая голых африканцев, словно это было рутинное занятие. Аукционист сидел в высоком кресле в одном углу просторного помещения, а рабы стояли на скамье перед ним. Он заставлял их поворачиваться в их набедренных повязках перед участниками аукциона, покупатели ходили и ощупывали их, проверяя мышцы и общее

состояние. Негров обязывали проходить через разные испытания.

Временами казалось, что их руки вырвут из суставов или их челюсти будут сломлены некоторыми голландскими бугаями. Одна дама не успокоилась, пока не вынудила негритянку издать крик ужаса из-за того, что та грубо сжала ее груди. Аукцион закончился в течение двух дней. За взрослых негров выручили тысячу гульденов, а за подростков, девочек и женщин – семь-восемь сотен. Это считалось хорошей ценой.

Покинув Бербис, «Каролина» совершила короткий заход в Рио-де-Жанейро, где я встретился с партнером дяди доном Хуаном де Кобралем, очень богатым португальским торговцем, жившим в шикарном фазенде в горах, в нескольких милях от Рио. У него было с десяток незаконнорожденных детей, которых он воспитывал, и жил с их матерями в своем большом поместье. Донна Марина, девушка-квартиранка лет шестнадцати, находилась в доме отца, когда я впервые пришел туда вместе с дядей. Она развлекала нас своей игрой на арфе и пением. Это была самая прекрасная девушка с негритянской кровью в жилах, какую я когда-либо видел. Эту девушку с несколькими братьями и сестрами продали в 1813 году, чтобы оплатить долги отца кредиторам.

Через несколько дней после нашего прибытия в Рио дядя взял меня с собой погулять в месте, с которого открывался вид на чудесный залив. Во время прогулки он сообщил, что порвал сотрудничество с доном Хуаном. Я узнал также, что британское правительство запретило работоторговлю с колониями и что отныне ни один невольничий корабль не выйдет под британским флагом. «Капитан Фрейли, – сказал дядя, – отказался от своих пунктов сбора рабов на побережье и освободил для нас поле деятельности. «Каролина» становится теперь испанским судном. Ты, я и Фил должны теперь уничтожить свои документы о британском происхождении и отказаться от претензий на наше имущество в Стокфорде».

Я рассмеялся на шутку дяди и сказал, что готов ходить под испанским флагом так же, как под каким-либо другим флагом. Вскоре после этого «Каролина» набрала новую команду из португальцев и испанцев, и мы отправились из Рио к побережью Гвинеи. 3 ноября 1808 года мы прибыли к мысу Пальмас у Берега Слоновой Кости, где наняли сорок рыбаков племени кру с каноэ, через три дня достигли местечка Ассиам на Подветренном Берегу, в двух милях от реки, по слухам населенной. В здешней стране правил вождь, известный под именем Принц Уксус, который напоминал моего тестя, вождя Мамме. Здесь мы соорудили крытые навесы, окруженные забором из кольев. Со временем в этом месте выросло поселение, ставшее одним из наиболее процветающих на побережье. Оно стало средством спасения от банкротства многих британских купцов, если

они не находили прибыльного предпринимательства в других сферах. Около нас река делала изгиб, образуя небольшую гавань. Посредством своих быстрых шхун, а также «Каролины» с ее партнершей «Флоридой» американского происхождения мы постоянно посещали побережье между мысом Пальмас и рекой Гамбией, где пункты сбора капитана Фрейли все еще снабжались неграми. Мой дядя Ричард взял имя дон Рикардо, а я превратился в Фелипе. Наше поселение мы окрестили Рио-Бассо, где вскоре были построены обширные загоны для рабов внутри страны и на мелких островах в реке. Дядя сделал несколько рейсов на борту «Каролины», полной живого товара. Вскоре он прославился в Африке и Вест-Индии как пронырливый и успешный торговец, который никогда не терял груза, хотя моря кишели каперами».

Глава 12

ЖИЗНЬ В ФАКТОРИИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА

«Жизнь в африканской фактории непривлекательна для цивилизованного человека, но я провел в Рио-Бассо пять лет без особой скуки. Дядя заключил со мной льготный для меня контракт и позволил мне зачислять на свой счет трех негров в месяц. Я лично познакомился на реке с людьми вождя Уксуса и посетил территории многих народностей внутри континента. Дон Мигель Барка, управляющий факторией, был торопливым, темпераментным человеком, но в целом мы вполне ладили друг с другом. Во время его правления заготовкой дров у нас постоянно была занята пара сотен негров. Они помогали также в обеспечении безопасности фактории нашим двадцати охранникам – испанцам, португальцам и голландцам. Помимо выполнения обязанностей врача я также был счетоводом и казначеем, улаживал сделки с вождем Уксусом и другими представителями местной знати по снабжению провизией. Все это время мы занимались погрузкой и транспортировкой негров из различных районов побережья. Как только наши загоны для рабов были готовы, их заполняли новым живым товаром, и ни одному кораблю не приходилось простаивать из-за его недостатка.

Сначала наши условия проживания были убогими – нам служили укрытием одни лишь палатки и лачуги. Однако перед сезоном дождей мы уже имели крышу над головой, а в течение года я приобрел дом лично для себя. Дом управляющего дона Мигеля был больше моего, поскольку он имел большое семейство за счет родственников по женской линии. У него были две жены из племени вердов, неизвестное мне число любовниц, мулаток и женщин более темного цвета кожи.

Наши бараки, называемые загонами для рабов, были расположены близко к реке. Их строили из тростника, выстилали виноградными лозами и скрепляли глиной. Все сооружение укрепляли стойками и огораживали забором из кольев. Сюда загоняли рабов по прибытии. Их поручали надзирателям того же цвета кожи, которые следили за мытьем и клейменем рабов, а также за тем, чтобы их головы были обриты, чтобы черных накрепко привязывали ночью к столбам, врытым в землю. Один надзиратель полагался группе из двадцати рабов. Надзиратели менялись по ночам посменно, для поддержания порядка их снабжали хлыстами.

У нас на небольшом острове вниз по реке были построены больница для лечения рабов и кладбище позади фактории, в песках. Я посвятил десяток наиболее интеллигентных негров в секреты обычной фармацевтики, в то, как ставить банки и прикладывать пластыри. Я мог похвастаться созданием за короткий срок вполне профессионального медицинского консилиума. В целом мы работали успешно и лишились лишь небольшого числа рабов. Из семидесяти двух тысяч негров, принятых и отправленных из Рио-Бассо за пять лет, мы потеряли только восемь тысяч, включая тех, которые случайно утонули, покончили жизнь самоубийством и умерли в результате эпидемии оспы в 1811 году. Тогда наши бараки были переполнены и мы отправляли по тридцать тысяч черных в Бразилию и Вест-Индию. Мой дядя всегда проявлял разумную заботу о рабах, но некоторые торговцы, посещавшие нашу факторию с целью запастись водой или продовольствием, были безжалостны. Однажды к нам зашел за водой корабль «Понгас», принадлежавший американскому торговцу. Я поднялся на его [борт](#). Совершив погрузку на реке Гамбии, судно было набито несчастными неграми, как селедками. Их размещали сидя, вместо того чтобы использовать метод горизонтальной посадки, практикуемый французскими капитанами, принимающими рабов из сенегальских поселений. На судне находилась тысяча черных, втиснутых в межпалубное помещение в три фута высотой. В одно помещение надстройки корабля, размером шестнадцать на восемнадцать футов, были втиснуты двести пятьдесят женщин, многие из которых – беременные. Мужчины сидели на коленях друг у друга, не имея возможности двинуться вправо или влево. Из-за ужасно спертого воздуха на судне дон Мигель предсказывал, что оно потеряет половину своего груза.

В то время французские невольничьи судна оснащались большими удобствами для живого товара. Рабы снабжались в достаточном количестве хлебом, солью и душистым перцем, которые использовались в приготовлении их пищи. Каждый невольник имел оловянную миску, ложку

и курительную трубку. Рабы спали в горизонтальном положении на палубах, а в хорошую погоду их заставляли делать физические упражнения. За изготовление канатов, шляп и корзин негры получали порции бренди и табака.

В августе 1814 года я находился в торговом пункте на реке Гамбии, пытаясь избавиться от скуки в гнетущий сезон дождей. Общаться приходилось только с португальцем из Бразилии и несколькими девушками племени фула, нашими экономками. Однажды пришла весть о прибытии к устью реки судна, и вскоре после этого появился мой бесценный дядя. «Фил, – неожиданно произнес он, – я влюбился». – «Влюбился!» – повторил я в большом изумлении. Когда он сообщил подробности, я обнаружил, что дон Рикардо был не просто охотником за деньгами, черствым работником, но и романтиком возвышенной любви. Он попросил меня совершить в качестве компаньона короткое путешествие с целью приобретения испанской красавицы, чтобы его жизнь в Африке стала более привлекательной. Разумеется, я согласился ехать с ним. Когда я пришел на [борт](#) брига и увидел его роскошную каюту, обустроенную для возлюбленной, то стал понимать, как любовь может превратить работником в нежное, чувствительное существо и приспособить каюту невольничьего брига для целей, отличных от набивания негротянками межпалубного помещения.

Нашим пунктом назначения был остров Тенерифе, где мы бросили якорь в бухте Оритава. На следующий день дядя взял меня с собой в женский монастырь, где он встретился с молодой леди, великолепным образчиком испанской красоты. То, что она любила его, не вызывало у меня никаких сомнений, хотя встреча проходила в общей комнате. Дядя сообщил, что ей было завещано родителями принять постриг и она еще послушница. Не вызывало сомнений, что в ней ничего не было от монашки. Монастырь же представлял собой мрачное тюремное здание с железными решетками на окнах и воротами достаточно мощными даже для форта.

Ночью мы высадились на ялик с командой в десять матросов. Восемь из них остались на берегу, а остальные последовали вместе с нами в монастырь. Дядя влез на стену, и вскоре в здании начался пожар. Зазвенел колокол, и сразу же мы слышали женские крики. Затем появился дядя с донной Амелией на руках. Поспешив назад к лодке, мы вместе с его возлюбленной и двумя матросами для гребли отправились к бригу. Он дал мне указание вернуться с командой к монастырю и помочь людям тушить пожар. Увиденное оказалось ужасным. Монашки бегали в разных направлениях совершенно голыми, так как спали без одежды. Некоторых из них было видно через окна в верхних кельях. Они не могли убежать и

носились сломя голову. Перед отбытием на корабль я узнал, что семь монашек погибли в пожаре и что предполагалось, будто пожар вызвали раскаленные угли, вывалившиеся из глиняной печки, но у меня возникли другие подозрения. В любом случае дядя вызволил из монастыря свою милашку, около семнадцати лет, которая выглядела красавицей чародейкой. На следующий день донна [Амелия](#) появилась на палубе жизнерадостной и прекрасной, как райская [птичка](#). Вскоре все на борту узнали, что это жена капитана. Дядя выглядел самым счастливым человеком.

Когда мы прибыли в Гамбию, я узнал, что Диего Рамос готов отправиться на Кубу на борту американского корабля «Миранда». Он воспользовался сухой погодой в первую неделю, чтобы купить караван (каффле) негров, доставленный одним из местных вождей, и набил рабами свой борт в последние дни нашего отсутствия. Мы ему не объясняли целей нашей отлучки и, поскольку мне хотелось совершить поездку в Вест-Индию, договорились, что я поеду с Рамосом. Дон Рикардо пожелал воспользоваться моим холостяцким домом для проведения медового месяца со своей любимой, как он шутя выразился: «Это единственное место на побережье, которое еще не обходят работорговцы, и я хочу, чтобы [Амелия](#) привыкла к такой жизни до того, как встретится с доном Мигелем и его грубыми компаньонами». Итак, мы с Диего Рамосом заняли свои места на юте «Миранды», межпалубное помещение которой было забито живым товаром, и вскоре отбыли с ослабленными шкотами к островам выгодной торговли.

Наши черные представляли собой добродушную массу. Они прыгали на звук хлыста так проворно, что не было необходимости охаживать их обнаженные бока. На борту имелись тамбурины, в которые постоянно били более молодые негры. Каждый вечер мы с удовольствием слушали новые боевые песни африканцев и наблюдали их хороводы с носа на корму. Мы с удовлетворением отмечали, что эти приятные упражнения способствовали здоровому состоянию наших негров и, конечно, нашим видам на прибыльный рейс. Между тем после этих музыкальных вечеров, когда уставшие исполнители снова загонялись в помещение между палубами, чтобы потеть в удушливой ночи, наши надежды улетучивались. Я лег спать и заснул крепким сном, когда внезапно раздался крик: «Пожар!» Выбежав на палубу, я увидел, как матросы опрокидывают ведра с водой на решетки носового трюма, и вскоре послышались пронзительные крики и сдавленные стоны задыхавшихся черных. Несмотря на все усилия, пламя разгоралось и быстро достигло решетки у грот-мачты.

«Все кончено», – сказал мне [Диего](#). Затем, повысив голос, крикнул: «Уносите все, парни! Найтовы и рангоут – на постройку плота, родимые!»

Матросы сразу же занялись рубкой мачт и бушприта, а также начали спускать лодки. Не обращая внимания на крики и мольбы обреченных негров, он приказал бросить на решетки влажный брезент для ликвидации пожара. Матросы трудились ради спасения своих жизней, и через короткое время у нас был вполне надежный плот, на него перенесли две бочки воды и провизию. Наши более ценные вещи были погружены в две лодки. К счастью, море оставалось спокойным, и мы без труда отошли от горящего брига, убрав предварительно крышки люка и сбросив рабам внизу ключи от оков. Никогда не забуду истошный крик, который звучал в наших ушах, в то время как черные в панике карабкались на палубу и обнаружили, что мы покинули судно. Некоторые из них прыгали за [борт](#) и плыли в нашем направлении. Крики мужчин и вопли женщин усиливались в жутком диссонансе.

Плот был достаточно большим, чтобы принять почти сотню негров, после чего матросы, стоявшие по краям плота, стали отталкивать других пловцов гандшпугами. Наконец, когда наступило утро и [океан](#) покрыла серая дымка, обнаружилось, что одна бочка была заполнена водой лишь наполовину, а другая протекала. Мы опорожнили бочку с ромом и наполнили ценной пресной водой, затем перенесли ее на одну из лодок.

Через несколько часов туман рассеялся, и нас стала мучить жара. Мы не могли защититься от палящего солнца и спасались только до определенной степени тем, что оборачивали голову влажной одеждой. Перед тем как наступила ночь, каждый [белый](#) человек был измучен жарой до безумия. Негры, видимо, тоже страдали, однако меньше, но время от времени надзиратели окатывали их голые спины морской водой из ведра. Следующий день стал повторением первого. Когда занялся третий день с удручающей жарой, Рамос созвал совет своих офицеров. Не было видно не единого паруса, а наши матросы ослабели, как дети, поэтому мы приняли решение покинуть плот, который сковывал нас в океане, и, пересев в наши лодки, достичь берега. Соответственно, каждому из жаждущих черных была выдана еще одна порция в несколько капель воды и позволено сделать изрядный глоток рома для маскировки перемещения в наши лодки мешка с хлебом и нескольких галлонов воды. Затем мы тихонько отчалили, оставив плот за кормой.

Сначала негры, обнаружив, что освободились от белых хозяев, были, очевидно, озадачены, но вскоре мысль о том, что их бросили посреди океана, видимо, проникла в их черные головы. Они вскакивали с громкими криками и неистовой жестикуляцией рук, рвали на себе волосы и били руками по голове. [Диего](#) Рамос взглянул на меня и блеснул своими белыми зубами. «Тяжелый случай, – сказал он, – но бедняги, должно быть,

погибнут! Это сократит наши годовые доходы, амиго!»

Как раз в этот момент раздался радостный крик одного из матросов. «Парус! – закричал он во всю силу легких. – Парус! С наветренной стороны!» Довольно заметно вырисовывалось судно с прямым парусным вооружением, идущее прямо на нас. Все матросы в лодке поднялись и стали махать куртками и руками. Прошло не так много времени, когда мы увидели сигнал семафорной азбукой, что нас видят, а чуть позже мы уже благополучно поднялись на [борт](#) транспортного корабля его британского величества «Индус». Командир корабля встретил нас с Рамосом весьма вежливо, и мы сразу признались, чем занимаемся. Плот с неграми, все еще остававшийся в поле зрения, делал бесполезными всякие уловки. Ничего не было сказано, разумеется, о том, что негры брошены нами на произвол судьбы, поэтому мы добились большого уважения британца за наш гуманизм, выразившийся, по его мнению, в сооружении плота для них и долгого пребывания вместе с ними.

Как простолюдин Филип Дрейк из Стокфорда, я должен был бы путешествовать на королевском судне в тяжелых условиях, занять место одного из негров в том, что касается оков. Но, как дону Фелипе Драксу, бразильскому купцу и пассажиру на борту утонувшего брига дона [Диего](#) Рамоса, мне позволили занять место в кают-компании вместе со своим партнером и относились ко мне со всей предупредительностью, на которую был способен британский офицер в отношении иностранцев, спасшихся от кораблекрушения. Капитан Симмонс качал своей седой маленькой головой в ответ на объяснения дона Диего, но встречал смехом его шуточки, и, вообще, у нас были приятные встречи в кают-компании, пока «Индус» не бросил якорь в бухте Кейп-Коста, у поселения в Сьерра-Леоне, где уполномоченные резиденты должны были вынести решение относительно наших негров. Туземцев посадили в каноэ и высадили на берег, поместив на территории королевских мастерских. В течение нескольких дней уполномоченные решили, что их следует отдать в обучение поселенцам на срок двенадцать лет. За это время, по словам [Диего](#), их окрестят и они состарятся. Капитан Симмонс и его офицеры получили вознаграждение за спасение негров, а мы с партнером восприняли наши потери с любезностью, на какую только были способны. Рамос подыскал каботажное судно для нашего переезда в Нью-Тир, мое поселение на Гамбии, и вскоре мы отбыли туда. Это был конец нашего предприятия с «Мирандой». Фирма «Рамос и Драке» сохранилась, но прибыли от ее последнего предприятия поделили между собой огонь, вода и британская филантропия.

Прибыв в поселение на Гамбии, я обнаружил, что медовый месяц дяди изменил внешний вид моего соломенного дома. Были сделаны прекрасные

добавления. Веранда, балконы и решетчатая конструкция в испанском стиле превратили дом грубой постройки в дворец. Значительно изменились наши бараки, а несколько групп негров все еще работали, таская из леса бревна. Сваи были вбиты на берегу, обеспечивая дополнительную прочность пирсу. Вскоре мы выяснили причину дядиных усилий с целью обустройства постоянной торговой фактории на берегах Гамбии. Во время нашего отсутствия известный вождь племени фула по имени Мусси выступил с предложением заключить постоянное соглашение о торговле. Поскольку Нью-Тир являлся основным пунктом сбора караванов рабов со всей местности, прилегающей к Гамбии, мой проницательный дядя, не теряя времени, увеличил во время нашего отсутствия пропускную способность поселения. Он также принял меры для скорейшей доставки большого каравана в наши бараки, так что если бы рейс «Миранды» прошел благополучно, то по возвращении нас бы удивил фрахт, с которым корабль немедленно отправился бы обратно в Вест-Индию. Узнав об этом, я посоветовался с [Диего](#), и результатом этого стало партнерство с нами донна Рикардо Виллено в компании под названием «Виллено и К°», которая со временем получила широкую известность в Африке и Вест-Индии.

Я поселился в доме Пабло Круза, нашего бразильского надзирателя, оставив свою старую резиденцию во владении донна Рикардо и его креольской супруги. Активно шли приготовления для приема каравана вождя Мусси. К январю 1816 года наш большой загон для рабов был почти готов. Я открыл новые счета от имени новой компании.

Вскоре я узнал, что донна [Амелия](#) не была первой любовью моего доброго дяди – их оказалось несколько. Выяснилось, что первой любовью была девушка племени фаял, которая умерла на берегах Конго несколько лет назад, и что светлая квартеронка, которая живет сейчас с доном Мигелем, была прежде любовницей донна Рикардо. Что касается донны Амелии, то это было восхитительное создание. Когда мы обедали в «резиденции», как дядя называл свой дом, она играла на арфе и пела для нас. Это было соловьиное пение. При всей своей необразованности я чувствовал, как увлажняются мои глаза. Думаю, ей нравилась моя чувствительность. [Диего](#) делал вид, будто она всего лишь школьница, но я полагаю, что она являлась глубокой натурой. Дядя был явно без ума от своей новой любви. Он бегал по ее поручениям, подбирал платки и следил за ней, как кот за мышкой. Они, видимо, очень любили друг друга.

К середине месяца мы получили вести о том, что на прямую тропу из главного поселения вождя Мусси вышел караван негров. Сообщалось, что он состоит из около тысячи двухсот отборных рабов из племен мандинго, сусу и осужденных за преступления фула. Весь караван насчитывал около

двух тысяч человек. Дядя и Диего вышли его встречать, возложив на меня ответственность за поддержание порядка в поселении. Никто не должен был приближаться к апартаментам его возлюбленной ни под каким предлогом. Донна снова стала монашкой, и я был обязан охранять [дверь](#) ее монастыря, раскачиваясь в своей койке в салуне. Во время первой ночи их отсутствия меня вдруг разбудила девушка фула Янга. У нее была записка от хозяйки, у которой заболел живот. Я взял из аптечки горячие капли и поспешил в апартаменты донны. Казалось, ее мучает сильная боль, и я дал ей снадобье, которое, видимо, не принесло облегчения. Девушки фула были отправлены поискать другие средства, и я остался один на один с донной. Она обняла меня за шею, поцеловала в губы и со всей страстью попросила меня спасти ее. Я пытался ее успокоить, но она прижималась ко мне теснее, пока вернувшиеся девушки чуть не застали нас врасплох. На следующий день мне пришлось дважды приходить на ее вызовы, и, хоть убей, не могу понять, было ли ей больно или тревожно. На следующий день, однако, она вела себя достаточно здраво и уверяла, что я спас ее от смерти. Она потрепала меня по щеке и казалась самой непосредственностью.

Караван прибыл 18-го с большим шумом и гамом, с выстрелами из ружей и битьем в тамтамы и барабаны. Вождь фула считался знатным представителем своего народа. Имея более шести футов роста, он был одет в белую тобе, [головной убор](#) представлял собой навороченную цветную хлопковую ткань с шелком. Я был главным переводчиком во время палабра (переговоров) и большого представления. Около семисот воинов фула, вооруженных дубинами, мечами, луками и стрелами, многие – ружьями, выстроились на нашем плацу. Множество торговцев – негров из внутренних областей страны сидели на корточках впереди, а также вокруг вождя и его представителей. Наши слуги устроили большой салют, затем группа черных исполнителей пела хором в сопровождении кимвалов. Затем начался большой пир. Мясо забитых волов, ром и курительные трубки держали дикарей в восхищении весь день, а вождь Мусси стал нашим лучшим другом. Донна [Амелия](#) выглядела со стороны ликующей феей, и фула полагали, что это [белый](#) фетиш.

Через день после больших палабра к нашему причалу пристал корабль «Кабенда», который привез большой груз товаров для торговли. Как раз вовремя. Это было лучшее судно моего дяди, корабль водоизмещением триста тонн. У нас было еще три судна, стоявшие на якоре близ фактории, одно из них называлось «Сеньора Амелия» в честь нашей первой леди. Вождь Мусси и его воины расположились лагерем в прекрасной долине, где росло много пальм, примерно в миле от нашей резиденции. Рабы группами, под наблюдением своих хозяев, были привязаны к столбам, вбитым в

землю, канатами из сплетенных бамбуковых волокон. Донна [Амелия](#) сопровождала дядю и Пабло Круза в инспекционной поездке и совершенно не смущалась зрелищем этого спектакля. В то время я думал, что лицезрение более тысячи совершенно голых негров едва ли доставило бы удовольствие молодой «школьнице», как называл ее [Диего](#).

Грузы «Кабенды» выгрузили возможно быстрее, и через два дня после ее прибытия торговля на рынке была в полном разгаре. Она напомнила мне площадь в Фанду. В дополнение к тысяче или более рабов было выставлено несколько тонн африканских товаров – слоновая кость, золотой песок, рис, скот, шкуры, пчелиный воск, черное [дерево](#), мед и много других видов товаров из внутренних областей. Для обмена у нас имелись хлопковая ткань, порох, ром, табак, дешевые мушкетеры, бижутерия, кораллы и прочие безделушки для ублажения дикарей. Такой бартерный обмен производился попутно, главным предметом торговли оставались рабы. За крепкого негра лет двадцати мы давали цену три английских шиллинга или три испанских доллара. За женщин и подростков платили меньше. Наш порох был крупнозернистым, а ружья грубо выделаны в Англии. Спирт, хлопковая ткань, порох и ружья поступали на каботажные суда дяди с английских торговых пунктов на реке Конго. Мы делали покупки на побережье и платили большую цену за эти товары, чтобы предотвратить закрытие старых факторий, так как иногда они оказывались очень удобными временными пунктами содержания рабов.

Я подружился с вождем Мусси. На старика производило впечатление мое знание местного языка. Он владел двумя сотнями рабов в караване. Остальные негры входили в другие, меньшие караваны, которые платили вождю дань за [военный](#) эскорт. Он взимал свой процент со всех продаж: рабов или других товаров. Мы выплатили ему премию в сотню мушкетеров, двадцать бочонков пороха, два отреза хлопковой ткани и красную солдатскую шинель в качестве дэша, или подарка, с учетом договора, который он заключил с дядей. Это был неплохой человек, но хитрый как лиса, более того, с хорошим для дикаря вкусом. Он дал мне понять, что готов отказаться от подарка и прибавить сто негров, если Монега, то есть дон Рикардо, продаст ему свою жену донну Амелию. Торговля завершилась 25 января. Мы были рады избавиться от негритянского вождя и его армии обжор, которые угрожали разорить нас. В итоге мы купили тысячу двести первоклассных рабов. Этого количества было достаточно, чтобы загрузить два судна в Бразилию.

Нью-Тир продолжал процветать. С помощью вождя Мусси мы смогли отправить из одной Камбии с десятков полностью загруженных судов, а если учесть поселение дяди в Рио-Бассо, то мы отослали в 1816 году на Кубу и в

Бразилию в целом сорок три тысячи рабов. «Виллено и К°» вскоре стала одинаково известна местным вождям, торговцам Вест-Индии и европейским брокерам. Если одна из наших каботажных шхун заходила в реки Гамбия, Конго, Калабра или Бонни, на берегах немедленно приходили в движение группы негров разной численности.

Донна [Амелия](#) продолжала очаровывать. Она не уставала слушать мои рассказы о жизни африканцев, какой я ее видел в плену у дагомейцев и фула. [Диего](#) Рамос, как капитан одного из наших кораблей, отсутствовал большую часть времени, а дон Рикардо постоянно проводил время со своим магнитом – донной Амелией. Он построил для нее коттедж в долине пальм, в двух милях от реки, в естественном саду тропических цветов и плодовых деревьев. Довольно обширная часть земли была огорожена высоким забором из кольев и ворот, подобно частоколу, который охраняли несколько черных часовых, вооруженных заряженными мушкетами.

К концу 1816 года дядя отправился в Рио-Бассо и взял с собой донну Амелию. Когда они вернулись через несколько месяцев, испанскую фаворитку сопровождали девушка-квартиронка и ее мать, мулатка с привлекательными чертами лица. У девушки, лет около двадцати, было красивое, румяное лицо, такое, какие иногда встречаются на побережье, и великолепная фигура. Дядя, посмеиваясь, представил ее мне в качестве моей экономки, и так как я был знаком с африканскими обычаями, то принял девушку и мать-мулатку в свое хозяйство. Однако, к моему удивлению, в [тот](#) же день квартиронка обратилась ко мне со страстной мольбой к моему великодушию, сопровождаемой выражением ее любви к дону Рикардо. Это открыло мне глаза, я вспомнил, что говорил мне [Диего](#) Рамос относительно некоторых бывших любовниц дяди, а также о квартиронке, которую он передал дону Мигелю в Рио-Бассо. Расспросив мулатку, я узнал, что ее дочь прожила с доном Рикардо три года и родила ему ребенка, который вскоре умер. Марина, квартиронка, страстно привязалась к нему и пыталась утопиться в Рио-Бассо, что заставило дону Мигеля вмешаться и убедить дядю позволить ей вернуться с ним в Нью-Тир в качестве компаньонки донны Амелии. Однако дон Рикардо, чувствительный ко всему, что касалось его креолки, счел лучшим передать отвергнутую квартиронку своему двадцатишестилетнему племяннику. Узнав эти подробности, я позволил благодарной женщине следить за порядком в моих апартаментах, явно выиграв с точки зрения комфорта и заботливого ухода.

Когда в другой раз я обедал с дядей в долине пальм, донна [Амелия](#) отпускала много шуток относительно моей «прекрасной супруги». Я воспринимал их без обиды и смеялся вместе с доном Рикардо, наслаждаясь

вином, словно был доволен его подарком из Рио-Бассо.

Вскоре после этого [Диего](#) Рамос прибыл за грузом с островов Зеленого Мыса. Он сообщил, что к Кейп-Косту направляется флотилия британских кораблей с инспекцией побережья и рек. Их уполномочили делать высадки во всех подозрительных местах, имеющих в какой-то мере отношение к англичанам или английскому капиталу, а также ликвидировать фактории работорговцев там, где может быть доказана хотя бы какая-нибудь причастность управляющих к Великобритании. Это была важная новость для нас с доном Рикардо, поскольку мы являлись британскими подданными, хотя время и изменение имен позволили нам слыть за испанцев, бразильцев или креолов по своему выбору. Дядя обладал сильным характером и способностью выдержать самую дотошную проверку, я же не настолько был уверен в своей способности, как и он. По размышлению решили, что я должен уехать с [Диего](#) Рамосом в его очередной рейс и, таким образом, отсутствовать в случае появления британских кораблей перед Нью-Тиром.

13 февраля 1817 года мы вышли в море на борту нашего самого крупного корабля «Кабенда» с восьмьюстами пятьюдесятью рабами, грузами слоновой кости и золотого песка и направились прямо в Рио-де-Жанейро. Во время рейса не произошло ничего существенного, и 6 апреля мы высадили своих рабов, понеся в пути лишь небольшие потери. Вскоре после прибытия я встретился со своим старым другом доктором Максвеллом и поговорил о былом. Он поседел, как барсук, и потолстел, как морская [свинья](#). На следующий день мы сходили в поместье мистера Флосса, которому наши рабы передавались на консигнацию и который гостеприимно нас встретил. Он жил на широкую ногу, потчевал соседних дворян концертами и балами. В тот вечер происходил роскошный прием, доны и донны явились в своих богатых облачениях. Мужчины блистали в одеждах всех цветов, [юбки](#) леди из глянцевых шелковых тканей были отделаны бахромой из позолоченного кружева, а их бархатные жакеты плотно стянуты и застегнуты на [жемчужные](#) кисточки.

На следующий день случилась самая настоящая беда. Нас с доктором Максвеллом блокировали в его доме взбунтовавшиеся негры. Всякое сообщение с особняком было прервано, ожидалась бунты на соседних плантациях. Негры начали поджигать тростниковые поля, уничтожая урожай и разбивая машины на сахарных заводах. Вызвали войска, и состоялось сражение. Черные рассеялись по холмам, откуда совершали вылазки и сожгли несколько поместий, включая особняк мистера Флосса. Нас держали взаперти в доме доктора в течение двух дней, когда к нам присоединился сам мистер Флосс, спасаясь от преследования группы

негров. Он скрывался в полях с тех пор, как был уничтожен его особняк, и чудом успел добраться до нашего дома. Едва мы его впустили, как были окружены сотнями орущих черных. К ночи они зажгли факелы и разные средства для освещения. Мы попытались вести с ними переговоры, но они требовали выдать им живым мистера Флосса, о чем нельзя было и подумать. Поэтому мы приготовились защищаться, надеясь, что войска придут к нам на помощь. Чтобы противостоять разъяренным рабам, число которых постоянно возрастало, наша сторона располагала полудесятком верных негров в доме с двумя бразильскими надсмотрщиками, доктором Максвеллом, управляющим, мистером Флоссом, Рамосом и мной.

Осознав нашу решимость защищать дом, черные попытались поджечь его. Мы застрелили некоторых из них, но наконец им удалось сложить кипы сухого тростника, и нам пришлось отступить от дверей и окон в центральный двор. Дом строился по типу колодца, с двором в центре. Там мы и стояли в ожидании, когда ворвутся черные. Мне показалось, что все кончено, когда я увидел улюлюкающих черных бесов, прыгающих через огонь прямо на нас. Их вел огромный негр, который набросился на Флосса. Другой негр схватил беднягу Максвелла, мы с Рамосом разделили бы их участь, если бы я вдруг не узнал дикаря-предводителя. Это был мой старый знакомый ашанти Квобах, бой которого со львами я наблюдал в Яллабе. Я узнал его и сразу позвал на его языке, как раз когда он швырнул Флосса на землю и поставил на поверженного господина ногу. Негры слушали мои слова и медлили, чем я воспользовался, чтобы запросить перемирие.

Квобах махнул огромной дубиной, давая знак дикарям отступить, и затем повернулся ко мне. Я говорил быстро, понимая, что вопрос стоит о жизни или смерти, и, к счастью, ашанти вспомнил меня и приказал разъяренным преследователям не трогать нас. Меня и Рамоса связали веревками и вытащили из горящего здания, Флоссу же с Максвеллом накинули на шею веревочные петли и жестоко избили дубинами и хлыстами. Мятежники поспешили выгнать нас на место перед горящим домом, затем начались ужасные пытки и бойня. Бразильские надсмотрщики и их негры были разрублены на куски. Флосса и Максвелла раздели, привязали к столбам и стали лить на их голые тела сахарный сок. Затем черные сложили вокруг них тростник и пытали их медленным огнем. Зрелище было ужасным. Несчастные жертвы напрасно молили о пощаде, пока в агонии не лишились сознания. Затем Квобах нанес доктору удар дубиной, который проломил ему череп, и это послужило сигналом для черных завершить свою работу. Они разбросали горящий тростник и разорвали обугленные жертвы на тысячу кусочков, танцуя и топчась на углях. Затем Квобах перерезал веревки, связывавшие меня и Рамоса, и велел нам убраться. Его голос

звучал хрипло, глаза вращались, как два огненных шара. «Идите и расскажите белому вождю, как Квобах отомстил этим мерзким зверям, – сказал он мне. – Квобах готов умереть, но не будет больше рабом». Не теряя времени, мы побежали прочь от сцены бойни, потом бродили до утра в лесах, когда наконец встретили отряд солдат из окружных казарм.

Мятеж продолжался три дня, и, как выяснилось впоследствии, ашанти Квобах был руководителем заговора. Его недавно привезли из Африки и продали мистеру Флоссу, по приказу которого негра несколько раз били плетью, чтобы смирить его нрав. Это было обычное обращение Флосса со строптивыми рабами. Бедняга! Оно стоило ему жизни. Доктор Максвелл тоже не пользовался популярностью у черных. Я вспомнил некоторые из его прошлых сентенций. «С ниггерами следует обращаться как с ниггерами», – было одной из максим несчастного доктора, которую я запомнил.

1817–1818 годы были отмечены многими другими бунтами негров. На Барбадосе, Тринидаде, Сент-Томасе белые жили в постоянном страхе перед возможной резней. Говорили, что мятежи поднимали некоторые из диких африканцев, которых контрабандным путем перевезли в британские колонии с испанских и португальских островов. Принятые законы о регистрации всех рабов соблюдались лишь на немногих островах.

Бразильцам так и не удалось захватить ашанти Квобаха. С несколькими сторонниками он бежал в дикие прерии и был либо убит, либо схвачен индейцами. Следует заметить, что в то время у повстанцев уже были флаги и они явно укрепились организационно. Не приходится сомневаться, что существовал какой-то план общего восстания рабов. Впоследствии мне говорили, что негритянский флаг обнаружили на Барбадосе. Это было трехцветное полотнище, на одном поле которого был изображен повешенный белый, на другом – черный вождь, стоящий над белой женщиной, на третьем – негр с короной на голове и сидящая сбоку красивая белая женщина. В то время полагали, что негритянские агенты с Гаити возбуждали мятежные настроения среди рабов как на континенте, так и на островах. Повстанцы Барбадоса жгли целые приходы, подобные опустошения совершались и на островах. В результате тысячи рабов были убиты, повешены или голодали в своих убежищах, многие сахарные плантации остались без рабочей силы. Все это повышало цену негров и улучшало рыночную конъюнктуру. Диего Рамос предсказывал более чем среднюю прибыль для нас в следующие двенадцать месяцев. К счастью, живой товар «Кабенды» был реализован до смерти мистера Флосса. Его векселя котировались в торговых домах Парижа и почитались за золото во французских факториях на реке Сенегал. До этого Франция запретила

работорговлю – на бумаге, однако ее граждане были не столь щепетильны или робки, как подданные его британского величества.

Мы снова бросили якорь в Рио-Понго в середине сезона дождей. Все было как прежде, хотя поселение удостоилось двух посещений британской эскадры, весьма активной у побережья в то время. Однако мой дядя выдержал испытание. Наши загоны для рабов были пусты, склады полны. Дон Рикардо показал португальские разрешения, которые предоставляли ему свободу вести работорговлю по его усмотрению. Более того, он вел дипломатическую деятельность другого рода. Он отправил одного из своих черных агентов на реку Конго, где попала в трудное положение британская исследовательская экспедиция, и умудрился выговорить там несколько льгот у местных вождей, что имело особое значение для британских исследователей. Этого было достаточно для наших легковверных соотечественников, и торговый дом «Виллено и К°», вместо того чтобы подвергнуться конфискации, приобрел еще большее влияние на африканском побережье.

У нас были сведения о британской суровости на реках Калабар, Конго и Гамбия, а также близ мыса Пальмас. Старую факторию Бангару на реке Конго ликвидировали, а ее американского управляющего по имени Куртис уволили в ускоренном порядке. Другой американец, по имени Кук, был переправлен в Сьерра-Леоне, а затем отослан в окопах в Портсмут. Близ поселения местного вождя Мунго Сатти уничтожили другую факторию и конфисковали около двадцати тонн слоновой кости. Британцы предприняли другие карательные меры, но как Нью-Тир, так и Рио-Бассо остались безнаказанными.

Мне было приятно почувствовать себя дома после жизни на корабле, но я заметил перемену в девушке-квартиронке Марине, как только бросил на нее взгляд. С ее щек сошел нежный румянец, а черные глаза, которые сверкали как звезды, были мрачными и полузакрытыми под длинными ресницами. Встречая нас, она слабо улыбалась, но вскоре тупела и становилась забывчивой. Донна Амелия в долине пальм тепло приветствовала меня, а дядя оставался в хорошем расположении духа с ней, самим собой и всеми другими.

За столом у дяди мы встретили двух незнакомцев – Педро Бланко, моряка из Малаги, и Бласа Ковадо, мексиканца. Первый скопил впоследствии полтора миллиона серебряных долларов на торговле в Африке и занял положение гораздо более значительное, чем положение дяди. И это было достигнуто в то время, когда почти каждое правительство стремилось к вооруженному подавлению работорговли. Что касается Ковадо, то он угождал всем и казался малодушным человеком. Он был доверенным лицом

моего дяди и, очевидно, пользовался его доверием.

Состояние Марины все более и более озадачивало меня. Я мало что мог вытянуть из старшей женщины, кроме того, что белая леди в долине пальм владела черной магией, которая заколдовала Марину. Я узнал также, что девушка проводила все время моего отсутствия в коттедже донны Амелии в качестве ее прислуги. Раньше я слышал о странном африканском расстройстве, широко известном как сонная болезнь, и внешний вид Марины в некоторой степени соответствовал некоторым ее симптомам. Но ее старая мама, знавшая об этой болезни, не верила, что она поразила ее дочь, и вскоре я убедился, что она права. Старая женщина утверждала, что Марина всегда возвращалась домой после посещения дома донны «заколдованной». Это насторожило меня, я порылся среди мелких принадлежностей туалета квартеронки и нашел доказательство того, чего опасался. Там имелся маленький пузырек, наполовину наполненный жидкостью, несколько таблеток, несколько маринованных манго. Все это было пропитано стрихнином.

Смертельное отравление девушки-рабыни, даже медленным ядом, было нередким явлением в Африке. И если бы Марина была одной из наших негритянок, подлежащих продаже, то ее потеря оценивалась бы лишь в долларах и центах. «Колдовство», в которое верила мулатка, было бы отнесено на счет какого-нибудь недоброжелательного раба, и все дело было бы забыто через день или два. Но мой интерес к квартеронке, как к бывшей любовнице дяди, вкупе с ее страстной любовью к нему и ее недавнему пребыванию в долине пальм дали мне основание делать предположения, и я решил обстоятельно расспросить Марину. На следующий день, однако, ее приступы возобновились и, несмотря на мои лекарства, усиливались. Она умерла через три дня. Мулатка обезумела от горя и пережила свою «заколдованную» дочь лишь на несколько недель. Дядя выразил изумление и явное огорчение, а донна Амелия не жалела слов сочувствия тому, что называла моей тяжелой утратой. После похорон Марины донна настояла, чтобы я жил в долине пальм. Приглашение поддержал дон Рикардо. С этого времени начались мои несчастья.

Когда я ближе познакомился с донной, то обнаружил, что она довольно образованна. У нее была отлично подобранная библиотека, она пленяла своей речью и хорошими манерами. Долина пальм вскоре стала для меня маленьким раем, несмотря на замечания Рамоса, что в ней обитал ангел и дьявол одновременно. И я убедился, что это правда, в течение недели со дня, когда стал там жить. Она могла соблазнить ангела, полагаю, и я стал глупцом и злодеем. Она клялась, что полюбила меня со дня первой встречи, но в ее глазах мелькало нечто заставлявшее меня чувствовать неловкость.

Временами она казалась безыскусной, как ребенок, но затем становилась коварной без всякой меры. Несмотря на ее двадцать лет, она была опытнее меня и моего дяди. Неудивительно, что мы оба были очарованы ею и оба обмануты.

Хорошая погода способствовала усилению активности в Нью-Тире и на всем побережье. Диего Рамос сходил на каботажном судне к реке Конго, и Педро Бланко с нашим добродушным голландцем совершили вояж в Сенегал на французском невольничьем корабле. К концу года возникла необходимость послать курьера в Рио-Бассо для приглашения одного-двух кораблей с целью освободить нас от большого скопления рабов, ожидавших погрузки в загонах Гамбии. Мой дядя не желал бросать прелести долины пальм, он послал курьером мексиканца Бласа Ковадо с секретными инструкциями. Тот оставил Нью-Тир на борту маленького шлюпа и вернулся в должное время, однако вместо того, чтобы привести невольничье судно, он явился на палубе британского крейсера, который бросил якорь напротив нашей фактории, высадил сто матросов и овладел местом от имени губернатора Сьерра-Леоне.

Это было как удар грома. Дон Рикардо мог едва поверить своим глазам, когда оказался вместе со мной и тремя другими белыми людьми, вызванным к капитану военного шлюпа его британского величества «Принцесса Каролина». Дядю обвинили в содержании рабовладельческого учреждения «вопреки миролюбию и достоинству правительства его величества». Он доказывал, конечно, свою невиновность и спросил, на каком основании британцы вторглись в факторию, над которой развевался португальский флаг.

– На том основании, – ответил британский офицер, – что вы не португалец, а гнусный английский беглец и бродяга работорговец!

Дядя отпрянул, и в его глазах мелькнул недобрый огонек, который я часто наблюдал в прошлом. Однако он проявил удивительную сдержанность.

– Можно спросить, что вы собираетесь делать в моем доме и под этим флагом? – поинтересовался он, указывая на флаг в нашем флагштоке перед верандой, где мы стояли.

– Сжечь дом и спустить флаг, – грозно ответил британский капитан. – Но сначала мы отошлем вас и ваших подчиненных на борт корабля! Эй, мистер Бейли, – продолжил он, обращаясь к гардемарину, – свяжите запястья этим разбойникам и отведите их к лодкам.

Молодой офицер козырнул. В ряду морских пехотинцев и матросов, выстроившихся на траве перед большой площадкой резиденции, прошло шевеление, когда дядя внезапно сунул руки под свою расстегнутую на груди синюю рубашку и достал два пистолета.

– Капитан, – произнес он сквозь стиснутые зубы, – я требую отменить приказание. Если ваш человек попытается надеть наручники на кого-нибудь из нас, я разнесу его мозги, даже если умру после этого!

Багровое лицо англичанина на мгновение побледнело, когда он увидел, что один ствол направлен в его грудь, а другой – нацелен на подчиненного. Выругавшись, он указал на мексиканца Бласа Ковадо, который как раз появился между двумя матросами.

– Веских доказательств достаточно, чтобы вас повесить! – выпалил он. – Он вам расскажет, что от загонов вашего Рио-Бассо не осталось ни одного камня, как не останется завтра утром ни одного камня от этого места, будь я проклят. Матросы, выполняйте свой долг!

Мы сразу поняли, чем обернулось дело. И как только британский офицер отдал свой последний приказ, прогремел выстрел из пистолета дона Рикардо. Он бросился в открытую дверь резиденции с криком: «Следуй за мной, Филип!» Ситуация была отчаянной, но мы побежали, преследуемые по пятам англичанами, которые рычали и подвывали, как гончие ищейки. Наше преимущество заключалось в знании троп, и мы почти достигли долины пальм, когда увидели, как с боковой тропы всего в сорока ярдах позади нас вышел десяток солдат. Их вел изменник, мексиканец Ковадо. Однако в это время мы были вблизи нашего убежища и могли позвать своих черных часовых. Мы еще не добежали до ворот, когда раздался залп матросов. Я почувствовал, как пуля царапнула мою щеку, и бросился стремглав через открытые ворота, полагая, что дядя следует за мной. Сразу после этого наш часовой-негр издал пронзительный крик, и я услышал выстрел мушкета. Быстро обернувшись, я увидел, как пошатнулся дон Рикардо с мушкетом часового в руке. Он выхватил ружье, когда пробежал ворота, пальнул по преследователям и прострелил голову изменнику-мексиканцу. В следующий момент мы закрыли и заперли ворота, обезопасив себя настолько, насколько позволял наш частокол. Затем я увидел, что дядю ранили. Пуля пробила его грудь справа, и едва я раскрыл руки, как он упал в них как подкошенный.

Рана дона Рикардо была опасной. Я понял это сразу, остановил кровотечение и перевязал ее, насколько возможно. Он ослабел, но к полуночи мог говорить, сообщив, что у него внутреннее кровотечение и он не выживет. Дядя говорил со всей горячностью и попросил меня обещать, что я возьму под защиту донну Амелию, даже ценой собственной жизни. Она обезумела, и мне следовало вызвать женщин-фула, чтобы увести ее. Затем дядя передал мне ключи от своего сундука и сказал взять оттуда деньги и бумаги. Вскоре после этого он начал бредить. Я вызвал Пабло подменить меня и отправился к донне Амелии передать ей то, что сказал

мне дядя. Она бросилась в мои объятия с поцелуями, ласками и клятвами, что никогда не бросит меня и что нам следует жить или умереть вместе. Она никогда не была столь прекрасной, как в эту ночь со своими растрепанными, но глянцевыми завитушками, струящимися по вздымающейся груди, и большими черными глазами со сверкающими слезинками. Но она оказалась более практичной, чем я, и вскоре повела разговор о необходимости бежать из долины пальм.

Мне не хотелось покидать дядю, но креолка убедила меня, что помочь ему невозможно и мы лишь рискуем зря, оставаясь здесь. С помощью Пабло я упаковал то немногое, что представляло ценность, включая бумаги моего дяди, и все наличные деньги, которыми располагал. Затем нагрузил пару наших негров племени крумен провизией и одеждой донны Амелии и отправился к прогулочной лодке, которая стояла в небольшой бухте в четверти мили от нашего убежища на защищенном против течения участке реки в двух милях от фактории. Здесь я оставил бразильца с четырьмя неграми и одной из девушек фула, в то время как сам вернулся за донной. Я не посмел войти в комнату, где дядя лежал в бреду под присмотром других женщин, но вынес на руках Амелию мимо пикетов позади. За мной следовали двое черных с другими вещами креолки. Затем мы добрались до баркаса, оборудованного для коротких прогулок по реке.

Лишь после полуночи мы отправились в путь с полудесятком гребцов кру (крумен) и двинулись вверх по реке при блеске звезд. Когда лодка пошла по реке, бразилец вспомнил, что мы оставили дона Рикардо. Я успокоил его, как мог, доказав необходимость ехать. На рассвете мы зашли в небольшой рукав реки и спрятались в густых зарослях осоки до наступления ночи, когда направились дальше к маленькой негритянской деревушке, где Пабло рассчитывал встретить людей дружественного вождя Мусси. Мы обнаружили селение покинутым, остались только старики и дети. Воинов вызвали на большую охоту за рабами внутри страны. Здесь, в просторных бамбуковых хижинах, мы и устроились. Креолке пришлось довольствоваться апартаментами менее роскошными, чем те, которые ей обеспечил мой несчастный дядя.

Мы отправили в каноэ на разведку одного из надежных туземцев кру. На следующий день он вернулся и сообщил, что наши склады, загоны для рабов и строения обращены в пепел. Не пощадили и коттедж в долине пальм, а Нью-Тир снова стал диким местом. Однако британский военный шлюп ушел, и вскоре мы оставили это место на каботажной шхуне, принадлежащей нашему торговому дому и прибывшей как раз вовремя.

Покинув реку Гамбию, мы двигались вдоль побережья сотню миль, пока не встретили французский бриг, направлявшийся в Сенегал. К этому

времени креолка взяла с меня обещание, что мы немедленно покинем Африку. Среди бумаг дяди я обнаружил наличность, банкноты Банка Англии на сумму восемь тысяч фунтов стерлингов и акцептированные векселя компании «Виллено и К°» в испанских и французских торговых домах на сумму около восьми тысяч фунтов стерлингов, которые в сочетании с моей наличностью в золоте составляли свыше восьмидесяти тысяч долларов. Я велел Пабло вести шхуну к фактории на реке Конго и ждать прибытия Диего Рамоса. Сам перешел на борт французского брига и вскоре добрался до Сенегала. Там нам удалось обнаружить бриг «Элиза», приписанный к Бордо. Он отправлялся к своим хозяевам с грузом африканских изделий. Я устроил каюту донне Амелии, которая сошла за мою жену под вымышленным именем Морильо. По прибытии в Бордо мы добыли паспорта испанских путешественников, а через десять дней оказались в Париже.

Во французской столице я первым делом занялся реализацией ценных бумаг дяди и через неделю перевел все в наличность, а на другой неделе начал ее тратить. Наши деньги были гораздо лучшей аттестацией, чем чины или титулы. Перед тем как мы прожили шесть недель роскошной жизни, у нас было много ссор. Креолка выработала столь сильный характер, какого я не ожидал. За семь месяцев мы потратили почти семь тысяч фунтов стерлингов, и большую их часть на экстравагантные фантазии донны Амелии. Промотали почти половину нашего состояния, однако, когда я напомнил об этом моей супруге, она рассмеялась. Тогда я стал настаивать на нашем отъезде из Парижа, и наконец она согласилась. Через шесть месяцев мы поселились на прекрасном ранчо поблизости от Матансаса на Кубе, которое я купил за двадцать тысяч испанских долларов.

Выращивание сахарного тростника было для меня незнакомым бизнесом, но у меня был опытный управляющий, и в течение нескольких месяцев дело наладилось так, как мне хотелось. Но неукротимый характер донны Амелии требовал перемен. Временами мы совершали поездки в Гавану, но она всегда возвращалась неудовлетворенной, пока, наконец, не открыла для себя новую забаву дома. Однажды, когда я вернулся из Матансаса, меня встретил мой кучер с испуганным лицом. На мое требование объясниться, он сказал, что моя жена избивает хлыстом его супругу, прелестную экономку, которая заведовала прачечной. Три дня назад женщина обидела донну Амелию и с тех пор подвергается порке каждый день в мое отсутствие. Сейчас женщина в тюрьме. Слово «тюрьма» заставило меня вздрогнуть, и я пошел к своей жене. Донна была в хорошем расположении духа и смеялась. Она сказала, что супруга кучера по беспечности порвала дорогой кружевной воротник и поэтому была наказана и заключена в

чулане, но этим вечером будет отпущена и вернется к мужу. Я закурил сигару и забыл об этом происшествии, пока через три дня мой кучер не бросился передо мной на колени и сказал, что его супруга мертва или умирает. Я был поражен и спросил, где несчастная женщина. Он повел меня в дворовую постройку, где я открыл запертый замок и обнаружил негритянку, лежащую абсолютно голой. У нее была содрана кожа на спине, а рана покрыта мухами. Она была прикована железной цепью к столбу. Рядом висел хлыст для рабов с запекшейся кровью. Цепь впилась в плоть женщины, ее бедра и живот покрылись язвами. Ее невозможно было спасти, и она умерла тем же вечером.

Меня шокировало известие, что рабыня была избита рукой самой донны Амелии до состояния, в котором я обнаружил жертву насилия. Моя жена приобрела привычку запирается со своей жертвой и бить ее до бесчувствия. По крайней мере, следовало установить число порок. Я сразу упрекнул ее в мягкой форме, сообщив о смерти женщины. Амелия расплакалась, поклялась, что рабыня оскорбила и спровоцировала ее. Она уверяла, что не помышляла о наказании, пока черная не перешла все границы недостойного поведения. Ее слезы и искренняя печаль наконец разжалобили меня, и я решил больше ничего не говорить.

У нас было много гостей. Донна устраивала концерты, танцы, прогулки на лодках и пела серенады. Среди прочих забав не была забыта игра в карты. Гости вовлекли меня в ее секреты, поживившись на моих проигрышах. В их числе был молодой человек по имени Де Соуза, который отрекомендовался бразильским офицером императорской гвардии Педру I, но, мне кажется, он был мулатом. Де Соуза постоянно сопровождал донну Амелию и всячески стремился снискать мое расположение. Со временем я стал терпеть его возле себя до такой степени, что мы были партнерами в игровых поединках.

Однажды меня попросили осмотреть больную конголезку. Я обнаружил у нее приступы, напомнившие мне странную болезнь моей бывшей квартиранки Марины. Когда я спросил, что девушка ела, она показала засахаренные лаймы, которыми ее угостила госпожа. Я взял этот фрукт на анализ и вскоре обнаружил, что он был пропитан стрихнином, как и плоды манго, которые ела Марина перед смертью. Теперь не оставалось сомнений в дьявольском характере донны Амелии. Она явно получала удовлетворение от жестокости и преступлений. Потеряв способность думать или действовать, я предался обычному средству улучшения настроения, пока не утратил контроля над собой.

Что я делал дальше, не знаю, но пришел в себя, когда был за игральным столом с Де Соузой и другими партнерами жены. Впоследствии мне рассказали, что я играл всю ночь и жуликоватые партнеры показали мои

подписи на более чем двадцати векселях на общую сумму почти сорок тысяч долларов, или сумму, превышавшую стоимость моей плантации и всего, что я мог считать своей собственностью. Именно в это время моя жена проявила свой подлинный характер, обозвав меня пьяницей, проигравшим все. Я обвинил ее в ответ в убийстве, и она обезумела от ярости и страха. У нас состоялась ужасная ссора. Она созналась даже, что беременна не от меня, но от Де Соузы. Тогда я проклял бесстыжую женщину и выбежал из дома на поиски мулата. К счастью для него, мои поиски не увенчались успехом.

Через три недели я выздоровел в Гаване от жуткого запоя с менее чем сотней долларов в кармане и как раз тогда вдруг встретил моего дядю Рикардо с изможденным лицом и похудевшим, словно на последней стадии истощения. «Нам надо поговорить», – сказал он. И я последовал за ним, дрожа как лист, в комнату трактира у дамбы. Там он посмотрел на меня в упор и спросил, чего я заслуживаю. «Смерти! Собачьей смерти!» – ответил я испуганно, и, когда он схватил нож, я кожей ощутил его острие. Но дядя, видимо, изменил свое намерение и, закрыв лицо руками, разрыдался. Я опустился на колени и попытался поймать его руку. Сначала он отпихивал меня, но, когда я случайно упомянул имя Амелии, прислушался. Я не утаил ничего. Рассказал подробности последней сцены на нашей плантации Матансаса.

Дон Рикардо внимательно выслушал меня, а затем потребовал, чтобы я поклялся, что говорю правду. Я сделал это. Тогда он спросил, поеду ли я с ним к донне Амелии, и вскоре мы поспешили к моему бывшему ранчо. Ехали всю ночь.

Войдя на территорию плантации, я встретил раба, который тихонько провел нас в дом, освещенный свечами. В комнатах толпились мужчины и женщины, новые гости моего бывшего дома. Я оставался под апельсиновыми деревьями, но дон Рикардо пошел дальше и, переступив порог, пересек салун и подошел к дивану, на котором сидели донна Амелия с мулатом Де Соузой. Я видел, как засверкали его глаза, и слышал ее пронзительный крик, который последовал за выстрелом из пистолета. Дядя застрелился прямо в сердце».

Глава 13

КОНТРАБАНДА РАБОВ СТОЛЕТИЕ НАЗАД

«Раздавленный и отчаявшийся, с промотанным последним долларом своего нечестно нажитого богатства, я обратил свой взор на Африку как

место, где можно поправить свое положение. В Гаване мне делать было нечего, и я воспользовался первой же представившейся возможностью – наличием вакантного места медика или врача на испанской шхуне «Диана», отправлявшейся к реке Бонни. В заливе мы присоединились к четырем другим судам и занимались приемом живого товара в африканском поселении на берегу Бонни, когда нас атаковал британский военный корабль. Располагая отвагой и порохом, мы храбро защищались, пока не были вынуждены бежать. Многие из наших рабов попрыгали за борт в пасти акул, мне же с частью команды удалось сесть в одну из лодок и бежать в джунгли за поселением. Здесь нам помог укрываться некоторое время знакомый мне прежде вождь Калабара, пока британский крейсер не ушел со своими трофеями и не прибыл испанский бриг, взявший нас на борт. Это был «Боа Морте», в прошлом американский торговый корабль, которым командовал капитан Пьер Леклерк, креол из Санта-Доминго. Через десять дней после ухода крейсера «Боа Морте» загрузил товар и отправился в Пенсаколу во Флориде с девятьюстами рабами на борту. Я находился там в качестве внештатного врача.

Капитан Леклерк был вспыльчивым коротышкой, старым работником, который имел долю участия во фрахте. Моя койка находилась в кормовой рубке, так как все помещения были забиты черными. Каюта и трюм были превращены в палубы для содержания рабов и плотно забиты ими. Леклерк рассчитывал на солидную прибыль и располагал неплохим товаром. У него была сотня отборных негров и всего двадцать женщин. Всех их заклемили его именем по-испански, и, по его оценке, предприятие должно было принести ему чистую прибыль в восемь тысяч долларов – вполне допустимый вариант.

В первые несколько дней все шло хорошо, имелось всего три случая заболеваний – слабых проявлений лихорадки. Хинин снова поставил больных на ноги, однако акулы упорно следовали за нами, словно предчувствуя эпидемию. На седьмой день Педро, мой помощник, сообщил, что один из пациентов ослеп. Мы выгнали на палубу для физических упражнений половину партии рабов. Они танцевали и пели под ударами хлыста надсмотрщика, но были далеки от обычной живости. Капитан Леклерк жаловался, что еще не видел такой медлительной партии негров, тем не менее они все оказались здоровыми. На следующий день офтальмия, кажется, стала распространяться среди рабов, поскольку восемь из них ослепли, а еще через день число ослепших достигло девятнадцати. Капитан тоже заболел и слег в койку.

Болезнью капитана оказалась оспа, настоящий бич разорения. Вскоре с этой болезнью слегли еще два члена команды. Отвратить болезнь от рабов

было невозможно, и она овладела кораблем. Вскоре мы стали кормить трупами преследовавших нас акул и однажды извлекли из трюма шестьдесят тел. Команда воспротивилась этой работе, и нам пришлось полагаться на партии рабов, оттаскивавших груды мертвых тел от живых. Капитан Леклерк вскоре избавился от смертельной опасности, но оставался слепым.

В течение первой недели я спал в общей сложности всего десять часов, а у помощника имелось лишь шесть работоспособных матросов в команде. Нам приходилось взбадривать черных ромом, чтобы добиться их помощи в избавлении от трупов. Я тоже считал необходимым поддерживать себя настойкой опия и ликером, чтобы продолжать работу в этой ужасной обстановке. Помощник говорил, что если бы мы знали заранее, то могли бы спасти наш живой товар, отравив первых больных. Но кто мог предвидеть быстрое распространение мора. Некоторые из черных сходили с ума и ревели, как дикие звери. Вскоре те, которых мы поили спиртным, почти взяли контроль над кораблем. Помощнику пришлось застрелить одного из них, иначе этот парень мог бы задушить его.

17 ноября сильно штормило, и крышки люков были задраены, в то время как смерть собирала свою жатву внизу. Здоровье капитана Леклерка улучшилось, и он стал немного видеть. Ураган был страшным. Наш корабль бросало, как мячик, шторм гнал его всю ночь, но остались паруса целыми. Через три дня мы благополучно бросили якорь в заливе Пенсакола. Оставшихся в живых негров высадили на одной из отмелей близ устья реки Эскамбии, и здесь с помощью рабочих соседнего городка мы соорудили навесы для больных и приняли меры для чистки корабля гашеной известью и окуриванием. Как ни странно, мы спасли пятьсот девятнадцать из девятисот рабов.

После подведенных итогов мне предоставили возможность сопровождать одного из грузополучателей в поездке на суше, в ходе которой следовало продать негров. Караван под присмотром черных надсмотрщиков должен был выступить от реки Эскамбии и пересечь границу Джорджии, где часть наших диких африканцев смешалась бы с различными группами местных черных, и двинуться дальше, пока по дороге негров не распродадут поодиночке или по двое. В то время Соединенные Штаты ввели законы, объявляющие торговлю африканскими рабами нелегальной, но испанские владения процветали за счет обмена негров и мулатов. Флорида была колыбелью рабовладельцев, многие американские граждане богатели за счет покупки рабов в Гвинее и постоянной контрабанды их небольшими партиями в южные штаты.

Благодаря влиянию моего партнера я был гостем на многих плантациях по

пути, что дало мне возможность изучить практику рабовладения в цивилизованной и демократической стране по сравнению с Кубой и Бразильской империей. Я имел также возможность оценить влияние цивилизации на африканцев Конго и Ашанти после их контактов с Америкой на протяжении одного-двух поколений и сравнить их положение на американских плантациях с туземной жизнью в африканских джунглях.

Мы провели ночь на плантации у берега реки Окмалги в Джорджии. Наш хозяин мистер Олдс высказывался весьма откровенно по вопросу содержания рабов и особенно о местной практике обращения с «черными парнями», как их называли соседи. Недавно произошел случай, когда «парня» подвесили за запястья к дереву, привязав к ногам отрезок деревянных перил. Хозяин бил его до тех пор, пока бедняга не умер в мучениях. Негр подвергся наказанию по подозрению в мелкой краже, которую на самом деле совершил младший сын хозяина. Он впоследствии сознался в содеянном. Свидетельские показания раба против белого человека не были приняты.

В Каролине торговец неграми гнал свой караван по основным дорогам партиями. У него были загоны для рабов во всех крупных деревнях, где проводились аукционы. Количество мулатов было поразительно. Я видел на аукционах подлинно прекрасных квартеронок. Рабы выглядели хорошо ухоженными и сытыми, хотя были в рваной одежде или почти голыми. Мужчины носили рубашки из грубой полушерстяной ткани и брюки, а женщины – юбочки из льняной или хлопчатобумажной ткани. Все ходили без обуви. В их работе терялось много сил. Я видел, как группа черных все утро тащила при помощи двух волов бревно из реки, которое было необходимо для постройки дома неподалеку. В Рио-Бассо с такой рабсилой мы бы спилили десять деревьев и перенесли их куда надо.

В Виргинии находились самые старые плантации, и они были хорошо обеспечены рабами. Уважаемый господин во Фридериксберге на реке Раппаханнок говорил мне, что разведение рабов стало наиболее прибыльным бизнесом в этой части штата. Все фермы использовались как питомники для поставки на рынок молодых мулатов. За партиями негров обычно смотрели ирландские и шотландские надсмотрщики. В Виргинии, казалось, было такое же обилие негров, как и в Африке. На ферме возле Александрии я насчитал тридцать рабынь, готовых стать матерями, а хижины кишели негрятами различных оттенков.

В Филадельфии мы застали бриг, готовый отбыть к островам Зеленого Мыса с торговым рейсом. Это была «Аделаида», владельцем которой являлся старый шкипер по имени Блэкмор. Поскольку наш бизнес был завершен, я сделал ходку на этом судне. Мы произвели короткие остановки

в Санта-Круссе, на острове Тенерифе и через несколько дней провели переговоры с английским судном, нуждавшимся в воде, которой его снабдили. Судно шло к побережью Африки, и, поскольку у меня не было большого багажа, я смог получить себе должность на его борту и таким образом обеспечить себе прямой переход к побережью. Нуждавшийся бриг назывался «Чарльз», а его капитана звали Грэхем.

Когда мы приблизились к африканскому побережью, подул шквалистый ветер, который вызвал сильный шторм. У нас сорвало стены, а старый бриг дал течь, поэтому я должен был нести, в свою очередь, вахту у помпы. Поздно ночью мы с ужасным треском напоролась на риф, а штормящее море заставило нас заняться такелажом. К счастью, корабль не раскололся, и, когда наступило утро, мы обнаружили, что бриг перескочил границу рифов и быстро двигался к внутренней кромке мелководной лагуны. Вскоре поднялось солнце, и туземцы племени мандинго отчалили на нескольких каноэ от берега, чтобы подняться к нам на борт. Пока они растаскивали вещи на разбитом корабле, несколько человек и я сели в баркас и отправились к берегу. Когда мы его достигли, мое знание диалектов туземцев сослужило хорошую службу. Нам позволили отправить курьера на остров Горе, расположенный неподалеку, и через три дня к рифам прибыл шлюп с британскими солдатами. К берегу послали лодку за нами. По прибытии на Горе я обнаружил каботажную шхуну и отправился в ней к реке Бонни.

Среди невольничьих судов, выходящих тогда из Старого Калабара, был бразильский бриг «Глория». Я совершил в нем полдесятка рейсов, занявших почти два года с прохождением «воинской службы» между рейсами. Я так и не узнал, кто владел бригом. Это было прекрасное скоростное судно, и оно заслуживало лучших хозяев. Во время первого рейса на Калабар не прошло и недели, как я понял, что капитан и команда были башибузуками худшего пошиба. Отойдя от побережья, корабль превратился в полубедлам и полубордель. Наш капитан Руис и два его помощника являли пример порока. Они разделись и танцевали с черными рабынями, в то время как наш шальной кок-мулат играл на скрипке. Попыток установить дисциплину почти не было, ром и распутство правили бал. Вначале такая обстановка меня пугала, но привычка к спиртному, приобретенная со времени неудачной связи с донной Амелией, вскоре уравнила меня со всеми.

Между тем наши рабы, теснившиеся в трюме и каюте, а также в пристройках к бортам нашего судна, как селедки в бочке, содержались под закрытыми крышками люков вдвое больше положенного времени. Крики и стоны задыхающихся внизу бедняг вторили оргиям наверху. На восьмой день я сделал обход межпалубного помещения с мешочком камфары в

зубах, ибо смрад стоял невыносимым. Больные и умирающие были скованы вместе. Я видел, как беременная женщина рожала младенцев – прикованная к трупам, которые наши пьяные надзиратели не удосужились убрать. Молодым женщинам вначале жилось комфортнее, поскольку они допускались на палубу, чтобы составить компанию членам нашей команды. Я сознавал эту дьявольскую практику, но продолжал пьянствовать вместе с остальными. К концу перехода, который длился почти шесть недель, смертность убавила количество рабов, содержащихся в трюме. Туда была спущена часть женщин для компании мужчинам. Ссоры и драки, последовавшие за этим, удручали. Мужчины терзали и грызли друг друга в борьбе за порции рома, которые выделял наш капитан, и за обладание несчастными девками.

Наконец мы прибыли в Байю и высадили наш груз на берег. Во время рейса умерла почти треть рабов. После Баии мы зашли за грузом в Рио и далее отправились в Африку с теми же офицерами и командой.

На этот раз мы бросили якорь в небольшой реке, неподалеку от американской колонии Либерия. Капитан взял меня на берег со своим первым помощником и десятком матросов. Все были хорошо вооружены и трезвы. Взяли с собой несколько бочонков рома в качестве подарка негритянскому вождю Боцману, полухристианину. День провели пиршествуя в его деревне. Когда наступила ночь, вождь созвал несколько сот воинов, и мы сделали вылазку во владения черного племени, называвшегося квеахами. На них напали, когда они спали. Их бамбуковые хижины были сожжены, состоялась обычная бойня. Мужчин и женщин поубивали, юношей и девушек погнали к реке, откуда их переправили в трюмы «Глории».

На следующий день капитан Руис пригласил вождя Боцмана на большой банкет на борту брига. Старик болел, но пришел его сын с более чем двумя сотнями знатных туземцев. Выпили много рома и выкурили немало табака. Ром, благодаря моему врачебному искусству, был разбавлен настойкой опия. До ночи мы поместили всех негров под крышки люков и отчалили с бом-кливером. Весь наш груз обошелся не дороже подарка вождю дикарей.

Последний рейс «Глории» стал настоящим кошмаром. Мы держались от островов Зеленого Мыса южнее, без полезного груза, когда догнали португальскую шхуну и пошли рядом. Шхуна была заполнена рабами, и капитан Руис предложил атаковать ее. Команда под воздействием рома согласилась и вскоре захватила шхуну. Капитан прикончил единственного белого пассажира на борту, у которого, как мы обнаружили, было большое количество золотого песка. Португальца забили топориками по голове, а рабы и золотой песок перешли в собственность «Глории». Вскоре мы

бросили шхуну и продолжили свой путь со ста девяноста больными рабами в трюме, а на следующий день попали в шторм, который чуть не опрокинул бриг и привел негров в неистовство. Они попытались прорваться сквозь решетки. Руис, как обычно, был наполовину пьян и, подозревая мятеж, приказал матросам стрелять из мушкетов сквозь решетки, пока негры не утихомирятся. В результате этого нелепого приказа убили и ранили сорок туземцев, которых следовало выбросить за борт. Мы шли в Аккоа и сделали остановку в Папо, поселении дагомейского вождя, где обнаружили шестьсот черных, ожидавших испанского невольничьего корабля. Четыреста из них были куплены за золотой песок, отобранный у покойного португальского пассажира.

Едва мы пробыли в море двухнедельный период, как обнаружилось, что наша разгульная команда позабыла заменить морскую воду в небольших бочках, служивших балластом, которые следовало заполнить в Африке свежей водой. Мы брали воду из последних бочек, когда сделали это открытие, и ужас положения отрезвил капитана Руиса. Он приказал хранить ценный остаток воды за основной решеткой на корме и потребовал от меня выяснить, сколько нужно воды для команды и рабов. По моим подсчетам, восьмая часть пинты в день позволила бы нам продержаться до испанского Мэна. Решили, что для спасения живого товара в день нам следует давать рабам восьмую часть пинты, а команде – четвертую часть.

Затем для черных начались испытания хуже, чем смерть. Их страдания не прекращались. Вместо того чтобы опускать в трюм бочки с водой, по обыкновению, возникла необходимость выделять им воду дозами в полпинты. Самые дальние рабы от решетки не получали и капли воды и сходили с ума от жажды. Вскоре к их страданиям добавились лихорадка и оспа, за которыми смерть следовала так быстро, что за короткий срок по меньшей мере сто негров оказались прикованными к трупам. Капитан, а также команда и я пили много, но жажда и болезни сдерживали нашу распущенность. Обстановка ежедневно усугублялась, и наконец капитан Руис приказал задраить люки и поклялся обеспечивать нас обычным рационом и рискнуть запасом воды. В ту ночь мы кутили и утоляли свою жажду, пока негры внизу задохнулись. На следующее утро разразился шторм, который погнал нас нашим курсом со скоростью сто узлов, и через два дня Руис и четыре члена команды внезапно заболели. Их языки распухли и почернели, тела пожелтели, а через шесть часов они умерли. Следующим стал первый помощник, затем еще три члена команды и черный надсмотрщик, чья кожа покрылась желтыми пятнами. Я стал замечать странный, зловонный запах, распространявшийся на судне, и низкий черный туман на палубе, похожий на пар. Затем открылась страшная

правда. Мор вызвали негры, гниющие под крышками люков. Я наблюдал, как поднимается дымка смерти.

Тем временем болезнь поразила всех членов команды, кроме трех матросов и меня. Мы покинули «Глорию», сев в баркас, нагруженный остатками воды, мешком крекеров, бочонком рома, золотым песком и другими ценностями, которые смогли в спешке захватить с собой. Девять наших последних товарищей лежали мертвыми на палубе «Глории», и еще пятеро умирали. Через два дня блуждания по морю мы попали в течение и еще через три дня достигли Тортолы, одного из Подветренных островов. Мы высадились на рифы и были подобраны рыбаками.

Заболев на Тортоле, я расстался с сослуживцами на «Глории». Мы поделили золотой песок, добытый нечестным путем. Моя доля составила сто тридцать фунтов стерлингов, с которыми после выздоровления я сел на борт судна, идущего в Рио-де-Жанейро, и снова получил должность врача. Вел трезвую жизнь почти восемнадцать месяцев, в течение которых заработал три тысячи долларов частным порядком. Но неудачи снова обрушились на меня, когда я шел на борту испанской шхуны из Пуэрто-Рико и столкнулся с новыми несчастьями.

Это была «Пончекта», быстроходная шхуна, которая предназначалась для морских переходов и контрабанды живого товара на побережье Бразилии, позволявших избегать импортного налога в десять долларов за голову. У нас были бразильские документы, и нашей задачей стало доставлять грузы в различные реки и затем двигаться в Байю и являться «без полезного груза» или для «каботажного плавания». «Пончекта» оценивалась по имперской лицензии как судно водоизмещением сто тонн, но на самом деле оно исчислялось лишь в восемьдесят тонн. Это делалось в предвидении чрезвычайных обстоятельств, закон позволял лишь пять рабов на каждые две тонны. Воспользовавшись фальшивой мерой, мы могли запихнуть на 25 процентов больше груза, не нарушая закона.

«Пончектой» командовал испанец из Пуэрто-Рико по имени Антонио Мендес, старый моряк, занимавшийся контрабандой рабов. Мы взяли курс на поселение Бадагри в Бенинском заливе, в котором в то время (1828–1829 годы) процветала работорговля. Этот рынок снабжался, как правило, караванами, прибывавшими через территорию Дагомеи. От реки Вольты, на юг к реке Нигер и на север к реке Гамбии страна тогда увязла в войнах за рабов самого свирепого свойства. Дагомейцы, ашанти, фула, мандинго, шерброс, феллата и бамбарра охотились друг на друга, как дикие звери, и постоянно снабжали рынок рабами. Вскоре наше судно водоизмещением восемьдесят тонн имело семьсот рабов. Пока продолжалась загрузка, я посетил один из загонов, где из-за отсутствия покупателей были заключены

восемьсот больных или старых рабов. Они считались бесполезными неграми Бадагри, и, прежде чем мы отбыли, их посадили в каное, ударили дубинами по голове и выбросили за борт.

Наша шхуна была загружена сверх вместимости. Палубу пришлось оборудовать временными платформами или полками на высоте гакаборта, поверх которого туго натянули сетку, чтобы предотвратить выпрыгивание закованных рабов через борт. Идя по палубе, мы часто наступали на руку или ногу, торчавшие из-под нижнего яруса.

Около недели мы испытывали жестокий шторм, а во вторую ночь после этого я проснулся от грохота, словно обрушивался небесный свод. Спрыгнув с койки близ кормового трапа, я побежал к капитану Мендесу. «Спасайтесь, доктор! – крикнул он. – Бриг тонет. В нас врезались». Негры верещали с обоих бортов, матросы бегали взад-вперед, как полоумные. Не помню, как я влез в кормовую лодку, но оказался в ней вместе с капитаном и почти половиной команды. Шел сильный ливень, и мы гребли до рассвета. Штормовой ветер затих, но дождь лил, как из водосточной трубы. Все это время мы слышали визг рабов.

Когда забрезжил утренний свет, мы увидели с подветренной стороны «Пончекту». Ее палубы были почти вровень с поверхностью моря. Мы задержались рядом, пока через час корабль, полный рабов в наручниках, не скрылся под водой. С ним столкнулся по траверзу «Мерси», военный корабль из Ост-Индии, направлявшийся на Занзибар. После столкновения он задержался рядом, постепенно подобрал нас и высадил в Кахенде на побережье Гвинейского залива.

Гибель «Пончекты» вновь оставила меня без единого пенни, ибо таким я взошел на ее борт. В Кахенде мы застали несколько невольничьих кораблей под бразильским флагом, и капитан Мендес нашел место для себя и меня на борту брига, направлявшегося в Анголу, к португальскому поселению, губернатора которого знал Мендес. Там ему посчастливилось набрать команду на невольничью шхуну, которую губернатор посылал в Бразилию. Я занял на ней свое место врача и совершил рейс туда и обратно без каких-либо инцидентов.

В марте 1830 года мы прибыли на реку Галлинас, расположенную неподалеку от моей бывшей фактории в Рио-Бассо, и по высадке обнаружил, что местные процветающие фактории контролирует мой старый знакомый дон Педро Бланко. Он очень сожалел о смерти моего дяди. Педро ничего не знал ни о Диего Рамосе, ни о моем побеге с донной Амелией. Изменение моего имени скрыло все наши следы. Я был рад принять его предложение поселиться на берегу Галлинаса и занял должность полуклерка-полудоктора при доне Педро Бланко. Во время своего прежнего

знакомства с ним на Гамбии я был влиятелен и богат, а он – искатель приключений и пристанища. С тех пор я промотал состояние, а он накопил его.

Галлинас являлся местом содержания и рынком для торговли рабами, собранными со всех пунктов, которые распространились по гвинейскому побережью, а также на территории далеко на юг. Мое знание туземных диалектов представляло большую ценность для моего работодателя. Реку, по названию которой получило имя поселение, усеивало множество мелких островов. На некоторых из них возле моря, а также на берегах реки располагались фактории, загоны, жилые дома и склады. Успехи Бланко привлекли десяток других работорговцев и агентов, поселившихся здесь. Дон был для них чем-то вроде князя. В африканской манере он содержал гарем и свиту из домашних слуг, охранников и т. д., помимо клерков и надсмотрщиков при загонах для рабов. Я служил при нем шесть лет и за все это время совершил один рейс клерком, а другой – капитаном невольничьего судна.

Шхуна «Наполеон» была клипером, приписанным к Балтимору, водоизмещением девяносто тонн, стройным и скоростным. Она прибыла с Кубы без полезного груза, как новое судно. Шхуна совершила два успешных рейса, прежде чем я, по указанию дона Педро, занял на ее борту место помощника капитана и врача. Это случилось во время ее рейса на Кубу с двумястами пятьюдесятью рабами – взрослыми мужчинами, сотней подростков и женщин – для продажи на островном рынке. Груз подлежал передаче на консигнацию моему старому другу Гомесу и оценивался по номиналу. По расчетной средней цене стоимость каждого из трехсот пятидесяти рабов составляла 16 долларов, но в Гаване средняя рыночная стоимость составляла 360 долларов, что при условии благополучной доставки рабов давало чистую прибыль 120 400 долларов за весь груз. Из этой суммы следовало вычесть около 20 тысяч долларов, среднюю стоимость ходки клипера туда и обратно, включая комиссионные. Следовательно, рейс приносил сумму прибыли около 100 тысяч долларов. Таковы были огромные выгоды работорговли в 1835 году. Позднее, с учетом большего риска, средняя прибыль от успешного рейса еще более повысилась.

Перед отбытием у «Наполеона» появились некоторые проблемы. Рабы-мужчины, составлявшие груз шхуны, представляли собой свирепых воинов племени кассао народности фи, и торговцы спровоцировали жестокую войну с ними туземцев шербро-баттом. Мы доставили этих рабов на борт клипера с большим трудом, хотя цепь сковывала каждого из них от

лодыжки до шеи. При посадке в лодки некоторые из них попытались прыгнуть в море, и, чтобы они утихомирились, их пальцы зажали тисками. Эти воины были прекрасно сложены, а подростки и женщины – красивы и оживленны.

Мы развили отличный ход и собирались зайти на следующий день в Моро, когда на горизонте появился наш смертельный враг – британский крейсер, на всех парусах помчавшийся к клиперу. Время приближалось к закату, и мы были уверены, что сможем легко уйти от преследования. Однако крейсер оказался великолепным парусником и стал быстро нас нагонять. Капитана Мину охватило отчаяние, поскольку нам в паруса дул сильный бриз, и через несколько часов мы достигли бы пункта на острове, где благополучно бы выгрузили живой товар. Однако как раз в это время ветер резко ослаб, и утреннее море предупредило нас о приближении тропического урагана. Взяли паруса на гитовы, чтобы встретить ожидаемый торнадо, и очень скоро нас настиг душный шквалистый ливень. Небо и море окрасились в чернильный цвет. Дождевой фронт остановился примерно через час, но темнота сохранялась. Едва мы увидели огни бухты Матансаса, свет которых пробивался сквозь дымку, как внезапно меня осенила идея. Через десять минут наша команда уже села в лодки, тянувшие на буксире клипер рывками гребцов. Я занял место в ведущей лодке, правя к рифам и участку земли, который, как мне помнилось, окружал мою бывшую плантацию. Прежде чем вышла луна, наш клипер, поставив стеньги, благополучно стал на якорь позади деревьев.

То ли офицеры британского крейсера решили, что шхуна пошла ко дну, то ли приняли ее за «Летучего голландца», мы так и не поняли, но через несколько дней вошли в бухту с документами Пуэрто-Рико, и Гомес, наш грузополучатель, положил стотысячедолларовый кредит на счет Бланко. Пять тысяч долларов из этой суммы я получил в качестве чаевых, когда мы вернулись в Галлинас рассказать всю историю. Дон обещал сделать меня капитаном одного из кораблей.

Тогда полдюжета судов стояли на якоре в Галлинасе, среди них – два прекрасных американских корабля «Фанни Батлер» и «Венера» из Филадельфии, а также бразильский барк, которым я любовался с точки зрения его вместимости и мореходных качеств. Я предложил дону пойти на риск выгрузки живого товара в местечке Понта-Негра, между Байей и мысом Фрио, и он одобрил проект, суливший большую выгоду. Мы загрузили бразильский барк «Агила» пятьюстами двадцатью отборными рабами, и 6 сентября 1836 года я вышел из Галлинаса и направился в Бразилию. Это был мой первый рейс в качестве капитана, и я возлагал большую надежду на удачу.

«Агила» имела двести тонн водоизмещения, и я особо позаботился, чтобы ее хорошо дезинфицировали и снабдили достаточным количеством провизии и воды. Ничто не предвещало беды. Каждый день я поднимал вверх по очереди группы рабов, чтобы они под присмотром надзирателей пели и плясали. Я постоянно заставлял их обливать друг друга холодной водой из ведер, хорошо кормил рисом и ямсом. Промежуточный переход был благополучно завершен, и, увидев бразильское побережье, я взял курс на Понта-Негра для выгрузки товара. Зная это место по посещениям его с капитаном Мендесом, я выбрал хорошую якорную стоянку у рифов. Мы с помощником подошли к берегу, оставив лодку в защищенной протоке. Прошли пол-лиги к красивому коттеджу повидать дона Феликса, известного контрабандиста, с которым в прошлом я познакомился. Он принял нас с бразильским гостеприимством, устроил роскошный ужин, после которого мы пошли в его обсерваторию выкурить сигары. С высоты открывался чудный вид на залитый лунным светом океан и побережье, но самым интересным для меня объектом была «Агила», стоявшая на якоре с грузом, который обещал снова сделать меня богачом.

Дон Феликс пыхтел сигарой и потягивал вино полчаса, перед тем как мы заговорили о деле. Я глядел на свой корабль, когда увидел вдруг яркую вспышку, а в следующий момент воздух разорвал взрыв. Столб дыма и пламени поднялся из воды и повис черным облаком, прежде чем опуститься. Когда дым рассеялся, моего корабля больше не было видно. Взорвался его пороховой погреб, и все, кто был на борту, погибли, кроме одного искалеченного матроса, которому удалось добраться до берега.

Прошло три месяца, прежде чем я смог оставить свою койку в больнице дона Феликса. Удручающий взрыв означал для меня крах. Лишь через год я ощутил в себе способности предпринять короткий рейс. Мне, однако, надо было бороться за средства к существованию, и в 1838 году я еще раз вернулся на африканское побережье в качестве переводчика группы работорговцев, которые замыслили посетить африканских вождей в их главных поселениях во внутренних областях. Их было трое, помимо меня. Мы отправились из Рио и высадились у мыса Аполлония на Золотом Берегу. Здесь мы наняли проводников и носильщиков, двинувшись через страну народности фанту к Ашанти и встречая на пути черных торговцев рабами.

Когда мы добрались до Кумасси, вождь ашанти Квако Дуах отсутствовал еще три дня после нашего прибытия. Однако он распорядился, чтобы с нами хорошо обращались и охраняли наши товары. К нашему прибытию на большом рынке собрали, должно быть, более двадцати пяти тысяч человек. Вокруг ходили с важным видом сотни хорошо одетых, знатных лиц.

Каждый из них носил золотые браслеты и амулеты большего размера, чем оковы рабов. Когда переводчик вождя позвал нас, он был удивлен моим знанием языка ашанти.

Рано утром на следующий день нас разбудили удары в боевой барабан, возвещавшие жертвоприношение людей ашанти. Нам сказали, что для этого выставлено пятьсот мужчин, девочек и подростков. Вскоре мимо наших хижин прошла процессия жертв. Одному бедняге пронзили ножом обе щеки и обрезали уши, которые свешивались с лезвия ножа и рукоятки. Под лопатками, сквозь сухожилия, ему вонзили длинное копьё и так вели, как истекающего кровью вола. За ним следовала совершенно голая женщина, обе груди которой были гладко срезаны, а бедра и живот усеяны стрелами. Другая девушка шла позади с грудями, пронзенными ножом. Сквозь ноздри девушки продернули шнурок, за который ее вели. Изобретательность мучителей не знала границ.

На следующий день мы присутствовали на кровавом жертвоприношении и встретились с вождем ашанти. Он сидел в позолоченном деревянном кресле, посреди своей знати. Бархатные зонтики с огромными медными рукоятками, как балдахин, закрывали их. Вокруг выстроилась свита из стражников и слуг, державших золотые мечи, серебряные и золотые блюда, курительные трубки и шелковые флаги. Выставленные сокровища варваров слепили взгляд. Это было богатство вождя ашанти, накопленное на огромные доходы от работоторговли. Переводчик сообщил, что вождь продал свыше десяти тысяч рабов с последнего сезона дождей, чуть больше пяти месяцев назад. И это помимо стольких же убитых негров во время охот за рабами и жертвоприношений.

После встречи с вождем мы последовали за величественной процессией во дворец. До того как мы его достигли, начались стрельба из мушкетов, битье в большой барабан и ажиотаж среди черных. Кровавая оргия наступила, когда огромный дикарь вышиб большой дубиной мозги у жертвы. Для сбора крови держали тыкву, сердце жертвы вырезали ножами и поднесли вождю. Я слышал, что вождь обычно хватал зубами окровавленное сердце, но в этот раз от этой особенности церемонии отказались. Некоторые воины, однако, пили кровь несчастного из тыквы, в которую она была собрана. Не решусь описывать остальную часть противоестественного жертвоприношения. Это была беспорядочная бойня. Головы и части тела отсекались или отпиливались тупыми ножами и насаживались на шесты. Тела мужчин и женщин расчленялись и таскались по округе и наконец скармливались собакам. Так выглядело жертвоприношение в Кумасси.

Мы оставались там десять месяцев, обговаривая сделки по приобретению рабов, затем двинулись дальше в глубь живописной страны. Сезон дождей

провели в португальском поселении на реке Кашеу, а в сентябре 1839 года отправились в Дагомею. В столице Абомее вождь собрал своих колдунов и устроил большой пир. Торговцам было продано четыре тысячи рабов. Мы купили и подвергли клеймению семьсот рабов, отправив их караваном в большой загон Виды. Сотню из них составили амазонки, то есть воины-женщины гвардии вождя, принимавшие участие в мятеже и наказанные за это продажей в рабство. Это были хорошо сложенные, сильные женщины, здоровье которых окрепло во время несения воинской службы.

Когда мы прибыли в Аюдах, или Виду, меня ждал сюрприз. Крупного работорговца, организовавшего в этом месте свое предприятие, называли Ча-Ху. Я сразу узнал в нем своего старого друга и кубинского врага Де Соузу, бразильского креола. Он тотчас меня окликнул и после короткого разговора пригласил пообедать. Я принял приглашение, и обед превратился в настоящую оргию. У него был дом, похожий на дворец, и там он содержал гарем, заполненный женщинами со всего света. Он предлагал мне взять в займы жену, пока я оставался в Виде. «Можешь взять француженку, испанку, гречанку, женщину с Кавказа, англичанку, голландку, итальянку, африканку или американку, – говорил он, посмеиваясь. – Или предпочтешь старую любовь, донну Амелию?» Я вздрогнул, но он повторил имя. «Да, да, – продолжал Ча-Ху, – она здесь, правда, признаюсь, в довольно подавленном состоянии. Я не встречался с ней год или два. Советую тебе выбрать моложе». На этом наша беседа закончилась. Итак, Амелия, красивая беспринципная женщина, стала наложницей в серале Ча-Ху, смешавшись с черными, белыми и цветными женщинами. Отвергнутая, полузабытая любовница. Удивительно, что она не отравила его раньше.

Я покинул Виду и вернулся в Бразилию в компании работорговцев на борту большого корабля, который вез тысячу черных. В пути мы потеряли только восемьдесят человек. По прибытии мне предложили, к моему вящему удовлетворению, постоянную должность в торговой компании. Мои функции заключались в надзоре над питомником для рабов, или фермой для откорма негров, которые по прибытии утратили товарный вид. Их привозили на ферму в фелюгах, для «врачебного освидетельствования» на предмет пригодности для рынка. Большая часть из них по прибытии представляли собой живые скелеты, часто они падали замертво в загонах или дворах. Некоторые болели офтальмией, другие – золотухой, третьи страдали безумием. Большинство мучилось дизентерией, они требовали деликатного обращения для их спасения. Мы теряли в среднем около 40 процентов от всех негров, прибывших на ферму. Владевшая ею акционерная компания учредила агентства вдоль побережья с промежутками на расстоянии две тысячи шестьсот миль и контролировала

обширную торговлю контрабандным живым товаром. Штаб-квартира компании располагалась в Пернамбуку.

Я оставался на службе компании семь лет, пока не заболел лихорадкой и чуть не умер. По выздоровлении перевелся в другое учреждение на одном из островов (Ислас-де-ла-Баия) близ побережья Гондураса в Мексиканском заливе. Там располагались загон для рабов и ферма, куда свозились грузы в американских клиперах из загонов для рабов близ африканского мыса Месурадо. Негры высаживались под видом колонистов, и компания имела разрешения центральноамериканских властей. У нее в Рио-Гранде в Техасе был филиал, который был расформирован, а имущество перемещено после того, как вспыхнула война между Соединенными Штатами и Мексикой.

Сборный пункт на нашем острове был прекрасно оборудован для этой цели, располагаясь близ континента, с удобными якорными стоянками на океанском побережье. Наша ферма и питомник находились в центре острова, на берегу судоходной протоки. Здесь мы получали черных и сажали их на сельскохозяйственные работы и производство товаров для африканского рынка, для обмена на их соотечественников. Их научили тараторить на ломаном испанском и английском, приучали к дисциплине, хорошо кормили и лечили. Я не заметил страданий между ними, поскольку целью компании было приводить их в наилучшие рыночные кондиции.

Акционерная компания имела связи с ведущими американскими и испанскими торговыми домами. Наш остров почти еженедельно посещали агенты с Кубы, из Нью-Йорка, Балтимора, Филадельфии или Нью-Орлеана. Во время Мексиканской войны у нас было около тысячи шестисот рабов в хорошем состоянии, их постоянно подвозили и принимали. Акклиматизировавшихся и подготовленных рабов переправляли в Техас, по суше, а также на Кубу, на судах. Так как каждая партия не превышала полудесятка, перебросить их в Соединенные Штаты без огласки и даже без подозрений не представляло труда. Единственный негр, посланный специальным агентством до Саванны, оправдал все издержки на себя и принес 50 процентов прибыли на рынке. Плантации Ислас-де-ла-Баия еженедельно слали своих питомцев на архипелаг Флорида-Кис. Рабов переместили в большие американские болота и содержали там, пока они не потребовались для рынка. Сотни также были проданы как беглецы, схваченные в дебрях Флориды. Мы имели агентов в каждом рабовладельческом штате, а наши каботажные суда строились в Мэне и выходили оттуда груженые лесоматериалами.

Моя связь с островом прервалась в 1853 году, когда я прибыл в Балтимор по делам, связанным со сборным пунктом. Со мной была значительная сумма денег для нью-йоркской фирмы, которая производила товары для

африканской торговли. В Балтиморе я впал в запой, длившийся неделю. Когда пришел в себя, оказался в дешевой ночлежке в Феллс-Пойнте без единого доллара в кармане. В беспомощном состоянии меня определили в работный дом как бродягу. Оттуда я отпросился в Филадельфию, а затем в Нью-Йорк, чтобы закончить там свой несчастный жизненный путь. Да простит меня Бог за преступления и смилостивится в дальнейшем».

Глава 14

РЕЙСЫ НЕВОЛЬНИЧЬИХ СУДОВ ИЗ РОД-АЙЛЕНДА

Ньюпорт в Род-Айленде был в XVIII веке хорошо известным портом работорговли, Бристоль не отставал от него. Тогда торговля неграми и ромом считалась делом весьма достойным и легитимным. Хотя рейс к побережью Африки был крайне опасным, тем не менее успех сулил большую прибыль, и торговля продолжалась еще долго после американской революции. Судовладельцы и производители рома, часто совмещавшие и ту и другую деятельность, находили в такой торговле выход для своей деловой активности, а проповедник и филантроп усматривали в ней средство христианизации расы, погрязшей в пучине варварства. Один весьма уважаемый старец, чьи «предприятия» по приобретению рабов обычно завершались успешно, всегда произносил молитвы в воскресенье после возвращения невольничьего корабля в бухту Ньюпорта. Их суть состояла в том, «что всемогущее Провидение было радо доставить на свободную землю еще один груз погруженных во мрак язычников, которые могли воспользоваться заветами Евангелия» [30 - Mason G. The African Slave Trade in Colonial Times, in The American Historical Record. Vol. I. Philadelphia, 1872.].

Прежде некоторые из наиболее уважаемых и богатых купцов Ньюпорта, Бристоля и Провиденса активно занимались работорговлей, которая обычно осуществлялась небольшими судами водоизмещением не более пятидесяти – семидесяти тонн, так как считалось, что малые суда более прибыльные. Первый этап рейса заключался в переходе судна из порта отправления с грузом слабо очищенного рома Новой Англии, а также небольшого запаса железа, ткани и бижутерии для бартерного обмена у гвинейского побережья. Когда был обеспечен груз рабов, совершался «промежуточный переход» в Вест-Индию, и живой товар обменивался на бочки мелассы, которые доставлялись в Род-Айленд для очищения в ром, и, таким образом, переходы в оба конца продолжались многие годы.

В торговле использовались шлюпы, бригантины и шхуны, редко –

фрегаты, и для оборудования таких судов требовались усилия торговцев, плотников, столяров, маляров, конопатчиков, мастеров, изготавливавших паруса и такелаж. Это публика, которая вместе с матросами составляла население северных морских городов. Ими правили в социально-коммерческом отношении самые богатые купцы-судовладельцы [31 - Crane V.W. A Rhode Island Slaver. Providence, 1922.]. Имелось также большое количество малых судов, совершавших рейсы от Вест-Индии и обратно с грузами мелассы, какао, краски индиго и кофе, а из Каролины вывозился необходимый запас товаров для обмена.

Меласса составляла важнейшую особенность работорговли, которой требовался ром как средство бартерного обмена на рабов. Без мелассы не могло быть рома Новой Англии. Иногда спрос на мелассу сильно увеличивался, не обеспечиваясь в полной мере. Летом 1752 года купец из Ньюпорта писал судовладельцу:

«Мы с сожалением узнали, что вы приказали своему шлюпу идти сюда в ожидании погрузки в него рома в течение примерно пяти недель. Не можем порадовать вас возможностью обеспечения таким количеством рома в эти три месяца, ибо так много судов загружается для рейсов в Гвинею, что мы не в состоянии обеспечить даже одной бочки рома за наличные... Недавно мы побывали в Нью-Лондоне и во всех портовых городах побережья для закупки мелассы, но не могли приобрести ни одной бочки» [32 - Mason G. Op. cit.].

Стоимость очистки в то время составляла пять пенсов за галлон, и, как ожидалось, хорошие дистиллеры обменивали галлон на галлон. Число действующих винокуренных заводов почти не поддается воображению. В Ньюпорте их насчитывалось не меньше двадцати двух. В 1750 году ром был «главным продуктом» производства в Новой Англии, и примерно в то же время пятнадцать тысяч бочек мелассы ежегодно превращалось в ром в одном Массачусетсе. Благодаря рому Новая Англия вела выгодную торговлю с индейцами, ром послужил также сохранению рыболовства. В торговле с Гвинеей ни один товар не мог заменить ром. Вот что писал на эту тему своим судовладельцам в Ньюпорте в 1740 году капитан Джордж Скотт:

«Мы покинули Анамабо 8 мая, когда большая часть команды и рабов были больны. Потеряли 29 рабов. Купили 129. Пятеро распухли, что с ними будет, не могу сказать. Израсходовали треть сухогруза и две бочки рома... Я сожалел сотню раз, что вы купили сухой груз. Если бы мы отложили две тысячи фунтов стерлингов на ром, хлеб и муку, можно было бы купить на них больше, чем на все сухие товары».

Возьмем для примера один из невольничьих кораблей Ньюпорта,

бригантину «Сандерсон», капитаном которой был Дэвид Линдсей, собственником – Уильям Джонстон, и последуем за ним в рейс туда и обратно. Это было судно с широкой кормой, водоизмещением всего сорок тонн, построенное в Портсмуте и приписанное к Род-Айленду в 1745 году. Его команда состояла из капитана, двух помощников и шести матросов. Врача не было. Груз включал 8220 галлонов рома, 79 брусков железа, муку, рис, нюхательный табак, чайники, деготь, кроме того, кусковой и коричневый сахар, вино, уксус, а также масло, свинину, говядину, табак, сундук рубашек, 3000 шестов, обычный набор наручников, кандалов и т. д. Груз застрахован на сумму 100 долларов в Нью-Йорке под 18 процентов.

28 февраля 1753 года капитан Линдсей писал судовладельцу из Анамабо: «У меня остались на борту 13–14 бочек рома. Один Бог знает, когда я от них избавлюсь. Торговля идет вяло, обстановка скверная. Мой старший помощник после четырех-пяти ходок в лодке заболел и все еще плох. Тогда я послал мистера Тэйлора. Он еще не выздоровел, и три человека еще заболели. Буду рад, если благополучно вернусь домой с рабами, ибо судно долго не протянет. Мы глядим на дневной свет, собравшись на носу под палубой. Здесь лежат капитан Гамлет, Джеймс Джемсон, плотник Батлер и Линдсей. С Гарднером все кончено. Вот что такое перевозка рома. Я послал юнгу к жене».

Капитан Линдсей дошел наконец до Барбадоса, несмотря на то что его судно дало течь. 17 июня он писал судовладельцу, что благополучно прибыл за десять недель из Анамабо с пятьюдесятью шестью рабами на борту, «все здоровы и сыты. Потерял малый гафельный парус». Рабы были проданы более чем по 30 фунтов стерлингов за каждого. С вычетом пошлин и комиссионных чистая прибыль составила 1324,03 фунта стерлингов. На Барбадосе бригантина приняла на борт пятьдесят пять бочек рома, три бочки и двадцать семь бочонков сахара. Капитан Линдсей получил в Ливерпуле балансовую ведомость для судовладельца. Прибыв благополучно в Ньюпорт, он 19 июня 1754 года снова отбыл к африканскому побережью, на этот раз на борту недавно построенной шхуны «Сьерра-Леоне» водоизмещением сорок тонн. На ее борту он совершил рейс туда и обратно в течение десяти месяцев. Об этом его судовладельцы писали: «Возвращение Линдсея весьма похвально, хотелось бы избегать столь трудных рейсов».

Не все капитаны, ходившие к побережью Гвинеи, были так же удачливы, как Линдсей. Капитан Джордж Скотт в апреле 1740 года отправил письмо в Анамабо своему судовладельцу из Ньюпорта:

«Я был не очень здоров в течение пяти недель, что сделало наш рейс слишком медленным. Сейчас я, слава богу, выздоровел. Теперь у нас болеет

пять человек, а один негр так плох, что не выживет. Я душевно устал от рейса, все складывается вопреки моему решению предпринять поездку. Поскольку мне нездоровилось, на борту распоряжался мой старший помощник, а второго помощника я послал на баркасе торговать на подветренной стороне. Он не поднимался вверх по реке четыре дня, пока не нанял каноэ и не послал его с золотом, взятым у меня на товары, без моего приказа. И немедленно отозвал каноэ назад без товара. На обратном пути каноэ перевернулось. С берега на них напали черные, взяли их в плен и заковали в оковы. Там, где черные держали лодку и помощника, раб, которого он купил, выбрался из лодки с двумя унциями золота и бежал. Мне пришлось ехать на шлюпе и заплатить лучшими товарами на тридцать два фунта, прежде чем они отпустили помощника. В общем, я потерял на этой операции, по глупости помощника, почти триста фунтов. Уверен, что он не сможет этого возместить.

Я купил у голландца рабов и товары за золото. Думал продать их французам. Вскоре, однако, мои рабы заболели дизентерией, из-за чего не мог продать их. Трое из них умерли, еще трое очень плохи. Остальные рабы здоровы и в хорошем состоянии. Сейчас их у нас около сотни, зато нет золота. Думаю купить еще двадцать человек и покинуть побережье. Время года не позволяет оставаться дольше. Любая провизия очень дорога и скудна. Пресная вода обходится в десять шиллингов в день. Схожу к Шаме, заправлю судно пресной водой и отправлюсь в море с тем, что купил. Каждый раб, которого мы обмениваем здесь за товары, имеет начальную цену 12 фунтов стерлингов. Наши рабы большей частью крупной комплекции – 60 мужчин и юношей, 20 женщин, остальные подростки и девочки, но трое из них четыре фута роста» [33 - Mason G. Op. cit.].

Шлюп «Эдвенче», капитаном которого был Роберт Чэмплин, а владельцем Кристофер Чэмплин из Ньюпорта, вышел из последнего 25 октября 1773 года, взяв курс на Сьерра-Леоне и Золотой Берег с миссией приобретения рабов. Помимо капитана на его борту было десять человек, включая двух помощников, бондаря, кока, югу и пять матросов. На вооружении шлюпе имелись: пара вращающихся орудий и сто зарядов крупной картечи; двухкамерные замки с секретом; «двенадцать парных наручников и кандалов»; лодка в двадцать один фут длины; двадцать шесть галлонов уксуса для промывки межпалубного помещения для рабов; сундук, набитый хиной. Большую часть груза составлял ром, произведенный в Ньюпорте.

Инструкции судовладельца обязывали капитана вместо непосредственных сделок с туземцами торговать, насколько возможно, в факториях: «Тратить время у побережья для развлечения с черными противоречит целям рейса». Оказалось, что местные племена воюют друг с другом и торговля рабами не

ведется. В факториях цена на рабов составляла 140–160 галлонов рома за голову. На Подветренном Берегу покупали рис, но не рабов. Полностью загрузились товаром только после четырех месяцев крейсерства и торговли. Рынок для живого товара был найден в Гренаде, по 35–39 фунтов стерлингов за голову. Обратным рейсом везли мелассу. Судовладельцы рассчитывали на чистую прибыль около 23 процентов, или 400 фунтов стерлингов [34 - Crane V.W. Op. cit.].

Типичным рейсом невольничьего корабля из Род-Айленда в позднейшее время предстает рейс корабля «Анна» под управлением капитана Джонатана Деннисона, который вышел в море из Бристоля 24 июля 1806 года в Кейп-Кост-Касл на Золотом Берегу с грузом рома, бренди, джина, вина и британских товаров. Эти товары следовало обменять на рабов, подлежащих вывозу и продаже в Монтевидео. На добытые прибыли следовало совершить обратный рейс, закупив воловьих шкуры, вяленую говядину, сало и другую продукцию. Владельцем «Анны» был Джеймс де Вольф из Бристоля, и его инструкции капитану, изложенные в письме, точно выполнялись до тех пор, пока корабль не дошел до Рио-де-ла-Платы, где он был захвачен 15 ноября 1806 года британским военным кораблем «Леда», затем порт Монтевидео был блокирован. «Анну» отвели к мысу Доброй Надежды, где 7 сентября 1807 года суд адмиралтейской юрисдикции постановил, что корабль должен быть возвращен после оплаты расходов. Однако [королевский](#) стряпчий подал апелляцию, и в следующем январе лорды-уполномоченные, заседавшие в Совете палаты в Уайтхолле Лондона, отменили приговор, постановив, что корабль и груз должны быть законными призами [35 - Краткое изложение этого случая было напечатано в Лондоне в интересах лордов-уполномоченных, заседавших в качестве Совета по апелляции, и из одного из этих редких оригиналов изложения, принадлежащего Обществу морских исследований, взят сопутствующий отчет о данном рейсе.]

Корабль «Анна» был построен в Дейтоне, Массачусетс, в 1804 году, имел две палубы. Его ширина составляла 27 футов, высота борта судна – 13 футов 6 дюймов, а водоизмещение – 309 тонн. У корабля была широкая корма, не было ни галерей, ни носового украшения. На его борту находились команда из двадцати двух человек и четыре орудия. Инструкции судовладельца состояли в следующем:

«Бристоль, Род-Айленд, 18 июля 1806 года.

Капитану Джонатану Деннисону

Сэр, в связи с тем, что вы подрядились совершить рейс в Африку на борту принадлежавшего мне корабля «Анна», мои указания состоят в том, чтобы

вы как можно быстрее шли прямо в Кейп-Кост. Вели торговлю в этом месте и поблизости, купили столько сильных здоровых и молодых рабов, сколько позволяют ваши средства, посредством бартерного обмена с туземцами вашего наличного груза. По завершении дел в Африке вам належит идти в Монтевидео в Южной Америке, там выставить своих рабов на продажу и купить для обратного рейса воловьей шкуры, вяленую говядину, сало и другую продукцию страны, которая, на ваш взгляд, принесет хорошую прибыль. По завершении там дел вам надлежит вернуться, возможно быстрее, в свой порт.

Ваш друг и судовладелец, сэр,

Дж. де Вольф» [36 - Джеймс де Вольф, крупный судовладелец, подвизался в свое время в работоторговле. Впоследствии занялся другими видами торговли и каперством, скопил значительное состояние. Он представлял свой город в Законодательном собрании Род-Айленда почти тридцать лет и входил в сенат Соединенных Штатов.].

Груз «Анны» состоял из нижеследующих товаров;

184 бочки, 26 бочек емкостью 200 литров;

29 бочонков и 4 полубочонка нового рома;

16 ящиков белого вина, 6 бочек мелассы, 3 ящика шляп, [ящик](#) батиста-кембрика, 6 бочек селетки, 10 баррелей масла, 2 бочки джина;

4 именных бочонка, 3 бочки табака, 20 бочонков масла;

28 комплектов шелковых шляп, 6 комплекта таких же хлопчатобумажных шляп, 2 образца детских вышивок;

20 кастрюль и чайников, 20 железных брусков весом 102,2 фунта, 23 бруска американской стали весом 100 фунтов;

2043 фунта ветчины, 8 бочонков бренди, 80 бочек соли, 5 мер угля, 3 бочонка пива портер;

6 тюков индийских товаров, 2 коробки набивного ситца, [чемодан](#), 30 метровых досок, 1118 весел, 17 тысяч бочарных клепок, 1200 фарфоровых изделий, бочонок белого вина, 1 тюк муслина и корабельные запасы для рейса.

«Анна» отбыла из Бристоля 24 июля 1806 года и достигла побережья в начале сентября. Из вахтенного журнала корабля узнаем, что через сорок шесть дней перехода 8 сентября он уже находился близ Фриско. Первая часть дня была пасмурной, но затем стало тихо и ясно. Каждый час бросали лот и обнаруживали от двадцати шести до тридцати двух фатомов глубины. В одиннадцать утра к судну подошел в каное вождь Петер.

На следующий день в четыре утра задул легкий бриз, поставили лиселя. В это время корабль отстоял от берега на четыре лиги. К нему снова подошел

на каноэ вождь Петер и сообщил капитану, что он находится у Списко. Ему спустили через [борт](#) бутылку рома. Утром увидели стоящие на якоре в Лахо два корабля, вероятно занимавшиеся покупкой слоновой кости. Видели много каноэ с рыбаками.

На следующее утро, 10 сентября, легкий ветер сохранялся, мы шли против ветра, поэтому поставили все паруса. После полудня заметили судно с парусным вооружением шхуны, идущее вдоль берега под английским флагом. Предположили, что это был один из кораблей, который дрейфовал у Джек-Лахо. В три часа подошло каноэ из небольшого поселения Жак, капитан «дал ему бутылку рома и послал его на берег». После полудня все время дул благоприятный бриз, но прекратился на закате. Промер показал тридцать– сорок фатомов глубины.

11 сентября утром корабль вышел на траверс Малого Бацама. Мы увидели стоящие на якоре фрегат и бриг. Фрегат снялся с якоря, прошел некоторое расстояние и отвернул от берега, чтобы переговорить с «Анной». Фрегат был под испанским флагом, но вскоре послал ядро перед носом «Анны» и поднял английский флаг. Когда фрегат оказался в пределах слышимости, с него отдали приказ капитану Деннисону прислать документы на проверку. Позднее на [борт](#) поднялся офицер для обыска корабля, но ничего не нашел. [Лодка](#), спущенная с «Анны», вернулась обратно с английским сыром, подарком с английского фрегата. Капитан Деннисон ответил на подарок посылкой некоторого количества лука и трех бокалов. Англичанин сказал, что с их фрегата дезертировали на вельботе офицер и шесть матросов, украв часть оружия и товаров. В четыре вечера мы расстались добрыми друзьями, а через час прошли реку Большой Бацам. Видел люгер, идущий по ветру. Весь день туман.

«Пятница, 12 сентября. В 3.00 пополудни увидел форт Аполлона под английским флагом, ночью прошли форт Аксим, около 12 часов, вероятно, – мыс Три-Пойнт, утром приблизились к берегу: заметил Дик-Кав-Касл. В 9.00 прошли Секонду, в 12.00 – Комменду. В 2.00 пополудни подошли к Элмина-Роуду. Так как здесь отсутствовали суда, я надеялся на хорошую торговлю. На следующее утро сошел на берег, но обнаружил, что там полно всякого рода товаров и рома. Туземцы ни в чем не нуждались. Бросить якорь в Элмина-Роуде все равно что совместить два судна с разными государственными флагами на стоянке глубиной семь фатомов. Все равно что четыре стрелки в часах».

Несмотря на сложные условия торговли в Элмине, капитан Деннисон смог выставить на продажу часть своего груза, спустив на воду баркас и установив грузовую стрелу. 14 сентября на [борт](#) корабля приняли рабов. Спустили брам-реи и подняли правый якорь. На следующее утро подошли

две лодки с грузом пресной воды, и состоялся торговый обмен, главным образом на ром и сухие товары. 17 сентября на берег в Кейп-Кост отправился мистер Виллард, чтобы выяснить, можно ли организовать здесь торговлю, но безрезультатно. На следующий день помощник написал в вахтенном журнале: «Пайк манкирует обязанностями 5 дней; кок 3 дня пьян и уклоняется от работы. Этот день завершается хорошей погодой». 29 сентября Пайк уже пьянствует семь дней, а кок – пять.

В воскресенье, 21 сентября, «весь личный состав был занят чисткой межпалубных помещений, начиная с форпика, и другими работами». В понедельник «был пожар в нижней части трюма. Второй помощник отправился на берег, расстроился, чуть не утонул». В оставшиеся дни недели сгрузили еще ром и другие товары. Стала проявляться болезнь. Капитан тоже заболел, но смог восстановиться.

В воскресенье, 28 сентября, соорудили на палубе камбуз и гальюн, из-за сильного волнения моря сорвался с каната левый якорь. Рано утром следующего дня выбрали правый якорь и «подсоединили перлинь к бакену левого якоря и поднимали его, пока не оторвался [канат](#) бакена. После этого захватили тросом якорь. Волнение моря было настолько сильным, что мы не стали его выбирать». Пайк напился и стал очень буйным. Через два дня они обнаружили и подняли якорь со штоком, затем приняли на борт еще трех рабов.

День за днем они продолжали попытки выловить левый якорь, но безуспешно. 6 октября они сделали ходку в Анамабо, где стояли на якорной стоянке суда капитанов Дроуна и Брукса. Не повезло, ибо, когда следующим утром подтянули [цепь](#) якоря, опрокинулась лебедка и сломались защелки. Они заделали пробоину и восстановили лебедку. Ночью подошел торнадо и задул с новой силой. 8 октября корабль зашел в Легго и стал на якорь на глубине восемь фатомов. Переговорили с судном «Юнион» из Ньюпорта о приобретении якоря, но безуспешно, на следующий день зашли в Аккру, где лебедка снова опрокинулась и сломались защелки. Капитан все еще болел.

В Аккре состоялась значительная торговля ромом, все члены команды занимались выгрузкой товара и сооружением переборки для содержания рабов. Работы продолжались до 18 октября, когда снялись с якоря и двинулись вдоль побережья, через три дня добравшись до Легго. После двухдневной стоянки там отправились к Элмине, все время преодолевая ветер.

«Анна» стояла на якорю в Элмине до 6 ноября. Экипаж был занят заготовкой пресной воды, сооружением переборок, чисткой внутренних помещений корабля и прочими работами. Три матроса болели, как и

помощник Даниэль Шоу. 7 ноября взяли на [борт](#) тридцать пять рабов. Через два дня в пять вечера снялись с якоря и пошли в Анамабо. Загрузив зерно и дрова, «взяли курс на Легго, где переговорили с капитаном Дроуном и оставили ему письма. 12 ноября мы загрузили все зерно, а в пять вечера заставили рабов танцевать. Чарльз Раял пошел на корму, ударил раба, а когда помощник велел ему пройти вперед, и его ударил в лицо. Чарльз сказал, что потратит на Горджес-стрит триста долларов или ему не жить. Так завершился этот день».

13 ноября они зашли в Аккру еще раз. Там капитан рассчитывался с купцом Уайтхедом, в то время как команда готовилась к выходу в море. Через два дня, на закате, все загрузили и в полночь подняли якорь, отправившись к Рио-де-ла-Плате «с Божьей помощью» со ста шестьюдесятью тремя первоклассными рабами на борту, большинство которых принадлежали к племени фантин. Потом вся команда занималась отвязкой снастей, закреплением якоря и мытьем палуб.

Не сохранилось записей о каких-либо происшествиях во время перехода к Монтевидео. Нам известно только, что остров Лобус появился в поле зрения команды 5 января 1807 года, а на следующий день корабль встретился с британским шлюпом «Медуза». Ее командир приказал «Анне» идти в Мальдено, где стоял британский флот. Капитан Деннисон попытался это сделать, но встречный ветер и течение были столь сильными, что через восемь часов борьбы с волнами команда была совершенно измотана. Корабль лег на другой галс и пошел фордевиндом к Монтевидео. В девять вечера корабль обстрелял и захватил британский [военный](#) фрегат «Леда». Затем на [борт](#) «Анны» были возвращены командир призового судна и команда, которой было приказано идти к мысу Доброй Надежды, где ее освободил адмиралтейский суд. Однако по апелляции «Анну» в конце концов признали в Лондоне законным трофеем. Неясно, что стало с рабами, но поскольку парламент не запрещал работорговлю до 1 мая 1807 года, то, несомненно, груз постигла та же судьба, что и корабль, – он был отдан «в исключительное пользование Его Величества, Его наследников и Преемников».

Глава 15

НЕКОТОРЫЕ НЕВОЛЬНИЧЬИ СУДА АМЕРИКИ

Первым американским невольничьим судном стал небольшой корабль «Дезире», построенный в Марблхеде (Массачусетс) в 1636 году. Летом следующего года он отправился в торговый рейс к Вест-Индии. Среди его

пассажиров были две женщины и пятнадцать подростков из индейского племени пекотов, захваченные после боя в болотах у Фэрфилда, штат Коннектикут. «Дезире» стал на якорь у [острова](#) Провиденсия, и там несчастные индейцы были проданы в рабство. Обратным рейсом повезли хлопок, табак и рабов-негров. Когда 26 февраля 1638 года корабль прибыл в Бостон, троих из этих негров продали Самюэлю Маверику, который жил на острове в бухте, известной ныне как Восточный Бостон. Неизвестно, какое количество рабов тогда было доставлено в Бостон, но незадолго до этого негров и индейцев приобретали во всех поселениях Новой Англии, хотя и в ограниченных количествах.

Правительственный чиновник Эдвард Рэндольф в своем докладе, составленном в 1676 году, указал на небольшое количество рабов, доставленных в Новую Англию из Гвинеи, Мадагаскара и Вест-Индии. Губернатор Брэдстрит писал в 1680 году, что «ни одной партии рабов не привозили со времени основания колонии пятьдесят лет назад и лишь два года назад, после двадцатимесячного рейса на Мадагаскар, одно судно доставило сорок – пятьдесят негров» [37 - Сборники Массачусетского исторического общества. Т. VIII. С. 337.].

Рабы, прибывшие на судне в качестве главного груза, видимо, считались значительным импортом, ибо частое появление негров в Новой Англии в конце XVII века и увеличение их числа в следующем столетии показывают, что, должно быть, уже налажился постоянный приток рабов, хотя и не в больших количествах. В 1742 году в Бостоне приобрели 1514 рабов, а через двенадцать лет их число увеличилось до 4489. Согласно переписи 1764 года, имелось 5779 негров-рабов, а в городах проживали свободные рабы.

В 1708 году губернатор Крэнстон из Род-Айленда докладывал, что в провинции между 1698 и 1708 годами было построено сто три судна, которые обслуживали торговлю с Вест-Индией и южными колониями. Они поставляли лесоматериал и рыбу, а назад везли мелассу, приобретенную в ходе бартерного обмена, но «во многих случаях совершали невольничьи рейсы». Нередко эти работоторговцы из Род-Айленда после продажи своих первоклассных рабов в Вест-Индии отвозили домой в Новую Англию остатки живого товара, пользующегося меньшим спросом.

Вот реклама одного из таких уроженцев Род-Айленда, взятая из номера «Бостонской газеты» за 3 июля 1758 года:

«Рабы только что доставлены из Африки и продаются на борту брига «Дженни», капитаном которого является Уильям Эллери. Бриг стоит сейчас в Нью-Бостоне (то есть Вест-Энд Бостона). Имеется некоторое количество симпатичных негритянских подростков и девушек от двенадцати до двадцати четырех лет. Спрашивать упомянутого Эллери на борту брига, где

организовано постоянное посещение.

Примечание. Все упомянутые рабы переболели оспой. В оплату принимаются казначейские билеты и ром Новой Англии».

Такая работоторговля индейцами и африканцами повсеместно признавалась экономической необходимостью до последней четверти XVIII века. Это походило на веру в колдовство или в то, что Земля плоская. Это принималось всеми.

В 1641 году в Массачусетсе был принят первый свод законов, в котором провозглашалось: «Не должно быть никакого холопства, крепостного состояния или рабства среди нас, пока это не законные пленники, захваченные в войнах, и такие чудачки, которые продают себя в рабство сами или продаются нам... Это не освобождает от рабства тех, которые осуждаются на него властями». Именно такой властью суд Салема постановил, что Даниэль и Провидед Саутвик, дети квакеров, должны быть проданы англичанам в Виргинии или на Барбадосе. Но капитаны судов в то время (1659) были более гуманны, чем судьи, и никто из них не пожелал иметь дело с предложенной транспортировкой и продажей белых детей. В конце концов их освободили. Семью годами раньше, в 1652 году, двести семьдесят шотландцев, захваченных в плен в битве при Данбаре, были отправлены в Бостон и проданы на сроки заключения в холопство, сравнимое с рабством черных. В Лондоне, столице королевства, к 1764 году имелись двадцать тысяч рабов-негров, чернокожие открыто покупались и продавались по обмену. Для джентльмена считалось особым шиком надеть серебряный ошейник на шею своего камердинера, и ювелир Мэтью Дайер, работавший в Кроун на Дак-Лейн, Очард-стрит, Вестминстер, поместил объявление, что делает «серебряные замки и ошейники для черных и собак».

В прошлом было много шума и ругани по обе стороны от линии Мэйсона – Диксона по поводу «этого священного института» рабства и торговли живым товаром. Не позднее 26 [марта](#) 1884 года конгрессмен от Северной Каролины, выступая с речью в конгрессе, счел уместным заметить, что «Массачусетс является штатом более ответственным под небесами, чем любое другое сообщество на этой земле, за внедрение рабства на континент, за все проклятия, которые затем последовали. Он сказал, что штат подпитывает ужасы, происходящие на пути работоторговли из Африки в Вест-Индию. После того как рабство в Массачусетсе перестало оплачиваться, рабы штата, по его словам, продавались на юге за вознаграждение, и затем их бывшие собственники благодарили Бога и гнусавили длинные славословия Ему за то, что они больше не несут ответственность за грех рабства» [38 - Записи выступлений в конгрессе, 26

[марта](#) 1884 г. С. 2284.]

Гнусавить столь же глупо и нелепо, сколько негармонично и неприятно петь через этот орган дыхания. Рабство главным образом вопрос экономических условий. Это исключает святых, философов и фанатиков. Люди в условиях рабства обычно думают и действуют большей частью одинаково.

Американские невольничьи корабли совершали рейсы к африканскому побережью и от него до самого начала Гражданской войны, вызванной работоторговлей. В трехлетний период, завершившийся 31 декабря 1807 года, сто два невольничьих корабля заходили в порт Чарлстон, пятьдесят девять – в Род-Айленд и восемь – в другие американские порты. В целом ввезли 39 075 рабов. Из пятидесяти девяти кораблей, которых приветствовал Род-Айленд, суда Бристоля привезли 3914 рабов, Ньюпорта – 3488, Провиденсии – 556 и Уоррена – 280 рабов. Это были большей частью бриги и шхуны водоизмещением двести тонн и меньше [39 - Munro. Tales of an Old Sea Port (Bristol, R.I.). Princeton, 1917.].

В этой главе приводятся рассказы о некоторых из этих кораблей, относительно которых имеется точная информация.

В этот период среди кораблей, вышедших из Чарлстона, был бриг «Еартар». Им командовал капитан Джеймс Эйлор, а владел Фредерик Еавелл из Чарлстона, уроженец Швейцарии. Бриг вышел в море за рабами 22 ноября 1806 года, взяв курс на реку Понго, впадающую в море сразу к северу от Сьерра-Леоне. Судовладелец дал указания Френсису Ру, ответственному за груз на судне, вести активную торговлю у реки Понго и воздерживаться от торговли в других местах побережья. Страховщикам не разрешалось оставаться на побережье более четырех месяцев, нереализованные товары возвращались обратно в Чарлстон, а в случае приобретения малого числа рабов Френсис Ру был уполномочен закупить [воск](#) на треть обратного груза. Всех взятых на [борт](#) рабов должны были маркировать и клеймить. «Рабов грузовладельца следовало маркировать F.T., а тех, которые доставляются на борту корабля капитана Джеймса Тейлора в возмещение его четырех бочек табака, маркируют его штампами, чтобы компенсировать имуществом какую-либо смертность, если случится».

Бриг водоизмещением сто шестьдесят тонн не был оснащен пушками. Капитан Тэйлор родился в Бостоне, но жил в Чарлстоне, как и большинство членов команды. Врачом на судне был француз. Груз для торговли на побережье состоял из табака, бренди, белого вина, дегтя, муки, пяти тюков сухих грузов, десяти дюжин негритянских курительных трубок и коробки белых шляп.

Бриг прибыл в Рио-Понго 24 января 1807 года. Рабов оказалось мало. Загрузка корабля не завершилась до 9 января 1808 года, несмотря на ограничение срока полномочий страховщиков. Рабы происходили с Подветренного Берега и носили разную маркировку в зависимости от собственника: О – на правом бедре; О – на правом плече; изображение курительной трубки на левом бедре; О – на левой руке.

«Тартар» совершал переход промежуточный к американскому побережью без каких-либо происшествий до 2 февраля 1808 года, пока возле Мартиники его не догнал и не захватил фрегат его величества «Улисс» и не отвел на Барбадос. Там бриг признали законным призом на следующих основаниях: 1) он шел из Африки к колонии противника (то есть Франции) с ложным курсом к пункту назначения, то есть к Чарлстону; 2) из-за запрета работоторговли Америкой после 1 января 1808 года капитан Тэйлор дал показание, что взял курс на Мартинику из-за возможного истощения запасов провизии и если бы получил выгодное предложение, то продал бы там рабов [40 - Резюме этого дела было распечатано в Лондоне для лордов-уполномоченных, заседавших в Апелляционном суде. Из одного из подлинников этого резюме, находящегося в распоряжении Морского исследовательского общества, извлечены сведения об этом рейсе.].

Шхуна «Нэнси» вышла из порта Чарлстон (Южная Каролина) 1 июня 1807 года курсом на Африку с невольничьей миссией. Ее построили в бухте Грейт-Эгг, Нью-Джерси. Владели судном Джон Гарднер и Джон К. [Филлипс](#), купцы из Чарлстона. Шхуна везла груз лесоматериалов и провизии, небольшое количество товаров, таких как носовые платки и [бусы](#), а также шесть тысяч долларов деньгами. Ее капитан [Джошуа](#) Виалл был жителем Уоррена, Род-Айленд, а экипаж состоял из шести американцев и трех португальцев, один из которых умер на обратном пути от африканской болезни – медленной лихорадки.

«Нэнси» прибыла в Сенегал около 1 августа. Капитан Виалл продал свой лес и провизию, а на прибыль и наличные купил 80 рабов по средней стоимости 125 долларов за каждого. Длина «Нэнси» составляла 67 футов, ширина – 20 футов 6 дюймов, высота бортов – 9 футов. Это оставляло мало свободного пространства для экипажа и груза. Через четыре или пять дней после отбытия из Сенегала, когда в полдень рабы получали еду – мужчины и женщины по отдельности, – один из рабов схватил надсмотрщика, когда [тот](#) добавлял мелассу в его пищу. После этого поднялись остальные рабы и попытались захватить капитана Виалла. Но тот сумел вырваться из их рук и с помощью команды загнал черных вниз, применив стрелковое оружие. Во время бунта один из негров выбросился через [борт](#), несколько из них были ранены. Бунт привел команду в крайне нервное состояние, особенно после

того, как заболели лихорадкой два помощника и два матроса, а вскоре один из матросов, ночной вахтенный, предположив, что рабы собираются восстать, застрелил одного из них, а в следующую ночь пырнул ножом другого.

Испытывая недостаток в людях, капитан Виалл решил зайти в нейтральный порт Вест-Индии – в Сент-Гомас или Сент-Бартоломео – пополнить экипаж для продолжения перехода. Около пяти лиг севернее Сент-Гомаса он встретился со шхуной его величества «Венера». Несмотря на свои затруднения и просьбу о помощи, на [борт](#) «Нэнси» высадили призовую команду и приказали ей следовать в Тортолу. Там «Нэнси» предали суду за совершение рейса из французской колонии и следование в Гавану или другой порт Вест-Индии, враждебный Великобритании, вместо Чарлстона, указанного в документах порта.

Какое-то время после запрета работорговли в 1808 году флот Соединенных Штатов прилагал отдельные усилия для «подавления» контрабанды рабов, но лишь в 1819 году к побережью Африки была послана эскадра для пресечения работорговли американскими судами. Некоторое число офицеров в командах составляли южане, и об эффективности их работы можно судить по тому, что докладывал капитан М.С. Перри: «Я даже не слышал об американских невольничьих судах и верю всей душой, что ни один из них не решится сейчас выйти в море». В то же время капитан Тренчард сообщал, что у побережья прятались три сотни невольничьих кораблей, подкрепив свое мнение захватом пяти из них – американских. Мизерные ассигнования конгресса не давали возможности держать американские военные суда у африканского побережья, пока договор Ашбертона с Великобританией в 1842 году не вынудил Соединенные Штаты содержать «достаточные и адекватные» военно-морские силы для «подавления» работорговли. На следующий год коммодора Перри послали к африканскому побережью, подчинив ему четыре военных судна.

Невольничий Берег тянулся на три тысячи миль, и в игре в кошки-мышки счет всегда был в пользу работорговца, поскольку ему было достаточно поднять испанский или португальский флаг, чтобы обезопасить себя от нападения или ущерба. Более того, согласно приказам военно-морского министерства, могли быть захвачены только корабли с рабами на борту. Соответственно, полностью экипированные невольничьи суда преодолевали блокаду американским военным флотом, предварительно приняв все меры предосторожности для перевозки живого товара, а затем, когда англичан рядом не было, «продавали» судно испанцам, водружали испанский флаг и

снова бодро следовали в обратном направлении мимо американских военных кораблей с полным грузом рабов [41 - Du Bois. Op. cit.].

В 1845 году бриг «Тракстон» (США) захватил в Рио-Понго шхуну «Спитфайр» из Нового Орлеана, которая уже сделала несколько ходок. Ее водоизмещение составляло всего сотню тонн, но во время захвата она была набита 346 неграми, а в предыдущий год высадила у Матансаса (Куба) 339 рабов: «В межпалубных помещениях, куда запихнули рабов, не было достаточно места, чтобы они сидели без наклона головы вперед. Их кормили полупинтой риса в день и поили пинтой воды. Невозможно себе представить страдания рабов во время перехода через океан, пока неознакомишься с условиями их транспортировки. Сильный здоровый негр стоил лишь двадцать долларов или что-то около этого. Цена до трех-четырёх сотен долларов на Кубе» [42 - Foote. Africa and American Flag. New York, 1854.].

С этого времени военные суда Соединенных Штатов держались у африканского побережья и иногда осуществляли захваты невольничьих кораблей, например фрегата «Марта» из Нью-Йорка бригом «Перри» 18 июня 1850 года. «Марта» являлась большим кораблем с двумя ярусами крашенных бортов и, когда ее догнали, шла вдоль берега к Амбизу. Попав в зону досягаемости обстрела со стороны «Перри», корабль поднял американский флаг, замедлил ход и обстенил марселя. На борт «Марты» послали офицера, и, когда его лодка огибала корму, люди на борту опознали его военную форму, и им впервые стало ясно, что бриг является американским судном. Тотчас же спустили американский флаг и вместо него подняли бразильский. Когда офицер поднялся на палубу, капитан «Марты» стал отрицать наличие у него документов, вахтенного журнала и чего-либо еще. Однако с «Перри» заметили, что с «Марты» выбросили за борт какую-то вещь. Послали другую лодку, которая подобрала конторку, содержащую документы, свидетельствующие об американском гражданстве капитана. Когда ему предъявили эту улику, он признал, что корабль был оборудован для работорговли. Палубу для рабов обнаружили ниже, вместе с большими запасами муки и бобов, четырьмястами деревянными ложками, необходимыми железными решетками и деревянными перегородками для изоляции рабов. Капитан рассчитывал перевезти тысячу восемьсот рабов в течение следующей ночи и покинуть побережье до рассвета. «Марта» предстала перед судом в Нью-Йорке, капитану позволили внести залог пять тысяч долларов (впоследствии его сократили до трех тысяч). Он их внес и избежал судебной ответственности.

Поскольку торговля между Калифорнией и Китаем посредством клиперов стала менее прибыльной в конце 50-х годов, неудивительно, что некоторые

из этих быстроходных судов использовались для работорговли. Одним из них являлся «Найтингейл», прекрасный корабль, богато украшенный, построенный в Портсмуте (Нью-Хэмпшир) в 1851 году. Во время своего первого рейса он должен был перейти через Атлантику, чтобы доставить имевшихся на его борту экскурсантов, отправившихся на Международную торговую ярмарку в Лондоне. Однако кораблестроитель попал в затруднительное финансовое положение, и запланированная экскурсия не состоялась. После нескольких быстрых ходок с торговыми миссиями в Австралию и Китай судно продали неизвестным покупателям в Нью-Йорке в 1860 году. Его судьба в течение следующих восьми месяцев окутана тайной. Утверждалось, что корабль однажды ходил в Рио под бразильским флагом, но командор Перкинс, будучи действующим капитаном военного корабля США «Самтер» у африканского побережья, 15 апреля 1860 года писал домой: «Клипер «Найтингейл», приписанный к Салему, отбыл с 2000 негров на борту... Этот мощный клипер является собственностью капитана Боуэна, которого зовут «князем рабовладельцев».

«Найтингейл» вернулся в Нью-Йорк в конце лета 1860 года и принял на борт груз зерна для Ливерпуля. 24 ноября клипер отбыл на Сент-Томас у западного побережья Африки. В то время «Лондон тайме» писала: «В определенных кругах до его отбытия было известно, что это невольничий корабль». Он появился у Сент-Томаса 14 января 1861 года и продолжал петлять вдоль африканского побережья до 21 апреля, когда его захватил военный шлюп США «Саратога». Капитан шлюпа Тэйлор так описал захват:

«Некоторое время американский корабль «Найтингейл» из Бостона, капитаном которого является Френсис Боуэн, видели у этого побережья, подозревая в ведении работорговли. Несколько раз мы встречались с ним, и, хотя были полностью уверены, что корабль собирается заниматься этой незаконной торговлей, он пользовался презумпцией невинности. Несколько дней назад, заметив его на якорной стоянке в Кабенде, я поднялся на борт корабля и убедился, что корабль готовился тогда к приему рабов. С таким намерением корабль отошел на некоторое расстояние от берега, рассчитывая вернуться под покровом ночи, что и было сделано. В девять вечера мы стали на якорь и выслали две лодки под командованием лейтенанта Гатри застигнуть «Найтингейл» врасплох. Мы обнаружили, что у него на борту был 961 раб и ожидалось еще некоторое количество. Лейтенант Гатри овладел кораблем в качестве приза, и я дал ему указание вести в Нью-Йорк этот клипер водоизмещением 1000 тонн под американским флагом, с обозначением на корме «Найтингейл» из Бостона».

Рабов высадили в Либерии, но не раньше, чем сто шестьдесят из них

умерли от африканской лихорадки, которая не пощадила и экипаж. По прибытии в Монровию обнаружился небольшой излишек еды, а смертность среди негров, больных лихорадкой, устрасала.

«Найтингейл» прибыл в Нью-Йорк 13 июня 1861 года. Лейтенант Гатри доложил, что Френсис Боуэн и испанец по имени Валентино Кортино сбежали, пока корабль стоял на якоре у Сент-Томаса. Джон Дж. Гатри был уроженцем Северной Каролины, и Боуэн впоследствии утверждал, что Гатри позволил ему сбежать. Конфискованный и затем проданный правительству «Найтингейл» впоследствии использовали в качестве судна снабжения эскадры, блокировавшей Гвинейский залив. Его бросили в Северной Атлантике 17 апреля 1893 года, в то время под норвежским флагом [43 - Howe and Matthews. American Clipper Ships. Salem, 1926.].

«Санни Саут», другой быстроходный клипер, построенный в Вильямсберге (Нью-Йорк) в 1854-м, продали в 1859 году в Гаване за восемнадцать тысяч долларов, переименовали в «Эмануэлу» и впоследствии использовали для работоторговли. 10 октября 1860 года клипер был захвачен британским винтовым военным шлюпом «Бриском» в экваториальной штилевой полосе Мозамбикского канала. На его борту находилось более восьмисот рабов. Когда корабль заметили в морской дымке, подозрений относительно рода его занятий не было из-за размеров и необычно большого числа поставленных стакселей и лиселей. Когда «Эмануэла» легла в дрейф, то сделала это под всеми парусами, без взятия каких-либо парусов на гитовы. Клипер отослали на Маврикий, признали призом и продали для использования в качестве британского крейсера.

Одним из последних кораблей, занимавшимся контрабандой рабов, была яхта «Уондерер», построенная в порту Джефферсон (Лонг-Айленд), для богатого члена яхт-клуба Нью-Йорка. Ее спустили со стапелей в июне 1857 года, она имела водоизмещение двести шестьдесят тонн. В следующем году яхту продали капитану У.К. Корри. Его заместитель Семмес был братом человека, который впоследствии командовал крейсером Конфедерации «Алабама». «Уондерер» отбыл из Чарлстона курсом на Тринидад, вроде как на развлекательную прогулку, но пошел к острову Святой Елены, а затем двинулся к Конго. Все время на судне развевался флаг яхт-клуба Нью-Йорка, и когда капитан Корри встретился с шедшим вдоль побережья Конго в поисках невольничьих судов британским военным кораблем «Медуза», то организовал доброжелательный прием английским офицерам у себя на борту.

Суперкарго впоследствии сообщил корреспондентам газеты, что после достаточного числа опустошенных бутылок британских офицеров пригласили осмотреть «Уондерер», чтобы убедиться, не является ли яхта

невольничьим судном. Это было расценено всеми как добрая шутка. После того как «Медуза» пошла дальше, «Уондерер» тихонько повернул к берегу Конго, к переполненным загонам, где было взято на борт семьсот пятьдесят молодых негров от тринадцати до восемнадцати лет. Яхта отправилась от побережья со своим грузом, который благополучно оставила на побережье Джорджии 1 декабря 1858 года.

Один из владельцев «Уондерера» капитан А.С. Макги из Колумбуса (Джорджия) тогда был на борту яхты и через много лет рассказал такую историю:

«Самым трудным этапом рейса был заход в порт. Единственный путь входа в устье реки Саванны был под прицелом черных жерл пушек форта. Было бы безумием войти туда с контрабандным грузом при дневном свете. Вместо этого капитан Семмес проскользнул ночью в устье Большой Огичи и поднялся по реке к большому болоту, скрываясь там, пока связывался с Чарльзом Л.А. Ламаром, своим собственником в Саванне.

Ламар объявил затем, что собирается дать большой бал в честь офицеров и гарнизона форта. Он настоял на том, чтобы в торжестве наряду со своими командирами приняли участие и солдаты. Когда веселье было в разгаре, «Уондерер» прокрался в темноте по реке мимо пушек форта и направился к плантациям Ламара вверх по реке. Вскоре высадили живой товар и поместили под надзор бывалых рабов, трудившихся на рисовом поле, которые были, однако, почти такими же дикими, как вновь приобретенные» [44 - Spears I.R. The American Slave Trade. New York, 1900.].

Рискованное предприятие проводилось в таком масштабе и со множеством заинтересованных в нем лиц, что было невозможно долго скрывать эту историю. До окончания месяца окружной прокурор Соединенных Штатов напал на след, а Ламар написал компаньону, что в деле «черт ногу сломит». Последовали аресты, судебные слушания, узнал об этом и конгресс, но контрабандисты в конце концов избежали правосудия. «Уондерер» предали суду и продали на аукционе, где бывшие владельцы выставили яхту на продажу за четверть действительной стоимости. Впоследствии один из владельцев сказал, что «рабы, купленные за несколько бус и цветных носовых платков (конечно, преувеличение), были проданы на рынке по 600–700 долларов за голову. Владельцы судна выплатили капитану Семмесу за услуги 3500 долларов и выручили на предприятии по 10 тысяч долларов каждый для себя».

Вскоре после этого дело об «Уондерере» довели до сведения яхт-клуба Нью-Йорка. 2 февраля 1859 года капитан Корри был исключен из членов клуба, а «Уондереру» запретили поднимать флаг учреждения.

Поскольку работоторговля в то время велась «под крышей», неудивительно,

что сейчас трудно добыть точную информацию о последующих рейсах судна. Согласно одной из историй, весной 1859 года яхта отправилась к западному побережью Африки под командованием капитана Семмеса и снова привезла к побережью Джорджии груз рабов, многих из которых отослали в Новый Орлеан и продали. В октябре яхта вышла в море без документов под командованием «капитана Мартина», а 22 ноября, когда судно находилось у Канарских островов, капитан поднялся на борт подошедшего французского корабля договориться о приобретении провизии. Оставшиеся на яхте члены команды, не зная цели рейса, захватили «Уондерер» и на всех парусах направились в Бостон, куда прибыли 24 декабря и немедленно сдались властям США. На борту судна находились две португалки, которых «капитан Мартин» вывез с одного из Азорских островов для обмена на негров на африканском побережье.

Узнав о прибытии «Уондерера», Ламар приехал в Бостон и, утверждая, что Мартин совершил пиратский захват яхты, официально потребовал вернуть ему судно. Но это произошло только после долгих слушаний и апелляций [45 - «Последний из американских невольничьих кораблей» Брэдли в «Морском журнале» за 22 мая 1926 года.]. В начале марта 1860 года яхта вышла из Бостона и после прибытия в Саванну, как утверждается, снова отправилась в рейс к западному побережью Африки. С началом Гражданской войны судно захватили федералы и использовали его как таможенное, а позднее – в торговле с центральноамериканскими странами. В конце концов последним прибежищем яхты стал берег у мыса Генри.

Капитан из Новой Англии Натаниэл Гордон, уроженец Портленда (штат Мэн), за работорговлю был приговорен к высшей мере наказания. Летом 1860 года Гордон, капитан судна «Эри» водоизмещением пятьсот тонн, бывалый работорговец, отправился из Нью-Йорка, через Гавану, к реке Конго, где принял на борт 890 негров, 600 из которых были подростки и девочки. Он «плотно набил ими межпалубное помещение и немедленно отправился на Кубу». Так говорится в обвинительном акте. «Эри» было взято военным кораблем США «Могиканин» всего в пятидесяти милях от побережья Африки. Негров доставили в Либерию и освободили. Капитана и его судно отослали в Нью-Йорк. 15 мая 1860 года Гордона отдали под суд как пирата, согласно закону, признающему работорговлю пиратством. В результате имело место ошибочное судебное разбирательство. В следующем ноябре его снова привлекли к суду и через два дня вынесли приговор: «Виновен». Вскоре капитан попытался отравиться ядом, но неудачно. 21 февраля 1862 года его повесили. Гордон заслужил такую судьбу, но она миновала тысячи других, торговавших живым товаром.

Глава 16

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ НА БОРТУ НЕВОЛЬНИЧЬЕГО СУДНА В 1860 ГОДУ

Одним июньским днем 1860 года «Томас Уотсон», судно прекрасного вида, около четырехсот тонн водоизмещением, стояло на якоре у Бэттери-Парка в Нью-Йорке. Оно только что прибыло из Нью-Лондона (Коннектикут), где его оснастили и укомплектовали командой, которая отправлялась на три года китобойного промысла. Некоторые из матросов, поднявшись на борт корабля, несколько оторопели от чистоты его палуб и фальшборта. Ведь китобойное судно обычно грязнее лаймососа (на британских судах использовали сок лаймы в качестве напитка, предотвращающего цингу), и запах горючего проникает во все поры судна. Около часа до заката ветер обратился в свежий приятный бриз, и помощник, выйдя на палубу, приказал задействовать лебедку и спустить якорь для короткой стоянки. После этого вызвали сигналом буксир, и вскоре корабль продолжил путь в Сэнди-Хук. Между тем ветер усилился, и буксир, отсоединившись от борта корабля, принял буксирный трос спереди. Затем поставили паруса, но ветер дул с такой стороны, что вскоре буксиру невозможно было держать трос над водой более чем наполовину. Когда достигли Сэнди-Хука и сбросили трос, корабль наехал на него, и команда не смогла вытащить его без сдерживания движения вперед. Этого капитан не позволил и приказал обрубить трос.

Во время пребывания в открытом море в течение десяти дней все члены команды вышли на палубу, тренироваться ставить и убавлять паруса. Большую часть команды составляли сухопутные жители, которые до этого рейса никогда не нюхали морского воздуха. После основательного обучения матросам определили их места в лодках и затратили большие усилия, чтобы научить их правильному обращению с веслами. Когда достигли широты Азорских островов, на марсе поставили впередсмотрящего и приказали «глядеть в оба за фонтанами кита», и этот обман с «фонтанами» продолжался до тех пор, пока корабль не достиг побережья Африки, а фарс с охотой на китов потерял смысл.

В команде состоял молодой матрос по имени Эдвард Мэннинг, который подписал соглашение фиктивным именем Эдвард Мелвиль. Впоследствии свои впечатления о рейсе он отразил в рассказе, опубликованном в 1879 году [46 - Manning E. Six Months on a Slaver. New York, 1879.]. Далее представлено краткое изложение этого повествования, содержащего описание жизни на борту невольничьего судна на исходе эпохи работорговли с такими подробностями, которые не встречаются больше

нигде:

«Лишь после того, как мы прошли Азорские острова и покинули ряд других портов, у нас возникли подозрения, что китобойный промысел был просто уловкой. Первое прозрение пришло после того, как команду заставили ломать трюм, в котором мы увидели такие огромные запасы риса, сухарей, солонины, свинины и т. д., которых было достаточно, чтобы очень долго кормить целый полк. Мы также обнаружили большое количество легких сосновых досок. Тогда мы не могли догадаться, для чего они предназначаются, но позже обнаружилась их полезная ценность. Корабль практически не имел постоянного межпалубного помещения. Малая палуба была сооружена прямо под главным грузовым люком и называлась местом для ворвани. Предполагалось, что последняя отправлялась туда для «разделки».

В течение нескольких недель поддерживался обман с китобойным промыслом и, когда сверху раздавался крик о появлении фонтана кита, следовало приказание приготовить шлюпки. Капитан настоящего китобойного судна не проявил бы столько беспокойства по поводу добычи этого животного, сколько это делал наш капитан. Известно, что на китобойном судне также поддерживалась строгая дисциплина и в питании не допускалось никаких поблажек. Мы же по-прежнему имели на пропитание солонину, свинину, сухари и бобы.

Однако до сих пор мы добились немногого как китобои – наша добыча состояла из двух-трех морских свиней, которых загарпунили с носа корабля. Их ворвань после разделки и тщательной проверки принесла лишь незначительное количество жира, запах которого даже не ощущался.

Когда не было занятий в лодках, интенсивно продолжалась работа по переоборудованию трюма. После того как большое количество риса и галет переместили в лазарет, другие запасы уложили даже в месте для ворвани, располагавшемся в пяти футах под главной палубой. Когда мы начали ломать переднюю часть трюма, то обнаружили там главным образом большое количество канистр, наполненных свежей водой. Сложив их так же, как и запасы, в месте для ворвани, мы положили поверх сосновые доски и получили гладкий пол от носа до кормы. Это было второе осязаемое свидетельство того, что наши «киты» никогда не будут изыматься из «могучего океана».

В целом экипаж, видимо, был доволен новым этапом рейса и беспокоился лишь о том, когда придет время загружать корабль жиром «черной рыбы», как они называли негров, а потом вернуться в Штаты. Я не разделял их удовлетворения в связи с переменой дел, поскольку испытывал угрызения совести по поводу незаконной деятельности и имел глупость открыто

выразить свои чувства. Таким образом я навлек на себя недовольство капитана. Позднее, по завершении рейса, когда я ожидал перехода на борту мексиканской шхуны из Кампече (Юкатан) в Новый Орлеан, он поклялся, что я не уйду с пляжа живым. Это была, однако, пустая угроза, потому что я знал, что он трус, и нисколько не испугался.

Прошло почти три месяца с тех пор, как мы отбыли из Сэнди-Хука, и все это время, за исключением переоборудования трюма, не происходило ничего необычного, способного изменить ежедневную монотонную работу. Но, судя по осветлению воды и приказам, отдававшимся наблюдателю, который «смотрел в оба», я догадывался, что мы приближаемся к земле. Кроме того, капитан проводил большую часть времени на палубе, днем и ночью. Как только сверху докладывали о появлении паруса, он взбирался на марс с биноклем в руке и внимательно вглядывался в приближавшегося чужака. Если курс незнакомого корабля сулил встречу с ним, мы немедленно меняли свой курс, чтобы избежать этого. Два-три раза шкиперы разных судов проявляли желание связаться с нами, следуя в кильватере к нам, но наш корабль был быстроходным парусником, и они вскоре убеждались, что шансов догнать нас у них не оставалось.

Однажды ночью мы получили приказ капитана внимательно следить за появлением земли, и как раз с рассветом услышали крик «Земля!» от наблюдателя, стоявшего на фор-марса-рее. Капитан и помощник сразу же поднялись на грот-марса-рею и оставались там почти час, осматривая горизонт в направлении, где заметили землю. Когда они вернулись на палубу, стало заметно, что отношение капитана к помощнику решительно изменилось к лучшему. Возможно, первый откровенно признался второму, что намерен делать, после чего, без сомнения, счел благоразумным обращаться с подчиненным более уважительно, учитывая, что привлек его к незаконной деятельности без согласия последнего.

В три часа пополудни или около этого наблюдатель заметил небольшую лодку. Она показалась на расстоянии около двух-трех миль, и, насколько можно было различить, люди в лодке гребли в направлении нашего корабля. Получив доклад об этом, капитан велел рулевому вести корабль к лодке. Вскоре встретив ее, мы обнаружили, что в ней полно негров племени крумен, как я выяснил впоследствии. Эти туземцы были черными как уголь и совершенно голыми. Они сидели на фальшбортах своей лодки и толкали ее веслами. На носу стоял негр мощного сложения, размахивая алой тряпкой в правой руке. Команда лодки сверяла работу весел со взмахами тряпки и каждое усилие сопровождала необычными криками, похожими на карканье стаи ворон. Как раз посередине лодки мы заметили смуглого белого человека, который, как выяснилось позже, был испанцем. Он сидел на бочке

и энергичной жестикуляцией, казалось, побуждал туземцев делать все от них зависящее.

Обстенили грот-стенги-стаксель и перебросили через борт веревочную лестницу. Как только лодка достигла борта корабля, наш приятель, сидевший на бочке, поднялся по лестнице. Выйдя на палубу, он бросился к нашему шкиперу, обнимал его, снова и снова тряс руки и разразился таким бурным потоком слов, что не давал тому возможности открыть рот. Наконец возбуждение испанца от встречи улеглось, после чего капитан пригласил его в свою каюту.

Когда они ушли вниз, туземцам велели подняться на борт, завести лодку за корму и держать ее на расстоянии каната, сброшенного с корабля. После этого нам было приказано «продолжать движение, держась ближе к берегу». Мы приблизились к нему на безопасное расстояние, после чего корабль снова лег в дрейф. Команда лодки состояла из девятнадцати – двадцати гребцов-крумен, больших и мускулистых. Они были голыми, не носили даже шапок, чтобы прикрыть головы от лучей солнца, которые могли бы расплавить наши черепа – белых людей, если бы мы не прикрыли их как следует. Каждый из них носил связки раковин каури вокруг лодыжек и запястий. Полагаю, они использовались вместо денег для бартерного обмена. Два-три туземца могли говорить на ломаном английском. Видимо, они научились ему у матросов британских военных кораблей, патрулирующих побережье.

После короткого совещания наши гости избрали одного из своей группы в качестве представителя. Он сразу извлек большую пользу из знания английского языка для того, чтобы выпросить какую-нибудь еду. Мы снабдили их едой. После утоления голода они стали выпрашивать через своего переводчика наши старые рубашки, шляпы, а также табак и все прочее, что они могли видеть или вообразить. Некоторые из наших матросов спустились вниз и принесли немало из того, что они предложили обменять на каури. Туземцы-крумен сначала расставались с этим неохотно, но вид красной фланелевой рубашки был слишком соблазнительным объектом для лидера (тот, что размахивал красной тряпкой на лодке), чтобы устоять, и он поддался соблазну. После этого стало легко вести с ними торговлю. За старую рубашку я выменял короткую связку каури, которой до сих пор владею. Нельзя было без смеха наблюдать, как они с важным видом ходят по палубе в своем новом облачении. Ни один из них не оделся полностью. Один туземец надел зюйдвестку и короткую рубашку, другой – лишь пару зюйдвесток, третий – пару старых резиновых сапог и соломенную шляпу. Облачение последнего было самым экстраординарным, какое я когда-либо видел.

Капитан со своим испанским приятелем вышел на палубу и, увидев фантастическое обличье туземцев-крумен, дал выход своему буйному гневу. К трапу подтянули лодку и забавно выглядевшей команде велели сесть в нее. Крепко обняв нашего шкипера еще раз, испанец отбыл. Грот-парус снова наполнился ветром, и мы удалились от берега, против резкого ветра.

К этому времени наш харч стал улучшаться. Теперь к солонине добавили маринованный лук, мясные консервы и другие деликатесы. Между тем «затычка», корабельный бондарь, занимался изготовлением небольших ящичков, и, как только он делал их много, мы приделывали к ним веревочные ручки. Далее, со многими вещами, свалившимися на нас помимо этого, прошло некоторое время, прежде чем мы обнаружили около сорока одинаково подозрительно выглядевших ящичков. Позднее стало ясно, для чего они предназначались.

Отойдя в море от африканского побережья, мы курсировали вдоль него около двух недель, и в течение этого времени капитан не произнес ни одного слова. Это заставило нас сделать вывод, что судно пребывало там с целью принятия на борт груза негров. В этом не могло быть никакого сомнения. Но по какой причине он воздерживался от того, чтобы поделиться с нами информацией о состоянии дел, оставалось для нас тайной. Даже если бы матросы пожелали выразить протест, они были бы бессильны что-либо сделать. На борту находился еще один человек, который имел достаточные знания в навигации, чтобы управлять кораблем. И капитан знал это. Помощник капитана торгового судна, видимо, был опытным штурманом, но в данном случае это не шло на пользу. Наш помощник знал судовождение хуже меня, поскольку я умел считать путь, чего он не мог.

Уловка с китобойным промыслом теперь утратила силу. Сообщения о «фонтанах» продолжались, но лодки в связи с этим больше не спускались. В течение целых двух недель сомневаюсь, чтобы мы были когда-либо дальше чем девяносто – сто миль от побережья, поскольку дистанция большая, чем эта, в общем, сокращалась через каждые двое суток посредством изменения курса.

Бондарь завершил изготовление своих ящичков, и вместе с тем, что мы обнаружили в трюме, их оказалось около шестидесяти. Вся наша провизия и вода были пристроены, но трюм загромождало большое количество досок и шестов. Все это в конце концов вынесли на палубу и уложили вдоль фальшборта.

Однажды ночью, вскоре после окончания работ, реи обрасопили и курс

изменили. Рулевому велели быть предельно внимательным, а капитан оставался на палубе всю ночь. Сон на полубаке исключался, а свободное от вахты время мы проводили на своих морских сундуках. Те, кто не утратил способности думать, без сомнения, гадали, что нам принесет следующий день. Ведь, сколь бы они ни были невежественны в навигации, у них было достаточно ума, чтобы сообразить, что при благоприятном ветре корабль мог не более чем через несколько часов достичь побережья. По моим наблюдениям, люди были встревожены и, возможно, слегка напуганы, поскольку знали, что экипаж ждет мрачная перспектива, если корабль захватят с грузом негров на борту. Возникали неприятные мысли о том, как бы на несколько дней не попасть в тюрьму на этом побережье с нездоровым климатом.

Наконец долгая безотрадная ночь закончилась, и, как я и ожидал, на рассвете сверху раздался крик: «Земля!» В ответ на этот крик капитан явно занервничал или стал трусить. Позвав дрожавшим голосом помощника, он приказал ему взять подзорную трубу, скорее взобраться на грот-бом-брам-рей и обозреть прибрежные воды. Если заметит что-либо напоминающее судно, то должен немедленно доложить об этом капитану. Затем он велел второму помощнику проследить, чтобы вся команда была на палубе и приготовилась к быстрым действиям. Как оказалось, мы были уже у берега, не менее, чем он, встревоженные, потому что предстоящие несколько часов должны были решить нашу судьбу.

Дул слабый ветерок, корабль двигался медленно, и лишь через два часа земля открылась настолько, чтобы можно было сказать определенно, как она выглядит. Участок побережья, к которому мы приближались, казался необитаемым. В двух-трех сотнях ярдов от берега располагалась густая роща. Когда мы подошли ближе, я заметил длинный низкий навес со стороны рощи, обращенной к морю. Все это время капитан нервно ходил взад-вперед, окликая каждые пять – десять минут помощника, чтобы справиться, видит ли он что-нибудь. Получив отрицательный ответ, он бормотал довольно громко: «Странно, он там должен быть».

После пребывания наверху около трех часов помощник вдруг закричал:

– Парус!

– Где? – спросил капитан.

– Прямо по курсу и рядом с берегом, сэр, – ответил помощник.

Теперь второй помощник получил приказ приготовить оба якоря к спуску на глубине двадцати фатомов каждый. Этим занялась вся команда, и вскоре дело было сделано.

– Можешь разобрать его оснастку, флаг или какой-нибудь сигнал? – крикнул капитан помощнику.

– Это шхуна, у нее что-то развевается на грот-мачте, но не могу разобрать,
– ответил тот.

Теперь я взобрался наверх, на фор-марс, вглядываясь в берег. Заметил судно, о котором докладывал помощник. Оно стояло на якоре. Пока я был наверху, мимо прошел мой приятель с белым сигнальным флагом, переброшенным через плечо, и, когда он взялся за стень-ванты, я спросил, что он собирается делать.

– Привязать его к сигнальным фалам и встать рядом, чтобы поднять его вверх.

Сигнальные фалы были натянуты чуть раньше, а концы закреплены на салингах.

– Думаю, сигнал чисто-белый, сэр, с берега гребет лодка, – крикнул помощник.

– Хорошо, – ответил капитан, – подавай сигнал.

– Да, да, сэр, – сказал Фрэнк, и через мгновение белый сигнал развевался с верхушки мачты.

Земля открылась очень быстро, и теперь очень ясно: я увидел длинный, низкий навес. Он выглядел так, словно был сооружен из торчащих из земли столбов с использованием для крыши кустарника из соседней чащи. Такой навес, как я узнал позже, назывался загоном.

Когда лодка, о которой сообщил помощник, находилась примерно в четырех-пяти сотнях ярдов от берега, ее команда прекратила грести и стала ожидать нашего подхода. Капитан окликнул помощника и приказал ему спускаться вниз. После того как тот оказался на палубе, мы начали убирать верхние летучие паруса, готовясь стать на якорь.

Вскоре мы подошли к небольшой лодке, и наш друг, «торговец пальмовым маслом», поднялся на борт и снова запечатлел на нашем капитане эмоциональный поцелуй. Он был сильно возбужден, и я сделал вывод из его поведения, что он желает, чтобы мы немедленно остановились. Капитан, видимо, думал иначе, поскольку продолжал вести корабль дальше и не бросал якорь, пока мы не оказались в опасной близости от бурунов. Парусам позволялось висеть на бык-горденях, не натянутых даже наполовину, и даже бом-брам-стенги не имели сезеней для уборки парусов. Удивительно, что корабль не протаскивал якорь по грунту при таком воздействии ветра на паруса. Судно круто сдало назад и туго натянуло якорную цепь, как струну арфы.

– Пусть все висит так, как есть, – крикнул капитан помощнику, – и пошли всю команду в трюм стелить полы. Не сторонись, помогай сам.

Мы спустились вниз и стали выполнять приказ. «Торговец пальмовым маслом» плясал на палубе, как безумец, и каждую минуту-две совал свою

голову в люк трюма и подгонял нас: «Поспешите!» В этом, однако, не было необходимости, поскольку у нас было достаточно здравого смысла для понимания того, что якорь спущен в опасном месте, и мы работали с большим рвением. Вскоре пол уложили, правда, он был не очень гладким, но вполне пригодным для поставленной цели.

– Садитесь в лодки, ребята! Быстрее, парни! – последовал клич.

Мы разместились в лодках и отгребли от корабля. Отошли на небольшое расстояние, когда мимо нас прошла большая прибойная шлюпка, полная голых негров – мужчин, женщин и детей. В лодке находились туземцы-крумен, они правили веслами. Все разом тараторили на своем обезьяньем языке, и каждые несколько минут можно было наблюдать, как поднималось весло и обрушивалось на голову какого-нибудь неудачливого негра.

Когда они достигли корабля, я глянул вперед, чтобы определить, куда мы движемся. Обнаружил, что мы приблизились на пятьдесят – шестьдесят ярдов к берегу. Еще пять-шесть гребков вынесли бы нас на буруны, но последовала команда сушить весла. Глядя в сторону загона, я увидел длинную шеренгу туземцев, идущих гуськом к берегу, откуда была готова отойти прибойная шлюпка. Когда у лодки собралось некоторое количество негров, ее оттащили к месту отхода, команда гребцов стояла по пояс в воде, крепко ухватившись за фальшборт с обоих бортов, чтобы держать лодку носом к бурунам. Затем негров хватали по одному и без разбора толкали в лодку, пока полностью не загрузили ее. Гребцы прыгнули в лодку и взялись за весла.

Всю операцию следовало выполнить быстро, и для этого требовались опытные руки. Малейшее виляние отдало бы нос лодки во власть бурунов, тогда возникла бы опасность удара их в борт. В таком случае ничто не спасло бы лодку от мощной волны прибоя, а туземцев от падения за борт, и тогда, вероятно, более половины их погибло бы. Однако лодка, благополучно избежав прибоя, взяла курс к нашей лодке. Теперь помощник приказал нам принимать негров и везти их на корабль. Он предупредил, когда прибойная лодка к нам приблизилась, чтобы мы взяли весла в руки и стояли в готовности бить черных по головам, если они попытаются лезть в нашу лодку скопом.

Предупреждение оказалось своевременным, ибо едва прибойная лодка достигла нашего борта, как началось столпотворение. Мы делали все возможное, чтобы сдерживать негров, используя единственный аргумент, который они воспринимали, – сильные удары по голове. Тем не менее нас чуть не затопило, когда большое число туземцев навалилось на один из бортов лодки. Когда погрузка закончилась, мы взялись за весла и начали гребсти к нашему судну. Прибойная лодка вернулась к берегу за новым

грузом. Мы продвигались медленно. Лодка была столь перегружена, что невозможно было сделать полный мах веслом, не задевая рукоятками спины или не ударяя ими в лица негров.

Когда мы наконец добрались до корабля, невольников стали гнать вверх по трапу, пока они не попадали в руки двух смуглых португальцев. Эти люди, прибывшие с берега на первой лодке, тащили негров на палубу. Таким грубым обращением беднягам нанесли много царапин и синяков.

В то же время нам приходилось постоянно следить за неграми, чтобы не дать им класть на внешний фальшборт руки, где они могли быть раскромсанными о борт корабля при каждом крене лодки.

После разгрузки мы отправились за новым грузом, который получали в той же манере, и благополучно доставляли на борт корабля. Таким способом мы совершили несколько ходок туда и обратно, пока на борт не был перемещен последний негр. Затем подняли на корабль и лодки. Пока мы занимались этим, большие прибойные лодки с берега, хотя и перегруженные туземцами, невообразимым способом проходили через буруны, не теряя ни одного человека.

На борту корабля царила неразбериха. Негров отправляли в трюм без малейшей заботы об их удобном размещении. Соответственно, они буквально сваливались один на другого. Качание корабля в сочетании со спертым воздухом и невыносимой жарой превращало трюм в ад. Естественно, почти все негры болели желудком. Женщин поместили в рубку рулевого управления. Корабль был оснащен тем, что матросы называют полуютом, то есть каютой, сооруженной на верхней палубе. Переднюю часть корабля отгородили переборкой, а отдельные каюты, насколько возможно, удалили, оставив почти чистую палубу до разделительной линии. Это мы называли третьим классом. Ветер свободно гулял по палубе, поэтому ее можно было назвать раем по сравнению с трюмом. Следовательно, женщины путешествовали с большим комфортом, чем мужчины.

Теперь, когда груз разместили на борту корабля, мы выбрали якорь и ставили паруса, находясь в данное время против ветра. Затем, убавив паруса для приведения судна к ветру и обрасопив реи для перемены контргалса, якорь подняли. Но корабль не слушался руля и стал дрейфовать кормой. Этого не следовало допускать, поскольку мы были слишком близко от берега, и капитан приказал бросить якорь – единственно возможное решение при данных обстоятельствах. Испанец, однако, был недоволен этим. Когда он услышал, как громыкает якорная цепь сквозь отверстие клюза, то забегал, как безумный, по юту, крича: «О нет, нет, капитан! Ингли! Ингли!» Затем, схватив конец каната, он стал непристойным

образом обертывать им свою шею, давая понять, несомненно, что существует опасность зажима, если якорь будет опускаться. Теперь мы приняли конец троса в шесть футов, продетый через клюз, и, протянув его вперед, привязали к цепи ближе к воде, после чего тросом туго обтянули корму. Между тем второй помощник разъединил смычку цепи на тридцати фатомех и, выводя конец, встал рядом, чтобы позволить цепи свободно разматываться.

Все было готово. Отдали приказ спускать трос, и, пока цепь выходила через якорную трубу, на корме закрепили трос. По мере его натяжения нос корабля уваливался под ветер, и, как только парус расправился, мы привели корабль к ветру. Вскоре имели удовольствие наблюдать, как корабль движется вперед вместо дрейфа кормой, сочли за удачу то, что потеряли всего один якорь и трос. Остаток дня посвятили тому, что кормили и поили негров. Выбросили также за борт весь древесный материал, валявшийся на верхней палубе, после чего приобрели больше свободного пространства. Теперь настало время подумать об учреждении вахты на ночь. Для удобства негров ничего нельзя было сделать до утра.

Забыл сказать, что два португальца, помогавшие переправлять негров на борт, вернулись на берег в одной из прибойных лодок по завершении погрузки.

Ранним утром следующего дня мы готовили для негров еду. Заполнили на три четверти один из котлов рисом и назначили двоих наиболее сообразительных черных коками. Бондарь выступал надзирателем. Пока все это происходило, мы спустились в трюм посмотреть, как его обитатели провели прошедшую ночь. Их изможденные взгляды свидетельствовали о пережитых страданиях. Было удивительно, что половина их, запертых в таком тесном и душном помещении, не погибла. Мы обнаружили пять или шесть мертвых тел, которые вынесли на палубу и приготовили для захоронения на морском дне. Не было и намека на какую-то религиозную церемонию. В том состоянии, в каком они были, голыми и изможденными, их выбросили за борт. В течение долгого времени мы могли видеть, как их тела следуют за кораблем. Я не мог находиться внизу долго, из-за зловония чуть не задохнулся. Выбравшись на палубу, услышал, как капитан сказал, что ко времени восьми склянок негров следует вывести на палубу для приема пищи. Пока они будут заняты трапезой, мы должны основательно почистить трюм.

Как раз перед тем, как должны были пробить семь склянок, капитан сообщил команде, что вахт внизу до полудня больше не будет, поскольку людей так мало, что никого нельзя отвлекать от своих обязанностей в течение дня. Нам сказали также, что команде следует оставаться на палубе в

дневное время просто из соображения безопасности, иначе негры могли бы счесть соотношение сил в свою пользу, когда заметили бы нашу малочисленность. Мы не могли возразить против этого, поскольку предостережение выглядело достаточно разумным. Нам следовало довольствоваться восьмичасовым отдыхом каждую ночь, а может, и меньше, поскольку, если возникала необходимость убавить паруса, на палубе обязательно требовались все члены команды.

Команда завтракала в семь часов, а в половине восьмого мы принимались за дело, начиная выводить негров на палубу. После того как палуба заполнялась так плотно, чтобы нам едва хватало места, чтобы кормить их, мы обнаружили, что большое число негров, поделенных для приема пищи, осталось внизу и ело там. Бондарь и его коки кормили детей приготовленным к этому времени рисом, от которого поднимался пар. Детей обносили порциями риса, и вдобавок им выдавалось по две галеты. Очень немногие туземцы проявляли желание есть, но испанец, особо ответственный за их жизнь, брался за конец веревки и стимулировал их аппетит ударами по их обнаженным плечам. Бедные негры, вынужденные таким образом есть через силу, быстро погружали два пальца в горячий рис и, захватив горсти, клали их в рот. Рис был еще горячим, они перекатывали его во рту языком, прежде чем еда становилась пригодной для глотания, при этом их глаза готовы были вывалиться из орбит. Через две-три трапезы они научились дуть на рис, прежде чем отправить его в рот.

Кормежка занимала почти три часа. Жестокое обращение наряду с тошнотой провоцировали морскую болезнь, затрудняя глотание. После ухода детей негров обносили оловянным котелком, в котором содержалась кварта пресной воды.

Перед продолжением повествования было бы неплохо охарактеризовать негров. Туземцы-крумен превосходили во многих отношениях представителей других племен. Высокие и статные, здоровяки, они, несомненно, сулили самую высокую цену на рынке. Понимая португальский язык, они в качестве переводчиков представляли большую ценность для испанца. На плантации, где содержался наш груз до перемещения в загон, туземцы-крумен надзирали за другими. На борту корабля их снабдили хлыстами и наделили правом ругать и бить обычных негров, когда им этого хотелось. Мне показалось, что они прибегают к этому чаще, чем было необходимо, и получали подлинное удовольствие от своего поведения.

Туземцы-крумен носили на спинах клеймо в виде буквы, у некоторых передние зубы были остро заточены. Цвет их кожи у одних – очень черный, у других – более светлый, бронзовый. Те туземцы, чьи зубы не

обтачивались, имели великолепные зубы. Их зубы были белыми, ровными, совершенными во всех отношениях, будто искусственными, и блестели, как бриллианты. У туземцев-крумен, сложенных более пропорционально, чем другие негры, носы не были такими плоскими, а губы – пухлыми. Полагаю, они имели имена на своем языке, но произнести их было слишком сложно для нас, поэтому мы выбирали фаворитов и давали им клички: Грота-штаг, Крамбол, Раксклот, Каболка и другие морские термины. Этим людям доверялось выполнение ряда работ, а по ночам они поддерживали порядок и тишину в трюме. Им поручали кормление негров. Мы же просто надзирали за этим и следили, чтобы каждый туземец получал надлежащую порцию еды и не больше. У нас никогда не было основания наказывать их, поскольку они выполняли порученную работу добросовестно. Они даже вызывали определенную симпатию некоторых членов команды, которые снабдили их одеждой и табаком. Трубка и табак давали им ощущение полного счастья, казалось несколько не омраченного думами о будущем.

Других негров насчитывалось около восьмисот. Это были люди всех комплекций и возрастов – от грудных младенцев до мужчин и женщин сорокалетнего возраста. Многие из них носили клейма причудливых форм. В ряде случаев метками было покрыто все тело – даже лицо не составляло исключения. Большое число из них имели, как и крумен, обточенные передние зубы. Когда они раскрывали свои большие толстые губы, то выглядели свирепо. Лишенные всякого интеллекта, не имевшие даже сообразительности собаки-нюфаундленда, они были также форменными трусами. Один белый человек мог запугать сотню негров или манипулировать ими. Женщины были отважнее, и если бы только они находились на борту нашего корабля, то после двухнедельного пребывания в открытом море начался бы мятеж. Невольниц насчитывалось около двух сотен, и их поместили, как я уже отмечал, на юте. За немногими исключениями, они представляли собой физически прекрасные образцы разных рас. Пять или шесть самых молодых особей были безнадежно больны – полагаю, они жаловались на чахотку. По ночам женщины производили больше шума, чем все мужчины. Поэтому, отбывая вахту, я часто замечал испанца с хлыстом в руке, скачущего среди них и яростно бьющего направо и налево – такое обращение давало положительный эффект.

У нас на борту имелось пятьдесят или шестьдесят негритянских мальчиков в возрасте от шести до четырнадцати лет. Все они были крепкого телосложения и обладали отличным здоровьем. Молодежь не доставляла никакого беспокойства по ночам, свирепые взгляды туземцев-крумен подавляли любые подобные поползновения.

Перед тем как отправить негров вниз, трюм следовало основательно вычистить, и для этого изобрели определенную систему. Испанский капитан, как его стали наконец называть – никакого другого имени не прижилось среди моряков, – разделил большинство туземцев-крумен на группы, а трюм перегородил на участки. Каждую группу обязали содержать свой участок в чистоте, и определенное число негров следило за этим. Оставшихся черных разместили на палубе, заставляя их делать все, что необходимо.

После предварительных приготовлений началась настоящая работа. В короткое время трюм полностью выскребли и уложили ровно пол, лежать на котором стало намного удобнее. Как раз перед носовым люком для вытапливания китового сала были привязаны два пустых котла, занимавшие большое пространство, необходимое для других целей. И так как котлы были излишней роскошью для такого китобойного промысла, как наш, мы добились от капитана разрешения потренировать на них свою силу при помощи мушкетей. После многочисленных мощных ударов нам удалось наконец разбить котлы на кусочки достаточно малые для того, чтобы их поднять и выбросить за борт. Трюм после этого значительно улучшили, и негров отправили туда с более благоприятными перспективами для жизни. В каждом люке установили виндзейль и отладили его работу. Когда появлялся какой-либо ветерок, в трюм поступал свежий воздух.

Испанский капитан, наша опора в уходе за неграми, относился к ним излишне сурово. Капитан нашего корабля рассказывал, что испанец восемь раз перевозил живые грузы на Кубу и ни разу не попадал впросак. Имея такой большой опыт, он прекрасно знал наилучшие и безопасные способы обращения с неграми. При сравнении количества негров на борту с численностью команды (нас было всего восемнадцать человек) становилось очевидным, что приказы относительно их в связи с наказанием или чем-нибудь еще должны были выполняться быстро и без малейшего проявления боязни. Страх негров перед испанцем был столь велик, что я искренне верю в его способность контролировать их в одиночку. Тем не менее я не замечал в его поведении преднамеренной жестокости, за исключением двух-трех случаев, о которых будет упомянуто в дальнейшем.

Он пользовался любовью девочек-негритянок, и я не помню ни одного случая, когда бы он наказывал их или давал указание делать это туземцам-крумен. Во многие жаркие, знойные дни, когда над верхней палубой натягивали навес, он разрешал малышам резвиться и играть под ним, часто проявляя изобретательность, способствуя детским развлечениям. Нередко он брал небольшие ситцевые лоскуты длиной восемнадцать или двадцать дюймов, привязывал их к элементам такелажа и затем начинал состязания в

беге, давая каждой девочке равную возможность первой сорвать лоскут. Это был приз самой удачливой, и ей завидовали те, которым не удалось этого сделать. Ситец затем использовался на практические нужды, например на изготовление фартуков. Испанец был искушен в медицине и спас несколько жизней своими разумными методами лечения.

Как только негров отправляли вниз после еды, он готовился к их следующему кормлению через равные промежутки времени. В восемь часов утра подавался завтрак. Затем детей следовало помыть, пропитать соленой водой. Их по одному передавали группе взрослых, члены которой должны были помыть им руки и лицо. После этого каждому мужчине, женщине или ребенку выделялась кварта пресной воды. Те же действия повторялись после обеда, который начинался в три часа пополудни. Вначале для приема пищи требовалось почти три часа, но после недельной практики это время сократилось до двух часов.

В первый день, когда мы заканчивали их кормление после полудня, часы показывали шесть часов. В это время все черные должны были уже быть в трюме и оставаться там всю ночь. После мытья палубы мы спускались в трюм, чтобы убедиться в правильном обращении туземцев-крумен с неграми. Начиная с носовой части мы заставляли первого негра лечь на пол головой против ветра, лицом к носу корабля, чуть подтянув колени к подбородку. За ним клали другого негра, который касался грудью спины первого и колени которого сгибались под аналогичным углом. Мы напихивали их в такой манере, ярусами, соответственно длине и ширине трюма. Туземцы-крумен пользовались привилегией разваливаться как хотят, но в их обязанности входило держать других невольников в предназначенных им местах. Когда рассветало, негры меняли положение по собственному усмотрению.

Каждое утро в пять часов мы начинали драить верхнюю палубу, что также было сигналом для бондаря вызывать коков и готовить еду для черных. Палубу драили и скребли до семи часов, после чего вахтенный на палубе давал знак вахтенному в трюме звать членов команды на завтрак. На это нам выделялось полчаса, после чего следовало посылать негров на палубу и организовывать их в отдельные группы для приема пищи. В недельный срок мы их приучили к порядку и больше не имели неприятностей.

Капитан-испанец выбрал среди туземцев-крумен службу для медицинских целей. Этот негр назывался «шикко», что означало на туземном языке «врач», и оказывал большую помощь своему хозяину. Шикко обнаружил внизу много больных. Испанец посоветовался с капитаном корабля, и в результате на возвышенном полубаке был сымпровизирован

лазарет. Туда переносили всех больных и незамедлительно проводили лечение. Дизентерия, которую, несомненно, вызвали главным образом перемены в питании и вода, была главной и наиболее смертоносной болезнью, от которой они страдали. После долгих мучений все первые пациенты скончались. Имели место два-три случая заболевания оспой. Больные получили быстрое лечение, но тоже умерли. К счастью, эта роковая болезнь больше не распространилась. Если бы случилось иначе, то бог знает, как бы сложилась наша судьба. Случилась одна примечательная болезнь, которую капитан называл прибрежной цингой. Заболевший ею человек раздувался до тех пор, пока его кожа не становилась прозрачной. Ни одно лекарство не действовало, а страдания больного были невыносимы. Две недели он переживал ужасную агонию, перед тем как смерть избавляла его от нее. Был случай паралича среди негров, и испанец ничего не мог поделать с этим. Когда несчастная жертва брала чашку с водой, ее рука сильно дрожала, и это так забавляло негров, что они безудержно кричали и смеялись. Иногда требовался хлыст, чтобы их успокоить.

Во время перехода роды случились только раз. Негритянка была беременна двойней. Один ребенок сразу умер, другой прожил лишь несколько часов.

Когда негры отправлялись на ночь вниз, по одному вахтенному было приставлено к люкам, чтобы по два часа наблюдать за ними до рассвета. По истечении этого срока происходила смена вахтенных. Выполняя свои обязанности, люди носили при себе местные африканские мечи или ножи, которыми их снабжал испанец. Оружие выглядело как большой заржавленный кухонный нож для сыра и, по-моему, годилось только для производства насечек крышки люка. Когда негры шумели, вахтенный кричал что-то, похожее на «Заткнитесь!». Это магически действовало на негров, и они мгновенно успокаивались.

Команда пожелала более серьезно вооружиться для самозащиты на случай внезапного нападения, однако испанский капитан сказал, что один вид таких заржавленных старых ножей внушит больше страха, чем десяток револьверов. Большинство негров, по его словам, не имеют представления о пистолетах и поэтому не испытывают к ним никакого страха. Я думаю, это «бабушкины сказки». Видимо, команда, вооруженная револьверами, представлявшая серьезную силу, в случае конфликта с офицерами могла на судне захватить власть. Мы носили свои финки, как принято у матросов, за поясом до тех пор, пока капитан не намекнул нам прозрачно, чтобы мы не показывали их неграм, которые могут впасть в соблазн воспользоваться ими.

Люки не задраивались, трюм оставался открытым днем и ночью. После

нашего четырехнедельного пребывания в открытом море некоторые негры так осмелели, что по ночам, вопреки приказам туземцев-крумен, подбирались к люкам. Удар вахтенного по голове мечом плашмя действовал на каждого из них наилучшим образом, после чего следовало мгновенное исчезновение внизу нарушителя дисциплины.

Однажды утром туземец-крумен сообщил испанскому капитану об одном таком ночном нарушении. Виновника заставили лечь на палубу лицом вниз, вытянуться во весь рост и привязали к рым-болтам. После этого один из туземцев-крумен начал хлестать беднягу по спине, и, когда тот ослаб, другой туземец занял его место и возобновил битье. Негр стиснул зубы, но не проронил ни звука. Испанец жаждал крови, но кожа негра была столь прочна, что кровь так и не появилась, битье прекратили лишь после того, как несчастный почти испустил дух.

В переоборудованной каюте для младших офицеров имелась крупная дородная женщина, которую матросы называли «мисс Морская Свинья». Судя по улыбке, которая постоянно играла на ее лице, она, видимо, была довольна таким обращением и жилым помещением. Однажды она проявила желание поглядеть на море за перилами, и кто-то позволил это сделать. Я вздрогнул от неожиданного пронзительного крика женщины и, взглянув на корму, увидел, как испанец ругает мисс Морскую Свинью. Лево́й рукой он держал ее за волосы, в то время как она громко редела. После того как он дал ей сильный шлепок, в одну из балок каюты вбили гвоздь и привязали к нему бечевку, державшую руку мисс Морской Свиньи. Испанец подозвал переводчика и сказал ему какие-то слова, которые после перевода успокоили мисс Морскую Свинью, поскольку ее рев сразу прекратился, но она старалась избегать взгляда испанца.

Позднее выяснилось, что эту ситуацию вызвала попытка мисс Морской Свиньи перепрыгнуть через борт. Ей почти удалось это. Она уже перелезала через перила, когда ее заметил испанец и подоспел как раз вовремя, чтобы схватить ее за ноги и втащить обратно. После этого мы наблюдали за ней, но она никогда не разрывала бечевку, которая держала ее руку. Заковать ее в железо было не очень подходящим способом, но это тем не менее отвечало нашей цели.

В течение нескольких недель после отбытия с африканского побережья, вследствие слабых ветров и штилей, скорость судна оставалась весьма незначительной, так что нас ожидала перспектива долгого перехода. К этому времени была уменьшена норма выдачи воды. Норма питания не изменилась, поскольку на борту имелись обильные запасы еды. Напротив, негров кормили еще лучше, дважды в неделю им выдавали определенное количество свинины и говядины. Хороший уход и обильное питание

значительно улучшили их внешний вид, что, естественно, радовало испанского капитана. Красивый, здоровый негр стоит гораздо дороже, чем тщедушный, болезненный тип. Следовательно, кормить негров хорошо и заботиться о них надлежащим образом означает увеличение количества дублонов для собственников. Вплоть до этого времени мы потеряли около двадцати негров, и смертность вызвала главным образом дизентерия. Когда в течение дня дул слабый ветер, над главной палубой ставили навес, под который негры из трюма могли прийти и вытянуться в полный рост. Это давало большое облегчение страдавшим в трюме от сильной жары и спертого воздуха и, несомненно, было причиной спасения нескольких жизней.

Однажды после полудня стало пасмурно, и к шести часам вечера пошел сильный дождь. Мы приняли меры для сбора пресной воды, развернув тент и ослабив его фалы таким образом, чтобы просел центр. Дождь продолжался до тех пор, пока в полночь свежей водой не заполнились восемь или девять больших бочек. Это был знак очень большой удачи.

Среди корабельных запасов, хранившихся в лазарете на корме, находились пять или шесть бочек рома из Новой Англии. Все матросы хорошо знали об этом, поскольку когда мы вскрыли запасы, то две или три бочки оказались открытыми. За спинами офицеров матросы пробовали их содержимое при помощи соломинок. После того как на борт взяли негров, команда полагала, что выдача грога послужит наверняка компенсацией за рейс. В этом они ошибались, поскольку им не досталось ничего, помимо того что удалось похитить тайком. Старик капитан присвоил все себе и каждый день умудрялся напиваться к четырем часам вечера мертвецки пьяным. После этого он удалялся к одной из порожних лодок на палубе полуяота, чтобы проспаться. Капитан поступал так постоянно, оставляя корабль на ответственность офицеров. Испанец попрекал его, доказывая, что тот показывает дурной пример команде. Однако его доводы не возымели действия, и капитан продолжил пить, пока не освободился от груза.

Однажды после полудня произошел случай, который имел серьезные последствия. Перед появлением в пьяном виде капитан всегда демонстрировал свой безобразный характер, нещадно обругивая матросов. И вот как-то после полудня стих ветер, и корабль попал в штиль. Реи поставили прямо и натянули нижние прямые паруса, чтобы предотвратить перетиранье. Капитан вышел на палубу и приказал поставить лиселя. Это не имело смысла, поскольку было безветренно, и офицеры напомнили ему об этом. Тогда он стал ругать палубного офицера и приказал ему спуститься вниз, после чего рывкнул матросам, чтобы те уменьшили площадь парусов.

Основательно поработав до полудня и недостаточно отдохнув предыдущую ночь, они не были расположены выполнять столь бесполезную работу. Когда же они взяли снасти в руки, послышались звуки, намекавшие на то, что капитан принял достаточное количество рома. Забыв, какой рейс совершает корабль, он ругался и угрожал взять на гитовы первого недовольного матроса.

Это было уже слишком. Матросы бросили снасти и угрожающе надвинулись на него. К счастью для старика, на палубу вышел испанец и с первого взгляда оценил ситуацию. Встав посреди трапа, ведущего на корму, он стал энергично жестикулировать и повторять: «Нет, нельзя! Плохо, очень плохо!» Испанец вызвал офицеров и попросил их убедить матросов не совершать нападения, потому что капитан был просто пьян и не соображал, что делал. Потребовалось некоторое время, чтобы матросы успокоились и вняли просьбе отойти. Думаю, капитан сознавал угрожающую ему опасность, поскольку и в пьяном состоянии благоразумно спустился вниз, вместо того чтобы укладываться в лодку, как делал прежде. Это послужило ему хорошим уроком. Больше он не угрожал подвешивать матросов, а его приказы не сопровождались отвратительной руганью, как прежде.

Примерно в это время неграм впервые предоставили возможность выкупаться. Они суетливо выбрались на палубу и выстроились рядами. К носовому насосу присоединили шланг и направили на них живительную струю воды, под которой они смеялись и добродушно переговаривались – заключенным на всю ночь в трюме, прохладная морская вода оказалась им весьма кстати.

В течение этого отрезка рейса больше ничего интересного не происходило, пока не появился парус, замеченный после полудня сверху, примерно в пять часов вечера. Как только можно было различить чужака с палубы, капитан озаботился определением его курса. При сближении стало очевидно, что незнакомый корабль двигался в нашем направлении. Мы, однако, не меняли курса, пока не выяснится окончательно, что чужак идет на сближение с нами. Но нам все-таки пришлось изменить курс, ибо до чужака вскоре стало рукой подать.

Примерно на седьмую неделю рейса задул благоприятный бриз, и корабль пошел полным ходом. Внутри меня звучал монолог такого содержания: если славный ветер продлится десять или двенадцать дней, мы где-нибудь пристанем к берегу. Приближается также время, когда от негров надо будет избавляться, поскольку они уже не настолько боятся белых людей, как тогда, когда их взяли на борт. Под конец стало трудно поддерживать среди них спокойствие по ночам, приходилось много стучать по крышке люка,

прежде чем черные обращали на стук внимание и прекращали шум. Осмелели также туземцы-крумен, и иногда отданный им приказ приходилось сопровождать ударом хлыста, настолько мало они проявляли желания слушаться.

В понедельник после полудня негров отправили на палубу, поскольку было приказано обкурить трюм. Мы взяли небольшие алюминиевые банки с дегтем, свайки, разогретые почти докрасна, и, рассредоточившись по трюму, стали тыкать раскаленным железом в деготь, в результате чего повалил густой дым. Продолжали это делать до тех пор, пока не начали задыхаться от дыма и вернулись на палубу подышать свежим воздухом. Крышки люков закрыли и не открывали в течение двух часов. Дым наполнил благовонием и очистил атмосферу внизу полностью. После того как трюм проветрили от дыма, мы обнаружили, что нездоровый запах, который прежде ощущался очень сильно, полностью уничтожен.

Я подумал, что окуривание было опасным занятием. Ведь если бы деготь загорелся, когда его подогревали в оловянных мисках, и пролился среди бочек и крепежных приспособлений, то корабль было бы трудно спасти от уничтожения пожаром. В этом случае человеческих жертв оказалось бы много – либо от огня, либо от воды погибли бы все негры. Однако ничего трагичного не случилось, и, думаю, все облегченно вздохнули, когда необходимую, но опасную работу закончили.

В среду утром той же недели один из матросов, стоявший на вахте, обнаружил, что часть пола позади носового люка была разобрана. Полагая, что негры что-то замыслили, матрос укрылся у люка и, подняв голову достаточно, чтобы наблюдать, ждал развития событий. Вскоре он увидел, как к бочке с водой ползет крупный негр и пытается снять затычку. Он сбивал ее своим кулаком так же, как мы обычно это делали при помощи деревянной колотушки или свайкой, чтобы расшатать затычку. Он схватил ее, вытаскивая пальцами. Затем, просунув в бочку палочку длиной три фута, быстро вытащил затычку и стал подбирать ладонью текущую воду. Он продолжал это делать, пока не напился. Затем палочка была передана другому негру для утоления жажды тем же способом. Наконец наблюдавший это матрос пришел к выводу, что водопой продолжается слишком долго. Он запомнил сбившего затычку парня так, чтобы определить его, когда утром снимут решетку, ударил крышку люка мечом, отпугнув черных. Перед выпуском их на палубу он спустился вниз найти виновника и палку. Негра легко обнаружили, но палки не было. Несомненно, ее спрятали в полу, и понадобилось много времени, чтобы ее найти. Доску на бочке с водой восстановили на прежнем месте. Но если бы негров не застали на месте преступления, то об этом бы никто никогда не

узнал.

После завтрака о событии доложили испанскому капитану, который заставил всех туземцев-крумен, размещенных в передней части трюма, выстроиться у мачты и попытался с помощью переводчика выяснить, известно ли им было что-нибудь об утреннем происшествии. Они ничего не знали, ничего не видели и не слышали об этом. Испанцу показалось, что они врут. Он рассердился и пригрозил им разного рода карами, если виновных не найдут. Угрозы не заставили ни одного из них стать доносчиком. Они упрямо молчали, и наконец он распустил их, награждая ударами хлыста направо и налево.

Когда виновника происшествия подвели к испанцу, он приказал туземцам-крумен привязать негра к рым-болтам на палубе, после чего он не мог сдвинуться с места. По наущению капитана туземцы-крумен били его хлыстами, вкладывая в удары всю свою силу. Наказание продолжалось так долго, что я подумал, негр не выдержит и умрет. Но он обладал поразительной выносливостью и издал только несколько стонов. Когда избивание наконец закончилось, испанец нагнулся над негром, извлек из своего кармана бритву, раскрыл ее и сделал длинные прямые порезы на теле жертвы. Потом он взял отрезок дерева, напоминавший линейку, и слегка побил им вдоль ран, что заставило их кровоточить. Закончив это, он приказал шикко принести кружку с рассолом из расходной бочки и полил им кровоточащие раны, после чего бедный негр не смог вытерпеть страдания и громко застонал. Продержав несчастного в ужасной агонии десять минут, его освободили и заковали в двойные кандалы.

Капитан корабля и члены команды наблюдали за этим бесчеловечным наказанием со стороны. Надо отдать должное нашему командиру – он оказался более гуманным, чем испанец, который поступил с негром слишком жестоко. Члены команды тоже настроились против «доктора Даго» (Диего), как они называли испанца, и дали простор своим чувствам, обзывая его «кровавым каннибалом» и выражая желание увидеть его в таком же положении и посмотреть, как это ему понравится.

Страдалец негр стал единственным наказанным подобным образом. Думаю, если бы испанец предпринял такую попытку еще раз, капитан бы вмешался, и если бы сделал это, то никто из команды не стал бы возражать. Несчастный так и не выздоровел на борту, и его выгрузили на берег очень больным.

Когда негров снова поили, нам приказали выдать им полную норму – около кварты воды. Возможно, капитан опасался, что жажда подтолкнет их к отчаянным действиям ночью, и решил, что лучше дать им больше воды, чем вынуждать их красть ее.

Однажды в полдень капитан вызвал Чипса и меня, приказав нам спустить за корму платформу и отскоблить название корабля. Он добавил, что теперь мы «кровожадные пираты и должны следовать без названия».

Хотя в течение дня дул легкий ветерок и море оставалось спокойным, однако, выбравшись на платформу, мы обнаружили, что выполняем трудную и опасную работу. Появилось довольно сильное волнение моря, и бившаяся о корму судна волна высоко поднималась над водой. Когда волна достигала носа, движение возобновлялось, и началось то, что моряки называют качкой.

Платформа отходила слишком далеко, что угрожало нашим жизням. В первый момент, когда судно поднималось, она качалась под подзор кормы, и у нас почти не было времени отклониться при опускании кормы. Если бы мы опоздали на секунду с этим, то были бы расплющены в лепешку. Когда это происходило, мы погружались в воду, нужно было напрячь все силы и удержаться, чтобы нас не смыло. После подъема платформы нам удалось наконец соскоблить название. Теперь мы оказались вне закона и становились призом для любого корабля, способного нас захватить. Корабль мог быть взят, но только не негры. Капитан клялся, что в таком чрезвычайном случае он бы «выбросил их за борт и послал к черту!».

Рейс, однако, заканчивался, поскольку благоприятные ветры, которыми мы наслаждались прошедшие две недели, приблизили нас к острову Куба. Каждая нитка парусов была натянута, и корабль мчался по воде, как резвый конь. Мои мысли сосредоточились на этом бризе, и, если он чуть ослабевал, падало мое настроение, но, если он усиливался, оно повышалось.

Часто, когда негры гуляли по палубе, у меня возникала мысль о том, как легко было бы для них взять верх над нами и отправить всю команду на дно. Какая большая разница между ними и китайскими кули! Третью таких кули давно послали бы нас всех туда, если бы их допустили на палубу до того, как заковали в железо, как этих негров. Полки в рулевой каюте были заполнены гарпунами и копьями, которые могли бы стать грозным оружием в руках рабов. Обычный здравый смысл должен был подсказать капитану, что их следовало убрать в первую очередь в ту часть судна, которая наименее доступна для черных. Это, однако, не было сделано до тех пор, пока в течение пяти недель оружие не стало мозолить неграм глаза, а туземцы-крумен видели его еще чаще, что было небезопасно для нас.

Наступило светлое и ясное воскресное утро, когда ветер все еще оставался благоприятным и свежим. В это время корабль выглядел скорее как торговое судно, поскольку мы шли в фарватере судов, направлявшихся в Вест-Индию. Вполне вероятно, что необычное появление китобойного судна в этих водах вызвало бы подозрение – командиру какого-нибудь

военного корабля могли сообщить об этом, и у того могло возникнуть желание проверить такое сообщение. Корабль выкрасили черной краской, за исключением узкой желтой полосы, идущей вокруг его корпуса. Краска была положена, но вид корабля от этого не очень изменился. На палубе находились две китобойные шлюпки. Шлюпбалки устранили и выбросили за борт. Теперь у нас на палубе имелись четыре шлюпки, занимавшие большое пространство. Если бы корабль был оснащен рострами или консолями, две из них можно было устранить, так как они представляли собой помеху на палубе, мешая работе. Капитан приказал их выбросить за борт. За ними последовали большое количество гарпунов и копий, прекрасный сундук плотника, инструменты бондаря и много других вещей. Капитан не объяснял причин такого уничтожения корабельного имущества, полагая, вероятно, что в это дело никому не следует совать нос.

В понедельник задул сильный ветер, пришлось убирать паруса. Из-за недостаточного балласта судно стало очень валким. Мы убрали так много парусов, что, когда корабль кренился в наветренную сторону, почти было видно киль. Это доставляло много неудобств неграм в трюме, и при каждом сильном крене их быстро бросало в подветренную сторону, что оказывалось небезопасным. Жесткий бриз вызвал также сильное волнение моря, что привело к большому числу заболеваний. Качка лишала негров аппетита, и, когда им предлагалась после обеда еда, к ней прикасались очень немногие. Испанец орал, настаивая, чтобы они ели в любом состоянии, раз им готовят пищу. Он заставлял бедняг проглатывать ее под угрозой жестокой порки.

Капитан рассчитывал обнаружить землю после этого полудня либо следующим утром. Число впередсмотрящих было удвоено, им приказали следить за появлением высокого берега и малого судна. Думаю, около полудня или чуть позже раздался сверху возглас наблюдателя: «Земля!» Капитан, находившийся на палубе, сразу поднялся наверх, где пробыл некоторое время. По возвращении он о чем-то говорил с испанцем. Курс корабля не менялся, и мы быстро сокращали расстояние до берега.

Вскоре после этого нас заставил вздрогнуть возглас сверху: «Парус!» Мы с большим интересом наблюдали за приближением чужака, в котором скоро различили направлявшийся к нам небольшой шлюп. Оба капитана внимательно всматривались в приближавшееся судно. Сильный бриз вскоре подогнал его к нам в то время, когда мы отпустили фалы фор-бом-брамсея. На взятие на гитовы парусов судно ответило отоплением реев. Это, видимо, развеяло все сомнения в головах двух капитанов, и корабль немедленно лег в дрейф. Верхний угол грот-паруса шлюпа был поднят, когда он вышел на расстояние видимости и был приведен к ветру. Капитан-испанец теперь приветствовал шлюп на своем языке, и после коротких переговоров со

шкипером шлюпа нам приказали сесть в шлюпку правого борта. Мы быстро подчинились, спустили шлюпку и двинулись к шлюпу. Его шкипер прыгнул к нам, и мы доставили его на свой корабль. Некоторое время шкипер беседовал с капитаном, между тем как испанец писал письмо. Он передал его гостю вместе с рядом устных инструкций, после чего мы доставили шкипера обратно на шлюп. Как только мы отошли от борта его судна, он сразу поставил паруса и направился к берегу.

Подняв лодку на борт, мы наполнили ветром грот-марсель и удалились от берега. Это разочаровало команду – мы надеялись, что негров высадят на берег, а движение корабля с носом, обращенным в открытое море, приводило в уныние. Впоследствии обнаружилось, что шкипер шлюпа некоторое время ожидал нас, чтобы передать инструкции. Мы также выяснили, что были достигнуты договоренности послать для принятия нашего груза два малых судна. Они должны были дрейфовать вне зоны прохода военных кораблей, патрулирующих эту часть побережья. Мы держались поодаль от берега, возможно дальше от опасности, до субботнего утра. К этому времени нам следовало вернуться на прежнее место.

Поступил приказ кормить негров в трюме, поскольку выводить их на палубу не позволяло позднее время. Кроме того, было бы неблагоразумно держать многих из них на виду, когда корабль оказался в столь опасных водах. К счастью, кок не пренебрег готовкой пищи для негров, поэтому все прошло без задержки.

В это время я был рулевым, а на палубе не находился только корабельный кок. Ветер продолжал крепчать и постепенно отклонялся к северу, так что я не мог вести корабль по компасу без поднятия парусов. Я гаркал на кока три или четыре раза, но он, должно быть, производил столько шума кружками и кастрюлями, что до него не мог дойти с кормы человеческий голос. Я повернул руль на три-четыре румба, когда ветер неожиданным порывом изменил направление на северное и почти обстенил паруса. Я быстро переложил руль, и корабль, не имея времени для потери направления, медленно повалился под ветер, а паруса наполнились. Ветер был настолько сильным, что судно накренилось до такой степени, что поручни с подветренной стороны оказались под водой. Теперь волны хлынули в люки, смывая негров, настил и все, способное двигаться, в подветренную сторону и вызывая сильное возбуждение среди всей команды. Через несколько минут капитан и команда выползли на палубу. В это время корабль сразу оказался с полностью зарифленными парусами и лег в дрейф. Теперь задул северный ветер.

Шторм продолжался до захода солнца следующего дня. Затем ветер стих настолько, что можно было поставить брамсея. Я радовался ослаблению шторма из-за бедных негров, которым сильная качка и недостаток свежего воздуха доставляли большие страдания. Во время шторма под крышки люка подкладывались тамбуры для предотвращения проникновения воды, и это препятствовало вентиляции трюма. На следующий день установилась хорошая погода, и, когда корабль лег на свой курс, ветер дул почти с траверза. Так как нас отнесло от берега на большое расстояние, необходимо было поставить все паруса, чтобы достигнуть места встречи в назначенное на следующее утро время.

Когда шторм начал трепать корабль, члены команды в трюме потешались над нелепой в целом ситуацией. Видимо, они закончили кормежку негров. Бачки с водой были наполнены и расставлены в удобных для обслуживания местах, когда неожиданно, без предупреждения, покатались кувырком в подветренную сторону и их чуть не раздавили негры, которые скатывались на них сверху. Бачки с водой летели, расплескивая свое содержимое и обдирая голени людей. Несколько раньше матросы смогли выбраться из-под негров, которых настолько парализовал страх, что они потеряли способность шевелиться.

Мой приятель Фрэнк сказал, что «ниггеры побелели как мел». Я допускаю, однако, что он, будучи в возбужденном состоянии, преувеличивал. Капитан оказался не лучше простых матросов, поскольку был опрокинут на палубу и несколько негров перекачилось вверх тормашками прямо на него. Впоследствии он заметил, что они воняли «хуже, чем гнилая треска» и их зловоние выносилось хуже, чем весь их вес.

После полудня была забита последняя из десятка свиней, которых мы приняли на [борт](#) перед отбытием из Америки, часть туши была использована для морского пирога. Мы питали некоторую жалость к маленькой свинке и сожалели, когда ее жестоко забили. Совсем недавно свинку выпускали из загона и позволяли бродить по главной палубе. Контактируя со многими людьми, она стала совсем [ручной](#) и «приобрела значительный опыт», как выразился кок. Некоторые из матросов научили ее трюкам, лучшим из которых был прыжок через обруч. В этом животное достигло большого искусства и могло выполнять трюк, не задевая краев обруча. Свинку научили также подходить на свист, а потом приняли членом вахты по правому борту, ибо, когда матросы заступали на вахту, она обязательно появлялась из-под лебедки и рыскала по палубе, пока вахтенные не исчезали внизу после восьми склянок. Когда подали морской пирог, мы почтили ее память, доказав таким образом силу нашей любви к ней – даже после гибели.

Все члены экипажа добровольно оставались на палубе всю ночь и заняли обзорные площадки внизу и вверху, поскольку мы снова приближались к острову в фарватере других судов. Зажигать свет в каюте запретили, а нактоуз закрыли сверху брезентом. Оставили лишь маленькую дырочку, сквозь которую рулевой мог видеть [компас](#).

Негры почему-то сильно возбудились и много шумели. Все угрозы испанца не могли их успокоить. Если бы рядом проходило какое-нибудь судно, думаю, люди на его борту были бы удивлены, услышав такую какофонию звуков. Наблюдатели сообщили о двух-трех огнях, но мы легко обошли их.

Наконец ночь, казалось самая долгая, подошла к концу, и мы приготовились накормить негров последним завтраком на борту. Поступили приказы уделить кормежке минимум времени, но мы не особенно старались и спешили насколько возможно. С учетом того, что это была последняя кормежка, мы сняли ограничения на потребление воды, позволив каждому негру пить столько, сколько он хотел. Завтрак подавался в трюме, ни одному негру не позволили совать нос на палубу, включая туземцев-крумен. Затем мы сами быстро проглотили свой завтрак, после чего соорудили платформу для спуска за [борт](#). Впоследствии ее следовало использовать для транспортировки негров. Все это время наблюдатели бдительно следили за обстановкой, но не заметили никаких признаков появления судна на каком-либо участке линии горизонта. Во время четырех склянок (десять часов утра) с фор-брам-рея заметили землю. Капитан счел, что корабль подошел достаточно близко к берегу, и велел лечь в дрейф.

Около двенадцати часов сообщили о появлении в прибрежных водах паруса к западу от нашего корабля и через несколько минут различили другой парус примерно в том же месте. Теперь капитан взял подзорную трубу и пошел наверх, где пробыл целый час, наблюдая за чужаками. В это время мы определили, что оба судна были шхунами.

Когда капитан вернулся на палубу, его встретил испанец и посоветовал продолжать движение корабля и взять курс на сближение со шхунами, насколько возможно. Капитан же был склонен оставить корабль там, где он находился, пока приближение чужаков не позволит ему убедиться в том, что все в порядке. Однако испанец развеял его опасения, сказав, что, даже если суда окажутся не теми, которые мы ждем, у нас будет масса времени уйти от них. Капитан согласился и приказал круто обросопить реи и привести корабль к ветру. Встав на ветер, который постепенно ослабевал, мы были всего на румб с подветренной стороны к шхунам. Нам пришлось приложить все силы для того, чтобы уменьшить расстояние от шхун до того, как ветер стих полностью и оставил нас заштилевать в опасном месте.

К двум часам мы достаточно сблизились, чтобы подать сигнал. Фор-бом-брам-рей был усажен, и через несколько минут мы опустили бом-кливер. Теперь все внимательно наблюдали за незнакомцами, и если бы на наши сигналы они не ответили, то можно было проститься со всеми нашими надеждами. Через десять – пятнадцать минут мы получили благоприятный ответ и встретили его троекратным «ура», от которого корабль буквально задрожал.

Теперь мы убедились, что это были шхуны друзей, которые ожидались. Нам приказали очистить палубы и приготовиться к переброске негров. Я обрадовался тому, что появилось дело, отвлекавшее от мыслей, возникавших во время наблюдения за шхунами. Казалось, пройдет вечность, когда они достигнут нас. С обоих бортов корабля, на носу и корме, приготовили концы для перемещения груза, когда шхуны подойдут достаточно близко.

Это произошло через полтора часа. Поступил приказ убрать легкие летучие паруса и взять на гитовы фоковые и гротовые паруса, после чего обстенить грот-марсели. К тому времени, как одна из шхун вышла на расстояние, допускающее переговоры, испанец послал вызов и получил удовлетворительный ответ.

– Концы в подветренную сторону товсь! – крикнул капитан.

Шхуна легла в дрейф с подветренной к нам стороны, когда на нее бросили конец каната. Но [тот](#) не долетел, и ошибку исправил экипаж одной из шхун, бросив нам свой [канат](#), конец которого подхватили, протянули вперед и принайтовили так, чтобы подтянуть шхуну к средней части корабля. Перед закреплением конца другая шхуна пошла в бейдевинд к нашей корме и судну сопровождения бросила конец, который подхватили и закрепили. Дик закрепил теперь первый [канат](#), и мы крикнули матросам шхуны выбирать его. Едва приложили первое усилие, и матросы приготовились тянуть дальше, как, к нашей досаде, «бабий узел» Дика соскользнул и конец ушел за [борт](#). Прежде чем мы бросили на шхуну другой конец, она ушла за корму.

Вся команда ругала Дика последними словами, а помощник так разозлился, что нанес ему три или четыре сильных удара, сказав бедняге, чтобы тот не попадался ему на глаза, иначе он его убьет.

– Повезет в следующий раз! – сказал капитан. – Пять-шесть человек берутся за канаты, остальные сооружают платформу через [борт](#).

Распоряжение быстро выполнили. Кроме того, спустили трапы в люки, чтобы негры поднялись по ним, когда прикажут. Мы потеряли много времени, прежде чем шхуны снова выстроились вдоль борта. На этот раз крепил канат более опытный моряк. Когда один из канатов протянули под

платформой, передали приказ, чтобы три-четыре матроса спустились вниз и заставили негров подняться по трапам. Другие матросы, стоявшие посередине корабля, помогали переправлять негров на платформу. Наконец со шхуны на корабль передали большой саквояж, который взял на хранение наш капитан. Как я выяснил впоследствии, он был набит дублонами.

Как только негры выбирались на палубу, их подгоняли ударами хлыста двигаться быстрее и затем загоняли через [борт](#) на платформу, откуда они прыгали на палубу шхуны. Освобождение от них трюма заняло час, затем настала очередь женщин. Мне казалось, что будет трудно заставить их прыгать с платформы, однако они, по всей видимости, не возражали против таких прыжков и справлялись с этим хорошо.

– Прощайте, миссис Лакомый Кусочек, – произнес Джордж, хлопнув по заднице негрятенку, когда та подошла к краю платформы. – Похоже, я больше вас не увижу.

– Прощай, Дездемона, – сказал Дик. – Не хочешь ли оставить мне локон своих волос? – Дик не особенно соблюдал приказ помощника не появляться со своей глупой физиономией на людях.

Матросы отпускали много таких замечаний, пока негрятенки перебирались через [борт](#), и, когда они успешно приземлялись на палубу шхуны, их приветствовал общий возглас: «Отлично сделано!» Туземцы-крумен покидали судно последними, и, когда они проходили мимо, им дарили табак и старую одежду. Когда все негры покинули судно, был отдан приказ отдать концы и отчаливать.

Пока мы занимались выгрузкой негров, другая шхуна пристроилась к своей спутнице и приняла на [борт](#) половину живого товара. Обе шхуны загрузились неграми, и теперь возникла проблема, как укрыть их курчавые головы от обозрения с проходящих мимо судов, если какое-нибудь из них окажется поблизости. Я оставил решение этой проблемы испанцу.

Как раз когда мы обрасопивали реи, испанец крикнул с палубы шхуны, чтобы мы прислали ему галет. Капитан приказал бросить через [борт](#) четыре бочки, поклявшись, что не спустит лодку даже для самого черта! Возможно, он полагал, что подмокшие в соленой воде сухари не причинят неграм вреда.

На шхунах поставили паруса, а их носы устремились к берегу. Мы также использовали каждый лоскут парусины, который способен тащить наш корабль. Однако двигались медленно, ветер был не настолько сильным, чтобы наполнять паруса. Капитан приказал побросать бачки за [борт](#) и после этого пожелал, чтобы сосновый пол в трюме разобрали, а доски сложили на корме. Помощник возразил – внизу становилось слишком темно, и лучше было оставить работу до утра. На этом порешили, и я отправился на

возвышенный полубак и наблюдал за удаляющимися шхунами, пока они не скрылись в ночной мгле. Чуть позже, заглянув на палубу, я увидел, как члены команды собрались вокруг котлов, ужиная.

– Итак, парни, – сказал кок Джордж, вышедший подбирать мусор, оставленный бондарем после приготовления последнего завтрака для негров, – мы пробыли почти шесть месяцев на невольничьем корабле.

– Мы еще не оставили его, – откликнулся кто-то.

– Не имеет значения. Сейчас мы на легальном торговом или китобойном судне, – добавил Джордж.

– Верно, Джордж, – вмешался Фрэнк, – но даже черт голову сломит, если попытается ответить, какое из них наше судно.

Корабль пришел в порт Кампече на Юкатане и бросил там якорь. До этого мы выбросили за [борт](#) все сосновые доски, которые использовали во время перехода из Африки. После этого промыли трюм хлорной известью, но любое количество этого дезинфицирующего средства не могло удалить полностью специфический запах, сохранившийся в трюме, и мы решили наконец, что ничего, кроме пожара, не сможет очистить его окончательно.

Команда больше не оставалась на корабле, хотя капитан настаивал на этом. Матросы сошли на берег и обосновались в Кампече. Они вели себя так, как и подобает матросам, имеющим в кармане наличность. Они щедро платили испанскими дублонами, поэтому могли себе позволить «вызвать переполох в городе».

Пробыв в Кампече около трех недель, мы отправились на борту мексиканской шхуны в Новый Орлеан, куда прибыли в январе 1861 года. В то время здесь преобладала атмосфера сильного возбуждения, и я сомневался в возможности перебраться на север, если мой отъезд задержится. Поэтому отправился в Нью-Йорк поездом. Вскоре я совершил рейс в [Китай](#) и по возвращении в Америку поступил на флотскую службу офицером-добровольцем, на которой состоял до конца Гражданской войны».

Примечание. Корабль «Томас Уотон» был построен в Балтиморе штата Мэриленд в 1848 году, имел водоизмещение 348 тонн. В 1858 году он прошел в Нью-Йорке регистрацию на имя собственника груза или грузоотправителя Дж. А. Мачадо и капитана Эллиота, владельца судна. В 1861 году оно зарегистрировано как собственность России в распоряжении владельцев, капитанов Хиггинсона и Аллена. Отмечается, что это первое американское судно, на котором в Англии был поднят флаг Конфедерации, и, как сообщалось, это случилось, когда корабль стоял в доке Ливерпуля. После короткого использования в качестве быстроходного судна, участвующего в блокаде побережья, корабль подвергся преследованию

крейсеров и окончил свое существование, налетев на Каменный риф, близ Чарлстона в Южной Каролине. Его груз состоял из соли, одеял, фланелей и нескольких других товаров. В то время как корабль лежал на рифе, у водной кромки, его сожгли 15 октября 1861 года.

Глава 17

ПОСЛЕДНЯЯ МИССИЯ АМЕРИКАНСКОГО НЕВОЛЬНИЧЬЕГО СУДНА

В 1850 году в Новом Орлеане умер рабовладелец Джон Макдоног, который, сделав Новому Орлеану и Балтимору посмертные дары на образовательные цели, потребовал выполнить одно условие – чтобы по истечении нескольких лет его рабам предоставили свободу и возможность эмигрировать в Либерию. В период до весны 1859 года уполномоченные, ответственные за имущество, начали подыскивать судно, на борту которого освобожденные рабы могли бы быть переправлены в негритянскую республику на африканском побережье. Сначала предложили перевезти их на борту пакетбота, который каждую весну с эмигрантами и грузовыми поставками отправлялся из Балтимора, а позднее в том же году возвращался с грузом продовольствия из колонии. Однако примерно в это время выяснилось, что корабль «Ребекка», стоявший у правительственного причала в Новом Орлеане, к 1 мая должен был прибыть к западному побережью Африки. Он мог обеспечить освобожденным рабам вместе с их багажом подходящие условия для переезда. Вскоре состоялись переговоры. В последний момент уполномоченные решили послать с ними врача и спешно запросили об этом доктора Ховарда Смита, профессора медицинского колледжа, который рекомендовал только что прошедшего курс лекций молодого студента Джорджа Хоу из города Натчеза штата Миссисипи.

В девять утра того же дня «Ребекка» должна была отходить, когда доктор Смит обнаружил молодого студента у ворот благотворительной больницы и без ответного приветствия спросил: «Джордж, ты хочешь съездить на африканское побережье?» Хоу сразу ответил: «На все сто, доктор». – «Когда ты соберешься?» Полагая, что профессор шутит, Хоу сказал: «Хоть сейчас». Взяв с него слово, профессор объяснил ситуацию и необходимость такой поспешности. Когда он закончил, молодой человек прыгнул в кабриолет доктора и вскоре оказался в офисе уполномоченных Макдонога, где подписал соглашение на поездку в качестве медика освобожденных рабов [47 - Полное повествование о рейсе см.: Howe G. The Last Slave Ship //

Scribner's Magazine. 1890. July.]

В офисе некоторые джентльмены предавались веселым шуткам о «шерсти и слоновой кости», и один из них написал письмо врачу военного корабля США «Винсеннес», патрулирующего побережье Африки, сказав Хоу: «Это рекомендательное письмо, возможно, будет для вас полезным». Но [тот](#) был настолько поглощен идеей поездки в Африку, что не придавал особого значения этим шуткам и отправился домой упаковывать книги и одежду.

В двенадцать часов он был на борту корабля и, представляясь капитану, отметил, что [тот](#) выглядел раздраженным. Вскоре капитан пригласил его в каюту и приказал стюарду приготовить комнату. Выйдя на палубу, Хоу увидел пеструю толпу негров, мулатов, квартеронов, мужчин, женщин и детей разных возрастов числом сорок три человека. Они усердно занимались перетаскиванием багажа на борт корабля. Многие из них не желали ехать и, казалось, были удручены перспективой покинуть дом. Вскоре прибыли несколько уполномоченных с женами, которые знали негров, и через некоторое время им удалось немного приободрить иммигрантов.

Корабль отошел от причала в четыре часа вечера. Рано утром следующего дня они были в устье реки, а через час – в открытом море. Приятный южный бриз гнал корабль дальше со скоростью восемь миль в час. На званом обеде Хоу обнаружил за капитанским столом натурализованного шотландца капитана К., первого помощника мистера Т. из Лонг-Айленда, двух испанцев, мало говоривших по-английски. Последовало представление. Один испанец пояснил, что они со спутником едут в торговую факторию на африканском побережье, представляя [торговый дом](#) в Гаване. Долго ожидая подходящей возможности выбраться туда, он взял билет на это судно на всю протяженность маршрута.

После ужина помощник остался в каюте, к столу пришли и были представлены другие офицеры: «Это доктор Собоунс, я – помощник, вот второй помощник, там плотник. Теперь скажите, как вы умудрились поехать с нами в последний момент?» После того как Хоу объяснил, помощник сказал: «Вам следует узнать кое-что о корабле и его рейсе, перед тем как займетесь делами». Это напоминало шутки уполномоченных и заставило молодого врача задуматься. Вечером, во время вахты помощника, он подошел к нему и после нескольких замечаний о погоде сказал: «Мистер Т., я не вполне понял ваше замечание за ужином. Будьте любезны объяснить». После долгого молчания помощник ответил: «Ладно, рано или поздно вы узнаете это. Не думаю, что я выдам тайну, если скажу вам сейчас, что данный корабль – невольничье судно. Да, именно оно. Корабль принадлежит испанской компании, которая представлена здесь испанцем,

старшим из пассажиров. В свое время он примет обязанности капитана. Другой испанец будет его помощником. Они купили этот корабль два месяца назад и столкнулись со всеми таможенными проблемами. Корабль идет под американским флагом и, как полагают, будет приобретен торговым домом в Новом Орлеане, являющимся филиалом испанской компании. Они хотели добыть документы, позволяющие кораблю идти к африканскому побережью. Сейчас все, что предназначено для этого региона, воспринимается с подозрением, и испанцы решили идти без груза для приобретения пальмового масла, древесины бафии яркой и других товаров. По разным причинам таможенные власти отказали выдать документы. Между тем корабль загрузили пустыми бочками, бочарными клепками в неотесанном виде, из которых собирались сбивать в случае необходимости другие бочки. Очень деликатным был вопрос о продовольственном снабжении, поскольку продовольствие нельзя было везти с выгодой в качестве груза для этой местности и для бартерного обмена оно не годилось. Тогда испанцы предложили оборудовать корабль как китобойное судно для промысла в районе от Бермуд до мыса Доброй Надежды. Это позволило бы судну по случаю подойти к африканскому побережью за водой и свежим продовольствием, а также потребовало бы больше времени на поездку. Как раз в это время [торговый дом](#) узнал о плане уполномоченных Макдонога отправить бывших рабов через Балтимор в Либерию. Рассмотрев этот вопрос, решили предложить корабль как средство транспортировки за весьма умеренную цену. Если бы таможенники согласились на это, им была бы выплачена хорошая премия. Предложение приняли и назначили дату отбытия. Теперь испанцы располагали легитимным грузом для африканского побережья и легко получили необходимые документы для торговой фактории на реке Конго, остановки по пути в Либерии. Могу вам сказать также, что ваше присутствие здесь неприятно для капитана К., поскольку он собрался проследовать с этими неграми до южного побережья Кубы, оставить их в знакомом месте и продолжить рейс. Сейчас это невозможно без договоренности с вами, но не думаю, что он что-нибудь скажет вам по этому поводу. Вы чужак, мы все время на виду у других судов. Вам легко будет шепнуть несколько слов, чтобы расстроить экспедицию».

На следующий день рано утром, когда капитан с врачом вели на палубе разговор за чашкой кофе, он заметил: «Эти негры представляют большую ценность, каждый из них владеет каким-нибудь ремеслом, что заинтересовало бы любую плантацию. Женщины тоже приобрели большой опыт. За них бы на Кубе дали кругленькую сумму. Куба очень близко, и я знаю, где можно высадить негров без большого риска».

Врач сразу ответил: «Капитан, этих негров надо высадить в месте назначения в Африке, и насколько возможно, я не позволю изменить программу».

Как бы развеивая всякие сомнения, капитан сказал: «Разумеется, их следует высадить в Либерии, жаль только, что на ветер выбрасывается столько денег».

Помощник во время вахты, которая затем последовала, спросил доктора, о чем они говорили с капитаном, потому что по возвращении в каюту последний долго и бурно разговаривал с испанцами. Он не мог их убедить, что высадка негров на Кубе представит небольшой риск, с согласия врача или без. Узнав подробности разговора между капитаном и врачом, помощник сказал: «Ну, теперь вопрос решен, мы движемся на юго-восток вместо юго-запада. Это означает, что мы не будем делать остановку на Кубе на этом этапе рейса».

«Это мой второй рейс подобного рода, – сказал помощник. – Первый был из Нью-Йорка в Африку и Бразилию, и, поскольку в Бразилии, видимо, запретят рабство, а кули становятся дешевле негров на Кубе, наш корабль будет последним невольничьим судном. Если нам повезет, то мы привезем последний груз живого товара. Сначала вам нужно понять, что требуется один человек в качестве главного распорядителя и три агента, каждый с помощником, способным подменить агента в случае болезни или смерти. Главарь проживает в Гаване. Один агент с помощником, испанский капитан и его приятель, находятся вместе с нами на борту корабля. Он поехал в Соединенные Штаты приобрести самое быстроходное судно, какое только можно купить за деньги. Нашел в Новом Орлеане клипер из Балтимора «Ребекка» водоизмещением пятьсот пятьдесят тонн, с высокими парусами, лиселями к бом-брам-реям, стакселями к бом-брам-стенгам, с рекордной скоростью по ветру четырнадцать узлов, со способностью определяться по траверзному расстоянию. Судно было оборудовано новыми парусами, такелажем, дополнительным рангоутом и реями, а также большим запасом материала для изготовления новых парусов во время рейса, замены ненадежных лееров, бегущего такелажа и т. д. Служащие таможи, видимо, отнеслись к судну с подозрением и внимательно следили за всем, что касалось судна. Как раз в это время уполномоченным Макдонога сделали предложение отвезти негров в качестве пассажиров, после чего произвели соответствующие приготовления. Потом началась закупка в больших количествах риса, белых бобов, свинины и галет якобы для пассажиров. Посредством длинного шланга были заполнены все бочки водой из отверстия под ватерлинией в носовой части корабля. Его снабдили досками и смастерили койки между палубами по всей длине трюма по числу

ожидавшихся пассажиров. На палубе соорудили большую плиту для приготовления пищи. Другой агент с помощником отбыли несколько месяцев назад к африканскому побережью, закупили и договорились вывезти частями по контракту столько негров, сколько их помещается внутри судна. Место встречи с ними знали на борту нашего корабля только испанцы. Еще один агент с помощником располагались в качестве рыбаков, я точно знаю, на редко посещаемом острове с южной стороны Кубы. Там с компаньоном или двумя они удят рыбу на продажу, так что им требуются постоянный лагерь и малое судно. Когда мы подойдем, они будут готовы сообщить нам, где и когда выгрузить товар. В Гаване у главаря все наготове, в его особые функции входит подкуп таможенников и удержание их подальше от места, где их не хотят видеть. Унция золота, семнадцать долларов на человека, выплачивается таможенникам за каждый выгруженный [комплект](#) живого товара. Они делят взятку между собой, согласно прежним договоренностям».

Жизнь на борту протекала приятно, поскольку наш корабль снабдили замечательной провизией, деликатесами, необходимыми для комфорта. В условиях замечательной погоды проход по Гольфстриму вызывал большой интерес. Каждый день производились эксперименты, менялись размеры и тип парусов, чтобы добиться максимальной скорости. Все мачты проверили на максимальную нагрузку, добавляли новые леера и лось-штаги до тех пор, пока не оставалось сомнений в способности мачт выдержать любую нагрузку. Корабль легко преодолевал в день триста двадцать – триста пятьдесят миль, идя круто против ветра, как только возможно. В полосе юго-восточных пассатов корабль шел двенадцать часов курсом на восток-северо-восток, двенадцать часов – на юго-запад и в течение суток двигался на восток со скоростью тридцать миль.

Негры вскоре привыкли к движению судна, но продолжительность рейса утомляла их, и они не раз повторяли, что когда захотят вернуться в Луизиану, то пойдут пешком, так как провели достаточно времени на качающейся палубе. Чтобы занять себя, женщины принимались штопать и стирать белье офицеров. И так как их посуду сложили в нижнем трюме, необходимо было найти другую. Со стиркой и сушкой справились легко, но глажка осуществлялась посредством наполнения раскаленными углями алюминиевого ведра и использования его как утюга – правда, без особого успеха.

1 июля 1859 года разыгрался ужасный шторм, с ветром и дождем, море сильно разбушевалось. Показался мыс Пальмас, на нем была расположена Монровия, столица Либерии. Все сооружения у воды затемняла дымка, и,

когда она рассеялась, появился небольшой пароход и сделал холостой выстрел, приглашая «Ребекку» стать на якорь. Корабль поднял американский флаг и двинулся дальше в сопровождении парохода, оказавшегося английским крейсером «Вайпер», который подошел, возможно, ближе и выслал на борт «Ребекки» офицера. Тот вежливо объяснил свое появление и был приглашен вниз, где ему в качестве жеста любезности показали документы корабля, потому что последний был теперь под юрисдикцией либерийских властей. Офицер любезно пояснил, что узнал судно, как только оно оказалось в пределах видимости, и что его пароход вместе с другими крейсерами некоторое время высматривал «Ребекку». Он сказал, что его правительство депешей, доставленной почтовым пароходом в Сан-Паулу-ди-Луанда, уведомило крейсера, что корабль «Ребекка» находится под подозрением. Судно описали с такой точностью, что ошибиться было невозможно. Офицер полагал, что корабль имел груз на вывоз, и был сильно раздосадован, когда обнаружил, что груз предназначен на ввоз и по назначению. После короткого пребывания он покинул корабль и удалился на пароходе в южном направлении.

Затем от берега к кораблю по очень бурному морю без особых усилий подошло длинное каноэ, под управлением четырех явно голых негров. Подойдя, они перебрались через поручни и стали ходить, подсакивая, среди пассажиров – без одежды, за исключением лоскутов ткани, повязанных вокруг пояса. Их было пятеро, мускулистых особей, низкорослых и плотных, с татуировками от лба до кончика носа и на щеках, иссиня-черных. Это были туземцы-крумен из племени, которое распространено на побережье. Капитаны кораблей нанимали их для погрузки товаров и воды или в качестве лоцманов. Их редко брали на вывоз. При виде туземцев-крумен пассажиры, охваченные ужасом и испугом, подняли адский вой. Матросы, пользуясь ситуацией, ходили между испуганными неграми и говорили им, что сейчас для них наступило время снять свою одежду и приготовиться идти на берег, чтобы быть похожими на людей, среди которых они будут жить.

Корабль стал на якорь в месте, назначенном туземцами-крумен, и отправил на берег весточку о прибытии. Однако из-за шторма курьер явился только на следующий вечер. Его появление успокоило негров, как масло бурные воды. Агент оказался энтузиастом и вскоре дал им понять, что сад Эдема всего лишь неприглядный пригород по сравнению с Монровией.

4 июля отмечалось как праздничный день, и офицеров корабля пригласили на обед к президенту республики и его министрам.

Вечером миссионер, единственный белый человек, проживавший в негритянской республике, отвел врача в сторону и сообщил о серьезных

сомнениях относительно характера миссии «Ребекки», а прибыв на корабль, он сказал офицерам, что их подозревают. На созванном сразу совете обсудили меры по высадке на следующий день пассажиров с их пожитками. В Монровию только что вернулась английская канонерская лодка и стала на якорь на небольшом расстоянии от корабля. От ее присутствия хотелось избавиться как можно скорее.

На следующий день рано утром появилась флотилия шлюпов, каноэ и яликов. Испанский капитан сказал доктору, что тот пойдет на борту судна до реки Конго, где произойдет встреча с почтовым пароходом. Доктор принял это предложение. К полудню высадили пассажиров с их пожитками, вернулся капитан с судовыми документами и т. д. Подняли якорь и двинулись новым курсом. За кораблем сразу последовал английский крейсер, но скорость «Ребекки» составляла двенадцать миль по сравнению с его восьмью. До наступления темноты англичанин исчез за горизонтом.

На палубе появился испанский капитан. Это был смуглый коротышка с черными волосами и холодным, решительным взглядом. Он носил открытую рубашку с большим шелковым платком вокруг шеи, белые брюки с широким красным поясом, обернутым вокруг талии несколько раз, широкую мягкую шляпу. Типичный бандит. За ним следовал помощник в почти таком же облачении. Затем он выступил вперед и ударил в корабельную рынду. Команда собралась на юте, где испанский капитан А. обратился к ней на испанском и английском.

– Матросы, теперь я капитан этого корабля. Это мой помощник, – сказал он, представляя своего спутника. – Другие офицеры сохраняют свои должности. Бывшего капитана и помощника мы уважаем и будем с ними советоваться. Цель рейса – закупка в Африке негров и доставка их на Кубу. Поездка чревата опасностями, но, если все пройдет хорошо, будет много денег. Если среди вас есть желающие сойти на берег, корабль сделает остановку в месте, где можно будет благополучно высадиться и получить двойное жалованье на день выдачи.

Команда выразила желание подписать новые статьи договора, и были объявлены размеры жалованья в случае успеха рейса. Американскому капитану и его помощнику полагалось по 5000 долларов, второму помощнику – 3500, плотнику – 3000, каждому матросу – по 1500 долларов. Численность команды составляла двадцать три человека, включая турок, греков, итальянцев, испанцев, шотландцев, янки и датчан.

Было очевидно, что испанский капитан не доверял капитану К. и, хотя они вели себя любезно по отношению друг к другу, в их поведении не наблюдалось ни малейшего признака фамильярности. Такое отношение к К. разделяла почти вся команда. Однажды, когда капитан К. зависал на булине

за кормой, проверяя рулевые петли, матрос на руле вытащил нож и сделал движение с намерением перерезать канат и сбросить капитана в море. Однако доктор заметил это и быстро обратил внимание на него испанского капитана.

Корабль опережал время прибытия к назначенному месту встречи на несколько недель, поэтому он неспешно двигался вперед, пока не вышел на расстояние одного дня хода до Маюмбы, расположенной примерно в двухстах милях к северу от устья реки Конго. Эту часть побережья усиленно патрулировали паровые и парусные суда Соединенных Штатов, Англии, Португалии и Испании, так что, приближаясь к берегу, мы подвергались большому риску перехвата. Хотя судовые документы были действительными до реки Конго, однако корабль могли перехватить по подозрению и отправить в Сьерра-Леоне. Там же суд мог основательно расследовать дело и вынести приговор о конфискации.

Однажды ход корабля был отрегулирован таким образом, чтобы, идя всю ночь в направлении побережья, он находился в дневное время на расстоянии пятнадцать миль от берега. В это время спустили на воду ялик, и в него сели испанский капитан с двумя матросами. Их снабдили продовольствием на два дня и компасом, после чего они отправились к берегу. Корабль же сразу повернул в открытое море с учетом того, что по прошествии сорока дней он вернется в место, где испанский капитан высадился. Теперь командование кораблем принял испанский помощник и вышел в море, удалившись на четыреста миль от берега, чтобы затем вернуться однажды и потом снова уйти в открытое море на сорок дней, не приближаясь к берегу на расстояние двести миль. Это был весьма спокойный переход. Лишь в двух случаях были замечены суда, которые оказались китобойными и держались мористее.

Утром на рассвете на сороковой день вояжа корабль подошел к побережью достаточно близко, чтобы отчетливо видеть рельеф, но на берегу не было обнаружено ни одного живого существа. Наверх послали наблюдателя, чтобы убедиться в отсутствии судов на горизонте. Корабль двигался несколько миль вдоль берега, пока не увидели негра, размахивавшего огромным белым флагом с большим красным крестом во всю длину и ширину полотнища. Это был сигнал, и через несколько минут можно было видеть, как несколько негров тащат к воде из укрытия корабельный ялик. Через час капитан А. был снова на борту. Очевидно, что-то не так пошло. Агент и помощник прибыли значительно позже, чем их ожидали. Оба заболели африканской лихорадкой и пребывали в торговом пункте на реке Конго на лечении. Ежедневно мимо этого места проходили британские крейсера, и их визит ожидался в любой момент, когда корабль

отправился в открытое море, в каюте снова провели совет, на котором решили, что раз судовые документы в порядке и позволяют идти к реке Конго, то надо двигаться туда и ожидать дальнейшего развития событий.

Слабые ветры и сильные течения задержали отбытие к торговому пункту, который находился в семидесяти милях от устья реки. Когда причалили, то обнаружили лодку с двумя белыми людьми. В одном из них узнали помощника агента, который сообщил капитану, что агент умер от чахотки и африканской лихорадки. Помощник медленно выздоравливал, и все торговые операции отложили до его выздоровления или прибытия корабля. Его спутником в лодке оказался торговец, в фактории которого он нашел прибежище. Теперь корабль был вынужден задержаться на некоторое время, так как у испанцев все идет медленно. Судно стало на якорь в семидесяти пяти футах от берега на левом берегу реки, вверх по течению.

Однажды команда увидела, как баркас с офицером и десятью матросами поднимается вверх по течению. Баркас сразу стал на якорь под носом у «Ребекки» и оставался на месте, пока корабль находился в реке. Он прибыл с британской канонерской лодки «Тигрис» и имел информацию с «Виксен» – другой канонерки, ушедшей дальше к югу в поисках корабля. «Тигрис» находился в устье реки, чтобы пресечь любую попытку вывоза негров. Испанский капитан снова покинул корабль и удалился на много дней. Необходимое для «Ребекки» пополнение запасов пресной воды было сделано посредством шланга, пропущенного сквозь отверстие в носовой части судна, незаметно от команды баркаса, хотя он находился на расстоянии в несколько футов.

Однажды на борт пришел торговец из внутренних областей континента и сообщил, что в загонах для негров, предназначенных для погрузки, разразилась эпидемия оспы. Он спросил, что делать. У врача в карманной аптечке имелся пакет вакцины, перетянутый лейкопластырем. Отправившись вместе с испанцем, он путешествовал два дня вверх по реке и затем углубился во внутренние области, передвигаясь в гамаке, подвешенном между двумя шестами, которые несли два туземца. Шли кружным маршрутом, чтобы не раздражать другие племена, которые потребовали бы большой выкуп. Достигнув загона, они обнаружили место, огороженное забором из бамбука высотой восемь-девять футов, площадью около трехсот квадратных футов. Над ним высилась соломенная крыша, выдававшаяся на десять футов к центру. Эта весьма хрупкая постройка использовалась как место заключения, но также укрытие от солнца, дождя и тяжелой росы, которая бывает очень холодной. Такие загоны, строившиеся в данной местности с разрешения местных вождей, позволяли без проблем выставлять захваченных рабов. Находясь во внутренних областях, торговцы

были избавлены от непрошенных гостей. Несколько негров, пострадавших, по заключению доктора, от оспы, заразились от туземцев племени, часто посещавшего побережье. Они общались с туземцами-крумен, которых наняли в Сан-Паулу-ди-Луанда. Заболевших отделили, для них построили новые загоны в отдаленных от моря районах, для здоровых негров – тоже, а старые загоны сожгли. Из крови вакцинированных больных выделили ослабленный вирус, и болезнь была остановлена [48 - От служащих факторий доктор узнал кое-что о способе, которым в то время велась работорговля. Торговец, всегда португалец, получал согласие от вождя сильного племени на проживание среди его соплеменников и щедро оплачивал подарками такую привилегию. После получения согласия сразу строился загон, и каждый член племени становился его добровольным охранником. Договаривались о ценах на негров в соответствии с их возрастом и полом. Они в среднем равнялись стоимости двух фатомов, или четырех ярдов, набивного ситца, кремневого мушкета, одного бочонка крупнозернистого пороха, одного бочонка рома в два галлона, нескольких связок бус или мотка медной проволоки. Английский эквивалент составлял около восьми долларов золотом за каждого негра, захваченного племенем у ближайших, более слабых соседей. Это были низкие цены, которые сохранялись, пока в течение нескольких лет постепенно не повысились в результате конкуренции.]

Покупали и договаривались доставить частями для погрузки на корабль достаточно большое число негров. Время отплытия корабля зависело только от того, когда их доставят на борт, но только с условием, что они снова не заболеют оспой. Негров отправляли небольшими партиями в место, расположенное в полудне пути от морского побережья, где они оставались, пока не было согласовано время доставки на берег. Этот последний переход к берегу осуществлялся ночью, чтобы прийти туда задолго до восхода солнца. Корабль должен был подходить на рассвете, и, если он не мог прибыть в назначенное время, вся операция откладывалась на неделю, и негры немедленно возвращались в загон, расположенный в полудне пути от побережья.

Когда врач вернулся на корабль, стоявший в реке, то обнаружил его уже приготовленным для отбытия в любой момент. На борт загружались новые партии птицы и фруктов. Только испанский капитан знал место, где будут приняты негры, и ни один матрос не мог передать полезную информацию англичанам в баркасе, стоявшем под носом корабля.

Доктор решил принять приглашение испанского капитана остаться на корабле не только из-за риска распространения африканской лихорадки на реке Конго во время своего пребывания там, но также из-за страсти к

приключениям, неумемного любопытства и глубокой веры в удачу. Выяснилось, что в устье реки заходил португальский военный корабль, но, обнаружив там английскую канонерку «Виксен», пошел на север. Это сильно усложняло дело. Один крейсер патрулировал на юге, другой стоял в устье реки, а третий находился на севере. Португалец был хуже всех. Если бы в это время корабль захватили с неграми на борту, его бы отвели в Сьерра-Леоне, матросов бы высадили в месте захвата или около него. Если бы у корабля был флаг для опознания, офицеров отправили бы из Сьерра-Леоне соответствующим властям для суда, а негров – на берег для расселения. Судно бы продали или разобрали. Если бы национальную принадлежность не удалось установить, то офицеров бы приговорили к разным срокам заключения после суда или без него. Если бы захват осуществил португалец, офицеров и матросов послали бы на каторжные поселения, и больше бы о них никто ничего не услышал. Американские власти держали здесь военный парусник «Винсеннес».

Однажды ранним утром, кажется 1 октября 1859 года, «Ребекка» подняла якорь и двинулась по течению реки. Судовые документы еще защищали корабль, поскольку он якобы завершил неудачное коммерческое предприятие и возвращался домой. Английский ялик взяли на буксир, а командира-офицера пригласили на борт. Это была приятная прогулка к устью реки, которого достигли после полудня. Канонерка шла следом, чтобы принять обратно своего офицера и выяснить пункт назначения. Услышав в ответ: «Соединенные Штаты», кто-то заметил: «Ну да! Конечно!» Вечером и ночью шли курсом на северо-запад, в направлении Соединенных Штатов. Это делалось для того, чтобы отойти от берега, определить силу ветра в это время, а также возможную скорость хода. На рассвете курс изменили на юг, и весь экипаж занялся удалением следов названия корабля на носу, корме и шлюпках; покрасили белые портики на борту и каждую найденную бумажку и лоскуток, вместе с американским флагом, выбросили за борт.

«Теперь, – сказал капитан, – у нас нет названия и национальности, мы – никто и звать никак. Если нас захватят, каждому следует держать рот на замке. Только в этом случае нам удастся избежать сурового наказания».

Четверо суток они кружили, выдерживая расстояние почти полтора миль от берега. На четвертый день, после полудня, тщательно выверив свое положение в море, взяли курс к побережью. потушили все огни, кроме того, что в нактоузе, который укрыли чехлом так, что рулевой мог видеть компас, а огонь – нет. Усилили наблюдение, и в три часа ночи корабль был в двух милях от берега, на 6 градусов 10 минутах южной широты, как было условлено заранее. В расчетах не допустили ни одной ошибки, настолько

точными оказались хронометры и оценки силы ветра и течения. Уже слышали шум бурунов, но на берегу не заметили ни одного огня. Когда стало светлее, увидели низкую береговую линию, которая прерывалась небольшими песчаными холмиками, покрытыми редким кустарником.

Некоторое количество малых судов, напоминающих лодки для добычи устриц, можно было видеть перед бурунами, и после тщательного изучения горизонта с топ-мачты подняли сигнал в виде большого белого флага с красным крестом. Ему ответили с берега. Вскоре на пляже можно было наблюдать движущиеся точки. Берег покинуло некоторое число вытянутых черных объектов, и, перебравшись через буруны, они остановились у небольшого судна. Было заметно, что негры пересаживались в лодки у бурунов с каное, в каждом из которых сидело от четырех до шести гребцов. Осуществив погрузку, парусные направились к кораблю, и после установки трапов негры быстро перебирались на борт корабля. Когда негр попадал на палубу, ему давали галету и отправляли вниз. Парусные шлюпки сделали несколько ходок туда и обратно, и в два часа пополудни на борт корабля уже перебралось много негров. Тем временем наблюдатель с верхушки мачты крикнул: «Парус! Курсом с юга».

С палубы ничего не было видно, но сразу подняли сигнал об опасности, чтобы поспешили с погрузкой на борт. На короткое время с борта увидели маленькую черную точку. Дымок! Крейсер! Подняли другой сигнал, кроваво-красный флаг, сообщая на берег о существовании опасности. По возможности движение на берегу ускорилось. С корабля спустили шлюпки, которые существенно помогли. Приближавшееся судно заметило корабль, клубы его дыма росли. Оно теперь было видно невооруженным взглядом и опознано как «Виксен». С берега последовал сигнал, что осталось немного людей для погрузки. Прошел еще час, судно определенно приблизилось на расстояние три мили. Вызвали лодки, и целая флотилия парусных шлюпок вскоре направились к кораблю. Шлюпки подняли на судно, концы сбросили парусным шлюпкам у бортов. Как раз в это время «Виксен» слегка поменял курс и произвел мощный залп, снаряды от которого легли с подветренной стороны. В ответ на это испанский капитан крикнул: «Уходим!» Штифт, державший скобу якоря, был выдернут, и цепь оторвалась. Быстро поставили парус, негры из парусных шлюпок перебрались через борт корабля. Опустевшие шлюпки с несколькими обитателями, туземцами-крумен, легли в дрейф и рассеялись, как испуганные птицы.

Казалось, корабль отправится в путь не скоро, все с тревогой следили за тем, как ставятся другие паруса. Добавлялись лиселя, поднимались стакселя и большой квадратный парус на бизань-мачте от палубы до топселя. «Виксен» находился теперь на расстоянии в мили и, казалось, шел с

приличной скоростью. Он снова изменил курс и затем выпустил облачко дыма. Всем стало не по себе, когда всплеск воды показал, куда рикошетом угодило ядро. Оно легло очень близко. Однако корабль, видимо, выиграл в расстоянии благодаря своему маневру, и чем сильнее крепчал ветер, тем больше он удалялся от земли. Облако черного дыма показало, что канонерка предприняла попытку сократить расстояние, проигранное во время изменения курса с целью производства выстрела. «Ребекка» теперь шла легко, и расстояние между судами возрастало, а вскоре ветер усилился настолько, что пришлось убрать верхние лиселя. Прошел еще час, и почти наступила ночь. Крейсер отстал по меньшей мере на пять миль, он все еще преследовал корабль, надеясь на то, что произойдет какое-нибудь происшествие, которое задержит «Ребекку». Наступила темнота, но корабль продолжал идти прежним курсом до полуночи, когда курс поменяли на зюйд-зюйд-вест, которым шли до рассвета. Таким образом, если бы что-то случилось с мачтами, «Ребекка» находилась бы далеко от маршрута продолжавшей ее преследование канонерки. На рассвете корабль держался курса вест-тень-норд, и юго-восточный пассат гнал его вперед со скоростью четырнадцать узлов в час.

Из устроенных на борту загонов частями брали негров – одну половину для корабля, другую – для владельца, чей представитель закупит товар в Соединенных Штатах или Англии и доставит в Луанду на почтовом пароходе, а оттуда в небольших шлюпах – к месту назначения, – некоторые матросы и члены команды захваченного судна. Они были рады воспользоваться случаем для возвращения на родину.

Во время погрузки доктор занимался тем, что отделял негров, не выглядевших здоровыми, или тех, которые получили незначительные ранения во время доставки на палубу, и отправлял их в импровизированный лазарет, сооруженный посредством отгораживания части пространства полубака. Когда здоровые негры поступали на борт, испанский помощник размещал их так, что, когда все они были на борту, каждый мог лежать на боку. Так как никто не знал, какую часть негров составляют мужчины, всех поместили вместе. На следующее утро произвели разделение. Около четырехсот женщин и девушек отправили на палубу. Поперек корабля построили глухую переборку, добавили другие койки. Затем женщин спустили вниз и прислали наверх достаточное число мужчин в помощь плотнику для сооружения дополнительных коек. Более послушных трудно себе вообразить: не требовалось никакого насилия, и хотя порой они не понимали, что от них требуется, но, разобравшись, немедленно и с усердием выполняли все необходимое.

Теперь негров посылали на палубу группами по восемь человек и сажали

вокруг больших плоских блюд, горкой наполненных вареным рисом, бобами и свиной, порезанной на мелкие кусочки. Блюда изготовлялись из части бочонков для муки и других продуктов, у которых обрезалась верхняя часть, при этом оставлялась бочарная клепка примерно на четыре дюйма. Каждого негра снабжали деревянными ложками, изготовленными ради забавы членами экипажа во время сорокадневного путешествия. Бочарные клепки отпиливались на восемь дюймов, делились на отрезки шириной полтора дюйма, из которых затем карманными ножами вырезали ложки. В собственности раба ложка оставалась потому, что привязывалась веревочной тесьмой к его шее. Так как на палубе не было свободного места для кормежки всех негров сразу, блюда обносили межпалубное пространство, чтобы все они ели в одно время, три раза в день. В подходящих местах расставляли бочонки с водой, которой негров щедро снабжали днем и ночью. С наступлением темноты их направляли в новые помещения: мужчин – в средней части судна, женщин – в отгороженное от мужчин место на корме, перед лазаретом. Если глядеть через люки, то невольники напоминали сардин в банке – на полу и койках лежали тесно, насколько возможно. Большие виндзейли обеспечивали поступление свежего воздуха, а открытые люки – достаточную вентиляцию.

На следующий день был созван общий сбор, чтобы проверить списки на представленные партии негров. Каждая фактория имела свое особенное клеймо: в виде письма или геометрической фигуры. Негров клеймили раскаленным железом на левом плече за несколько дней до погрузки собственником или представителем. Рабы были молодыми парнями, возрастом не менее двенадцати – четырнадцати лет, но не старше тридцати. Их общая численность составляла около тысячи двести человек.

Затем капитан отобрал около двадцати сильных мужчин и одел их в мешки, которые имели отверстия, сделанные для головы и рук. От этих мужчин, называвшихся «камисас» («рубашки»), требовали отскабливать и чистить межпалубные помещения и т. п. Им ежедневно давали небольшую порцию рома. Женщин разделили на группы, каждую из которых на час посылали в кормовую часть палубы. Смена групп производилась до ночи. Мужчин ограничивали верхней палубой между каютой и полубаком, посылали столько групп, сколько могло поместиться там сразу. Когда они утром впервые вышли на прогулку, то каждого из них окунали в бочку с соленой водой и заставляли бегать вокруг, пока они не просохли.

Несмотря на очевидное здоровье негров, каждое утро среди них обнаруживали три-четыре трупа. Их за руки и за ноги выносили на палубу и бесцеремонно, словно пустые бутылки, выбрасывали за борт. От чего они

умирали и всегда по ночам? В загонах знали, что, если негра не развлекать и не заставлять двигаться, он захандрит, сядет, прижав подбородок к коленям и обхватив их руками, а затем вскоре умрет. Среди цивилизованных людей нельзя представить, чтобы человек задерживал дыхание до смерти.

Полагают, что африканцы способны на это. У них не было возможности что-либо скрывать, тем более убивать друг друга. В обязанности камисас входило также следить в течение дня за другими неграми, и, когда камисас обнаруживали негров сидящими с поднятыми коленями и понуренными головами, они поднимали их, заставляли бегать вокруг палубы, давали им небольшую порцию рома и отвлекали их от хандры, пока те не приходили в нормальное состояние.

Негры взяли с собой на борт несколько маленьких обезьянок, которые являлись для них постоянным источником развлечения. Другим и постоянным их времяпрепровождением было исследование голов друг друга. Корабль ушел далеко от берега, делая по четырнадцать узлов в час, и некоторое время преследования можно было не опасаться. Негры, казалось, утомились от монотонности событий, и среди мужчин распределяли небольшие порции грога. Они постоянно пели туземные песни и танцевали. Любой из них представлял собой новый источник развлечения. У каждого люка дежурил вахтенный, готовый оказать любую помощь неграм в случае болезни и пресечь вторжение матросов. Выбрасывание за борт покойников, видимо, не производило никакого впечатления на черных, поскольку, пребывая вдали от дома, они верили, что после смерти возвращаются в Африку.

Любопытно отметить племенные различия между ними. Татуировки делались нечасто, но зубы искривлялись либо обтачивались в самых невероятных формах, в целом заострялись, как зубчики пилы, или спиливались наполовину. Нос, губы и уши имели отверстия разного размера, знаками различия, видимо, являлись рубцы от многочисленных порезов на коже рук, груди и ног, порой неправильных форм с претензией на геометрические фигуры. Цвет кожи варьировался от черного блеска до шоколадно-коричневых тонов.<

> В конце октября «Ребекка» стремительно приближалась к Карибским островам. Изучались морские карты, и после небольшого совещания сочли наиболее безопасным пройти между французскими островами Мартиника и Доминика. Таким образом, выбрали курс между ними в 15° широты. Однажды утром показались горы каждого из островов на расстоянии около двенадцати миль. Хотя не заметили ни одного паруса, но во время прохода, правда в отдалении от берега, всех негров отправили вниз, так что корабль мог показаться обычным торговым судном. Держали курс около сотни миль

южнее Пуэрто-Рико, Санта-Доминго и Гаити, пока не достигли крайней западной оконечности Гаити. Почти на полпути между Гаити и Ямайкой наблюдатель обнаружил далеко в западном направлении пароход. Поскольку курс его еще не был ясен, убавили паруса. Через полчаса выяснилось, что пароход двигался почти курсом на восток так, чтобы пересечься с кораблем, поэтому его курс чуть поменяли. Всех негров, а также большую часть белых людей отправили вниз. Желательно было отойти так далеко, чтобы отсутствие названия на носу «Ребекки» не заметили. Незнакомое судно шло медленно, вероятно, это был английский почтовый пароход из Кингстона с заходом на Гаити и Санта-Доминго. Корабль преодолел постепенно около пяти миль, и все с облегчением вздохнули, когда пароход исчез из вида. Вновь поставили паруса, негров отправили на палубу и выдали им дополнительное количество галет в знак благодарственной жертвы.

Вскоре «Ребекка» достигла района севернее Ямайки, но это было опасное место для прохода, мыс Де Круз, южная оконечность Кубы на восточном фланге. Теперь держали курс норд-вест. Суда из Соединенных Штатов подходят сюда очень близко, экономя таким образом расстояние на пути в Тринидад, известный порт на юге Кубы, откуда экспортируются главным образом сахар и меласса. Все знали, что этот район патрулирует американский крейсер, предназначенный для перехвата невольничьих судов, и было бы нецелесообразно устраивать с ним состязание. Соответственно, скорость корабля регулировалась таким образом, что он проходил опасный район ночью, на расстоянии пятьдесят миль.

Порт назначения корабля знали – зюйд-зюйд-ост от Пуэрто-Принципе на Кубе. Там пролегает цепь из шести мелких островов, параллельно и на расстоянии двадцати пяти – тридцати миль от острова. Второй остров от западной оконечности – самый большой, площадь – меньше мили в ширину и три мили в длину. На нем растут низкорослые мангровые деревья восьми футов высоты, немного кокосовых деревьев, а также имеется ценный источник пресной воды. Остров кораллового происхождения и возвышается всего лишь на несколько футов над уровнем моря.

Было необходимо, чтобы корабль подошел к острову после полудня, чтобы высадить негров и освободиться от грузов до наступления темноты. Костер ночью привлек бы большее внимание, чем днем, когда могло возникнуть впечатление, что на берегу жгут какой-то кустарник. Место находилось рядом с линией регулярного прохождения судов, которые удалялись или приближались к южному побережью Кубы.

3 ноября 1859 года, на рассвете, корабль находился всего лишь в пятидесяти милях от острова, двигаясь под легкий ветерок со скоростью

примерно восемь миль в час. Около десяти часов утра в нескольких милях впереди был замечен американский барк, двигавшийся в том же направлении. Корабль не приближался к барку на расстояние переговоров, поскольку капитан в любом случае должен был бы сходить в гости на борт барка и поговорить час или два. Нельзя было замедлять ход, поскольку это привлекло бы внимание. Что делать? Капитан вызвал плотника, который с помощью команды вытащил на палубу две большие бочки с водой. В каждой из бочек выбили днище, вокруг обода закрепили веревку, затем бочки спустили за корму так, чтобы они тащились открытым отверстием в направлении корабля. Как только веревки натянулись, скорость уменьшили настолько, чтобы барк быстро прошел вперед и в течение часа нельзя было видеть, что происходило на борту корабля.

В середине дня показалась цепь островов. Положение искомого острова вычислили очень точно, но бочки гасили скорость так, что корабль должен был достичь острова позже, чем ожидалось. В полдень сделали другое измерение и установили точное местоположение острова – расстояние от него около пятнадцати миль. С приближением к нему корабля на верхушке грот-мачты подняли сигнальный флаг – большое белое полотнище с красным крестом. Некоторое время на острове не замечалось признаков присутствия ни одного живого существа. Корабль опаздывал, по самым снисходительным подсчетам, более чем на шесть недель, и испанец стал опасаться, что люди, ожидавшие корабль, могли потерять все надежды на успех его рейса и удалиться на континент. Как раз в то время, когда, казалось, оправдывались самые мрачные прогнозы, появились два человека, бежавшие среди редкого кустарника к водной кромке. Они размахивали шляпами и отчаянно жестикулировали. В ответ они слышали громкий крик, их узнали. Корабль приблизился к острову на полмили и бросил якорь на четырнадцати фатмах глубины. Спешно спустили четыре лодки, и высадка негров началась. Потребовалось более двух часов, чтобы высадить их всех, подняв для прикрытия достаточное число больших парусов, а также выгрузить продовольственные запасы.

Между тем вниз послали плотника затопить корабль. Все горючие материалы на борту собрали на полубаке между палубами и в каюте, набитой маслом, скипидаром и краской. Когда последний член команды покинул «Ребекку», стали поджигать горючие материалы, и, прежде чем лодки достигли берега, пламя охватило корабль от форштевня до кормы. Вскоре сгорел такелаж, а мачты, все еще державшиеся тяжелыми стойками, рушились одна за другой. Постепенно утонул остов судна, и за час на поверхности моря не осталось ничего, что бы указывало на гибель «Ребекки».

Как только негров высадили, их погнали достаточно далеко, чтобы не было видно с проходящих судов, редкая поросль мангровых деревьев давала им укрытие. С наступлением темноты паруса использовали, чтобы укрыть негров от росы, которая холодила после жарких дней. Эти укрытия снимали до рассвета, чтобы их не заметили с проходивших судов. Испанцы очень радовались тому, что оказались в безопасном месте, поскольку они были спокойны за предстоящие события. Сразу после высадки на берег на континент отправили рыбацкий шлюп с известием о своем прибытии. Остров состоял из коралловых образований и был покрыт тонким слоем земли и низкорослой травой. Кругом были видны мангровые кустарники и с десяток кокосовых пальм, чахлах, низкорослых, но с богатым урожаем плодов, еще зеленых.

Негры радовались высадке на берег и обилию еды и воды. Каждый день мимо острова проходили корабли, но ни один из них не приблизился достаточно, чтобы раскрыть его секрет.

Перед отбытием шлюпа состоялось бурное обсуждение матросами вопроса об оплате. Они хотели получить жалованье до отсылки негров на континент, а испанцы были заинтересованы, чтобы риски разделяли все, а оплата осуществлялась по окончании всего предприятия. Договоренность достигли, и испанцы согласились выплатить жалованье тем, кто его требовал. Через четыре дня отбыл шлюп, затем прибыли две небольшие шхуны с деньгами для тех, кто их добивался. Им оплатили испанскими дублонами. Негров переместили в две шхуны. Они, раньше тесно жавшиеся на «Ребекке», теперь были буквально стиснуты в трюмах, поскольку никому не разрешалось появляться на палубе. Офицеров поделили, им разрешалось оставаться на палубе на ограниченном пространстве.

Отправились в Тринидад, расположенный на расстоянии семьдесят пять миль, и до наступления темноты достигли гавани среди флотилии судов. Шхуны встретило таможенное судно в менее чем сотне ярдов от якорной стоянки американского барка. Шхуны по внешнему виду напоминали обычные каботажные суда и не привлекали никакого внимания. В десять вечера на пляже, на восточном краю бухты, со шхун увидели яркий свет, и они двинулись курсом на него, но по достижении этого места их известили, что мероприятия для транспортировки негров еще не завершены и не будут завершены до следующего вечера. Поэтому шхуны вернулись на якорную стоянку и всю ночь занимались распределением галет и воды среди негров, которые были голодны и беспокойны. Ночью было холодно, и, чтобы согреться, врач стоял в открытом люке, положив подбородок на палубу, держа тело в тепле и дыша свежим воздухом. Спуститься вниз, хотя бы на несколько минут, было нестерпимо из-за духоты.

Утро наступало медленно, и снова принимались меры для того, чтобы никак не выдать груз шхун. Мимо проходили парус за парусом. Наконец солнце село, и воздух стал прохладным, все покрыла ночная тьма. В десять часов вновь зажегся свет, и шхуны двинулись к нему, оставив гореть единственный фонарь, который потушили при приближении к условленному месту. Суда приблизились к земле на глубину около трех футов, и негры спешно и бесшумно перебирались на берег вброд.

Во тьме замечалась длинная вереница двухколесных фургонов с открытым каркасом из жердей и канатов, обвязывающих фургоны вокруг на высоте трех футов. Женщин и детей посадили в фургоны, каркас не позволял им выпасть и вмещал больше людей. Когда фургоны тронулись, негры-мужчины последовали за ними пешком. Маршрут пролегал по гористой местности, мимо плантаций кофе, в глубь страны. Некоторое время шли очень медленно. В семь утра добрались до плантации дон С. Б., которая являлась пунктом назначения, расположенным около двадцати трех миль от побережья. Негров послали в огороженное место для кормежки и отдыха. Офицеров проводили в резиденцию собственника, где они приняли ванну, сменили одежду и хорошо позавтракали.

Доктор сидел и курил на веранде, когда пришел католический священник со служкой и прошел в отгороженное место. Вскоре после этого прибыл фургон с одеждой, и доктор с любопытством последовал за ним. За ограждением негров построили рядами и, осмотрев, разделили на группы, содержащие людей с одинаковыми клеймами. Священник прошел перед рядами негров, в сопровождении молодого человека, который записывал новые имена, данные священником каждому негру после крещения. После крещения группы ей сразу выдавали одежду: женщинам – свободное платье из грубой хлопчатобумажной ткани, мужчинам – длинные рубахи. Затем их отсылали в разных направлениях. Дон С. Б. сообщил, что на его плантации осталось всего двадцать пять из вновь прибывших, других отсылали плантаторам, которые заключили контракты на их приобретение, выплатив по триста пятьдесят долларов за каждого негра.

Теперь испанцы позаботились об интересах американцев – капитана, его помощника и доктора. Законы Кубы требовали, чтобы каждое прибывающее лицо имело паспорт или разрешение на въезд. Последний документ выдавался под определенные условия на один месяц, по истечении которого владелец мог подвергнуться аресту, если оставался на острове. Разрешение в случае наличия удовлетворительных сведений о лице или поручительства продлевалось из месяца в месяц. Американцы прибыли на остров без ведома властей, паспорта или разрешения. Такие разрешения на месяц испанцы купили у сговорчивых чиновников по цене один дублон

(семнадцать долларов) за каждое, и три американца решили ехать в Гавану. Этот город предоставлял больше возможностей выбраться с острова, чем малые порты. В документе доктора значилось, что он механик, капитана – плотник, а помощника – как купец.

На пятый день после прибытия, в три часа ночи, они отправились в Тринидад, чтобы сесть на местный пароход, идущий в Батабано с остановками в Сьенфуэгосе, Касильде и других портах. Испанские друзья провожали их верхом на лошадях со сбруями старого образца, пистолетами в кобурах. Пароход отошел от берега вскоре после того, как они прибыли на причал. На борту находилось несколько пассажиров, которые внимательно изучали американцев. На следующий день, вечером, последние добрались до Батанабо, конечной станции железной дороги, тянувшейся через весь остров до Гаваны, а поздно вечером они уже поселились в американской гостинице в Гаване.

Через две недели из Нью-Йорка прибыл пароход, шедший в Панаму, который из-за какой-то поломки в двигателе задержался на несколько дней. Доктор отправился посмотреть на пароход и видел, как некоторые его пассажиры сходили на берег, чтобы познакомиться с городом, – получали разрешение в определенном месте на причале и оставались на берегу сколько хотели. Ему в голову пришла удачная мысль – вместе с пассажирами сойти на берег и попросить разрешения посетить остров на время стоянки судна. Это стоило ему двадцать пять центов. Затем доктор пошел в офис генерал-капитана в паспортный отдел и заявил, что был пассажиром парохода рейса Нью-Йорк– Панама, направлявшегося в Сан-Франциско. Представился инженером, едущим в Калифорнию. Посетив город по разрешению, он якобы встретил знакомого плантатора, с которым договорился сбывать его урожай сахара, сказал, что сахарному заводу требовалось оборудование, которое можно достать лишь в Соединенных Штатах как раз в это время. Доктор добавил, что ему нужно вернуться в Новый Орлеан на прибывшем пароходе, направляющемся в Панаму. В связи с этим он попросил паспорт, без которого его не возьмут на пароход. Чиновник ответил, что такие случаи довольно часты. Вскоре паспорт был готов. Поспешив обратно в отель, доктор рассказал о своем удачном опыте американскому капитану и помощнику, которые, чтобы вернуться в Штаты, решили попытать счастья в роли людей, тоскующих по родине, и разочарованных золотоискателей. Они сели в лодку, доставившую их к пароходу, вернулись за своими разрешениями и отправились в паспортный отдел. Там заявили, что не хотят возвращаться в Калифорнию и желают вернуться домой через Новый Орлеан на пароходе, который должен прийти через день или два. Они получили паспорта и вернулись в отель, где,

запершись в номере, раскупорили бутылку вина и выпили за успех предстоящего возвращения домой.

Через два дня они сели на пароход, идущий в Панаму, а еще через два дня оказались в Новом Орлеане, где доктор послал родителям в Натчез (Миссисипи) нижеследующую телеграмму: «Только что вернулся с африканского побережья, живой и невредимый».

Автор: Джордж Фрэнсис Доу

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-9524-5090-5

Год: 2013

Страниц: 416